

ЛАД

ВОЛОГОДСКИЙ

2007 год

2

Литературно-художественный журнал







Из аэропорта Святейший Патриарх и сопровождавшие его лица вместе с встречавшими их руководителями области приехали в Спасо-Прилуцкий мужской Димитриев монастырь



СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ II В ВОЛОГДЕ

**Фотографии Виктора КОРНЮШИНА, Валерия УГЛИНА,
Анатолия СМОЛИНА, Надежды ШАРШАКОВОЙ,
Александра ГРОНСКОГО и Андрея САЛЬНИКОВА**



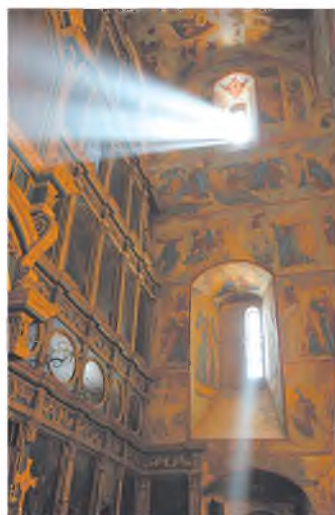
Татьяна Александровна Ватсон специально приехала из Австралии, чтобы встретиться со Святейшим Патриархом.



Святейший Патриарх в знак духовной связи вологодских и московских святых подарил приходу храма в Покровском образ святителей Московских



Усадьба в Покровском постепенно приобретает былую красоту



Во время Божественной литургии в Софийском соборе. Это была первое патриаршее богослужение в древнем храме



Святейшему Патриарху сослужили 24 священника и 5 диаконов из разных храмов Вологодской епархии - из Вологды и Череповца, Тотьмы, Верховажья, Великого Устюга...



Епархия предоставила возможность помолиться за патриаршей литургией верующим со всей Вологодчины; здесь были представители и крупных приходов Вологды и Череповца, и таких скромных, как приходы в Усть-Печеньге и Юбилейном Тотемского района



Святейший Патриарх АЛЕКСИЙ награждает вологодского губернатора Вячеслава ПОЗГАЛЕВА церковным орденом Преподобного Сергия Радонежского, архиепископа МАКСИМИЛИАНА - орденом благоверного князя Даниила



По окончании Божественной литургии и краткого молебствия Вологодским святым, Патриарх подошел к народу, благословлял вологжан, дарил им иконки в память о своем посещении Вологды



Для тех вологжан, что не смогли пройти в Софийский собор и ждали окончания богослужения на Соборной площади, был установлен плазменный экран, на котором можно было видеть весь ход богослужения. Трансляцию вел телеканал РЕН ТВ - Вологда



Икона всех Вологодских святых



На Соборную площадь крестным ходом пришли верующие из всех храмов Вологды



В патриарших богослужениях участвовал хор мужского Сретенского монастыря, специально приехавший из Москвы



Софийский собор в Вологде



Святейший Патриарх на прощание благословил вологжан из окна своего автомобиля



ФОТО АНДРЕЯ
САЛЬНИКОВА

- Я рад посетить Вологодскую епархию после 15-летнего перерыва, - обратился Святейший Патриарх к вологодским верующим с балкона братского корпуса обители, основанной преподобным Димитрием. - Когда я впервые посетил эту благословенную землю, освященную подвигами многих преподобных подвижников веры и благочестия, духовное возрождение только начиналось. Трудами владыки архиепископа Максимилиана, помощью и поддержкой властных и городских властей, благодаря вашему, дорогие братья и сестры, участию здесь восстанавливается духовная жизнь, возрождаются порушенные в прошлом храмы и обители.

Уже по первым впечатлениям от посещения Спасо-Прилуцкой обители видно, как много сделано. Спасибо всем вам за ваши молитвы, труды и милости, и, говоря словами святителя Иоанна Златоуста, «слава Богу за все!».

Святейший Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ II. Патриаршее слово к верующим, обращенное с балкона братского корпуса Спасо-Прилуцкой Димитриева мужского монастыря 16 июня 2007 года

Читайте в номере

И НЫНЕ, И ПРИСНО

БОГ В ПРЯТКИ НЕ ИГРАЕТ
Священник Александр Лебедев
отвечает на вопросы о Боге, вере и Церкви

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Владимир Личутин
ГОД ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ...
ВЗГЛЯД ИЗ ДЕРЕВЕНСКОГО ОКНА
(третий опыт психоанализа)

ПРОЗА

Рассказы и повесть Дмитрия Ермакова, Виктора Борисова

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

ДНЕВНИК-ВОСПОМИНАНИЯ УНТЕР-ОФИЦЕРА ЕВГЕНИЯ ГУСЕВА
Татьяна Андреева.
ПРОЩАЙ, XX ВЕК

ВОЛОГДА - БЕЛАРУСЬ

Иван Архипов.
«В ГОРНИЦЕ МОЕЙ СВЕТЛО...» Творчество Николая Рубцова в Белоруссии

ПОЭЗИЯ

НОВЫЕ СТИХИ Юрия Максина, Андрея Широглазова, Сергея Богданова, Елены Виноградовой, Василия Ситникова

ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ

Людмила Яцкевич.
НОВЫЙ С ПОЛЯ ПОЭТ...
СТИХИ ВЛАДИМИРА КАЛАЧЁВА

ИСКУССТВО

Мария Грибанова.
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ.
Творчество Александра Савина
Александр Савин. **РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ**
ЯЗЫК МОЙ...

Людмила Зорина.
ЭТИКЕТ ПО-ВОЛОГОДСКИ,
ИЛИ НАРОДНЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ
В СИТУАЦИИ СБИВАНИЯ МАСЛА
Евгения Варникова.
ПОГОСТЫ, СТАНОВИЩА, ИСАДЫ,
ВЕЛИКИЕ ДВОРЫ...

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ

«Среда» (Вологда)

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Вадим Дементьев.
ПО СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ. Главы из книги

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.И. Белов, И.А. Поздняков, В.В. Касьянов, В.Д. Воробьев, А.В. Камкин, А.А. Цыганов, С.П. Белов, В.В. Дементьев, священник Александр Лебедев, Н.И. Мишуста, П.Ю. Мухин, А.В. Торопов, А.К. Сальников (редактор журнала)

ДВА ИЮНЬСКИХ ДНЯ

16 и 17 июня Вологду посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Перед самым прибытием в Вологду Святейшего Патриарха все волновались: прилетит ли? Погода заставляла сомневаться, синоптики даже штормовое предупреждение объявляли.

Однако как встретило ясное солнышко высоких гостей в аэропорту, так и светило два дня. А вот стоило Патриарху уехать - пошел дождь. Да не накрапывающий капельник, а гроза. И в Москве, как только самолет из Вологды приземлился во Внукове, почти сразу же аэропорт закрыли: грозовой фронт приблизился...

- Вы знаете, что случайного у нас ничего не бывает, - говорил Святейший Патриарх журналистам в аэропорту.

Примерно полтора года назад вологодский губернатор Вячеслав Позгалев пригласил Первосвященителя Русской Церкви посетить Вологду, и приглашение было принято. Сначала визит предполагалось совершить в августе, но выяснилось, что все нынешнее лето у Патриарха Алексия уже, как говорится, расписано, свободны только эти два дня - 16 и 17 июня. И только потом, уже в ходе непосредственной подготовки визита, оказалось, что это дни празднования памяти Вологодских святых. Кроме того, 16 июня - еще память сретения образа преподобного Димитрия Прилуцкого, особенный праздник Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря.

- Я рад посетить Вологодскую епархию после 15-летнего перерыва, - обратился Святейший Патриарх к вологодским верующим с балкона братского корпуса обители, основанной преподобным Димитрием. - Когда я впервые посещал эту благословенную землю, освященную подвигами многих преподобных подвижников веры и благочестия, духовное возрождение только начиналось. Трудом владыки архиепископа Максимилиана, помо-

щью и поддержкой областных и городских властей, благодаря вашему, дорогие братья и сестры, участию здесь восстанавливается духовная жизнь, возрождаются порушенные в прошлом храмы и обители. Уже по первым впечатлениям от посещения Спасо-Прилуцкой обители видно, как много сделано. Спасибо всем вам за ваши молитвы, труды и милости, и, говоря словами святителя Иоанна Златоуста, «слава Богу за все!».

Слова благодарности вологжанам Святейший Патриарх произносил не раз, и было за что - в Покровском, например, куда Святейший Патриарх приехал 15 лет спустя, все разительно переменилось. Тогда ни крыши, ни пола не было, на полуразрушенных стенах росли деревья, а сейчас стоит красавец-храм. Святейший Патриарх встретился с праправнучкой святителя Игнатия - Татьяной Александровной Ватсон. Она родилась и выросла в Чехии, а после войны с родителями уехала в Австралию, вышла замуж за англичанина и долгое время даже не знала, живо ли еще Покровское, о котором ей с такой любовью рассказывал дедушка - Владимир Николаевич Брянчанинов, последний владелец родового гнезда. И когда Татьяна Ватсон узнала, что Покровское - реальность, а не семейная легенда, отправилась в Россию. И вот уже тринадцать лет ежегодно сюда приезжает, помогает восстанавливать храм.

Вечером 16 июня Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил Всенощное бдение в Спасском соборе Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря, а на следующий день - Божественную литургию в Софийском соборе Вологды.

Его Святейшеству сослужили управляющий делами Московской Патриархии митрополит Калужский и Боровский Климент, архиепископы

Вологодский и Великоустюжский Максимилиан, Ярославский и Ростовский Кирилл, епископ Сергиево-Посадский Феогност, а также вологодское духовенство - пять диаконов и 24 священника. Священнослужители собрались со всей епархии - из Череповца, Великого Устюга, Тотьмы, Верховажья... Нынешний год - юбилейный для святителя Игнатия, и приглашение Первосвященителя было связано как раз с 200-летием со дня рождения великого духовного писателя. И не только посещением Покровского. Архиепископ Максимилиан преподнес Святейшему Патриарху образ святителя Игнатия, вышитый вологодской мастерицей. Молодежный форум в областном драматическом театре, на котором присутствовали Святейший Патриарх, митрополит Климент, архиепископ Максимилиан и руководители области, тоже был посвящен юбилею святителя Игнатия (Брянчанинова). Выступая перед молодыми вологжанами (а в зале собралось больше 600 студентов высших и средних учебных заведений со всей области), Святейший Патриарх сказал:

- Сегодня крайне важное место в сохранении исторического наследия и культурных традиций нашего Отечества занимает вопрос приобщения молодежи, детей, юношества к многовековому опыту духовной жизни.

Думается, что самым очевидным и действенным способом реализации этой задачи станет преподавание в средних учебных заведениях, в том числе и в общеобразовательных школах Вологодчины культурологического предмета «Истоки», в других регионах - «Основы православной культуры». Убежден, что этот предмет не только позволит расширить кругозор школьников, повысит общий гуманитарный уровень знаний, но также послужит воспитательным и патриотическим целям. Знакомство с нравственным учением Православия будет



ФОТО ВИКТОРА КОРНЮШИНА

способствовать обретению молодыми людьми твердого морального основания, даст им возможность получить шкалу ценностей, основанных на вневременных принципах, укорененных в Божественной воле и проверенных опытом двух тысячелетий.

Святейший Патриарх высоко оценил итоги своего визита в Вологду:

- Взаимодействие, давно уже существовавшее между светской и духовной властью, сегодня зафиксировано подписанием соглашения между губернатором и главой епархии. Это прочное свидетельство сотрудничества, заложенного на будущее. Общаюсь в ходе визита с людьми, я повсюду отмечал особую доброту лиц и глаз жителей земли вологодской. Желаю, чтобы это сохранилось как можно дольше. Вологодская область сохраняет традиции, историю, нравственный климат. Дай Бог, чтобы это не растерялось, а было сохранено на десятилетия и века.

Андрей САЛЬНИКОВ



БОГ В ПРЯТКИ НЕ ИГРАЕТ

Священник Александр Лебедев
отвечает на вопросы
о Боге, вере и Церкви

«БОГ НАКАЗАЛ»... МОЖЕТ ЛИ БОГ НАКАЗЫВАТЬ?

Представим ситуацию: совершеннолетний человек, в здравом уме, неотягощенный мыслями о самоубийстве, выходит на улицу погулять непосредственно через окно третьего этажа. Конечно, падает, калечится и обвиняет во всем случившемся - кого, как вы думаете? Сэра Исаака Ньютона, который так некстати придумал закон всемирного тяготения.

Несмотря на то, что глупость ситуации очевидна, подобные ей происходят повсеместно и повседневно в духовной жизни человека. Случилось несчастье - Бог виноват, это Он наказал, да еще и непонятно за что, именно меня. На самом деле все обстоит несколько иначе. В духовной жизни есть свои законы, их называют заповедями. Нарушение их, то есть грех, так же неизбежно влечет за собой страдание, как и попытка несерьезно отнестись к закону всемирного тяготения. В церковно-славянском языке даже название особо закоренелых грехов - страсть - однокоренное со словом «страдание». Так что чрезвычайно глупо считать, что в наших бедах виноват Бог, установивший заповеди. Сваливающиеся на нас несчастья лишь плоды грехов: наших личных либо других людей.

Однако случается, что Бог действительно наказывает людей. Здесь необходимо оговориться: чаще всего под наказанием мы подразумеваем месть, кару. Действие же Божьего наказания ничего общего с этим не имеет. Бога в этом случае можно сравнить с врачом, который хотя и причиняет боль,

однако исцеляет. Мы страдаем и в страданиях начинаем вспоминать о Боге («гром не грянет...»), а если не послушим, то начнем заботиться и об исправлении своих грехов.

ЗА ЧТО НА НАС ОБРУШИВАЮТСЯ НЕСЧАСТЬЯ?

«За что?» - часто приходится сталкиваться с людьми, предъявляющими Богу таким образом свои претензии. Я обычно отвечаю на вопрос примерно так:

«Хороший вопрос. А когда вы начали его себе задавать? Почему, когда вы получили от Бога величайшее возможное благо - жизнь - вы не задавались вопросом: за что она дана, за какие заслуги? Получая от Бога каждый день все, необходимое для существования, не спрашивали: за что? - принимали как должное. А вспомните те радости, которые подавал вам Бог в течение жизни, - вы что, их заслужили? Чем мы вообще заслужили право жить и получать все то, что жизнь нам несет? Ничем. И не задавались этим вопросом, и не благодарили Бога за каждый незаслуженно прожитый день, за каждый глоток воздуха. Неблагодарность - одно из самых черных чувств души - до сих пор мы по отношению к Богу ее в себе носили. Несчастья и обрушиваются на нас за то, что мы раньше не научились спрашивать «за что?» Вот теперь учитесь быть благодарными Богу, раз по-хорошему не получалось».

Правильнее было бы спросить не «за что?», а «для чего?» Ответ очень прост, но чтобы его воспринять, нужны вера и

совесть. Звучит он так: для нашего блага. Как так может быть? Все мы знаем, что лекарство очень часто бывает горьким, что врач причиняет боль всегда с целью излечения человека. Вот и Бог, как врач, через скорби и боль ведет нас к благой цели - подталкивает к излечению нашей больной души. Излечению от чего? А вот на этот вопрос ответ каждому из нас должна дать совесть.

ОТКУДА БЕРУТСЯ БОЛЕЗНИ?

И правда, откуда? Ведь Бог сотворил мир благим, и неоднократно, описывая сотворение мира, Библия говорит: «И увидел Бог, что это хорошо». Болезни никак хорошим явлением не назовешь, а значит, Бог их не сотворил. Так откуда они появились?

Первым упоминает слово «болезнь» Сам Бог, когда описывает Адаму и Еве то, к чему привело мир нарушение ими заповеди. Еве Бог сказал среди прочего: «В болезни будешь рождать детей», а Адаму: «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее» (**Быт. 3, 16-17**). Значит, это мы, люди, положили начало череде повреждений созданного Богом мира, и среди этих повреждений - возникновение скорбей и болезней. Мы продолжаем грешить, процесс повреждения мира идет дальше, болезней появляется все больше. Самый наглядный пример тому - появление СПИДа, которое совпало (и не случайно) с таким отвратительным явлением, как сексуальная революция.

КАК ЛЕЧАТ «НАРОДНЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ»? КТО ТАКИЕ ЭКСТРАСЕНСЫ?

Некоторые лечат травами и прочими подручными средствами - такого рода целители редки и близки к вымиранию. Об их существовании можно уже начинать говорить в прошедшем времени. Другие - таких гораздо больше - в определенный момент жизни замечают в себе способность непонятным неосознанным образом влиять на самочувствие окружающих

и, не задумываясь, используют эту способность. Это уже весьма и весьма сомнительное явление, и обращаться к такого рода целителям не рекомендую из соображений, замечательно выраженных пословицей: «Не зная броду, не суйся в воду».

Есть еще один разряд целителей - те, которые используют в своей практике заговоры, какие-то обрядовые действия, иконы, церковные свечи. От таких нужно бежать как от огня, потому что в этом случае мы сталкиваемся с магией. Магия - это ремесло, способ при посредстве нечистой силы и её могуществом изменять ход событий. Когда человек связывается с нечистью, понятно, ничего хорошего не жди. Внешне все может выглядеть вполне безобидно. Целители могут искренне считать, что помогают людям, эти самые люди могут действительно чувствовать, что избавляются от болезней. Но какой ценой? Ценой нанесения тяжелого вреда своей душе, а Спаситель предостерегал: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (**Мф. 16, 26**). К тому же и болезнь на самом деле не покидает человека. Она либо затихает, чтобы вернуться с еще большим размахом, либо просто переходит с одного места на другое. В конечном итоге человек все равно страдает, как, впрочем, и его целитель. Единственный, кто оказывается в выигрыше, - это дьявол. Он-то очень хорошо знает цену человеческой душе, ему ничего не стоит раскошелиться на какую-то пустяковую подачку ради такого куша.

Все сказанное справедливо и тогда, когда мы слышим, что кто-то «молитвами лечит». Не нужно обманываться, мы все прекрасно знаем: всё, что совершается по молитвам, совершается в Церкви. Остальное - подделка.

Ну, еще несколько слов об экстрасенсах. В обиходе так принято называть людей, обладающих сверхъестественными способностями: ясновидения, целительства, умеющих непонят-

ным образом воздействовать на окружающие предметы. На самом деле, и многие из экстрасенсов это признают, все они владеют только одной способностью - «подключаться» к какому-то внешнему источнику сверхъестественной энергии. Как правило, никто не задумывается о том, что за энергия. Работает - и ладно. А задуматься стоит. Раз есть энергия, значит, есть и её носитель. Мы знаем, что область сверхъестественного (в православии она называется духовным миром) заселена духами. Эти духи в нравственном плане не нейтральны: есть добрые - ангелы, есть и злые - бесы. Так вот. Мы люди грешные? Грешные. Живем в мире падшем? Падшем. Если мы выйдем в духовный мир, то с какими духами прежде всего встретимся? То-то же.

КТО ЧЕМ «ЗАРЯЖАЕТ» ВОДУ?

Чумак, Кашпировский и прочие обладают способностью «заряжать» воду, лечить на расстоянии. Церковные чины освящения воды и соборование направлены на исцеление человека, оставление грехов. А может, это самовнушение? Почему одно принимается за истину, а другое за шарлатанство?

Для начала - пример из жизни. Все его участники - мои знакомые, живы и здоровы по сей день. Итак. Девочка одиннадцати лет получает тяжелейшую травму: перелом основания черепа, раздроблена височная доля, утрачены фрагменты головного мозга. Одним словом, полголовы просто нет. Реанимация, кома, врачи дают один шанс из тысячи, что девочка выживет, и даже в этом случае станет тяжелейшим инвалидом, о таких говорят - «растение». Сейчас девочка жива, самостоятельно передвигается, разговаривает, память восстановилась настолько, что она в состоянии читать стихи.

Что же произошло? А произошло таинство соборования (елеосвящения), во время которого священник неоднократно помазывал девочку ос-

вященным маслом. И каждый раз, когда батюшка помазывал чуть живое тело, приборы показывали улучшение пульса. Свидетелем этого был отец девочки, молившийся вместе со священником, и врачи, рядом находившиеся. Впоследствии медсестры и врачи со всей больницы неоднократно заходили в палату, где лежала девочка, чтобы убедиться в реальности чуда - девочка жива.

А теперь попытайтесь объяснить этот случай самовнушением: кто, что и кому внушил? Множество других случаев исцеления никак не допускают объяснения самовнушением, например, неоднократно на моих глазах совершавшиеся исцеления больных младенцев после совершения над ними таинства Крещения. Так что в случаях исцеления по молитвам мы всегда сталкиваемся с внешней чудодейственной силой.

Теперь об экстрасенсах-целителях. С ними не все так просто, далеко не все из них шарлатаны. Но тогда встает вопрос: а они какой силой совершают свои сверхъестественные действия? Может, это та же благодать, что действует в Церкви?

Церковь обязательным условием не исцеления даже, а просьбы, молитвы о нем, ставит покаяние человека. Потому что знает: исцеление может дать только Бог, а Он «гордым противится, смиренным дает благодать». Смирение - это и есть состояние полного раскаяния в своих грехах. Сам Христос начал свою проповедь с призыва о покаянии, и уже после этого стал совершать чудеса. Экстрасенсы же никакого покаяния от пациентов не требуют, а значит, действуют не Божьей силой, а чьей - нетрудно догадаться. Это значит, что и исцеления у них не настоящие.

Серафим Саровский, Амвросий Оптинский и прочие прозорливцы могли знать, что тревожит обратившегося к ним за помощью человека. Не одно ли и то же это явление с сеансами телепатии, чтением мыслей на расстоянии?

«Дьявол - обезьяна Бога» - сказал когда-то древний церковный писа-

тель Тертуллиан. Он имел в виду то, что лукавый из зависти пытается копировать действия Бога, однако, хотя внешнее сходство и есть, но все подобные попытки дьявола остаются бесплодным кривлянием. Это верно и по отношению к заданному вопросу. Хотя внешне прозорливость святых и телепатия экстрасенсов похожи, на самом деле это совершенно разные вещи. Сейчас мы в этом убеждаемся.

Во-первых, прозорливцы и телепаты по-разному определяют источник сверхъестественных явлений, с ними связанных. Святые, обладавшие даром прозорливости, в один голос указывали на то, что именно Бог открывает им те или иные сведения в ответ на молитвы. Причем что, когда и о ком открыть, решает именно Бог. В описаниях жизни святых встречаются рассказы о том, как поистине высочайшей жизни люди признавались, что не могут дать совета - Господь не открывает. Это святые. А что же телепаты? Они воспринимают свои способности именно как СВОИ, человеческие, утверждают, что сами их в себе развили. Поэтому прозорливость - чудо Божие, а телепатия - обостренная человеческая психика.

Во-вторых, у прозорливости и телепатии совершенно разные цели. Прозорливость дается Богом и нацелена исключительно на благо людей, на их спасение. А какова цель телепатии? Кому она приносит пользу? Для чего вообще она нужна? Чтобы хвастаться перед людьми своими способностями. Больше ничего в голову не приходит. Телепатия бесцельна. Это шоу, фокус, пустышка.

В-третьих, различны сами обладатели сверхъестественных даров, различны их духовные состояния. Отними у святого дар прозорливости - он останется святым. Отними у телепата его способность - и он уже ничего собой не представляет. Прозорливцы - чрезвычайно смиренные, скромные люди, избегающие похвал и славы. Причем нередко буквально избегающие - многие из них удалялись в непроходимые и необитаемые места. А

телепаты жизни себе не представляют без восторженных зрителей. Все напоказ, во всем стремление заявить: я не такой, как все. А это уже гордость. Помните, кто изобрел этот грех?

И напоследок самое интересное. Проникнуть в человеческие мысли невозможно! Причем не только нам, людям, но и бесам, и ангелам (ангелам, впрочем, это и не нужно). Это возможно только Богу. Бесы же и люди могут лишь догадываться по каким-то внешним признакам (взгляду, выражению лица и проч.), о чем думает человек. Поэтому единственный настоящий, если можно так сказать, телепат - это Бог.

МОЖНО ЛИ ВЫЛЕЧИТЬСЯ, ПРОСЯ ОБ ЭТОМ БОГА?

Можно, если это будет Богу угодно. Когда мы о чем-то молимся (в том числе и об исцелении), то должны понимать, что молитва - это не заклинание, не приказ, а просьба. Она может быть исполнена, а может и нет. Кроме этого, нужно знать, что болезнью Бог подает чаще всего как сигнал для внутреннего исправления, и если мы хотим получить от Бога исцеление, то прежде всего должны позаботиться об очищении души от грехов покаянием. И еще. Если мы надеемся на исцеление от Бога - это не значит, что можно пренебрегать обычными медицинскими средствами. Ведь и перед едой мы молимся, но ложку в рот все-таки сами отправляем.

При таких условиях, когда мы сделали все, что от нас зависит, мы можем надеяться на то, что Бог откликнется на нашу просьбу об исцелении и сделает то, что зависит от Него.

ЧТО ТАКОЕ «ПРИВОРОТЫ», «СГЛАЗ», «ПОРЧА»?

Все это - различные способы воздействия нечистой силы на человека. Объединяет их то, что они, так сказать, адресны - то есть поражают определенного человека или группу людей. Еще одна объединяющая их черта - то, что инициатором этой пакос-

ти служит человек. Из зависти или какого-либо корыстного расчета с помощью различных магических действий можно «нанять» представителя нечистой силы, который сделает необходимую работу: сглазит, испортит, приворотит. В сделке каждый получает желаемое: заказчик - злорадное удовлетворение, исполнитель - душу заказчика.

Как же быть жертве? Советов несколько. Во-первых, не искать виновных, потому что велика опасность осудить неповинного человека и тем только ухудшить свое положение. Во-вторых, не бояться, потому что любое воздействие нечистой силы можно с помощью Божией преодолеть. И, в-третьих, принять меры защиты. Представим себе плотину - она благополучно выдерживает напор воды до тех пор, пока в ней не появятся трещинки. Вода проникает в них и размывает плотину. Так и в нашем случае: нечистая сила будет безуспешно напирать на нас, пока мы своими грехами не откроем ей дорогу в нашу душу. Отсюда вывод: если мы опасаемся сглаза, порчи и т.д., необходимо чаще, искренней и тщательней исповедоваться и причащаться Святых Христовых Таин, внимательней относиться к словам, мыслям и поступкам, очищая их от греха, серьезно подойти к делу ежедневной молитвы - то есть вести нормальный церковный образ жизни.

Врачи в один голос говорят, что болезнь легче предупредить, чем вылечить. В духовной жизни то же самое: легче не допустить воздействия нечистой силы, чем избавляться от него. Поэтому в наших же интересах с самого детства вести христианский, церковный образ жизни. Наглядный тому пример - история святых Киприана и Иустины (кстати, прочтите при случае их житие), им молятся о помощи в случае бесовских козней. Подумать только: Киприан, будучи настолько могущественным магом, что мог вызывать самого сатану, ничего не мог сделать простой девушке Иустине лишь потому, что она была христианкой. Именно была, а не толь-

ко называлась, как большинство из нас.

Таким образом, христианская церковная жизнь - единственная возможная прививка, противоядие от всех возможных видов сглазов и прочего. Мне никогда (!) не приходилось слышать жалоб на сглаз, порчу и прочее от церковных людей. Те, кто подходил ко мне со словами: «На меня сделано» - как впоследствии выяснялось, даже не знали, что есть такие вещи, как исповедь и причастие.

МОЖНО ЛИ ГАДАТЬ? МОЖНО ЛИ ПРЕДСКАЗАТЬ СУДЬБУ? МОЖНО ЛИ «ПОПРАВИТЬ» СУДЬБУ (ОЧИСТИТЬ КАРМУ)?

Гадать - все равно что носить воду в решете. Время и силы истрачены, а толку нет и быть не может. Будущего для нас не существует, пока оно не наступит, поэтому ничего о нем знать мы не можем. Только один Бог ведает, что с нами произойдет завтра или через год. Однако Бог в прятки не играет: если Он хочет открыть человеку что-либо, касающееся его будущего, то Он просто открывает, не шифруясь и не запутывая человека. Хитростью у Бога, а тем более помимо Его, ничего не выудишь. Так что гадать бесполезно, да еще и вредно. Тратится время, а оно дорого; иссякают душевные силы. Это проявляется в том, что человек, придающий значение гаданиям, не может вести нормальный христианский образ жизни. Ведь мы должны исполнять заповеди, в которых Бог говорит нам, что нужно делать здесь и сейчас, а мысли гадателя безвозвратно «размазаны» по фантазиям на тему будущего. Не только исполнить - часто даже подумать об исполнении заповедей человек не может, бессилён.

А теперь о том, что такое судьба. Чаще всего в это понятие вкладывают смысл некоей программы, по которой строится жизнь человека. Судьба - вещь бездушная, написана раз и навсегда, ничего изменить нельзя,

как ни бейся. Так вот, никакой судьбы не существует, это ложь. И ложь опасная, потому что приучает человека к пассивности: зачем что-то стараться делать, все равно все будет так, как запрограммировано. А еще - к безответственности: подумаешь, нагрешил, никуда не денешься - планида такая.

Итак, судьбы нет. А есть Промысел Божий, то есть предвидение Богом нашего будущего. Промысел имеет свою направленность, Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2,4). Все события в жизни человека направляются Богом к этой цели, но от нас с вами зависит, откликнемся мы на это желание Бога или нет. Поэтому будущее наше еще не определено и зависит от наших поступков. Судьбу (карму), а также способы ее поправить, очистить и прочее придумали и во все это верят люди трусливые или (и) ленивые. Потому что во всем этом видна боязнь отвечать за свои поступки - свалил все на карму, а сам не виноват. Видно и нежелание работать над собой, исправлять свои грехи, бороться с ними, ведь это тяжело, да еще как! Гораздо проще придумать способ не напрягаясь проделать ряд манипуляций - и карма чиста.

Во многих книгах о карме и судьбе говорится о Боге. Дающиеся в них советы по очистке кармы работают - действительно жизнь улучшается. Как к этому относиться?

Давно пора понять, что не все веры хороши. Древние ацтеки, например, практиковали человеческие жертвоприношения, а ведь разговоры-то при этом все о Боге да о Боге. Сейчас имя Божие упоминается где попало, кем попало и для чего попало. Так что, встретив упоминание Бога в книге, нужно скорее насторожиться, чем сразу доверять написанному. Посмотрите титульный лист книги: а кто это о Боге говорит? Церковные издания всегда извещают читателя: автор - православный, книга - церковная, издание благословлено таким-то иерархом. Если этого нет, то, скорее всего, авторы книги, прикрываясь

именем Божиим, протаскивают какие-то свои идеи.

Об улучшении жизни. Что значит: жизнь улучшается? Становится удобней жить, чувствуешь душевный комфорт, ничто (даже совесть) не тревожит? Очень может быть, что так и происходит при выполнении этих самых уроков по исправлению судьбы, только Бог тут ни при чем. Не от Бога все эти улучшения. Господь сказал: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13-14). Вдумайтесь: это значит, что если наша жизнь проходит беззаботно, то мы идем совсем не к Богу. Нет смысла использовать Бога для улучшения нашего существования, потому что Господь нам хорошей жизни и не обещает, скорее наоборот: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16,33). От Бога мы ждем не комфортности, а правды, прежде всего - правды о себе, а это горькая правда. Да и чего иного ожидать: разве правда может быть сладкой? Так что общее правило таково: если мы серьезно говорим о Боге, то должны забыть о земных удобствах, а если мы говорим о земных удобствах, то должны забыть о Боге. Утверждение, что одно другому помогает, - ложь.

ЧТО ТАКОЕ ГРЕХ? МОЖНО ЛИ ИСКУПИТЬ ГРЕХИ? ПОЧЕМУ ЛЮДИ ГРЕШАТ И ИМ ЗА ЭТО «НИЧЕГО НЕ БЫВАЕТ»?

Грех - это нарушение любой из заповедей Закона Божьего. Закон Божий нужно воспринимать не юридически, как аналог Уголовного кодекса: нарушил - наказан, а скорее как физический закон. Подбросишь камень - он упадет, ходишь раздетым - получи простуду. С грехом похоже: согрешил - постыдаешься. Кажется, преподобный Ефрем Сирин говорил, что грех нас делает скорее несчастными, чем виновными. Несчастливыми

потому, что от своего греха прежде всего страдает сам грешник.

Грех - это совершенный проступок, сказанное слово, нанесенная обида, промелькнувшая мысль. Что сделано, то сделано, из прошлого ничего не сотрешь, совершенный грех никуда не выкинешь, как из песни слово. Поэтому искупить свои грехи мы не можем. Однако мы можем получить прощение за содеянное, если искренно в нем раскаемся.

Кажется, уже неоднократно я сравнивал грех с болезнью. Это сравнение помогает понять, почему наказание не всегда (а точнее, очень редко) следует сразу за грехом. Большинство своих болезней мы приобретаем в молодости, сами того не замечая. Приходит время, и начинает сказываться и то, что когда-то ходил без шапки, и то, что необдуманно тяжести поднимал, и то, что на сырой земле сидел. Так и последствия греха могут очень долго о себе не напоминать.

Надо радоваться тому, что Бог дает время, прежде чем наступит время страдать за свои грехи, для того, чтобы мы покаяться и избежали страданий. Возмущающиеся тем, что люди грешат и им ничего не бывает, забывают, что этой, так сказать, поблажкой пользуется каждый из нас. А ну как Бог начнет нас сразу же наказывать за каждый грех - очень скоро на нас и места живого не останется.

В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ
ПРИМЕРЫ ТОГО,
КАК ВЫРОСШИЕ
В ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЕ
ЛЮДИ, СОВЕРШИВ ГРЕХ,
НЕ ПРИХОДЯТ
НА ИСПОВЕДЬ,
А СОВЕРШАЮТ ЕЩЕ БОЛЕЕ
ТЯЖКОЕ ДЕЯНИЕ -
САМОУБИЙСТВО. ПОЧЕМУ?

Люди неверующие очень легко относятся к грехам: не замечают их за собой, всегда находят оправдание -

«все так живут», сваливают вину на других, а многие грехи даже и не считают чем-то запретным и постыдным. Сейчас в таком душевном состоянии живет все наше общество в подавляющем большинстве. Этот способ жизни очень удобен, не надо объяснять - все мы знаем, что бессовестным и бесстыжим живется легко.

Но иначе обстоит дело с людьми верующими. Они знают, что такое грех, знают, что, совершая его, мы оскорбляем Самого Бога, становимся перед Ним виноватыми. Верующий человек не хитрит, признает любой свой грех во всей его отвратительности, ни в чем не оправдывает себя. Совесть такого человека не знает пощады, обличая его. Вот тут-то и таится опасность впасть в отчаяние - такое состояние, в котором человек уже не надеется на милость Божию. Ему кажется, что грех его настолько велик, что Бог не сможет его простить. В отчаянии человек либо пускается во все тяжкие, грешит и грешит - все равно погибать, либо совершает самоубийство - все равно уже приговорен, так что нет смысла продолжать жить, оттягивая наступление расплаты, ведь ожидание казни бывает намного страшнее самой казни. Вот по какой причине верующий человек может совершить самоубийство. Впрочем, верующий-то он верующий, да не в того бога. Бог христиан - Бог милосердный, а отчаявшийся человек верит в бога жестокого.

Отчаяние - одна из любимых уловок дьявола. У святых отцов встречается мысль о том, что бес двояким образом губит человека. До совершения проступка он внушает человеку, что грех не страшен и незначителен, а после прегрешения рисует грех тяжелым и непрощительным.

МОЖНО ЛИ МСТИТЬ?
МЕСТЬ «ВО ИМЯ
СПРАВЕДЛИВОСТИ»,
ЗА НАНЕСЕННЫЙ ВРЕД
СЕМЬЕ, ДЕТЯМ?

Мечь. Относительно неё давным-давно закреплено авторское право,

которое никак нельзя нарушать. «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Второзак. 32,35). Мы не имеем права мстить, потому что месть - выражение личной обиды. Даже если мы захотим в мести быть справедливыми, то не сможем этого сделать, так как нам никогда не выяснить и не принять во внимание все причины, подтолкнувшие человека к проступку. Размер вины полностью неизвестен - месть полностью справедливой быть не может. Так что мстительность в любом случае греховна.

Когда же мы говорим о мести во имя справедливости как именно о мести, то совершаем серьезную ошибку. Она только по внешним проявлениям похожа на месть, а по сути таковой не является. Правильнее назвать это возмездием. Оно возможно. Его внутренняя отличительная черта - как раз отсутствие злобной мстительности, оно проявление не самолюбия или личной обиды, а любви. Да-да, любви. Любви и к провинившемуся (возмездие призвано исправить его, сделать лучше), и к остальным людям (это средство защитить их). Нужно иметь отточенное внутреннее чутьё, чтобы балансировать на этом нравственном острие и не свалиться в ослепление мести. Потерпевшей стороне это почти всегда не под силу. Поэтому возмездие производит обычно третье лицо. Нравственный итог и возмездие по отношению ко всему человечеству совершит Сам Бог в день Страшного суда.

Осуждать нельзя. Как тогда относиться к маньякам, изуверам, детоубийцам и проч.? Что может помочь им?

Любой грех калечит не только того, против кого он направлен, но и самого грешника прежде и более всего. Если не ошибаюсь, святой Исаак Сирин сравнивал грешника с собакой, которая лижет пилу, не замечая боли, потому что пьянеет от вкуса собственной крови. Чем больше мы грешим, тем больше калечим свою душу. Так что все мы в разной степени калеки-больные. А в больнице никто никого не осуждает. «Ах, какой подлец - пе-

ченка у него разлагается, не то что я - вон какой молодец - всего лишь гангрена» - глупость, правда? Каждый озабочен своей болезнью, а на других смотрит с состраданием. Так нужно относиться и к грехам: больше думать о своих, а другим грешникам - сострадать.

Это очень трудный, но единственно верный путь. Чтобы не свернуть с него, нужно постоянно напоминать себе, что мы не судьи ближнему, что каждого человека будет судить Бог, а Он по-своему измеряет тяжесть греха. Ведь хватило же Ему всякого лишь нескольких слов, сказанных распятым разбойником, чтобы простить его многочисленные и тягчайшие преступления. Кто мы такие, чтобы отнимать у Бога право суда и право милости?

Еще одна святоотеческая мысль может нам помочь. «Люби грешника и ненавидь грех» - об этом говорят многие святые. Каждому из нас в отношениях с другими очень грешными людьми предстоит определять: где проходит эта граница между грехом и грешником. Как, с одной стороны, не возненавидеть человека, а с другой - не привыкнуть к греху, не относиться к преступлению как обыденщине? В конце концов: «Не суди, да не судим будешь» - это же наш шанс спастись, давайте используем его.

Что может помочь людям, о которых идет речь? Прежде всего - надежда на милость Божию. Затем - покаяние. Полное раскаяние, не «ах, я больше не буду», а длительная и кропотливая работа над собой. Нужно не просто увидеть тот или иной свой грех, нужно распутать все переплетения проступков, грешков и страстей, приведших к преступлению, распутать весь греховный клубок нашей жизни и во всем беспощадно себя перед Богом осудить. Ни малейшей тени извинения себя даже в самых мелких грехах. Вот это - покаяние.

Затем - смирение. Какие бы беды, несправедливости, утраты, несчастья, обиды ни сыпались - поделом, еще и худшего достоин. Так мне и надо, получаю, что заслужил.

И, наконец, - исправление жизни:

непримиримая борьба со всеми обнаруженными покаянием грехами. Жизнь ради других, местоимение «Я» нужно просто забыть.

Все это самому человеку не по силам - и говорить нечего. Поэтому жизнь нужно пропитать молитвой и Тайнствами церковными, теми самыми - Исповедью и Причастием. Таким образом, человек получает помощь от Бога.

Описанный мною путь - единственный спасительный. Он, кстати, один для всех.

ЗАЧЕМ В ХРАМЕ СТАВЯТ СВЕЧИ?

Свеча - это жертва Богу.

Человек довольно часто обращается к Богу с различными прошениями. Господь слышит каждую молитву, однако прежде всего отвечает на самые важные, необходимые человеку просьбы. Если человеку действительно требуется что-то очень важное, то ради этого он способен идти на жертву. Это и происходит, когда ставится свеча. Мы как бы говорим Богу: «Смотри, моя просьба не каприз и не прихоть, ради ее исполнения я жертвую эту свечу».

Свеча - это еще и безмолвный учитель молитвы, она напоминает, каким должен быть молящийся человек. Свеча прямая - и человек должен быть собранным мысленно, не рассеиваться и не расслабляться, стоя перед Богом. Огонь свечи плавно и тепло горит - и человек должен стремиться не только языком или мысленно повторять слова молитвы, но и сердцем гореть.

Бог, видя такое жертвенное и молитвенное расположение человека, принимает его просьбы и исполняет их в свое время.

Если мы ставим свечу о здравии близких, то при этом молимся: «Спаси, Господи, и помилуй рабов Твоих...»; о усопших молимся иначе: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих...».

Когда мы ставим свечу перед иконой того или иного святого, то про-

сим его присоединить свои молитвы к нашим. Помня слова Христа: «Если двое из вас согласятся... просить о всяком деле, то... будет им от Отца Моего небесного» (**Мф. 18, 19**) и апостола Иакова: «Много может усиленная молитва праведного» (**Иак. 5, 16**), мы надеемся, что наша общая молитва будет скорее исполнена.

ПОМОЖЕТ ЛИ БОГ, ЕСЛИ ПОМОЛИТЬСЯ?

Ни одна молитва не остается у Бога не услышанной. На каждую Он отвечает и помощь подает. Однако нужно быть готовым к тому, что наши представления о том, что нам полезно, не совпадут с тем, что нам действительно необходимо. Так ребенок может просить у родителей конфету и не получить. Не потому, что конфета - это яд, и не потому, что родители жадные, а потому, что у ребенка, к примеру, диатез, и конфета ему только навредит. Вот и Бог рад помочь человеку, но если видит, что исполнение просьбы не принесет пользы, то не исполняет ее. Хорошо об этом говорит апостол Иаков: «Не имеете, потому что не просите; просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (**Иак. 4, 2-3**). Так что когда мы молимся, то молимся с оговоркой: «Но пусть будет не так, как я хочу, а как Тебе угодно». В конце концов, Бог знает нас намного лучше нас самих и сможет решить, в чем помочь, а в чем - нет.

ЧТО МОЖЕТ ЯВЛЯТЬСЯ СВЯТЫНЕЙ ДЛЯ ВЕРУЮЩЕГО? ПОЧЕМУ МОЩИ ЯВЛЯЮТСЯ СВЯТЫНЕЙ?

Святыня - это то место или вещь, через которую Бог действует с особой силой, подает особую благодать. Поэтому чему быть святыней, а чему - нет, выбирают не люди, а Сам Бог. Святым может быть место. Когда Бог явился Моисею в горящей купине (это вид кустарника), то сказал: «Ме-

сто, на котором ты стоишь, есть земля святая». (Исх. 3,5). Казалось бы, обычная земля, такая же, как в двух шагах в сторону, но нет - Бог дал ей особое свойство - святость. Таких мест немало. Это Святая Земля - то есть те места, с которыми была связана жизнь Иисуса Христа, это монастыри, храмы, часовни, источники и прочее.

Святыней может быть какая-либо вещь, если она служит Богу. Например, престол - то, на чем совершается Литургия - самая важная из церковных служб: святость его настолько велика, что прикасаться к нему могут только священники - люди, особым чином поставленные на свое служение.

Святыней может быть чудотворная икона, через которую Бог подает людям чудесную помощь. Впрочем, любая икона свята и требует к себе особого отношения, потому что святы те, кто на ней изображен.

Своего рода святыней может стать обычная вещь, если ее особым чином освятить. Так обычная вода после водосвятного молебна становится святой и несет в себе особую силу Божией благодати.

И, наконец, святыней могут быть вещи, которые принадлежали святым людям. Эти вещи хранятся, к ним относятся с почтением, и по молитвам угодников Божиих, которым эти вещи принадлежали при жизни, Бог подает Свою помощь. Известно, что от прикосновения к платкам и опоясаниям апостола Павла люди исцелялись. Во многих монастырях хранятся вериги - тяжелые железные цепи, кресты, которые многие святые носили для увеличения трудов, другие вещи святых людей.

Святыней являются и тела усопших, если они сохранились, их назы-

вают мощами. Через них (представьте себе - даже через мертвые кости) Бог действует с особой силой Своей благодатью. Еще при жизни многие угодники Божии настолько приближаются к Нему, что даже их тела как бы пропитываются исходящей от Бога благодатью. Самое удивительное, что связь между благодатью и телом со смертью не утрачивается. Поэтому православные почитают мощи святых.

ЗАЧЕМ ЦЕЛОВАТЬ ИКОНЫ? ПОЧЕМУ ЛЮДИ «ПРИКЛАДЫВАЮТСЯ» К МОЩАМ?

Целовать и прикладываться - в церковной среде это почти всегда синонимы, причем «целовать» по отношению к святыням почти не применяется. «Прикладываются» говорят потому, что принято, когда мы целуем какую-либо святыню, прикладываться вслед за этим к ней лбом. Ничего странного в этом нет - таким образом мы выражаем почтение, любовь к Богу и Его святыне. Не вызывает ведь какого-либо непонимания строка известной когда-то песни «Я готов целовать песок, по которому ты ходила». Похожие чувства испытывают православные (в идеале, конечно) к тому, с кем связана та или иная святыня.

Более того, есть и обратная связь. Есть поговорка о том, что когда у нас хорошее настроение - мы улыбаемся, но иногда нужно улыбнуться, чтобы хорошее настроение пришло. Да, мы прикладываемся из чувства любви и почтения к святыне, но бывает и наоборот: мы прикладываемся, а уж вслед за этим в сердце появляется почтение и любовь.

ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН

ГОД ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ...

ВЗГЛЯД ИЗ ДЕРЕВЕНСКОГО ОКНА

(третий опыт психоанализа)



Окончание. Начало в № 1 за 2007 год

...Выросший в городе, Бондаренко, конечно, плохо представлял яму в лесной сыри, под словым выворотнем, обложенную изнутри сухостоем, корьем и травяной ветошью, а снаружи покрытую дерном, скрытню где-то на острове в болотах, чтобы была подальше от чужого глаза, в комарином углу, когда гнус стоит над головою облаком, когда дым от крохотного камелька, выложенного из камня-дикаря, слонится по угрюмому житьишку, выедавая глаза до трахомы, когда каждый сухарик на счету, когда сторонний голос в лесу заставляет насторожиться и угоняет сердце в пятки, когда времени теряется счет, и жизнь вдруг покажется такой бессмысленной и вовсе лишней, что захочется по-волчьи завывать и отдаться под власть девке Невее, скрадывающей тоскующего человека... Это в кино приманчивы подобные картинки, когда тягости житейские как бы подразумеваются, едва маревят в сознании, как сигаретный дым, но в жизни, увы, такая партизанская, монашья скрытня, добровольный прислон впору лишь характеру мужицкому, склонному к бродяжничеству и долготерпению. «Белой кости» подобных лишений не снести. Если бы Ленин хоть бы одну зиму пережил в таежном скиту на подножном корму, то никакой революции в России никогда бы не случилось. Ленин знал крестьянина лишь понаслышке, на расстоянии, но, поселившись с мужиком в зимовейке, на краю света, разделив с ним тяжелый харчишко и лесную маету, он бы, пожалуй, не исполнился бы к русскому крестьянину такого вождистского небрежения и презрения, из которого и вызрел впоследствии гомункул русского потрясения... «Белопокладочники» устраивают революции, а после от них же и плачут...

Дезертиры, что, бывало, утекали в леса, перетерпевая нужду и стужу, чаще всего были из деревенщины, «лешевой» породы, свычные к скудному быту, когда ржаной сухарь и закрутка из самосада считались за гостинец от Господа, когда удовольиться малым было за обычай. А горожанину, несвычному для жизни на земле, даже сутки прокоротать в зимнем лесу возле огня, когда с одного боку морозит, а с другого припекает, когда аспидная небесная плита жерновом наваливается на твою выю, когда с нетерпением дожидаясь утра, как манны небесной, - так вот такому изнеженному городом человеку, утекшему с матери сырой земли, даже одна подобная ночь станет за подвиг. В эти часы аспидное небо не поджуживает в лад твоей душе, не поет стихиры, и Бог не улыскается в усы, терпеливо распаяя твою душу на добро. Тебя проверяют на терпение, ты как бы стоишь в ожидании подвига у подножья алмазной горы Меру, к вершине которой и предстоит тебе невыносимый по тяжести, бесконечный путь. Даже в военной землянке, воспетой Сурковым, огонь в железной печурке вовсе другой, не скрытный, он бьется за дверкою, как живой яростный зверь; подле этой печуры сгрудились сотоварищи, побратимы, крестовые братья, для кого «хлеба горбушка и та пополам»...

Э, братья мои, не случайно же на Руси утеклецы-дезертиры, как и угодившие в плен, считались людьми самыми разнесчастными, кого Господь Бог обошел милостью, и только простой деревенщине и остается пожалеть, помиловать и простить грехи от самой-то глубины православной души.

Бондаренке не сиделось, кажется, его так и подтыкивало булавкою под подушки.

«Слышь, Личутка, пойдём за грибами!»

«Какие сейчас грибы? Октябрь на дворе, - пытался я урезонить друга. - С дороги устали, отдыхать надо. И что за грибы? Одни скисшие шляпы набекрень».

«Вот шляп и нажарим с картошкой. Да под водочку. Прохан, ты-то как?»

Бондаренко расталкивал друга, тормозил его, не давал устояться и закаме-

нет в груди той каше из сомнений и тревог, что не отпускали Проханова. Сейчас нужно было пить, петь, буяннить и шляться по лесу. Хотя Володе-то с его надорванным сердцем было всех труднее перемогать тяжести. Но Бондаренко не давал себе послабки, чтобы не стать обузой.

И потащились мы в боры, на рассыпчатые, хрустящие под сапогами белесорозоватые курчавые мхи, где давно ли паслись многие стада маслят и козлят, боровиков и сыроежек, а сейчас лишь тонкими предзимними сквозняками сочилось из-под обвисших колючих подолов сосенников и елинников, и никто из скрыт-ни не поскакивал в наши коробейки. Только мухоморные алые свечи, слегка приопаленные утренними холодами, зазывно светились на каждой лесной кулижке, просились в кузовок.

Но ведь на охотника и зверь. Знать, Господь спосылывает гостинчика очень жаждущему небесного подарка человеку. Бондаренко чутьисто охотился за добычей, будто скрадывал ее по следу, рылся в иголке, словно кабанчик, ползал под хвойными подолами, выцарапывая побитых утренниками маслят и моховиков с тарелку; бахрома у грибов походила на грязную губку для мытья посуды. В страд-ные дни на них никто и смотреть бы не стал, лишь попутно спинывал бы ногою, укорачивая их жизнь, чтобы зря не маячили, не сбивали охотничьего прицела. Я снисходительно улыбался, лениво встряхивал пустым кузовком, наблюдая за дру-зьями, прибежавшими из зачумленной столицы под голубое в измороси небо, в притихшие осенние леса, затканые прозрачной светящейся паутиной. Задыха-ющийся от астмы поэт, с разбитым сердцем критик и прошедший Афганистан и Чернобыль прозаик, натянув фуфайки и резиновые сапожонки, сразу опрости-лись, потеряли фасон, превратились в незаметную деревенщину, что легко зате-ривается в городской толпе. Так что же заставило их быть в самой гуще противос-тояния? Да лишь поклонение России. Они не добивались ни почестей, ни славы, ни наград, но лишь из поклонения русскому народу хотели помочь избежать ново-го тугого ярма, которое по своей гнусности и безжалостности могло стать куда невыносимей предыдущего...

...Не брезгуя добычей, сообщая наскребли корзину маслят-перестарков, уже об-висших, смлевших, полных воды. Так, одно название, что гриб. Воистину леща-чья еда, подмога русскому человеку в трудную годину.

Вернулись в избу. По лицу Проханова мазнуло розовым, он стал слышать нас, значит, прорезался слух, повлажнели глаза, значит, поотмякла душа. Бондаренко взялся кашеварить, водрузил на костер ведерный чугунок, почистив, загрузил гри-бы, покромсал шляпенции крупными кусками, настрогал картошки. Примерно так же мы готовили для своего поросенка. Получилось этого непритязательного партизанского кулеша на целую роту. Воистину походная лещева еда, о которой в городах и не слыхали. Кашевару я не мешал, не лез с поучениями, не выхватывал поварешку, не снимал пробу, но, заглядывая в пыхающий, пускающий пузыри чугунок, каждый раз с сомнением качал головою. Еще накануне я и представить бы себе не смог, что такие изникшие, изжитые грибы можно пустить в жарово, гото-вить с вдохновением и торжеством, лучезарной улыбкою на лице. Помнится, по телевизору одно время часто показывали ученого поваренка. Он давал советы и рецепты с насмешкою и каким-то небрежением, учил русских женщин готовить как можно хуже, непритязательней: дескать, вид у блюда невзрачный и запах скверный, но зато сколько витаминов, да и мужья не станут обжираться и туч-неть. Он учил: возьмите постное ржаное тесто, раскатайте его, положите нечи-щенную картофелину, морковину, свеклину, всякой травки, заверните в пирог и поставьте в духовку. Дешево и сердито...

«Не съедим ведь?» - засомневался я, вспомнив того ученого кулинара. У него было серое, рыхлое, какое-то шутейное лицо балагура и бездельника, коих после революции во множестве обжилось на телевидении. Одним словом, «чумичка», тай-ными тропами проникающая в калашный ряд, да там и получившая прописку.

«Съедим! Да еще и не хватит!» - самоуверенно, с азартом возразил Бондаренко.

Все застольчики делятся на два разряда. Одни закусывают, чтобы пить. У них девиз: нет плохой еды, есть - мало водки. Другие считают: пить закусывая - день-ги на ветер. Под первый разряд подходил Бондаренко.

Вино у нас было, и много вина, своедельного, ягодного, что настоял я из черни-ки. Я вытащил из запечка молочный бидон с молодым питьем. Сначала черпали кружками, каждый сам себе целовальник. Веселились и дурели, как в последний день на земле. Потом стали пить из ковша. Винцо сладенькое, терпкое, вязкое, густое, как ликер, к языку липнет, как бы и не хмельное, не дурит, не роняет под стол, но в какой-то момент вдруг понимаешь, что к стулу приклеился, ноги отня-

лись, и смех беспричинный раздирает до слезы; конечно, дельных разговоров не было, но какое-то безудержное веселье овладело нами, когда всяк кричит дурным голосом, стремясь высказать что-то вещное, необыкновенно умное и значительное, но соседи худо слышат, ибо они исполнены того же мнения о себе; вдруг песня самочинно затевается, какая всплывает в ту минуту в голове, визгловатая, вразнобой, она вроде бы нарушает бестолковщину, ор и гам, настраивает застолье на особый душевный лад, но скоро умирает, не успев толком окрепнуть, вознестись. Проханов сдался первым, в валенках, в фуфайке полез на русскую печь, недолго гомозился у трубы, устраивая долговязое тело, и тут же уснул как убитый. Длинные ноги, не уместившись на лежанке, торчали наружу, будто деревянные.

Утром, проснувшись, увидели липкие лужи вина на полу, остывшие, серые, как резина, ошметки грибов в чутуне. Остатки пиршества вызывали грусть. Но уже не пилося-не елось. Снова уселись к телевизору, напряженно ждали вестей. Из Москвы плели несуразное, несли всякую чертовщину, заливали Русь помоями. Запах скверны струился из телевизора; шуты и пересмешники на глуме ковали себе капитал. Снова сообщили, что поймали Анпилова. Вдруг показали его со скрученными руками, какого-то маленького, сникшего, жалконького, пришибленного. Особым образом, с насмешкою, наводя камеру, лакеи угождали своим хозяевам: глядите, русское быдло, на своего блаженного и мотайте на ус, не рыпайтесь, всех ждет подобная участь...

И неужели этот невзрачный пленник - организатор московских народных шествий, затопивших Москву, готовых пойти на Кремль? Оружия они просили, оружия, а им сунули лишь ворох сладких обманных посул и с пустыми руками погна-ли брать «Кремль, мэрию, почту, телеграф». (Позднее «вождь» Руцкой клялся перед следствием, что все патроны в патронных ящиках и все автоматы в масле, не сделано ни одного выстрела). Но ошибся случайно оператор, выхватил лицо Анпилова крупным планом: глаза спокойные, чуткие, но глядящие в себя. Нет, не сломлен атаманец, он-то не играл в восстания, но шел на схватку с решимостью повстанца, не боящегося смерти. И был близок к победе, если бы не мешали политические шулера, соглашатели, сексоты, малoverы, оглашенные, пройдохи, плуты - всякого сорта люди, что обычно слетаются на обжигающий пламень, чтобы сознательно потушить его, призагасить, навести тень на плетень иль сварить кофию на пожаре, если подфартит.

Проханов удрученно свесил голову. Не раздеваясь, в фуфайке, оседлал стул, серое лицо, набрякшие глаза, надломленные руки - будто придремавшая на пеньке птица-неясыть. Анпилова было жалко, сейчас в тюрьму тащат сердешного с туго заведенными за спину руками, дьяволы люто ребра считать умеют, и я без задней мысли вдруг воскликнул с горечью:

«Эх вы, Аники-воины! Пошли в бой голоручьем, без штыков, без связных, без явок, без укрытий. Плохо вас учил батяно Ульянов-Ленин. Побежали, кто куда, всяк в свою подворотню».

Бондаренко оживился:

«А когда иначе-то у нас было? Припекло - и за топор. А уж после давай думать, как в тюрьму поволокут».

«Ничего, друзья! Все на пользу, все в науку, - отозвался Нефедов. - Хорошо у тебя тут в деревне, Володя. Прямо рай. Кабы не моя жена... Как-то она там?»

И тут я почувствовал, как Проханов очнулся, вытолкнулся из удручающего тягуна на простор:

«В город надо...» - неожиданно сказал он.

«Да ты что, Санёк? Там сейчас мильтоны улицы подметают. На первом же углу заберут. В тюрьму легко загреметь, да оттуда кто вытащит?» - пробовал урезонить Бондаренко.

«В город надо», - повторил Проханов, как о давно решенном.

«Погоди, Санёк, пусть утихнет».

«Может быть», - вдруг легко согласился Проханов и стал самим собою, участливым, вкрадчиво-ласковым и безмятежным, взгляд его обрел осмысленность и с проснувшимся хозяйским любопытством отправился оглядывать подворье.

«Володя, как я хочу жить в деревне! Огурцы выращивать, кабачки, встречать солнце, слушать, как прохладными утрами поют птицы, мычат коровы, голоса петухи. Счастливым ты человек. Все!.. С газетой завязываю. Навоевал. В деревню насосем... Я люблю с огурцами возиться... Наблюдать, как проклевывается первый листок, потом усы ползут, первый цветок вспыхивает, похожий на желтую бабочку, и тут же крохотная завязь, из которой за пару ночей надуется огурец в пузырьках, в слезинках росы, и каждая капля сверкает, как хрусталь, а сама

кожица дымчатая, будто покрытая лаком, кожурка пряная, сладкая, словно припудренная сахарином. Сорвешь, понюхаешь - ребенком пахнет, младенчеством. Это мать-земля дает такого аромата и вместе с тем особого чистого чувства; эти ощущения не передать словами. Что-то такое происходит с душой, что не высказать. И до самой старости это чувство не покидает человека, пока совсем не устанет жить... Первый огурец, первый гриб, первая ягода, первое яблоко, первая ложка меда - это не просто дары земные, но это как зачин к любовной симфонии, что творится меж землей и небом. А мы мимо этого счастья проходим равнодушно, словно бы другая жизнь нас поджидает, и лишь в ином мире мы поймем, что потеряли, и вернемся обратно в природу», - у Проханова голос густел, взбулькивал, словно бы невыносимая вязкая сладость проливалась в гортань и он никак не мог ее проглотить; он был в эту минуту искренне сентиментален, размягчен душой до просверка слезы на потемневших глазах. В фуфайке, истерзанной мною в рыбацких походах, в резиновых броднях с долгими голяшками, он походил сейчас на агронома, лесника, зоотехника, егеря, того сельского культурника, кого в деревне хоть и числят за власть, но власть свою, что под рукою, на земле, свойскую, пусть порою и жесткую, пристрастную, но и милостивую, от кого можно помощи получить при крайней нужде, но можно и укоротить за спесивость, напомнить о кровном родстве.

Проханов осмотрел гряды, сад, приценился к урожаю, но скоро остыл к моей усадьбе, его взгляд сам собою шарился в поисках чего-то нового, к чему бы можно прицепиться и тем самым хоть на время освободить голову, отвязаться от города. Но Москва, зачумленная, растерянная, пониклая и печальная в ожидании грустных перемен, никак не шла из ума.

«Слышь, Володя, чего нам в избе торчать? На воле так хорошо дышится. Возьмем топоры, пойдем в лес, тебе поможем. Вон сколько нас, мужиков. Горы не своротим, но дров наваляем».

Каких то шабаленок, сапожонков нашлось друзьям, мы скоро срядились и отправились на ближнюю опушку, где после войны сеяли рожь, а нынче в самое небо вымахала роща, осыпающая жестяной, подгорелый по кромке лист. Смясь, валили мы березняк, крякая и приставывая, хватался за поясницы, стаскивали баланы в грудь, потом безмятежно отдыхали, уставясь на бледное, еще теплое, припорошенное желтой пылью солнце. Последний лист кружил и кружил на прелую землю, пахнущую остывающей баней, подкисшим грибом. Тихо было до звона в ушах, и сердце непонятно томилось от сладкой печали, словно бы мы прощались с чем-то невыразимо хорошим, чего уже никогда не повторится. И, отпивая из хмельного лесного кубка, очарованные подгуживающим небом и ласковым припотевшим солнцем, уже знали, что вот эти последние минуты - рубеж перед новой жизнью. Мы как бы справляли поминки минувшему, отвальное пережитому, но и готовились испотчевать из чарки привальной, что поджидает в угрюмой Москве. Два дня лишь минуло, но они показались длинными, тягучими, бесконечными, лишеными смысла. Потому что пыл внутри еще не угас, неисполненные надежды тлели, мучали сомнения, чудилось, что все еще можно поправить, ну если и не вернуть в прежнее состояние, то хотя бы досадные промахи умягчить.

Это как после шахматной проигранной партии всю ночь одна мысль жжет: ну почто я пешку вперед не двинул?... Ведь было намерение именно так и сходить, но словно бы кто за руку попридержал в последнюю минуту иль злой враг из «не наших» нашептал из-за плеча... Ведь была, была победа-то совсем рядом. Праведный голос увещевает: дескать, миленький мой, ну зачем так страдать и мучиться, ведь ничего страшного не случилось, чтобы вот так пропадать и сходить с ума, будто от этой промашки наступит нынче же конец света. Ведь это всего лишь забава, игра, и не более того, и вся горячая досада в груди, когда места себе не находишь, от растравленного самолюбия и распаленной гордыни... Потерпи чуток, не сходи с ума, а с утра все иным покажется, - это разум советует. Но голос его тут же заглушает, как искра в пепле... Эх ты, лапоть, пим дырявый, выигранную позицию профукал на пустом месте, - вопит горе, заглушая трезвые рассуждения. Ибо такой нестерпимой мукой обливается сердце середка ночи, что жизнь как бы споткнулась и остановилась в самом нелепом положении; от одной этой партии, что бездумно в одну минуту сдал противнику, теперь все впереди безнадежно, беспросветно. Сон нейдет, и ты снова, в который уже раз включаешь свет, расставляешь на доске фигуры...

Пока валили лес, карзали топорами сучья, пилили березняк, таскали чурки, смысл в затеянной заготовке дровья был - упорядоченный, трезвый, деятельный; эта деревенская «помочь» неволью вязала нас со всем крестьянским уставом и

полузабытым общинным бытом предков. Когда всем миром наваливались в помощь соседу-печищанину, иль вдовице, иль погорельцу.

Но вот воротились бегуны в избу, уперлись взглядом в бревенчатые, мрелые от старости бревна, с повысыпавшей из пазья, свалывшейся паклей, в заиленные от дождей стеколки, в присадистую русскую печь - и всякий смысл сиденья в деревне разом потерялся. Драма борьбы, опасная стихия сопротивления снова напомнили о себе, проникая через невидимые щели, как бы насланные из столицы по ветру, и выталкивали прочь из унылого, тоскливого схорона. Если в Москве проиграно сражение, если народ от поражения впал в уныние, а евреи в Кремле празднуют хануку, то в этом вина и его, Александра Проханова, что он вот не остался в пылающем Белом доме, чтобы разделить участь страдальцев, а ударился в бега из чаровного театра кукол, где картонных трибунов и вождей дергают за нити жирные пальцы мирового ростовщика-поводыря. Двойственность положения угнетала, но в этом нельзя было никому признаться, чтобы сохранить лицо.

...В избе Проханову не сиделось. И я повез друзей на глухой обмысок петливой мещерской речонки Нармы, запутавшейся в высоких камышах. Заводь была темно-коричневая, с чешуйчатым просверком быстрины, глинистые, прошитые черемховым кореньем берега были коварно изрыты бобровыми ходами и ондатровыми норами. Вот водяная крыса свалилась в реку совсем невдала и скоро поплыла наперерез, выставив усатую рыжую мордочку. За поворотом глухо сильно плескнулось: иль сыграла щука-матуха, иль бобер скатил в воду бревешко и поволок его к своей запруде. Я оставил товарищей, а сам отправился со спиннингом вдоль реки, знакомой мне до каждой укромины, мыска, ямины и торфяного кряжа, где могла стоять и хорониться щучонка. От дождей река налилась всклень, кое-где и подтопила бережины, и рыба не спешила скатываться в омута на зимний отстой. Надежды на успех было мало. Я кинул блесенку несколько раз в зеркальце воды и, на мое удивление, ухватил щучонку-травянку. И тут же вернулся на стан.

На полянке уже дымил костер, булькала в котле вода. Наверное, дожидались добытчика. Все молчали, как бы боясь нарушить вселенский покой, только слышно было, как с шорохом осыпались с корявых ветвей сохлые дубовые и ольховые листья и падали под берег на недвижную черную воду в солнечных брызгах. Где опускался лист, там вода легко вздрагивала, словно бы споднизу толкалась рыльцем серебристая плотвичка. Но подует ветр-сиверик, погонит эти ненадежные суденышки, река задымится, покроется водяной пылью, возьмется ниоткуда, как на море, волна-толкунец с бельками по гребням, загнет ветром камыши, тут и дождь сойдет с неба стеною, и сразу невозвратно сотрется эта дивная картина, кажется, не успев закрепиться на холсте.

Но несмотря на видимую зыбкую временность состояния, жила во мне странная уверенность в надежности именно этого мирного, сердечного пейзажа, нарисованного уверенной кистью природы, знакомого мне в мельчайших подробностях, который я наблюдаю уже пятнадцать лет. Значит, все проходит, но и всё повторяется вновь, лишь не стоит унывать; конечно, все брэнно на земле, но все и неизменно; когда-то заживут и раны, нанесенные природе упрямым, грубым в своем самоуправстве человеком. И снова нахлынет этот вселенский покой, и поклонятся уже другой душе чаровная таинственная красота увядающих папоротников, где таятся запоздалые грибы, блёстки синего небесного хрусталя в розвесах дубов, остроперые камыши с поздними голубыми бабочками, похожими на васильки, усатая бобровая мордашенция с лупастыми глазами и крутыми надбровьями, лобопытно наблюдающая за тобою из-за рыжей осоты, черный ольховник, мгливой неприступной заставою вставший по-за рекою...

Наверное, похожее состояние навестило и моих друзей. Проханов лежал под деревом на волглрой земле, подложив под себя полу фуфайки, и, кажется, дремал, полускрыв глаза, или бредил о чем-то, теребя память. Я почистил щучонку, запустил в котелок, туда же угодила и трещина, взятая про запас. На поляне запахло ухую.

Где-то в Москве зачищали от крови улицы, посыпали потеки песком, уничтожали следы преступления мочными машинами, забивали тюремки невинными людьми, тайно закапывали убиенных, а в Белом доме, как в огромном крематории иль на жертвеннике языческого капища, догорали безвестные воины русского сопротивления. По городу шлялись охотники за людьми, завидя безмолвный силуэт за шторой, стреляли по окнам, со звоном осыпалось на асфальт битое стекло, хрустело под сапогами механических людей в черных кожанках, по углам угрозливо сутулились танки и бронемшины, бездельно торчали солдатские заставы, пьяные омововцы и собровцы, забыв свою честь и товарищей, погибших за русское

дело, хлестали водку, затемняя разум, отпускали подзатыльники subtilным интеллигентикам, ненавидя и презирая их за свою беспомощность и гадкое униженное состояние. Сумеречная душа милиции, призванной беречь простеца-человека, его судьбу и роду, едва живая, но еще не изгаженная совсем, с каждым прожитым проклятым днем каменела, наполнялась чертовщиной, черствела от грязной работы...

А здесь плескалась рыба мелочь, гулко хлопая, вставала на крыло вспугнутая ондатрой утица, дятел над головою долбил корье, нудил и нудил над ухом последний осенний тощий комар. Боже мой, какая сумятица чувств, какая нескладница мыслей в голове, какое ожидает всех нас тревожное неясное будущее. Забиться бы, братцы мои, в такую щель, чтобы никто не сыскал. Но ведь совесть в груди ворошится, позывает к поступку, не дает отсидеться в норе.

Подняли стопки. Нефедов пропел:

«Кровь невинная струится по ступеням вниз ручьем...»

Выпили, крикнули. Проханов мельком глянул на меня и, отхлебнув ушицы, глядя задумчиво-прозрачно на тихие темные воды, сказал твердо, непререкаемо:

«В город пора. В Москву надо...»

«Ты что, Саша?» - пытался я возразить.

«В Москву надо. Там все брошены, унылы, подавлены. Газету будем делать, и немедленно. Хоть кровь из носа, нужна газета. Пусть все знают, что мы живем, не раздавлены, не пускаем нюни. Володька Бондаренко, со-би-рай-ся! И немедленно шагом марш в поход. Труба зовет!» - Проханов вскочил, отряхнул брюки от сора. Я понял, что оспаривать бесполезно.

...Рано утром они уходили, медленно исчезая в широком распахе улицы. В центре Проханов в сером длинном плаще, с кожаной папочкой под мышкой, одесную Бондаренко загребал пыль пристоптанными башмаками, ошую веселым колобком катился Нефедов. Их ждала неизвестная Москва...

С неба бусило, всё было глянцевым от дождя. Земля готовилась к затяжной мрачной зиме.

6.

ИЗ ДНЕВНИКА: «Для фарисеев, отщепенцев и горлопанов Белдом стал черным. Для многих русских людей, что плакали в то несчастное утро четвертого октября, когда танки били прямой наводкой по жертвенным людям, не потерявшим совесть, бывший Черный дом оделся в сияющие ризы. Долго, трудно, допустив множество ошибок и просчетов, пришли страдальцы к этому дню и этим днем очистились. И многие погибли тогда в безвестности, хотя для Бога и нет ничего тайного, и будут они навечно записаны в синодик новомучеников за русскую веру, за стояние против идолица поганого...»

«Если мы унизили, растоптали революцию семнадцатого года, ее героев и мучеников, то надобно отвергнуть и растлителей, духовных проводников кровавой пахоты; надо очистить сам аер, воздух русский от тех миазмов, что окружали нас во всем долгом пути по двадцатому веку. Но странное дело: отвергнув мученическую историю, ее делателей (Ленина, Сталина и т.д.) сам-то воздух, ту духовную атмосферу, в коей обитает человек до скончания века, вдруг оставили прежней, в тех же градусах жестокого хмеля. Ведь каждая кочка русского пространства по-прежнему освящена именами иль чужими, иль тусклыми, иль порочными: Либкнехта и Урицкого, Клары Цеткин и Свердлова, Дзержинского и Баумана, Землячки и Кедрова, Войкова и Цюрупы - всей той когорты, что безжалостной косою выкашивала Русь, укладывая ее в валы, тайно, вероломно разоставляя по стогнам и всеям пороховые бочки грядущего взрыва. Значит, и доньше на Руси нет переман, и амфисбены, спрятав свою большевистскую голову в рачью нору, выставили наружу либерально-демократическую, чтобы мы растерялись вконец, и заблудились, и потерялись в существе этого беса, и утратили к нему всякий интерес. Преступивший однажды клятву неизбежно предаст снова. Легко кающиеся на месте души оставляют выжженное зольное пятно. Двуголовые амфисбены, пронизавшие каждую пору огутанной, обогланной России, в любую минуту могут извернуться и показать новый, еще более отвратительный лик. Господа капитал-демократы и верные внуки господина Троцкого, коли вы отказались от социализма, предав его анафеме, то сотрите с карты и имена ревностных делателей и устрой-

телей мирового пожара. Отчего (к примеру) вы с такой легкостью перелицевали Лермонтовскую площадь, вдруг возревновав о старине, но рядом оставили Бауманскую?.. Убрали улицу Горького, но оставили метро им. Войкова, убийцы царя Николая Второго и т.д.?)

«Наступило воистину новое время, новая точка отсчета: это было до мучеников, это было до русской жертвы. Снова Россия после долгих лет режима решила испробовать себя, выказала себя народной республикой с явленным народным вождем. Октябрь 93 - это вспышка национального духа, вроде бы вовсе потухшего; Русь не умерла, но она оцепенело дремлет, дожидаясь каждый раз своего решительного часа. В октябрьские дни бессловесный народ вдруг обнаружил в себе дар речи»...

«Они погибли, но они и зажглись, как светильники на темном тревожном пути; отныне с этими новомучениками народ будет сверять свою совесть. Когда ударил снаряд в прибежище отчаянных, в последнюю надежду русских, то многие на многострадальной родине вздрогнули сердцем о сыне и брате, затосковали, оглянувшись в растерянности, а многие тут и возрыдали. И эти невольные слезы есть полузабытая молитва по невинно убиенным. Такое было чувство, что Русь в тот миг причастилась из поминальной чаши».

«Русские проиграли из-за простодушия и доверчивости. Припекло: эх-ух..., схватились за булыжники, стали корезить мостовую. А их в ответ из автоматов и гранатометов...

Дилетантизм в политике убивает; но мученики вырастают лишь из дилетантов в политике, когда все идет от чувства, когда сердце и душа еще не испроказены цинизмом. Потому еврей-хитрован может стать хорошим дельцом, делателем денег, процентщиком, он может ловко уязвить Ахилла в пяту, но мучеником на просторах Руси ему не быть; для этого надо иметь родную землю и родную веру». (Тут я, очевидно, не прав. Стоит вспомнить генерала Рохлина. - **авт.**).

«Впервые «герои России» безмянны, потому что они расстреливали свой народ; правители боятся мести, они повязывают друг друга кровью. Если бы Ельцин читал Достоевского, он бы не спешил с наградами».

«В кармане молодого офицера, погибшего в Белом доме, нашли квитанцию на заказанный себе гроб. Офицер знал, что идет на гибель. Сколько мужества в русском человеке. Но, увы, с подобными мыслями так мало шансов победить, ибо он шел умирать».

«Гайдар засиделся при дворе настолько, что даже сама фамилия приводит всех в содрогание; такое впечатление, что народ готов затянуть ремень на последнюю дырку, только бы не стало на властной стулке непотребного жестокосердного человека. А он, наивно-самовлюбленный, еще кочевряжится на экране, как последняя профурсетка, строит благостные мины, как церковный причетник, кротко опускает долу глаза, показывая, де какой он миротворец, только что не хватает «лаврушки» на голове, де лишь на нем одном и Русь-то держится, а стоит слезть ему со стулки, так тут же огромная земля со всем неразумным темными народишком провалится в преисподнюю. Господи, откуда же в нем, бессовестном, такая немота души? Полноте, братцы мои, да есть ли вообще душа у него, а если и была когда, то давно уже запродана «не нашим». Чу! Слышно, как закупоривают столоначальника в хрустящий долларовый кулек, и Гайдар онемел, закатив глазки в объятиях мамоны...»

Был в столице, отвез в газету «Завтра» статью о московском восстании.

Как-то естественно туда вошла и судьба последнего царя. Я высказал мысль, что Николай Второй - великомученик и русский святой, он своей смертью доказал торжество православного духа над нечестивыми, совершившими над государем страшное беззаконие. Вот и нынче русские безвестные люди, что самочинно, лишь по зову совести своей съехались в Москву с дальних уголков родины и нашли конец свой под пулями иль добровольно взошли на костер, - это тоже русские святые-новомученики, их имена будут занесены в вечные поминальные святцы. А значит, героическая смерть их не напрасна, но путеводительна, поучительна и ободрительна... Увы, мое впечатление не нашло отклика даже у патриотов старой национальной закваски; они вдруг посчитали, что мальчишки погибли зря, им бы жить да жить, но вот коварные жестокие учителя завлекли их обманом, тем самым прикрыв свои честолюбивые жестокосердные замыслы жертвою наивных и чистых. Дескать, настало время Ивана Калиты, не с мечом надо идти на врага, но с миром, соборным путем малых дел отвоевывая русское пространство. Даже такие заступленники народные, как Распутин, Ганичев и Крупин, свернули на эту тропу, посчитав жертвы напрасными. Что тут больше - искренней жалости по павшим, интеллигентской наивности, зауженности взора, глубокого замысла, что от нас, простецов, скрыт, иль выстроенной неведомой тайной стратегии, которая несомненно в будущем и приведет к победе? Но в эти дни, когда Москва источала желчь и яд, когда ненавистники русского народа каркали в Кремле, строили потешки и оргии, ублажали свою плоть, предавать погибших запоздалой жалостью, умысливать в их огненном жертвенном поступке какие-то промашки, недочеты и недомыслие казалось мне постыдным и охульным, словно бы ступать начищенными гамашами по еще тлеющим костям павших героев, светящимся сквозь пепел.

Страх струился по столице, многим казалось, что неминуемо жестокосердие, что все учтены, занесены в расстрельные списки, дескать, установлена слежка, прослушиваются телефоны, на каждого, кто возвысит голос за правду, милость и жалость, падет карающий меч. Гайдар лоснился, будто его покрыли паркетным лаком, еще сладострастнее чмокал, как мой свинтус Яшка, и казалось, что с оплывших губ сползали ошметьями черная икра и сливочное масло; полководец Черномырдин ходил на шахтера, которого плохо помыли, иль на пожарника, неохотно тушившего Белый дом, только что снявшего респиратор с разопревшей физиономии, и белые глаза его напоминали круто сваренные яйца; он говорил шершаво, двусмысленно, с ухмылкой, иногда плоско шутил, и над этими глупостями записные острословы-либералы постоянно потешались, при этом блюдя дипломатию и демократию. В русской истории кто-то из полководцев брал штурмом Измаил, кто-то Париж, кто-то Берлин, а Черномырдин, не церемонясь, взял приступом парламент и своей победою был чрезвычайно доволен. Плутовская дородная рожа Городничего не слезала с экрана; в лице его было что-то и от пахана, отсидевшего на зоне лет двадцать, и от прожженного шулера, которому крепко повезло за карточным столом. Ельцин, очнувшись от пьянки и вида, что на эшфот его не ведут и галстук на его шею не намывают, сейчас с загулом опохмелялся и оттого был чрезвычайно добр, торопливо раздаривал чужое, дирижируя верноподданным демократическим оркестром; тут же на кормление отдавались области, дарились заводы и фабрики, банки, рыболовецкие флотилии, армейское вооружение, городские кварталы, министерские кабинеты, подмосковные земли, генеральские звезды, бывшие советские дачи, имущество, золотые прииски, кладбища и крематории. Русский торт был столь многослоен и огромен, что ни одна самая зубастая акуля пасть, давясь от жадности, не могла разом проглотить кусок, но все, пользуясь моментом и выпавшей удачей, косоротились и косоглазились от усердия, норовили оттяпать ломоть потолка. Главное - ухватить, упрятать под себя, наложить волосатую хозяйскую лапу, застолбить, заклеить, обнести забором, а там жизнь покажет...

Честно говоря, гнусно было и грустно, как-то непродышливо в этом чужом застолье. Как бы присоседился с краю скамьи, только чтобы не упасть, и мнится, что каждый в рот тебе смотрит, считает куски; а по чину ли ложкой почерпнул да блюдешь ли меру и место. Вроде бы и тарелка-то золотая с чудным рисунком - голубое небо в легкой дымке недавнего пожара, кресты куполов, золотая тонкая паволока на रहेющих березах - но видны отпечатки жирных губ и ухватистых пальцев; вроде бы и тех же щей плеснули черпак, но уже из отстоя, с редкими кляксами жира.

Во чужом пиру тяжкое похмелье, воистину рюмка в горле колом встанет. В своем кругу растерянность, подозрительные взгляды исподлобья, де мы-то боролись, а ты где прятался, какая-то всеобщая призраченность, угнетенная безденежьем, всяк выживает, как может, кто мог - уже скучковался, обнесли свою семейку высокой оградой, доступа чужим нет, кто не успел - опоздал навсегда; на улицах пьяные девки, в мусорных баках роются старики, что-то наискивая съестное в железных вонючих ящиках, чьи-то бабени горбятся в метро, прижавшись спиной к колонне, чтобы не упасть, жалостно склячившись, с протянутой изморщиненной горсткой, - и столько безнадежности, столько тоски в выцветших глазах, так туго стянуты губы в нитку, только бы не выстонать: «Милые, подайте грошик на пропитание», - что впору заплакать. Умрут - так закопают их привратники в черном целлофановом мешке, поставив крестик за номером... А у выхода такие же старухи и старики торгуют всякой всячиной, что вынесли из скудного домашнего зажитка на улицу: у них еще теплится надежда, что здесь они заработают приворок к жалкой пенсии. Это и есть «малый бизнес по-лужковски».

...Вот она, свобода для бессловесных, кто вовсе потерял всякую надежду вспрыгнуть хотя бы на ломовую телегу перемен под хвост угрюмого вола, что выгащит из непролази русского бездорожья на укатистую дорогу «цивилизации»... Затяжной мрак над Москвой, пропахшей дешевой сивухой и собачьими натирками; дышишь с наугутой, принуждением, будто неведальи черти развели смердящие котлы. Солнце выкатилось из хмари, а на нем дымчатый крест. Явленный русский крест гибели. Кому рожать и зачем? Девки, виляя кошачьим блудным хвостом, поскочили на панель с таким же восторгом, как раньше русские барышни подымались на церковную паперть, чтобы там, в старинной церкви, в полусвете мерцающих свечей, обтекающих воском, вымолить у Бога нареченного на всю предстоящую жизнь. Офицеры стреляются, устав от безденежья, разбитные парни с золотыми толстыми цепями на шее пустили в ход «калаши», отбирают у жирных котов свою долю, девятым валом заливают русскую землю лютый разбой. Близкого друга-братку заменил автомат, он никогда не предаст, если протираешь его ветошкой и смазываешь маслицем; милицию - уголовник «с макарковым» - он все уладит, утрясет. Что легко дается, так же легко и уплывает сквозь пальцы. Зачем кого-то рожать, плодить нищесбродов, тянуть по жизни, слушая попреки - внушают деревенской глупой девчонке. Уж лучше пусть не являются невинные детишки на белый свет, чтобы не знать греха и неволи. Акушерки убивают усерднее пулемета «максим», два миллиона абортотворений в год... Узаконенный отстрел. Английская масонистая старуха Тэтчер решила за нас, что в России должно жить не больше пятнадцати миллионов. Феминистки, «плаховы и арбатовы», тут же пустились во все нелегкие, словно их натерли скипидаром, регулировать русское народонаселение. Девица Сорокина, гипнотически сверля Россию с экрана «наркотическими глазами», запела осанну французским резиновым изделиям. Им велено урезать Россию (пока вдвое), а детский плод пустить на снадобья и микстуры: ростовщик, дитя мамоны, должен жить вечно... Бушующая раскрепощенная плоть загнала душу в потемки. Больше секса - меньше детей. А потому гуляй, рванина, от рубля и выше, спеши пригнать на лоб, помни: от первой рюмки до второй - пуля не должна пролететь... Хоть один день, да мой... Русский крест встал над Россией с октября девяносто третьего, - умирать стали чаще, чем рождаться, на миллион в год; в плодящую женскую родовую забил смердящий ростовщик долларовой скруток; пустую, обезлюженную землю легче отобрать и поделить, уже никто не поднимется на тебя с топором за пласт рыжего русского суглинка. Были прежде лютые, оглашенные мужики, так пали за землю свою в гражданскую, в Тамбовское восстание, в десятках сибирских бунтов, в раскулачивании, в расказачивании, в Отечественной войне. Вот и пришла, наконец, мстительному процентщику долгожданная воля, когда некому уже упрекнуть, что пьет он чужую кровцу...

С неделю пробыл я в городе, а будто вечность прошла. Деревенская тишина оглушила, словно выпал из крупорушки в другой мир. Вроде бы та же русская земля, те же небеса, но дышится уже по-иному, и взгляд не спотыкается, но обнимается с ласково осиротевшей тальники по бережинам, печальную березу, отряхающую из тончайшего кружева ветвей последний лист, толстые половики иглицы в сосенниках, латунное зеркальце дорожной лужи, как бы призятянутой легкой изморосью. Уже настоялось в лесах баней, мокрым венником, закисающим грибом, долго отмокавшим в кадучках и готовым к засо-

лу. Пахнет груздем, волгуницей, поздним опенком, хотя о былом грибном нашествии уже ничто не напоминает, как бы ни шарился ты взглядом под подолами елей и по травяным опушкам; гриб за последнюю неделю иссяк, источился, и эти бесчисленные орды чернушек и гладышей, маслят и козлят, эти красные мухоморные полки вдруг провалились, как сквозь землю, словно бы и не были веком. Но зато в утеху грустящей в предзимье душе родился вот этот грибной, кисло-сладкий дух просолившегося гриба. Все-таки как странна и непередаваема в своих чувствах и затеях мать-природа, как внимательна и утешлива, но порою и сурова, строга и учительна к бестолковым детям своим... И грусть кругом разлита, такая грусть, что впору заплакать, как на поминках. Иной еще вчера на пиру был, белое винцо рекою, разлив песни, вроде бы жить никогда не устанешь, а нынче лежит христовенький во гробе, растянув ножонки в черных блестящих гамашах...

И только в ломе, в непролази, где часто накрестило сухостоем, в завалах мшистой падали и трупье еще можно наискать серушку и зеленушку, последний лешевый подарок, по-настоящему годный к жареву, вареву, засолке в зиму, ну и, конечно, в пироги, - гриб внешне непритязательный, даже некрасовитый, но удивительно жизнестойкий, надежный в хранении и острый по вкусу; уже и морозы иной раз грянут, всё заиневеет, лужи покроются ледком, и порошей притрусит распутки, но стоит лишь середка дня пригреть солнцу и на вершок оттеплиться земле, как изломанный от тягостей рождения зонтик серушки (серой рядовки), плотно стоящей на толстом корню, вдруг вылезет из-под валежины и лесного сора прямо на твоих глазах, наверное, почувяв твой охотничий взгляд.

Леса проредились, высветлились, высквозились, оттого шире, охватнее стал взгляд; опавший лист скатался в мягкий цветной ковер и уже не шуршит под сапогом, небо охладело, и постоянный светло-розовый туск выявился на дальних занебесьях. Значит, на родине моей, в Беломорье, уже похолодало, там зародилась зима, и вот, как вестник ее, за перелетными станицами гусей потек с Севера на Рязанщину приглушенный, проступающий как бы сквозь землю грустный свет. Рыжие осоты, сваливающаяся в колтун прибрежная трава, глубокая, неохватная взгляду матовая чернь бочажин, глухая темень запаздывающего с каждым днем утра, когда воронные вершины ближних боров угрюмо, траурно выпячиваются из ночи, - все это не только предвестие уже близких холодов, наступающих крестьянину на пяты и заставляющих поторапливаться, но и знаки последнего ненадежного тепла, когда в полдень бабочка-граурница, залетевшая из лесу, как наваждение, трепещет расписными крылами на прогретых ступеньках крыльца, а ночью Большая Медведица сторожит землю, разлегшись над коньком моей крыши. А в позднем вечеру звезды над головою крупные, с кулак, пылающие, как раскаленные добела уголья, с исподу отсвечивающие алым, все ближе, ближе они к земле, лукаво подмигивают, словно бы заманивают, притягивают к себе (такую силу имеют), и невольно, озираясь вокруг, как бы чувствуя за спиной дозирующую нечистую стражу, начинаешь считать остатние годы, молиться и томиться, всем телом ощущая угрюмую тяжесть неба.

Стихийная природа обладает всей полнотой незыблемой власти над человеком, она может карать и миловать, поднимать душу в занебесье иль опускать в самые бездны, но странно, что не умеет говорить, замкнулась, приотдвинулась от нас, оставив вещей неразгаданный язык в своей погребнице... Её любовный шепот, ее вещи неслышимые слова перелились в неосязаемое, что не взвесить, не измерить, как не взвесить и не измерить человеческую душу, но что мучительно-радостно играет на струнах нашего чувствилища и чему нет объяснения.

Мы невольно восклицаем, глядя на вечеряющий закат в алых перьях облаков, подернутый изумрудной дымкою: «Боже, как красиво!» И тут наш язык спотыкается, немеет, нам рисуется ушлывающая в запад Жар-птица, она размывается сиреневыми сумерками, оставляя нас в безотчетной сладостной грусти. И все тщетные попытки объясниться с волхвующей природой похожи на разговор с глухонемым. Но зачем природа обвораживает нас, чарует, напояет видениями, тревожит восторгами, если не может иль не хочет объяснить своих уроков, наполнить их учительским смыслом? Почему при виде сереньких русских картин наше сердце превращается в талый воск? Ведь даже потный вседневный труд для куска насущного, эти лесовые промыслы - охота и добыча рыбы, где, казалось бы, измаянной душе вовсе нет места для восторга, - стали бы человеку за непосильную и бессмысленную тягость, кабы внезапно не вспыхивали в груди томительные зарницы, отпирающие окопы из тугих телесных крепей...

Вот и первый снежок наконец-то выпал, легкий, пушистый, какой-то радостный, сулящий скорые перемены; и никакими огурцами он для меня не пахнет, как придумали литераторы, но пахнет живой водой-снежницей, чистотой, младенчеством. За окном мир высветлился, принакрылся крахмальными хрусткими пелёнами. Деревня сразу повеселела, и человеченко на белой переноске, выбредши из своих ворот, далеко стал виден, как дорожная вешка в чистом поле. Каждый сельщик разом обозначил себя, словно бы вылез из бурьяна на белый свет. Вот и первые тропки протянулись, прошли улицу крупными стежками. А воздух стал легкий, хмельной, и хоть небо мглистое, волочится серыми лохмами над самой головою, но чувствуется, что посылщик зимы, ее гонец вовсе не случайно примчал в рязанскую деревнюшку, во глубину мещерских лесов....

И тут сразу валенки запонадобились; ау-у, где вы запропастились; все вроде бы на лежанке толклись под рукою вместо сголовница, а тут спрятались в шабалах, окутках и старых фуфайках, что пригождаются на дворовых работах и сбрасываются для просушки на печь. И обнаружилось не ко времени, что валенки, конечно, дырявые, сбитые в пятах, улицу видать, и надо срочно садиться подшивать, ставить кожаные обсоюзки, смолить дратву, искать шило с крючком, иглу-парусницу и крутить из проволоки протяжку длиной с голенище... Прежде подобный снаряд был всегда под рукою, потому как не было у нас в доме мужской руки, и мне, парнишонке, приходилось вести это заделье, готовить в зиму катанцы. И до того при свете керосиновой пиликалки напोकливаясьсь над подметкой, протрачивая ее да опосля подгоняя под плюсну, обрезая ловко ножом-засапожником, что руки изрежет дратвою в кровавые рубцы, а в глазах устоится мокрая алая мгла...

Но это было когда-то, в далеких годах, кои отлетели, как папиросный дымок, и нет теперь в доме того инструмента, да и лень одолевает, вот и сложишь торопливо газету вчетверо и сунешь в валенок, спеша обновить переноску, оставить на ней свой следок. А под снежной пеленою пыщится изумрудная влажная трава, она как бы прилипает к подошвам, валенки набухают, делаются тяжелыми, наводяневшими; мой молодой кобелишко, касимовский лосятник, ластится, прыгает на спину, сбивает меня с пята, цепляет за рукав, точит черным, как кирзовое голенище, носом первую порошу и тоже шалает от радости, с подвизгом сметывается в сторону леса, как бы зовет за собою. И от соседа Васяки, слышав жалобное поскуливание моего гончака, трусит лисьей окраски вязкая сухореврая сучонка, и они тут же середка улицы исполняют свой обрядовый танец, потом прислоняются головами, искоса поглядывая на меня сизыми раскосыми глазами, что-то шепчут друг другу на ухо и вдруг трусят по-за огороды лениво, вразвалочку, словно бы нехотя, и перейдя какую-то чуткую собачью границу, когда их не окликнули, обязательно не позвали во двор, неожиданно срываются в намет и исчезают на опушке. И скоро словно бы серебряные разлиvistые трубы заиграют в березняках, и этот лай, порою похожий на счастливый детский смех, покатится волною, не прерываясь, сначала по ближайшему лесу, и отзвуки его эхом перельются в болотины, оттуда на выруб и сырые чернолесья с тяжелыми папахами снега...

Значит, зайца подняли, идут вдогон, подбивают несчастного в пяты, не дают ему сделать скидку, отдышаться, войти в ум, ибо секунда промедленья смерти подобна; и сейчас косою дает стрекача, старается выметнуться на дорогу, где хоже и езжено, но от сучонки Тайги, что уже за хвост прикусывает свою жертву, увы, не отмахнуться - такая сметливая и настойчивая эта «верхочуйка». И сосед Васяка сутулится возле меня, кособоко опершись на оградку и сбив ухо зимней шапенки, как бы тоже гонит вместе со своей вязкой сучонкой, торопливо смолит сигаретку, и в его хмельном, потерявшем тоску взгляде те же, что и у гончей, настойчивость и напор. И тут гонный лай Тайги вдруг резко обрывается, только мой Барон еще запоздало взрыдывает; печальный заячий вскрик, словно бы восплакал ребенок, прощально доносится до деревни....

«Взяла, - спокойно итожит Васёк и потухает всем видом, - сейчас брюхо выжрет, а остальное домой притащит. Хозяину на суп. Вот увидишь. Поспит под кустом и вернется».

Я и не спорю, мысленно соглашаюсь, ибо знаю нрав сучонки.

«Пора патроны набивать...» - говорит приятель, с некоторой тоскою поглядывая на меня.

«Синепушый, опять кишки нажег. Володя, не давай ему ничего!» - кричит в полукоткрытое окно мать. - На колодец бы сходил. В доме воды ни капли».

«Вода им, вода, - шепеляво огрызается Васек. - Иди на болото и напейся... Воды им дай, хлеба дай, пенсию дай. Все им дай... И всё мало. Вот народ пошел... А если мы пить бросим, где деньги взять на пенсию? - в который раз изрекает Васек свой железный аргумент. - Не подумают о том, ума не хватит. А пить, Владимирович, думаешь, легко? Это такая трудная работа, ой-ой. Железное здоровье надо иметь».

И я снова соглашаюсь с приятелем, ибо по себе знаю: день примешь на грудь, и если на другой выпивка сметнется, то уж ко второму вечеру в голове контузия, в спине лом, на душе помойка и на сердце тоска, что вот так бездарно протекает жизнь. Нет, прав Васяка: чтобы пить, надо иметь железное здоровье.

Мне и соседку жалко, а сына ее Васяку и больше того, как жалко всякого, у кого жизнь не задалась, идет на облом, и только на дне стакана что-то и светит ему лучезарно, скрашивает унылые дни. Посовестить бы, дескать, сам ты во всем виноват, жизнь променял на вино, - так язык не поворачивается... В каждой судьбе таится какая-то таинственная заставка, которую не распознать; эта чертовщина, схоронясь, с самого рождения и затевает с человеком безжалостную игру...

8.

Вроде бы снег, выпавший на мокрую землю, долго не живет.

А ночью вывездило, и под утро деревня как бы спряталась в хрустальную склышечку, и крыши, и деревья, и череп дороги ушли под ледяной искристый панцирь, воздух стал студеным, сладким, бодрым, промывающим заскорбелую плоть, как хрустальная вода из родника. Еда в чугуне замерзла, стоит борюшек Яшка в загоне с унылой мордой, с печальными темными человеческими глазами, на дне которых затаился немой укор. Трясет, завидев нас, враз увядшими примороженными ушами, дескать, проспите вы, никчемные, всё на свете, а кто кормить меня будет? Шкура приняла какой-то синеватый грязный оттенок, и ознобная волна проливается от сального загривка до петельки хвоста.

Да, меж дров в морозы не выживешь: там сквозит, тут подувает меж поленьев, как ни затыкивали сеном. Это тебе не Кубань, где можно зарыться в грязь подле речки по самый пятак и спокойно пускать душистые пузыри. Гончак понюхал хрюка, лизнул в остывшие ноздри с каплями измороси, облизнулся и завистливо глянул на недосыгаемый чугун с варевом, обросший сосульками: экий ты привереда, подумал, наверное, кобель, жри, что подали, и не мучай хозяев, у них и без тебя голова кругом. Не время вроде бы колоть, ой, не время - стонет хозяйское сердце, подсчитывая в уме несомненные убытки; еще бы с месячишко надо подержать свиненка, дать подрасти, пока окончательно не наладится зима, а там как Бог положит. И в этой временной оттяжке краем проходит какая-то своя подспудная жальливая мысль: а вдруг что-то такое необычное случится в мире, такой всеобщий переворот, что и резать, быть может, не придется свинью, а настанет у нее жизнь вечная-всёвечная. Эх, мало ли куда нас уведет голова садовая в пустых размышлениях, когда дело уже на пороге, не терпит проволоочки, и надо к нему решительно приступить. Вот окосоротит от простуды скотинку, иль не дай Господь, падет мор, тогда все трупы насмарку; а в крутое безденежье, братцы мои, шматок мяса во щак - держава и щит зыбкому нашему быванью.

Казалось бы, зачем деревенскому деньги? Все свое, все под боком - от свиненка до кроленка и куренка. Зря разве горбатил крестьянин, не разгибая спины, всё лето от рассвета до заката? Но так мыслятся лишь городскому человеку, забывшему расклад современной жизни на земле. Хлеба куши, сахарку там, маслица постного и коровьего, конфеток, вот и вафельки захочется для души, чаю-кофию, соли, спичек, рыбки, колбаски, яблочка, коли свои померзли в этом году, а по ботинкам в семью, да верхнюю одежонку, да шапенку, да сапожишки, да бельишко, топор и косу, насос да тачку, тазы и лопаты, мочалки да мыло, комбикорму для скотины и зернеца для птицы... ну и рюмочку с устатку. И это лишь малая доля того, без чего в избе непрожито. (Я уж не завожу речь о том смекалистом, хозяйственном русском мужике, который бы захотел вдруг из своего огорода вырваться в фермеры, соблазнившись на сладкие посулы; но там денег потребуется вагон и маленькая тележка. С косой да тяпкой много на земле-матушке не покрутишься, живо горб наживешь да и ноги протянешь. А заманивать соловьиноголосые либералы ой как умеют; только уши раствори навстречу - живо накололят с три короба).

Нет, живая копейка в деревне не помешает, с какого боку ни посмотри, особенно если ты старбенья-вдовица, твой двор на честном слове стоит и без бутылки его не подпереть и не обогреть, только одно томит, где перехватить его, тот несчастный рубль, который московские толмачи, толкачи и хохмачи называют «дере-

вянным», если колхозы на спине, дворы коровьи упали, машинешки сдохли, торчат на пустырях, как скелеты вымерших динозавров, уставя в небо хоботы...

Вот и озираешься вокруг с недоумением, кто бы тебе помог. С рукой протянутой не пойдешь по окрестным деревням, некому подать, и корчужкой на студеной печи как-то страшно прозябать остатние денечки, дожидаясь одного конца.

«Ау-у!» - и нет ниоткуда отклика. Жена в растерянности смотрит, уповая на меня. Но за кого ей ещё держаться? Ничего, утешаю, не тужи, «Бог не выдаст, свинья не съест»; вон похрюкивает в загородке, сердешная, не подозревая о своей участи. «Будет тебе белка, будет и свисток», - вспоминаю детскую присказку. И как в воду глядел. В какой-то из октябрьских дней подходит к калитке письмоноска Шура и сует в ящик конверт. А в том конверте, братцы, я обнаруживаю десять тысяч рублей одной бумажкой, - красивую цветную денежку, упавшую с неба на нашу избу в глухой рязанской стороне, и известие от института «по изучению резервов выживания человека», что это ленинградское учреждение обязуется добровольно платить мне, русскому писателю, впавшему в нужду, ежемесячную зарплату в тридцать тысяч... «А-а!» - торжествуя говорю жене, потрясая крупной ассигнацией, - вот ты упала духом, а я тебе говорил - не падай духом, мир не без добрых людей!

И следующим же днем мы поехали на станцию, купили мешок сахарного песка....

А морозы не отставали, и пришлось боровка колоть. Жалей не жалей, а куда деваться? На то и рощен свинок, чтобы угодить в жаркое. Я пригласил Сережка, деревенского забойщика; он побродил возле загона, присматриваясь к боровку, похмыкал, пошмурыгал утиным носом, почесал лысину, на которой красовалась большая синяя желва, и не торопясь наточил нож. Жена заплакала и ушла в дом.

«Лабуда, Вовка, - сказал Сережок, пробуя ногтем лезвие ножа. - Все лабуда, ты не переживай. И не бери на ум. На то и скотинка рощена. Ты налил бы чего. Ну, сам понимаешь... Не пьянки для... Стареть что-то стал, сердце тормозит».

Я вынес полстакана самогонки, Сережок, не закусывая, выпил, утерся рукавом. И все это время украдкой подглядывал за боровком, наверное, как бы ловчее ударить, а тот стоял, отворотясь, прижавшись боком к изгороди, широко, устойчиво разоставя коротенькие клешнятые ножонки. Может, уже чего учуял?

«А теперь поди, принеси в тазу горячей воды», - приказал забойщик. И когда я вернулся из бани, наш Яшка уже безмолвно лежал на орошенном кровью снегу. Боровка опалили, промыли, достали черева, заволокли на холодную веранду остывать. Жена, осушив слезы, нажарила на сковородке печенки, и мы, благословясь, под такую добрую закуску хорошо выпили самогонки.

Кто-то бормочет, упрекая, иной остерегает, иной клеймит, дескать, самогон - вещь зело скверная, от него глаза пучит, а желудок мучит; знатоки же, кто на домашней выгонке собаку съел, уверяют, что это питьё по отворотному духу, как одеколон французской выделки и чем-то смахивает на шотландское виски, но пропущенное через змеевик раза два, а после через уголек, да выдержанное на калгане, иль чесночке, иль травках лесных, лобую хворь придавит и кому-то вкуснее любого магазинского винца. Ну, химикам, профессорам и академикам старинного русского напитка виднее, у них своя цивилизованная технология выгонки, трубки из медицинского стекла. А мы - простецы-люди, и у нас всё по-деревенски. Вот стоит у меня, к примеру, бачок на газовой плите, для охлаждения - снег или мокрое полотенце, намотанное на змеевик. В бачок подливается барда из старого варенья иль из сахарку на дрожжецах иль томатной пасте. Процесс скучный, надо сказать, утомительный, но и желанный сердцу, если учесть всю интимную обстановку этого сермяжного запрещенного действия; прибытку большого не дает, но и кармана не зорит, когда из килограмма сахарного песка получается почти литр горячительного. В революционных условиях самогонке нет замены и не будет, сколько бы с нею ни боролись: это «адекватный» ответ народа безудержному цинизму «чесночной» власти. Гонят-то питьё не от хорошей жизни, но когда неподходящая бедность долит и каждая копейка на счету. И какими бы князьями ни грозили народу, какие бы рогатки ни выставляли власти крестьянину, тем желаннее будет их преодолеть иль упасть в самую-то бездну, из коей уже не достанут. Это «наш ответ Чемберлену». Помню, что на родине моей, в Поморье, самогонку никогда не гнали, там брага выстаивалась в лагушках на жаркой русской печи;

питье сладкое, душевное, как бы дамское, но с ног валит и человека делает глупым на голову, если оприходуешь граненых стаканов этак четыре-пять. Но когда в государстве спокойно и прожиточно, народ сам отворачивается от любой домашней выгонки и переходит на «магазинское белое вино, ибо оно культурнее и вкуснее». Помню ещё из детства: когда собирались угостить дорогого гостя, то отправляли гонца в лавку за бутылкой...

«Не говорю - не пей, а говорю - не упивайся», - внушал древний «Домострой», и в этом была своя «посконная истина». Человечество выпивало всегда; ещё в пещерные времена квасили древесный сок, делали барду из кореньев, сушили хмельные травки, жевали корешки и грибы. Позднее «садили меда», давили винную ягоду, а когда стали пахать землю и водить скот, то невольно ухватились за кумыс, пиво, брагу и самогон. А в средневековье занялись водкой. Пили до Христа, пьют и при Христе, «ибо вино - это кровь Христова». Из исторических справок дошло, как Алексей Михайлович слал на Соловки грозные указы монахам, чтобы квасов из трапезной в кельи свои не принашивали, да из того квасу хмельного пива не ставили и самым непотребным образом не упивались да стены монастырские спьяну не поливали. Дело, значит, не в питье, но чтобы не алкать винца до непотребного состояния, до безумия, до потери памяти, до положения риз, чтоб не надираться в стельку, вдребезги, вдрабадан, по-свински, вусмерть, - а уметь остановить себя перед пропастью. Пить пей, да ума не теряй.

Человек до скончания веков будет выпивать, ибо сам хмель в коренной памяти его, в руководстве телесным составом; винные дрожжецы заложены в человеческую плоть самой природой для закваски и брожения, и без них ему нет жизни, ибо сам человек - это энергетический аппарат, коему для выварки силы необходимо бродильное вещество. Не случайно же лучшие лекарства настояны на спирту...

Вот кичатся мусульмане перед Европою, а особливо перед русскими, дескать, они вина не потчуют и оттого, дескать, нравом умеренны и духом сильны. Ой, так ли? Если бы не потребляли мусульмане дурмана, то давно бы вымерли. Нет, как и в праисторические времена, жуют травки наркотические, сыплют порошок на ноздь и нюхают через губу, набивают в ноздрю, курят кальяны и от того душистого дыма впадают в цветные сны, едят галлюциногенные корешки, курят «план», кладут за щеку анашу, а после плюются слюною, как сердитые верблюды, и вот этого-то сладкого яду насылают с торговцами белому человеку, чтобы он вовсе убыл со свету... Но что мусульманину хорошо, то христианину смерть. У каждого народа свое хмельное по земле его, по родове, по климату и составу крови. Надо бороться не с вином, но с пороками, которые его окружают, и с нечестивыми, которые этим порокам кадят...

Нет уж, братцы мои, коли без бражного совсем худо, так лучше самогончику «хряпнуть стакашенок», чем убивать себя «колесами» отравы, прибывшей с Афгана и Китая... Родной напиток-то, вековечный, да и запашок-то свойский, от натурального продукта... А то, что лишаются иные ума, так это не столько от безмерного питья, но больше оттого, что сознательно сбит русский человек с биологического ритма, с ровной поступи природных заповеданных часов; потерялся он в неведении, как дальше жить, и ослепленная душа его православная пошла вразброд, запуталась в окружении «не наших»... Лиши русского человека путеводительного света, он и в трех соснах заблудится, разобьет себе лоб, и с этих горестных болявых шишек как ему не запить? Но вместо того, чтобы образумить, дать в руки фонарь и вывести на тропу, его тычут в спину батожем, заталкивают в болота и сыри, в глухую таежную падь, да еще и вопят, де пьяница ты, нероботь и непуть, и толку от тебя ни на грош, такой ты распустой человек...

И вот когда кабанчика Яшку кололи, у меня на газу покипливал бачок с бардой, куда я доливал манеркой из молочного бидона с бродивом, и первая трехлитровая банка «исподовольки» уже накапала.

«Первачок», который я выставил на стол, самый хорохористый, градусов под семьдесят станет, еще теплый (и в этом его особая прелесть), мутновато-белый; терпким отталкивающим запахом он сразу забил нос, крепостью затормозил дыхание, но под сырое деревенское яичко ладно так укатился в утробушку, а после плесканулся обратно в голову и что-то такое с ней сотворил, разладил, рассиропил, что на мгновение стало на душе слезливо. Стало жалко не только дорогого поросеночка, которого так долго пестовали и выхаживали, но и всех людей на свете, отчего жена снова всплакнула, но уже легкой слезою. А под душистую нежную Яшкину печенку, выжаренную на шкварках, вторая рюмка полетела соколом, третья скользнула мелкой пташечкой, и стало в груди так предательски (по отношению к боровку) радостно и просторно, что даже снег за окнами вдруг обрел

какую-то праздничную осиянность, словно бы по деревенской улице специально под нашего кабанчика раскинули гостевые крахмальные скатерти. Вот и весь нынешний жалконький русский пир во время большой чумы.

Сережок разговорился, русые потные пряди сбились на лбу, глазки намазались, по-доброму озирая мир, что его окружал. Закусывал он шепетильно, стесняясь каждому куску, словно бы боялся объесть нас. Но так он себя вел и при советской власти, когда стол собирали часто и щедро. Я-то уже знал его привычку, что вот сейчас, вернувшись из гостей домой, Сережок сразу потребует от жены собрать на стол, «ломанет» тарелку борщеца, в котором ложка стоит, да поверх огрузит капустной солянкой с бараньей грудинкой...

Тут пришла Зина в зеленом шерстяном платочке по самые брови, глазки голубенькие, пытливые, треугольничком, как васильки в травяной повители, столько тонких морщин насклось в обочьях. Притулилась с краю лавки, как-то бочком, на мужа взглянула испытующе, как бы проверяя, хорош-нет, сколько уже принял на грудь и дойдет ли самоходкой до своей избы. От рюмки старенькая не отказалась, но лишь пригубила, смочила губы, закусила печенью....

«Дуська, всё лабуда, милая моя. Всё ладно, всё хорошо, - утешал Сережок хозяйку с чистой душою. - Все сотрется, к утру печаль забудется, а жизнь будет продолжаться, такое мое постановление. И ты, милая моя, не страдай, всё лабуда. Скоро придет перемене света, а вы будете с мясом, и оно вас не коснется... Вовка, скажу тебе, и ты молодец, - сияющий взгляд Сережка сметнулся на меня. - Какого боровка подняли. Пуда на четыре...»

«Бери выше... На пять, Сережа, на все пять, а может и на шесть», - с гордостью поправил я мужика.

«Может, и на пять, если с головизной и требушиной, - легко согласился Сережок. - Ему бы ещё рост да рост, весу нагонять, да вишь ты, жизнь не задалась, уши отморозил. А так ладный был кабанчик, всё при ём. Да без ушей какая жизнь. Без ушей никакая баба тебя не полюбит, - он засмеялся. - Кому как поноровит... Вот мы было строили в АносOVO баню. Обедать, значит, мужики собрались. А я за повара. Только вода в котле закипела, тут курица от петуха летом летит. Я её хватить, да прямо с перьями в котел. И больше никакого. Потом ели да нахвалявали».

«Эх, трепло ты, трепло, - с укоризною поддела Зина, - все треплешь, огоряй, что ни попадя, - говорила старушка, теплым взглядом озирая благоверного и как бы не узнавая его, изжитого, скуластого; да и то, трудно нынче признать в муже прежнего гармониста-гулевана: кожа на лице серая, ноздреватая, нос утушкой, в зубах проредь, в волосах проседь, и на плешивой макушке торчит большая голубоватая шишка. И как бы оправдывая такие губительные перемены, сказала: - Это он сейчас так стесался, обрезать можно. А был харястый, щеки из-за ушей видать. В каждой деревне по бабе, никакую не пропустит, брюхом придавит. Эхма... поплакала я с него. Вот сколько поллитр им выпито, столько моих слез налито».

«Да ну тебя, язва. Весь банкет испортила», - у Сережка и настроение пропало. Как-то быстро собрался и ушел. Слышно было, как похрустывал под валенками снег, вот хлопнула калитка - и всё стихло. Зина, сбив с уха полшалок, упорно прислушивалась к улице, будто угадывала по шагам, куда двинет сейчас благоверный.

«Ой, Зина, Зина, любви все возрасты покорны... Ты, смотрю, и сейчас Сережка любишь», - подковырнул я старенькую.

«Какая тут, к лешему, любовь... Любовь - это когда петь хочется и плакать сразу... Уплыли муде по полной воде. Всё поизносилось в тряпку».

И Зина поспешила за мужем. Видно было, как робким желтым светом омыло стеколки напротив. Зажгли керосиновую лампу и мы. Разоренный стол смотрелся печально. Бревенчатые стены налились охрой, на белой русской печи нарисовалась чья-то кудлатая борода с кривой мочалкою бороды. Гончак, объевшийся требушиной, лежал под порогом на половичке и спал, похрапывая, как наработавшийся мужик. И так вдруг загрузилось, такая тоска сошла на сердце, словно бы лишились чего-то самого дорогого. Ах ты, боже мой, как привязчив русский человек к дворовой животинке, как близко подпускает к душе всё живое, от какого-нибудь драного кошака и собачонки до ягнушки и коровы, что невольно забывает их подневольную участь; и вот день пришел и жребий надо бы исполнить, так вроде бы к неизбежной участи подогнали самих хозяев, и нет в них никакой радости... Казалось бы, такая тягость свалилась с горбины: вот и печь теперь топить не надо жене лишней раз, варить Яшке еду, волочить ухватом ведерный чугунок на деревянном катке, вставать спозаранок, рубить свекольник и кабачки,

варить картоху. Но, поди ж ты, затосковалось... В голове сама собой толчется привычная забота, как обрывок от уже прожитой мысленной пряжи: время к ночи, а боровок-то у нас не кормлен, и сейчас, просунув морду меж березовых пряслин, похрюкивая отрывисто, с напряженным ожиданием всматривается темными, как маслины, глазами в сторону крыльца, где вот-вот должна появиться кормилица с картофельной мешанкой...

Я со свечой иду на веранду, где на белой простыне остывает наш Яшка, деловито оглядываю свиную тушу и невольно примериваюсь, как буду рубить. И чувства мной владеют уже совсем другие, хозяйские: и нам хорошо, и Яшка, наверное, не в обиде, простил нас. Пестовали, обходились с ним хорошо, голодом не морили, и сейчас, поглядывая с небес, он умильно, ободряюще похрюкивает нам: дескать, крепитесь, бажонные, а я, чем смог, вам помирволил...

Следующим днём я занес на веранду колоду, разделал боровка топором, нарезал и насоллил целый ушат сала. Теперь до весны хватит. Заднюю ляжку отсадил другу Проханову, как уговаривались. Собирался приехать ко мне в деревню на Новый год. Вот и будет ему гостиница.

И вдруг на воле предательски оттепело, закапало с крыши. Осень не собиралась уступать свой черед зиме. А нам-то куда мясо девать? Пришлось срочно варить в русской печи и закатывать в банки.

4. ЗИМА

1

Ещё по осени думали, что наш гончак «отбросит коньки».

Барон охотно ел картошку, капусту, яблоки, помидоры, свеклу, в общем, стал вегетарианцем, и этой терпеливостью, неприхотливостью, непривередливостью к еде невольно расповадил. Нас даже веселило, как гончак подхватывает вьющуюся с ножа картофельную кожуру. Решили: дотерпит без мяса, пока кабанчика заколем, а там пёс наш будет с «костом ахами». Ну и сами жили без убоины, деньгами совсем приоскудели.

Однажды обедаем, а кобелишко, по обыкновению, встал передними лапами на скамью, дышит мне в затылок, теснит в спину, заглядывает в наши тарелки, чем мы таким горяченьким, таким запашистым пробавляемся, аж в голове вскруживается. А на столе-то постенькое, грибное, одним словом, лешева еда. Морда у гончака-лосятника лошадиная, челюсти крокодилы, любую кость перекусят. Надоело мне, как Барон тыкается носом в плечо, не дает ложку до рта донести.

«Не надоедай, остынет, тогда дам. Никуда твое от тебя не уйдет, - недовольно бурчу я, оглядываюсь, чтобы отпихнуть локтем гончака, и вдруг вижу вместо глаза сплошное бельмо. - Дуся, - с испуга шепчу жене, - Барон-то наш ослеп... Пропала собака... Куда гончак без глаза, расшибется о первое дерево».

«Да ну тебя, не туда смотришь...»

«Да куда еще смотреть-то?..»

Вот так мы ошарашенно усталились на кобеля, а он не понимает нашего испуга, весело виляет хвостом. Поел грибницы, побегал по двору, облаял в загоне кабанка, пытаясь сквозь березовые прясла прикусить его за мясистые ляжки. Ой, как вкусно, как сытно пахнет от свиненка-а! Мы слушаем собачий брех и печалимся: «Ну надо же оказия какая; вчера ещё был зряч, а нынче окривел. Боровок окосоротел, кобель окривел. Ну что за напасть навалилась на наш дом». Кого клясть в такие минуты? Ну, конечно же, Гайдара. «Этот проклятый поросенок все наши денежки слопал. Хоть бы подавился, черт поганый, хоть бы луканька его прибрал», - шерстим мы московского «жирняка», все наше отчаяние и безнадежность перенося на реформатора из журнала «Коммунист». Правда, этого черного кобеля уже никогда не отмоешь добела, но выкостить-то его до печенок, вывалить его в смоле и перьях, выставить его мысленно на позорище и посмешище в затерянной рязанской избобке - это какое же удовольствие. Хоть в этом какое-то облегчение душе.

А наш-то бедный псишко чего учудил, а?! Но надежды не теряем, приглядываем за гончаком; вдруг привиделось нам, вдруг свет упал не с того боку, иль слезой заилило, иль на сучок напоролся глазом. Но тогда была бы кровца... Свят, свят, только не это... Да мало ли что случается с гончей. Как и с нашим братом охотником. Вдруг за ночь отоспался, проморгался, родненький - и зрение встало на место. Да нет, куда там... К утру даже очертания зрачка стерлись.

Пошел я плакаться и стенать к Ваську: один ум хорошо, а два лучше. Вдруг подскажет? Он с охотниками знается (и не только за рюмкой), егерям друг и това-

рищ, давно собак водит, у него лесовое чутье, он в бегах за зверем иссох и заморщил, как кирзовое голенище.

Васёк одиноко сутулился за рюмкой и бормотал в пространство:

«Ельцин - черт, а Жирик - человек эпохи. Жирик - молодец, это Ленин сегодня. Он ещё покажет вам кузькину мать».

«Вася, - с ходу перебиваю его митинговую речь, - у меня кобель окривел».

Взгляд у мужика едва проясняется, вернее, появляется дальний просверк мысли.

«Ну и окривел, дак что?.. Ерунда всё, Владимирович... Лучше садись, и поговорим за жизнь. Хотя ты человек умный, но и ты не знаешь того, чего я знаю. Они думают, так легко победить русского человека? Су-ки... Мы их выкурим из Кремля. Они ещё попрыгают у нас, как караси на сковородке. Они не знают, что такое русский человек... Вот Жирик, он знает. Обещал каждому мужику по бабе и бутылке водки. И даст, я ему верю. Он свое слово держит».

«Васёк, а откуда он возьмет столько баб?»

«Най-дет! Сколько надо, столько и возьмет! А иначе он му... Я знаю, чего говорю. У меня всё схвачено... А теперь говори, что случилось?»

«Да собака окривела...»

«Так-так-так, - Васёк ухмыльнулся, снял с белесых губ невидимую порошинку табака, оттопырив палец, культурно так пригубил из стакашка. - Окривела, говоришь? Владимирович, из-за чего переживать?! Собака - её и звать собака. Их вон, под каждым забором табун, только свистни. Ладно, я тебя понимаю. Я помогу, только ты держись за меня... Русский народ погибает, а ты за собаку... Мне бы сейчас автомат, - Васёк заскрипел зубами. - Вовка, тащи автомат, я покажу им всем кузькину мать... «Приведите, приведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!» - вскричал Васёк, уронил голову на стол и прощально прохрипел. - Сережка Есенин был молодец. Мне его так не хватает...»

«Не слушай ты дурака, - подала голос хозяйка, отдернула у лежанки завеску, свесила голову. - Назюзюкался опять, как свинтус, вот и мелет, немтыря, пустое. Ступай, Володя, домой, а завтра с утра поезжай в Туму с моим огорем за костями».

«Верно, бабка, понимаешь... У собаки авитаминоз. Иди, припасай мешки. - Васёк отодрал лицо от стола, будто и не спал, снова потянулся к рюмке. - А ты говоришь, я пьяница... Нет, я не пьяница, у меня ума палата».

«Был у тебя ум, да весь пропит, огорай».

Они по семейной привычке принялись зубатиться, а я поплелся домой.

Утром мы поехали в Туму за костями. Вокруг колбасного цеха был забор, у будки торчал сторож. Он как-то безразлично посмотрел на приезжих, сделал вид, что не замечает. Это был прощальный отголосок советского времени: если люди куда-то попадают помимо ворот, значит, это им позарез необходимо. Мы пролезли в пролом. По горам оскобленных костей, хребтин, лыток и ребер с крохотными лафточками мяса, жирка и сухожилий лениво бродило воронье, наискивало поживу. Завидев нас, оно лениво снялось тучею, сердито заграяло. Мы затарили мешки, нагрузили машину и уехали. Честно говоря, мне не верилось, что от этих любовно ободранных костях будет моей собаке какая-то польза. Но утопающий хватается и за соломинку...

Вернувшись, я бросил кобелю скотскую лытку, и он выточил её. Потом наварил ему бульону. Через три дня пес прозрел. Я возблагодарил Господа со слезами на глазах. А ночью выпал снег.

...По сентябрьскому чернотропу, когда палого листа перины, зайца взять трудненько, даже вязкая выжловка-верохоучейка непрочно держит след, да если перепадет морозящий дождишко, то долго рыщет под ёлками, путается вдоль болотных сыррей и в кочкарнике, куда норовит заскочить косою, чтоб отлежаться в травяной ветоши, устлавшей землю тяжелыми непролазными пластами... Но и по первой пороше тоже не прибыльно шататься; зверь еще не выкунел полностью, выдают черновины на ушах и хвосте, и потому залегает крепко, таится до последнего под еловым подолом, в зарослях можжевела или в путанице ивняка, пока гончак не подступит вплотную, и тут сердце зайчиное не выдерживает близкой опасности, и беляк выскакивает в шаг от собачьей пасти и задает такого стрекача напрямки через лом-бурелом, заломив уши к хребтинке, пока вовсе не думая о скидке, только бы оторваться от выжлеца... Ой как взрыдывает тогда гончак, иди

по пятам, будто его непросто обидели, как пронзительно заливается он на весь лес с такой тоскою, словно бы жизнь-то у него отнимают неведомые злыдни, а не у зайца, и отчаянное сердце выжлеца от близкого зверного духа так всполошится, что готово тут же выскочить из груди и, опередив хозяина на полшага, закатиться куда-нибудь под кустышек и там успокоенно затихнуть.

Конечно, эти охоты интересны каждая по-своему, но требуют азартной натуры, терпения, сноровки и доброго здоровья. Кто-то ехидно возразит: подумаешь, какой-то зайчишко, что с него толку, ни кожи, ни рожи, собаке не хватит на зубок... Кабана завалить иль лося, а еще лучше медведя - дело другое: «визьмешь в руку - маешь вещь», как выражаются в стране Хохляндии... Э-э, братцы мои, не скажите! Мал косой, да хитер, крепок на ногу, порою смел до бесстрашия, коли с первого заряда не взял, умахнет, баламут, километра за три и более, и пока ждешь его с круга назад в родные палестины, все жданки съешь. А он возьми и залягь где-то на веретье в можжевелевом кусту иль о край речки в пониклых травяных клочках - вот и терзайся на семи ветрах в драной фуфайчонке и с промокшими ногами, напрягай слух до звона в ушах, крутись, как флюгер, задирая ухо шапчонки, чтобы поймать задавленный расстоянием песий лай... Конечно, некоторые из жирных московских гусей, кому повезло припасть к молочной кремлевской сиське, хвалятся охотою на львов в африканских саваннах, но чтобы туда угодить, надо денег мешок. Там больше не охота как природное душевное чувство, но возможность покрасоваться перед людьми, гордыню свою потешить, баринном себя ощутить, которому нынче всё дозволено, де вот я какой записной герой, а после чучалки вывесить по стенам для похвалбщины... Но каждому своё: кому сало с чесноком, кому яишня со шкварками, а кому и тьяпаные гретые грибочки с постным маслом.

Но у русского природного человека именно охота на зайца вызывает те спокойные, радостные, разливистые чувства, когда вся душа беззаветно отдается лесовой потехе, словно дружеской попойке. Сколько зайцев было взято мною с ружья - не пересчитать сразу, но, пожалуй, каждая удача незабытно тлеет где-то в закрайках памяти под гнетом множества других событий...

Да не так уж и мал наш белячонок и хил, как покажется кому-то на первый взгляд, и когда тащишь добычу с охоты, руку оттянет, и жаркого из него хватит компании из шести мужиков, если не дюже обжираться. А если построгать в чугун сальца, да картошечки, да моркошечки, да лучку с чесночком, да кинуть маслица и сметанки, да всяких там пряностей и поставить тушиться в русскую печь часа на три, то вытомится ароматная лесовая дичина до такой спелой нежности, что и беззубый старичонко одолеет её темно-коричневые душистые прядки и не устанет нахваливать. Заячиное мясо и стало на первое время главным в нашем котловом довольствии, когда Гайдар взрезал Россию скальпелем по живому телу и назвал свой жестокосердный глум «шоковой терапией». Мы невольно научились выделывать и зайца, и енота, и лису, жена сшила себе шубейку, мне - шапку и теплую поддевку, и рыбацкие трусы, которые меня несколько осеней спасали на предзимней, уже засалившейся реке, когда тягучий холод от воды и резиновой лодки достает каждую костку...

Но самая занятная заячиная и лисья охота, когда снег уже устоялся по щиколотку, но ещё не навело до рассох и можно сухой ногою, в валенках идти во все четыре стороны леса. Болота уже встали, на утренней переневе, еще не одевшейся слюдою, звериные следки, как буквицы в раскольничей книге, писанной полууставом, знай беги по строкам без промешки, но и без спеху. Но сразу примечай, куда правит торная дорога с машинной колеею, где просека, где хожалая тропа, болотце, выруб, лесная кулижка, старинное польцо, поросшее чернолесьем, опушка березовой ворги, развилка и росстань. Это все в голове должно отложиться само собою, как на цветном слайде, не притушая азарта, не опреснивая сердечной страсти.

Сначала от домашнего порога, от калитки, звонко всхлопавшей в морозных утренних сумерках, охота раскручивается, как в замедленной киноленте: пока-то расшагаешься, встряхнешь дремлющее тело, ибо в каждом закрайке его, костомашке и волоти ещё живет вязкий ночной сон. Лес наступает сторожко, сумрачно, как сторожевая засека, слегка принакренься от снежной кухты, сразу обдаст стылостью, сквозняком; собаки, слегка поозиравшись по сторонам, словно бы раздумывая, куда повернуть, лениво суются под первую ёлку и бездельно тычутся носом в снег; немота бездорожья, наверное, тоже пугает их, как и человека с ружьем, да и деревня не отпускает пока, держит невидимой вязкой за горьковатые дымы, уже вставшие столбами из труб, знакомые рассычатые звуки, мычание

коровы из ближнего хлева и душистый избяной запах. Но с каждым глотком морозного воздуха, омывающего грудь, с каждой минутой паморока невольно отступает, растворяется, пропадает неведом куда, и в голове становится светло. И глаза уже сами собой, как бы промытые воздухом, уже нетерпеливо выглядывают дичину, словно бы она дожидается нас под каждым кустом.

От околицы деревни, от курятников и хлевных стаяк струит ломаный лисий следок, ещё с вечера припорошенный, будто колом натыкано. Собаки, как бы невзначай, тычутся в остывший лисий наброд и, лениво вихляя задом, трусят в лес, уже не оглядываются на нас.

Васек зовет свою сучонку, пытается снять её с лисьего следа. «Забурятся, всю охоту испортят», - бормочет мой спутник, крутит козью ногу из обрывка газеты, набивает самосадом, заряжает ружье, сует его под мышку, как полено, и, дряхло волоча ноги, развешивая передо мною скверные махорные облака, понуро тащится впереди меня по знакомому путику. Мне давно привычны эти места, но я невольно пристраиваюсь в след, как бы признаю тем самым старшинство приятеля. Первый выстрел за ним. Бредем поначалу целиною, борами, спрямляя путь. Скрипит снег под ногами. Становится жарко. Перед моими глазами пригорбленная спина в линялой фуфайке, кроличья шапенка, сбита к затылку; приклад цепляется за ветки, и снег порошит мне в лицо. Безразмерные валенки домашней выделки запинаятся друг о друга. Васяка раздражен, он не разговаривает, еще вчерашний хмель не выветрился, дуриет голову, и оттого в груди тоска. Ему, наверное, сейчас ненавистно всё вокруг, в том числе и я, силой затащивший на охоту. Но Васяка знает, что у меня в мешке посудинка с затычкой, она неслышно шепчется, булькает, уговаривает мужика, и тот, поддаваясь на посулы, заглубляется к болотам, за Сорочье поле, за Камень, где должен бы жировать заяц. А собак всё не слышать, вязкая тишина обволакивает и вгоняет в дрему. Уже развиднелось, под мутным заиневшим солнцем все вокруг засеребрилось, заискрилось, морозный парок оседает куржаком на усах и бороде; ледок подтаивает, стекает на губы живой водою. Душа обрадела, отмягчилась от тишины и покоя. Глаза перестали шариться по кустьям, заглядывать под еловые подолы и в кочкарник, искать поживы, сердце утишилось и как бы заленивело от благодати. Азарт присмирел и вошел в берега.

Васяка тормозит, смахивает рукавицей снег с палой трупины, садится и закуривает снова.

«Эх, вся охота испорчена... За лисой увязались, считай, день пропал... Владимир, может, по соточке?» - не просит, но словно бы советуется мужик.

«Нет-нет... потом. Только потом», - торопливо отказываю я спутнику, тот кривится заветренным шишковатым лицом, нос съезжает куда-то набок. Шамкает непослушными губами: «Тебе же легче... Чего лишнюю тяжесть тащить?»

Я внутренне соглашаюсь, что лишнюю тяжесть тащить мало удовольствия, но, опустошив посудинку, мы тут же разомлеем. Из Васяки потечет разговор, как из речистого звонкого родничка, и считай, что охота накрылась. Собаки же пропали, заблудились, а может, забрели в чужую деревню и теперь шарятся по подворьям, а мы тут, два дурака, ждем у моря погоды. Васёк чуёт мою сердечную шаткость, скоро сдирает с дерева берестечко, скручивает теплинку в свиток, подпалывает, и вот уже костерок оживает подле ног, синяя струйка дыма пробивается как бы из-под снега. Молча смотрим, как крепчает пламя, прыгают по сучьям огненные лисята. Я уже готов сдаться, я чувствую напор тоскующей Васиной души, его неизбежные муки, когда утробные трубы вопят, просят пощады. И действительно, как бы хорошо сейчас раскинуть холстинку, распотрошить торбочку и подле посудинки с белым винцом разложить пласт соленого сала, краюху хлеба, вчерашних пирогов с капустой и головку чеснока. Быть может, расслабленно думаю я, весь смак охоты именно в этом костерке под шатром ели, в холстинке, кинутой на снег, в соточке винца и в похрустывающем на зубах застывшем салце с мясными прослойками. И мои пальцы уже сами собой нашаривают торбочку, путаются в хохле мешка, наискрывают вязку и никак не могут осилить смерзшийся узел.

И тут лайконуло. Раз и другой. Задавленно, едва слышно, словно из-под земли, с того света. Будто сосновый сучок застонал, потершись о соседнюю мерзлую ветку. Я-то бы и не расслышал, пожалуй, но Васек вскочил, сдвинул шапенку на бок, в сером лице появилась живость, в тусклых глазах - искра. «Стой здесь, - прикажи мне, - а я...» - он неопределенно махнул варегой и на махах кинулся в чашу. Откуда-то и силы вдруг взялись в лядащем изнуренном человеченке, и ноги оживели, перестали заплетаться. Васек нырнул в лес, и только облачко морозной пыли да нашлепок снежной кухты, гулко скатившийся с елины, и показали его путь. То-

мясь, я топтался у костерка, то лихорадочно срывал ружье с плеча, когда лай приближался, и прилаживался стрелять, прижавшись щекой к прикладу, то вдруг кидался наперерез к ближайшему болотцу, но никак не мог сообразить, кого и куда гонят собаки. Хоть бы на след встать... Но вязкая сучонка в последний момент круто отворачивала на сторону, а за нею по пятам шел мой Барон, напористо взлаивая; Васек вовсе куда-то делся, и только я, смешной человечек, оставался «не пришей рукав». Собаки скатывались за болота, и снова опускалась глухая тишина; лишь под редкими порывами ветра порою скрипела ближняя сухостойна да сыпались с ветвей облачки морозной пудры. Охота для меня не складывалась... «Чего скрипишь, - грустно обращался я к умирающему дереву, - или корову продаешь?» Возвратился к огнищу, с грустью подбросил дровец, костер ожил, пламя заплясало по сушняку...

И тут где-то в низинке раздался выстрел, пронзительно завизжали собаки, наврное, не поделив добычу... Выстрел в вязкой тишине показался мне как удар грома среди ясного неба. Ну прямо оглушил поначалу. Я суматошливо побежал на лай, в отчаянии упрашивая кого-то, чтобы приятель промахнулся и зверь ушел, а там... Я не успел закончить мысль, как в частых сосновых посадках услышал затихающую собачью возню, выплыл на меня горький дух самосада. Задыхаясь, протолкнулся плечами сквозь густую путаницу ветвей и в крохотном прогальце увидел Васяку, опершегося спиной о дерево, и мирных собак; мой Барон лежал уныло поодаль и зачаровано смотрел на добычу, а Тайга слизывала с лисьей шубы еще не остывшую кровцу, дергала за белое ожерелье и за кончик толстого с красниною хвоста. Сучонка не собиралась делиться с кобельком... У Васька было набрякшее, в каплях пота лицо, он жадно курил, и пальцы у него дрожали. Мужик смотрел куда-то мимо меня и криво усмехался, переживая успех.

«Хороша-а рыжая, - с завистью протянул я и вроде бы равнодушно потрепал зверя за загривок, подергал за уши лису-огневу. - И шуба замечательная. Но ты-то, Вася, каков, а?... Убежал и не сказался... А я стой, да?» - сказал, пытаясь задвить обиду, но получилось сердито. Дрожащий голос выдавал мои скорби.

«Думал, заяц... к тебе пойдет... А тут лиса, да прямо на меня чешет... Всю охоту нам испортила, сволочь... И домой вроде бы рановато, и дальше идти - только ноги мять... Давай, доставай. Обмыть надо».

Васек и не думал оправдываться. Он обмяк внутренне, и улыбка уже не сползала с лица.

Отказывать теперь не имело смысла, но и холстинку раскидывать я не стал. Мне бы радоваться успеху приятеля, а я, сукин сын, горевал, терзал сердце. Налил по стопке, выпили ледяного «первачка», закусили пирогом. Хмель ударил в голову, растекся по телу, и вдруг стало так хорошо, так легко в груди, и лиса, с длинной остью, с богатым подпушком, пламенея мехами на снегу, еще не припыленная изморосью, утратила всякий интерес, и досада, что булгачила голову дурными мыслями еще минуту назад, тоже пропала, и я, подтаявший душою, уже благодарил Бога, что приятель не промахнулся, забабахал зверя с первого выстрела, и собаки вот не увязались за лисою за долгие болота, а значит, все хорошо, все ладно скроилось. Нет, не зря выступили из дома в такую рань, когда след жирующего на опушках зверя не остыл, ещё тёплый. Кто рано встает, тому Бог подает... Нет, что ни говори, но винцо скоро проявляет натуру. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Приняв на грудь, Васек ещё больше подобрел, криво ухмыляясь, посулил: «Не грусти, Владимирович, пока не вечер... Ещё споешь свою песню». «Может, по второй?... По маленькой, по маленькой, чем поят лошадей! - пропел я, искушая приятеля, в полной уверенности, что с охотой покончено. - Ноги намяли, время убили, сердце усладили, воздуху морозного напились стаканами, добыча в тороках... Давай, Вася, тянем под Яшкино сальце...»

Но Васек вдруг замаялся, словно бы прикидывал, как лучше поступить. Домой идти ему явно не хотелось, чтобы слушать материну воркотню, и вот стопочка, будь она неладная, манит. Но от неё ноги размякнут. Какая потом охота? От невольных размышлений у него даже шишки набухли на скулях и посинели.

«Чего дома делать? Спать много вредно... И времени ещё вагон. - Васек подвесил лису за ноги. - Завтра заберем... Твоей бабе на воротник...»

От этих слов моя душа умаслилась, засовестилась, захотелось отказаться от дорогого подарка, но я промолчал.

Вышли на торную дорожку. Мороз отмяк, меня потянуло запеть: так ладно подмороженная колея ложилась под ноги. Собаки лениво трусили следом, казалось, никаким силами нельзя было снова затолкать их на поиск. Ведь пошли за зайцами, а как назло, ни одной жировки.

«Наверное, Владимирович, мы всех зайцей с тобой съели, - Васяка затянулся, завесился клубами дыма... Он, мерзавец такой, всегда так поноровит идти, чтобы дым обязательно струил мне в лицо, как бы ни воротил я нос. - А что?.. Вполне... Хотя всех зайцей никогда не выбить, как не выпить всей водяры. Плодящи, заразы. Наверное, ушли за реку и там занорились в кротовьи дырки иль на деревьях попрятались в вороньи гнезда... Но Тайга вытурит, из-под земли достанет и с небес, если захочет, - Васек расцвел, самодовольно зашлепал губами. Пожалуй, единственно, кого он любил на всем белом свете, так это свою сухоробрую выжловку с тонкой умной мордую и длинными восточными глазами.

«Твоя Тайга из запечья выдернет зверя, не то другое, - подольстил приятелю. - Такой гончей, пожалуй, на всем белом свете не сыскать. Ну и мой ничего...»

«И твой ничего... Поднатаскаешь если... А это ведь уметь надо».

Я оглянулся, сухотелая гончая завляляла хвостом, бабы томные глаза, будто обведенные черной тушью, взглянули на меня покорно, с любовью; эта сучонка понимала человечесю речь. Даже мой лосятник Барон подтянулся, как бы сразу вырос на две головы, хотя о нем и не вспоминали.

Васек скрипел, как старая сухостина в бору, и за плечами у него снова вырос горбик. Он шел, заплетая валенками кренделя, и, казалось, первый же порыв ветра обрушил бы его на зальдельый череп машинной дороге.

«Я из любой дворняжки охотничью собаку сделаю», - хвалился Васек.

«Знаем, Вася, всё знаем про тебя... Ты, Вася, мо-ло-дец!» - сказал я с намеком, нажимая на последнем слове.

...Русского гончака-лосятника касимовской породы год тому привезли Ваську знакомые егеря. Кобелек шатался по крестьянскому двору, где было безвыводно с мясом, частенько тюкали курам головы, резали овчишек, кололи свиней, и черева из брюшины частенько валялись у скотиньей стайки; малыш с жадностью нажирался так, что брюхо у бедняги волочилось по земле, лапы скоро окривели, спина прогнулась седлом, в глаза налипла тоскливая пелена. Без слез не глянешь: ничто не напоминало будущего выжлеца. Одним словом, рахит. И только от жалости к щене я попросил его у Васяки, и тот с радостью отдал его мне, только бы не возиться с двумя собаками. С женою мы выходили рахитика, и вот вымахал он в статного темно-рыжего гончака на высоких лапах, с широкой грудью, с черным чепраком и грубоватой выразительной мордую настоящего трудяги-мужика. Кличка Барон ему была к лицу и сразу прилипла. Вот и на охоте он обещивался скоро вырасти в настоящего неумоимого выжлеца, но пока, по молодости своей, настырно вязался за сучонкой и учился у неё уму-разуму, как прилежный пестун у мамки...

И снова я оглянулся на собак, а их уже и след простыл; в какую-то минуту смылись, растаяли в березняках. И скоро зазвенела, по-бабы возрыдала Тайга, хрипло, с растягом, на басах поддержал мой Барон. Значит, встали на след, и не только уткнулись носом, но почти вцепились в звериные штанины, и вот этот-то близкий запах так мутил и рвал счастливое сердце выжловки. Собаки гнали верхом по взъему вдоль реки. Васек кинулся наперерез, а я остался на дороге со смятенным, гулко пурхающим сердцем, торопливо, мелкими шажками подыскивая развилку, ту росстань, куда неизбежно выскочит заяц; по мелкому снегу они так любят идти на широких махах по дорогам, хожалым путикам и просекам безо всяких петель и обманных скидок, не набивая троп, как в глухую зиму. Голос Тайги скоро прорезался сбоку, налился силою, покатился прямо на меня, а вместе с ним и азарт ожидания, наплывающая волнами, затеснил грудь: вот-вот из-за ближнего куста выскочит мой касатик, секунда, ещё секунда, и покажутся из-за тальникового плетешка взгорбышек белой спины, прижатые к затылку уши с черными проточинами, странно спутанные в безумном беге ноги с рыжеватыми натоптанными безразмерными шлепанцами и выкаченные от страсти глаза, полные не ужаса, но, скорее, восторга; я уже вскинул «ижевку», приложился щекой к холодному прикладу, вороненые стволы гуляли перед глазами, наискивая цель, чтобы бить косо по ушам, если пойдет от меня, иль в ноги, если ко мне. Чего скрывать, я уже мысленно делил шкуру неубитого медведя, нахваливая себя, дескать, как ладно я выбрал место для встречи, и Господь мне подсурошил на сей раз, и зверю от меня никуда не деться. Боже, что за погубительная страсть настагает мужичонку на охоте, какие-то древние забытые инстинкты всплывают в сердце, и всякое милосердие вдруг становится смешным и жалким, а весь смысл земного бытия, всё счастье умещаются в одном нестерпимом желании убить, отнять чужую жизнь.

Но что-то у собак вдруг не сварилось, звать, зверь запетлял, и лай вдруг обо-

рвался, лишь какое-то время еще раздавалось в кустах жалобное растерянное тьяканье, а потом всё смолкло перед самым-то моим носом. Промелькнула в елках сучонка - и скрылась... Ах ты, Боже мой, ну как могло такое случиться? - всплакал я, еще не в силах уразуметь, что зверь и в этот раз облапошил меня. С бьющимся сердцем кинулся наперерез, полагая, что зверь выскочит на опушку, почешет о край болотца, меж колтунов смерзшейся осотной травы. Затаился за деревом, почти не дыша, вслушиваясь в лесные шорохи; шелковистая нежная берестинка трепетала у самого носа. Вот поползень слетел с ольхушки, а почудилось, что рябчик. На мушку его... Странно и чудно всё в лесовой охоте, словно бы вадит кто, в спину уставился упорным взглядом, влажно так, с хрипотцою дышит в шею; то ли леший играет, иль девка-замануха, иль всемогущий дух лесовой. Оглянешься - никого, но взгляд-то неотступный. Весною ранний комар на болотце зарулит к глазам, а покажется, что это вальдшнеп, хрюкая, тянет на тебя. Только вздрогнешь - и тут же палец на курок... А комаришко-то весенний - тощей, немощной, на просвет виден, одна стена.

Однажды зайца-русака на осенней пашенке я принял за оленя, так пречудно нарисовался он вдруг в утреннем сизоватом туманце, неожиданно вылетев от скотных дворов под наши ружья. Наверное, в сенных одоньях кормился... Выскочил на гребень и в оторопи застыл.

«Откуда тут олень-то? - вскрикнул я, растерявшись. А спутник мой, стоявший за спиною, не промедля, влупил из двухстволки душлетом, и заряды просвистели возле моей головы.

«Ты же меня чуть не убил! - вскричал я, запоздало испугавшись. - Гад, ты же спокойно мог меня убить!..»

«Но не убил же, - шало ухмыльнулся Мишка. - Кабы убил, тогда другое дело». (Тот самый мужик, что перевозил нас нынешней весною с женою через реку. Но тогда на охоте, лет десять назад, он был ясноглазый, улыбчивый, с нежным девичьим румянцем на щеках и волною русых волос. Братцы мои, ну как на такого сердиться?).

«Мне померещилось, что это пятнистый олень... Рожки, поджарый, на высоких ногах. Вот чудо-то. Из оврага выскочил и на меня», - бормотал я, пытаясь выковырнуть из уха шумовую пробку..

«Ага, а мне показалось, что заяц, - захохотал Мишка. - Скажи, и что мне было делать? Тут размышлять некогда...»

Русак тем временем деловито чесал по пахоте к полевой меже, заныривая в борозды.

Такую обманку играет с тобою охота.

...И когда стоишь в ожидании зверя, то каждый шорох и скрип, всхлип и вскрик не только одушевляют природу, но как бы ведут с тобою детскую игру в пряталки; вот кто-то заойкал от боли, застонал обреченно, и кровь в моих в жилах свернулась. Так напряжен каждый нерв, так наострен слух, что всякий отвлеченный звук прорывається в сознание запоздало и болезненно, как чужой и враждебный.

...Потом помстилось - нет, не здесь пойдет животинка, а ниже, тропою к реке, и на том-то углу я наверняка её переиму. Побежал на развилку... Сердце вразгон, никак не унять, чтобы толком прислушаться. Кровь бунчит в ушах и мешает, будто запруду внутри прорвало. И в новом месте постоял, и снова тишина вселенская объяла меня, только вершины деревьев, поскрипывая, гуляют на просторе, да порою гулко обрушивается с ветвей снежная падь. Снегом все обложило, укутало, как сахарной ватой, и я, крохотный человеченко, будто замороженная букашка в прозрачной склышечке, торчу одиноко, стараюсь не выдать себя. Вот черный ворон пролетел над головою, лениво перебирая махалками, скопил на меня взгляд и проворчал недовольно, дескать, чего тут без пути шляешься, своим недружелюбным криком обнаруживая меня всему лесовому братству. Такой уж день удался, не мой день. Что поделаешь, охота не идет по заведомому расписанию, как и вся жизнь, как бы ты ни подгонял её под свои намерения. Человек предполагает, а Бог располагает...

Так раз пять я бегал на верные лазы, подставлялся под гон, стоял на слуху, но каждый раз зверь скидывался на сторону, гончие просительно притягивали в ольховниках, просили от меня помощи, надо было помочь сколовшемуся гончаку, но лезть в чищеру, приосыпанную снегами, в ненадежную болотину особой охоты не было... И все думалось, что это заяц водит меня за нос (а с ними на охотах случались всякие штуки, порой самые дурацкие), мне на погляд никак не выставляется, такой черт, словно в шапке-невидимке.

И сколько же можно торчать? - решил я, теряя терпение, перетаптываясь от

озноба. Не выдержал, воротился назад, стал искать след. Оказалось, путала собак лиса. Она скоком шла на меня, но, видно, почуяла человека или увидела шевеленье, и в последний момент рыжая круто скинулась по перволедью за реку. Вот гончие и заюлили, заметались, меня запозывали жалобно, а я от них - ходом...

Наконец вынырнул из ельника Васёк с постоянной своей носогрейкой, окутанный махорным чадом. Фуфайка в снегу, нос посинел, лицо заморщилось, скособоилось. Потные прядки прилипли ко лбу. Совсем старик...

«Чего не стрелял? Заснул, что ли? Эх, горе ты, а не охотник, - оскалится, проворчал зло, распушил жидкие рыжие усишки. - Теперь уйдут за реку, потеряем собак».

«Ничего, вернутся... А ты-то сам чего не стрелял?.. От тебя ведь шла».

«Сам с усам... Тебе оставил для тренировки...»

Васек скоро остыл, смахнул с пенька снег, удобно расположился.

«Давай наливай... Охоте шабаш... Хватит, набегались».

А у меня в ушах еще стоял залиvistый лай, похожий на колокольный звон, и сердце щемило от непонятной обиды. Вот словно бы только что обещивали в награду что-то очень редкое и дорогое и не донесли до моих рук, отказали, отдали другим...

И второй раз за день мы приготовились к трапезе, и снова не удалось раскинуть скатерть-самобранку. В самой чищере о край озера лайконуло едва слышно, как бы сыграло дуновение ветра, - и смолкло. Потом снова подали голос гончие, но уже поближе к нам, спокойно, деловито, расчетливо, без нерва, словно бы это не мы, а они уютно расположились к обеду; из котелка уже сладко парит, миски поставлены, осталось только ложку достать из-за голенища. Васек неохотно поднялся с деревины, с сожалением взглянул на мой мешок, вздохнул: «Лису загнали... Я это место знаю. Пойдем помогать...»

И поволокся без спешки на лай, сунув ружьецо под мышку. Со стороны на него поглядеть - само страдание бредет, муку мучает, перемогает неволю.

...Лиса схоронилась под старой березой. У Тайги торчал из норы один хвост, сучонка свирепо разгрызала корневища, работала лапами, выметая наружу песок; порою пятилась на волю и зорко озиралась вокруг, вглядываясь в ельники, обходила верхом лисьи каморы и заулки, принохивалась, откуда крепче тянет звериным духом. Барон же стоял на холмушке в дозоре, чутьисто водил носом, иногда мельком надменно взглядывал на нас, будто мы мешали ему нести службу. Сучонке гончак не перечил, поперед мамки в лисье логово не совался, хотя запахи будоражили и его, отчего шерсть на загривке все время стояла дыбом; порою Барон ворчал и протительно прискуливал, оглядываясь на нору, где в потемках в одиночку билась Тайга, и, наверное, был обижен, что напарница отодвинула его в сторону, засунула в караул. Эх, молодо-зелено... Разворошенная земля пахла пряно, и Барону, наверное, так хотелось с головою утянуться в потемки, как в материнскую родову, тоже рвать молодыми зубами смерзшийся торф и слежавшийся песок, травяные жилы и путаницу корней, на каждой вологи которых остался враждебный муксусный дух, и пугающе хоркать в темень, чтобы чутыстая лиса хоть бы на секунду потеряла осторожность и раздраженно выметнула навстречу кисточку хвоста...

Было интересно наблюдать за собачьей работой, которой и управлять-то не надо было, велась она сама собою по древнему звериному уставу, живущему в крови. Васёк обошел лисьи переходы и сказал: «Корней много... Без лопаты не взять. Ступай, я покараулю».

До деревни было далеконько, уже ноги мои погуживали и постанывали от дневной бродни, и я невольно потускнел и понурился, представив, какую дорогу предстоит сломать.

«А может, лисы там нет? Собаками всё истоптано».

«Там она, там... Тайга зря копать не будет, - Васёк понял мою уловку и ухмыльнулся. - Не ленись... Будет бабе на воротник, а тебе на шубу».

Мысль о двух лисах меня согревала и приторавливала.

Пока принес лопату, в лесу уже принахмурилось. Штаны мои, напущенные на валенки, взялись коркой, встали коробом и при каждом шаге гремели, как жестяные. Васёк сидел и покуривал. Лисье логово было так разворошено, будто тут поработал экскаватор. Тайга стояла на страже, вся чутьисто вытянувшись в нитку, и каждый мосолик ее дрожал от возбуждения, а мой Барон отчаянно пыхтел под землю; оттуда порою доносился приглушенный скулеж и хрип, будто гончака ухватила зубами за носырю рыжая поскакушка. Мой кобелек сдавал экзамен на усердие.

Вот и я встал на караул, а приятель принялся копытить заступом землю, провывая норные отвилки, загоняя лису в последний кут. С одной стороны на неё напознала свирепая собака, с другой наступал человек с лопатой. Её жало то и дело мелькало перед самым носом, обрушивало пласты земли, и лисе невольно приходилось пятиться в тупик. Что ж, она терпела до последнего, она использовала все свое умение хорониться, плести ходы, сочинять тропы, и теперь надо было в последнем рывке вырваться из западни. Вот он, совсем рядом маревит небесный свет, виден низкий, иссохлый подол старой ели, снег в солнечных плешинах, присыпанный рыжим прахом, сизые клубы ивняка подле болотного озера... Эх, пан или пропал... Может, курошупка и догадывалась, что заманный выход оставлен понарошке, что возле него переминается человек с громовым ружьишком, но куда деваться-то-о, а жить-то так охо-та-а... Я хотя и был настороже, но за день-то приустал, и мой взгляд постоянно раздваивался, в глазах уже толклись мелкие мураши, откуда-то налетали в лицо мелкий бус и гнус, что-то свербило под одеждой и чесалось под шапкой, в голове стояло гудение, а в утробушке томление.

Лиса вынырнула из-под земли, будто её метнули пращой. Я успел лишь выстрелить вдогон, рыжая завертелась юлой, и тут на неё навалились собаки, образовалась куча мала, но сразу же и рассыпалась; лиса умудрилась выскользнуть из смертных объятий, щелкала зубами, сев на кострец, прикусила Барона за нос, тот взвыл, на миг как бы выключился из охоты, но тут же бестолково налетел на лису с ещё большим напором, тяжелым телом отшиб сучонку в сторону. Они готовы были загрызться друг с другом, забыв о сиводушке. Та уже обессилела от потери крови и лязгала зубами лежа. Васёк подошел и вдруг без всякой на то нужды, с горячки выстрелил в упор. Из лисьего бока зарядом выбило клок мяса и шерсти, рыжая смертно потянулась, густо кровавая снег. Собаки кинулись на добычу, напоследок приминая зубами загрявок, потрелили за хребтинку, шалея от звериного духа, а успокоившись, свернулись возле калачиком.

«Чего тянуть? - буркнул Васёк, отводя виноватый взгляд, и пнул лису. - Шабаш... Вовка, наливай».

И в третий раз мы причастились. Азарт утих, кровь отлила от сердца, студеной самогонка ознобила нутро, привела в чувство, и лес как бы переменялся, насторожился, плотно обступил нас. Очнувшись от затыжного угара, я неожиданно взглянул на содеянное как бы с небес, увидел себя возле разворошенной земли, сумеречный снег, длинные синие тени от деревьев, желтые сполохи уходящего за леса солнца, приятеля в клубах махорного дыма, прислоненные к березе ружья и окровавленного, с оскаленной мордой зверя, похожего на рыжую неряшливую тряпку. И как палкой ударило по затылку, и всё во мне восстало.

«Ну что, натешились? - вдруг чей-то голос явственно спросил меня со стороны. - Вот за этой окопневшей животинкой вы и бегали по лесу, как лоси, намерзлись, намаялись, ноги истоптали, одёжку истрепали. Ладно, пульнули, застрелили, душеньку удовлетворили, а что дальше-то что? Может, с голоду умирали иль наги-босы ходили, нечем было укрыться?».

Я с тоской и жалостью смотрел на лису, жалконько утопающую в орошенном кровью снегу; мех сиводушки, давно ли искристо мерцавший, ослепительно рыжий, с густым подпушком, белым подгрудком и сивым подчеревком, теперь потускнел, обник остью, засалился. Я подошел к лисе, подернул её за ожерелье, за пушистый хвостик, словно бы пытался исправить ошибку, оживить зверя, погладил хребтинку, испачкавшись остывшей кровью. Вытер ладони о сухой жесткий снег, карябая пальцы. Приценился иным взглядом к добыче, и вдруг снова все во мне странно переменялось, мертвый зверь уже не вызвал прежней жалости. Взгляд мой стал трезвым и хозяйственным: дескать, не пропадать же добру...

«Васёк, что ты наделал... Дурак, ты же испортил лисе шкуру, а мне шубу...»

«А и на кой ляд... эта шкура. В тувалет под ноги... Стрелять надо было лучше! - огрызнулся Васёк, вскинул, вскочил, вздернул лису за ноги, как бы вытрясая из неё последнюю кровь, сунул в мешок и кинул мне. - На... Твоя добыча, ты и тащи».

Дорога домой с удачной охоты показалась короткой. Слава Богу, не с пустыми руками. А своя ноша не тянет... Спустились с бугра на дорогу, тут вскоре и родная березовая опушка. Уже засинело, скоро стемнилось, в деревенских окнах зазывно, с ласковым подмигом горел свет. Вот и еще один день минул. Такой яркий праздничный день. Боже, как хорошо, как свежо на душе; как мало, оказывается, надо человеку для счастья. В сених оставили ружья, лису бросили у порога на погляденье жене. Она живо принялась направлять на стол, то и дело кидая взгляд на сиводушку, словно бы прикидывала к своим плечам... И лицо её с каждой минутой становилось милостивее, добрее к нам, побродяжкам. Вот и щи на свиных

хрящиках, с белыми грибами показались гуще и сытнее, хлеб пушистее, хрустящие огурчики ядренее, а домашней выгонки винцо с запахом шотландского виски - забористей. Может, так почудилось лишь с устатку? И всё же скажу вам, братцы мои: вернуться с охоты успешной иль с пустыми руками - это совсем разный душевный прибыток, и даже сердце как-то по-иному бьется, и дом надежное...

...Но когда февраль заподувает и снегу тебе по рассохи, долго по лесу не побродишь: скоро темнеет, собака проседает по брюхо, часто ложится, едва плетется следом, высунув язык, живот у нее подвело, выпирают ребра. Эх, кабы зайчишку ухватить за ожерелье, хозяин тут же бы одарил лапкою, дал слизнуть кровцы, а еще лучше, если бы удалось втайне выесть горячую с парным запахом брюшину, ой, тогда бы и дорога к дому не казалась долгой, - так, наверное, размышляет мой долговязый псишко, коряво выволакивая из целины гудящие лапы с ледяной накипью меж когтей, но меж тем не забывая заглянуть под каждый подол огрузнувшей ели. Вернее, это я сам додумываю за кобелька, чтобы пустейшими мыслями занять голову, иначе дорога покажется непосильной... А сам-то ты, приятель, видом разве лучше гончака? Поглядел бы на себя в зеркало - измаянный, выгоревший телом, как пропадаина, обросший сосульками, посиневший с лица, фуфайка колом, борода помелом. Побродивши по болотам и заполькам, порою и добычи не промыслив (оттого особенно грустный), плетешься обратно домой неприкаянный, считаячи каждый шаг, едва протягивая лыжонки по зыбучей снежной трясине, и ружье наливается пудовой тяжестью, кренит на сторону, и дорога кажется бесконечной; каждая жилка в тебе непрерывно трепещет, скулит, дескать, и на кой ляд сдалась тебе эта охота, и какой сладости ты отыскал в этой забаве, и что за сила выпихивает из нагретой избы в утреннюю памороку, прокаленную морозом, когда добрый хозяин и собаку свою не выпустит со двора, а ты вот плетешься невем куда по своей прихоти прожигать золотые деньки. Ладно, хоть ночевать будешь дома, а не под лесной корчужкой у костерка.

И вот едва притянешься в избу, переставишь через порог гудящие ноги, молящие о пощаде, стащишь, зажав в притворе двери, чугунные валенки, с великим трудом сдерешь гремящие, как жестяные, с наростами льда, прикипевшие к голениям штаны, закинешь на печь шапенку и фуфайчонку, и вот уже сил почти нет подняться с порога, чтобы перетащить на скамью. Сидишь под дверью, а тебя покачивает, как на волне, и гуд идет по всему телу. И от изыного тепла какая-то знобящая истома обволакивает от макушки до пят, а потом все лицо кидает в жар, запекает его невидимым пламенем до багреца, глаза соловеют, наливаются свинцом, косятся на жаркую лежанку... И только стопка винца домашней выгонки перед горячими щецами с белыми грибами извлекают тебя из невидимых вязок, освобождают тело от плена. Господи, как хорошо, как благостно становится на душе и мило вокруг, как все отпотевает внутри, и жизнь вдруг становится доброй и удавшейся. Кажется, всего и дела, что ноги в лесу намял, а сколько случилось на сердце перемен, и такими нежными красками окрашивается деревенский мир.

А стеколки уже в синей ледяной броне, изба покрякивает от стужи, скрипят половицы, шуришит в запечке хозяинушко-домовушко, жена сидит напротив, подоткнув ладонью щеку, и жалостливо, укорливо смотрит, словно мать на беспутного сына, не понимая, наверное, как и все женщины мира, этой нужды в лесовых броднях.

«Ну, зачем ты себя мучаешь? Ещё прежние зайцы не съедены. И шкуры не выделаны», - в который раз говорит она, сопровождая свои слова тонкой хитрой усмешкой; ведь по бабему-то уму мужик шляется по лесу совсем зряшно, от безделья, чтобы только сжечь время да сбежать из дому, отвернуться от хозяйства, испить сладостной воли, когда никто у тебя не стоит за плечами, не дозорит каждый шаг, не понукает привычно, де сделай то да ступай туда. Мужик по природе своей шатун, побродяжка, перекаати-поле, его все время тянет на сторону, и если запрягать, постоянно держать человека в тугой узде, дергать за вожжи, не давать послабки, то, не ровен час, этот жеребец может и взаправду взыграть, зауросить, закусить удила и скинуться на сторону. А там, братцы мои, ой-ой! - ищи ветра в поле...

И только гончак Барон, уже изгрызший свою сахарную косточку и вылакавший миску щец, теперь сладко почивая на диване, может понять охотничью блаженную душу, и что такое «охота пуще неволи», когда ты кидаяешься опрометью в лес за удачею, за фартом, за трепетным лисьим хвостом, и пока вот тропишь по сле-

ду, пока слышишь звонкий гонный лай, грудь твою захлестывает какая-то сладкая волна, словно бы ты в минуте от редкого счастья, которое тебе уготовано, оно почти рядом, блазнит за ближним кустом, и надо ухватить его. Вот этими минутами сердечного подъема, ожиданием близкого чуда и украшивается серенькая, нудливая деревенская жизнь...

Ну ладно, сегодня не повезло, не случилось форта, то назавтра-то обязательно выпадет он - так невольно размышляет охотник, перед сном заново сряжаясь в лес: протирает ружье, набивает патроны, просушивает на печи шабаленки и танки, выминает холщевые портянки, чтобы не натирала в походе. Вот и выжлец, растянув долгие ноги на диване, воркотит во сне, жалобно стонет, притявливает, и по шелковистой рыжей шерсти его от ушей до пят переливается мелкая дрожь. Барон не может никак успокоиться, переживает заново охоту и, надрывая сердчишко, держит след, гонит хитровановну-патрикеевну, которая никак не хочет вернуться...

Год уходил мрачно, подавленно. Россия окончательно раскололась напополам, и бессловесная деревня, с которой Москва никогда не советовалась, как жить далее, заблудилась в недоумении, враскоряку, затерялась, забытая, в бесконечных глухих пространствах, по самые крыши засыпанная снегами, и только дым над крышами, сажные кругованы возле труб да черные тропы, натоптанные меж изб, ещё напоминали, что жив курилка, колготится, христовенький, тащит на своем горбу нескончаемые заботы. Теперь и в Тьмутаракань, на край света, не надо попадать на перекладных; лишь выбреди за городскую заставу, - и вот она, посконная, земляная, таинственная, необъяснимая страна Муравия... Ни света, ни телефона, ни больницы, ни дороги, ни школы, ни магазина... Хлеб привозят раз в неделю, больше похожий на глину, кукуруза с горохом и немножко подмешано мучицы, а коли снегу внавал, то до машины попадай с рюкзаком по бездорожице за четыре километра до тракта...

И только вот эти лешие охоты, погруженность в природу хоть на какое-то время скрашивали наше грустное прозябанье, давали ему малую толику праздника, продлевали быванье на земле-матери, связывали прочной нитью жизнь недавнюю, когда было всё так надежно, и нынешнюю, когда все так зыбко, будто оказались мы на кочке посреди болотных провалищ: шаг вправо, шаг влево - и с головою в бездну. Но всё думалось втайне со смутной притаенной надеждой: де вот подурчатся там, в городах, господ хорошие, потешат хвастливое сердце и расчелливый себялюбивый ум, переболеют денежной хворью, перетрут в себе скупость да жадность и, внезапно опамятавшись, вспомнят Бога, затоскуют душою и наконец-то обратятся лицом к приунывшей деревне, откуда так торопливо сбежали, и поспешат с помощью...

2.

На Новый год ждали гостей, «столичных штучек» Проханова с Бондаренко. Но как-то и не верилось, что придут они к деревенским сидельцам в их скрытню, решатся сломать длинную дорогу на край света, от Егорьевска обледенелую, уже скверно чищенную, корыгом, с раскатами и смерзшимися котыхами, а от Мамасевской развилки и вовсе дикую, лесовую, с заносами и просовами, едва пробитую в снегу трактором-колесником только ради праздника.

С такой зыбкой надеждой «на авось» и отправились с женой пеши на роستانь за пять километров встречать друзей, чтобы не заблудились, зря не шастали по ближним деревенькам, пытаясь угодить на наш забытый Богом остров в Мещерском краю. Конечно, с грехом пополам до места добрались бы, «язык до Киева доведет», но как приятно обняться на распутье да расчеломкаться; сам вид близкого человека, что решился встретить, в фуфайчонке и фабричных валенках с долгими твердыми голяшками, со щеками, надраенными морозцем, с закуржавленной бороденкой, в вязаном монашьем кукле, - уже праздник душе усталым путникам.

Ноги дорогу знают. Дошли до тракта споро, хрусткий снег сам подбивал в пятки, а воздух, слегка примороженный, сладимый, навроде ключевой водицы. Развели костерок на опушке, стали ждать. «А ждать да родить - нельзя годить». Когда будут - кто его знает, вилами на воде писано. Томимся... Спешат машины-то, да всё мимо, на Малахово и дальше. Вдруг с тракта сворачивает красный «запорожец». Вылезает сосед Толя Фонин, к матери на праздник летит из Москвы; где ещё

дом-от, за лесом, до него попасть надо, но душа горит, а тут писатель у родной развилки, ну как, братцы, не выпить с дорогим соседом?

«Давай ломанем по стопарику», - предлагает. Я покосился на жену, а она вдруг: «Ломанем, Толя». Мужик достал с груди плоскую стеклянку с чем-то темным, три охотничьих складных стаканчика, развернул бутерброды с колбаской - московские гостинцы. Толя сухопарый, «гончей породы», какой-то присушенный постоянным внутренним жаром. На месте не устоит ни секунды, все время перебирает ногами, вертит головою, мечет взгляды по сторонам, выискивает что-то. Одно время у нас не было собаки, и Анатолий ходил с нами на охоту заместо выжлеца и ловко так, безошибочно тропил заячий след до самой лёжки, распутывая все узелки и петельки хитроумного звериного кружева...

Прямо на капоте раскинули стол. «Коньяк?» - спрашиваю, покрутив в руках бутылочку. Толя весело поглядывает, на губах под редкими рыжеватыми усишками меленькая ухмылка: «Бери выше, Владимирович. Плохого не пьем... Спирт «Рояль»... Не наш, но тоже забирает крепко. А вкус какой, и ёлкой не пахнет. Можно без закусона». Это была со стороны Толи высшая похвала напитку; как и младший братец Вася, он заедать не любил, приговаривая: «Пить закусывая - только сам процесс портить».

Братцы-ы мои милые, только вслушайтесь, название-то какое музыкальное, можно сказать, нежное, петь можно: «Ро-яль». Протянешь на выдохе и глаза зажмуришь от чудесной картины, что встанет пред очию... Живя долгое время на выселках, в деревне, мы, темные, совсем отстали от московской жизни. Оказывается, демократы, нахватав кредитов у Америки, навезли в Россию эшелоны заплесневелой колбаски, всякого чудного питья (правда, позднее обнаружилось, что «клопомора» и стеклоочистителя), снадобий от перхоти и итальянских погребальных камаш с картонными подошвами. В общем, весь смертный набор: выпил, закусил, натянул итальянские камашки - и в домовинку... Подняли мы по стакашку за встречу, покатился чужедальний напиток в брюшишко мягко, душевно. Явно не наша водочка, которой, бывало, ежели хрянешь стопарик, то невольно крянешь-хукнешь и потрешь нос свой об рукав пиджака, закусывая шерстяным пыльным духом; как ни ждешь с нею встречи, но каждый раз так внезапно ожет под горлом, ино слеза навернется, прищипнет глаз. Захотелось ещё сыграть на «Рояли» в три руки... По второму приняли на грудь - и сразу смеяться захотелось. Толя поболтал в бутылке (не домой же тащить одонки), посмотрел сквозь стекло на белый свет и разлил остальное, а посудинку забросил в кусты. Уже спеша домой, вскочил в «запорожец», дал газу и в грохоте, клубах едкого дыма исчез, как настился. Но у меня-то остались после Толиного угощеньца кружение в голове, в глазах - пелена, а в животе - хлябь.

И тут черная «Волга» свернула с большака и остановилась. Ура-а, наши едут! Первой неторопливо вылезла из недр машины темноволосая, вальсяжная, пышная дама в просторной шубе иль салопе из курчи, с улыбочивыми припухлыми губами и с каким-то ласковым материнским взглядом. Ба-а, да это же Люся, жена Проханова, румянец во всю щеку, влажные карие глаза светлились искренней радостью, словно и не осталась позади долгая дорога. В этом салопе с блестками снега на воротнике, на волосах и атласном капоре, с сияющими глубокими глазами она так походила сейчас на новогоднюю ёлку. Хоть хороводы вокруг води... Я пощеничьи ткнулся носом в Люсину холодную упругую щеку и засмеялся своему смешному сравнению.

«Ну как, ребятки, вы тут поживаете? Далеко забрались... Думала, уж никогда не досхать, - с ласковым удивлением говорила Люся, слегка грассируя. - Саша, ты где? Нет, Саша, ты только посмотри, кто нас встречает? Это же Личутины... Володя с Дусей. Какие вы молодые, какие красивые, ну нисколько не изменились. Наверное, деревенский воздух так действует... Господи, как тут у вас хорошо, - томно протянула, оглядывая снежные пелены с голубыми тенями от деревьев, припудренные березы с пониклыми косицами, синь дальних ельников. - А воздух какой, какой воздух! Только дыши, и больше ничего, кажется, не надо».

Тут и Проханов покинул машину, темным лицом и упругим крылом длинных волос по плечи напоминая карбонария; не хватало лишь широкополой шляпы и пистоля за алым шелковым поясом.

«А мы уже выпили и закусили, - не удержался, похвалился я. - Чувствуешь сладкий запах «Рояля?» Терпеливо, натрезвую ждали, а вас всё нет, а тут сосед летит... Ну и... Сам знаешь, как это бывает. Короче, сообразили на троих. И вот нам хорошо». Язык меня странно не слушался, запинаясь о зубы, неожиданно заполнив весь рот. Меня распырил смех, и пробитая трактором колея, похожая на танковые

траки, тоже колыхалась, становилась то алой, то крапивно-зеленой. Значит, и глазами моими завладел чертик из винного шкалика.

«Вижу, что тебе хорошо и Дусе хорошо. А значит, и нам хорошо, раз вы такие счастливые. Вижу, как тени сочных шашлыков из кабанчика уплывают в небеса, где сейчас Яшкина душа, и там вашему поросенку тоже хорошо. Ему там вкусная и сытная трапеза... Не ваши грибы... У него там новая работа: пасет овец, оброс собачьей шерстью... Угольками-то как вкусно попахивает от костерка, соленным салцем с чесночком, лучком и помидоркой. Слышу, как свинные хрящики прощально попискивают на твоих зубах... Только картину писать: старосветские помещики на пленэре... Ну и как кабанчик получился? Сразу всего в чугуне сварили и съели за один присест, иль и нам остался кусочек? - спросил Проханов. - Ну, крохотный, такой заваливающий кусочек червеного салца с брюшины».

«Саша, ты зря смеешься...»

«Не слушай ты его, Володя, - голос у Люси грудной, бархатный, утешный, как у матери. - У Саши всё шуточки. Проханов, Личутины переживают, а у тебя шуточки...»

«Люся, нам было так жалко нашего поросеночка, ну прямо до слез. Ты не пове-ришь, как нам было жалко его; ведь член семьи, он все понимал, только ничего сказать не мог, у него глаза были человечьи, как взглянет - всего понимает, оз-ноб до сердца. И вот закололи... Да-да, пришел Сережа-сосед, хрюнул стакан са-могонки - и заколол... Осмолил паяльной лампой. Яшка лежал на простынке та-кой голенький, ах ты, Боже мой... Дуся плакала. Но печенка под самогонку была хороша», - я снова глупо засмеялся, но мне вдруг показалось, что смеется кто-то другой, со стороны.

«Ребята, вы поторопились... У меня мысль была, сделать цирковой номер, - шу-тил Проханов. - О вашем кабанчике уже вся Москва знает. Ходил бы ваш Яшка на задних лапах с подносом, рушник через плечо, шерсть завитая в золотой каракуль, а на подносе бутылка водки и рюмка, и кабанчик бы всех рюмкой холодной водочки потчевал, ты бы, Володя, подливал, а на поднос жирные московские робята-боро-вята бросали бы «сотельные», и вы бы хорошо кормились и ни в чем не нуждались. А что? Отличный проект, современный бизнес. Если литература не кормит».

«Саша, ну перестань говорить ерунду... Давай, поехали».

И поехали в нашу деревеньку. Проханов за рулем, а мы сзади, толкачами. Только машина вырвется из плена, я упаду в снег - и давай хохотать, вот как будто в меня бес какой вселился. И вставать неохота. Лежу на спине, раскинув крестом руки, гляжу в просторное, голубое, в измороси небо, и не то я всплываю вверх, как морская рыба с глубинного дна, то ли створка раковины опускается на меня, чтобы закрыть меня в хрустальной домовинке. Женщины давай выни-мать меня из снега, а я кочевряжусь, вываливаюсь из их рук, тяжело плюхаюсь в хладные перины, будто во мне поселилась свинцовая гнетая, и беспечно, глупо чему-то смеюсь.

«С ума сошел, да? Не пойдешь - оставим, валяйся тут», - грозитя жена.

«И останусь, навсегда останусь. Знали бы вы, как мне хорошо... Вот спохвати-тесь, вернетесь, а я уже стану как мороженная наважка...»

Ну, с грехом пополам дотащились до Часлова, попали в домашнее тепло, и вот с этой минуты я уже мало чего помню. Вот жена достала из русской печи щи в чугунике, открыла крышку, и по избе поплыл запах уваренного мяса. Все дело-вито засутились, гости стали потрошить походные котомки, добывать москов-ский гостинчик, забренчала посуда, зазвенели склянки. Но этот звук до меня до-ходил отстраненно, откуда-то издадека, будто на деревенской росстани мерно удя-ряли в рельсу, сзывали на пожар. Голова моя вдруг воспламенилась, взялась жа-ром, но сам я страшно замерз, и меня стала бить крупная дрожь. Печь-столбушка была изрядно накалена, казалось бы, прикоснуться нельзя, но я, вплотную прильнув грудью к горячим кирпичам, не мог освободиться от стужи, сковавшей все тело от макушки до пят. Зубы мои лязгали, отбивали дробь. Тогда на меня нагроулили шуб и одеял, принялись растирать руки и ноги, давать клоквенного морсу, и озноб потиху стал истаивать, лед - отходить от сердца, а в пылающей голове появилась первая мысль, что я, слава Богу, вроде бы жив. Неясные тени, проступавшие сквозь туманец, обросли плотью, прорисовались в глазах родные лица. Мне сунули под мышку термометр, и набежало всего лишь тридцать пять и две....

«Не хватало мне окочуриться в канун Нового года. Вот был бы праздник ... - бормотал я, едва двигая деревянным непослушным языком. - А ведь, кажется, уж там и был. Прямо какое-то наваждение».

Все, до той минуты застывшие в ожидании, вдруг оживились, радостно заговорили, голоса переливались, как струйки святого родника. Свет в моих зачумленных глазах приочирился, пелена спала, и я тут ожил совсем.

«Слава Богу, обошлось... А мы уж напугались... Ты, Володя, отравился, это точно. Тебя так трясло - удержать не могли, - гулькала грудным бархатным голосом Люся, не сводя с меня жалостливого взгляда, поправляла на мне свою постоянно сползающую каракулевою шубу, которой бы хватило обернуться дважды. - А чем? Надо обязательно выяснить...»

«Ты, Володя, так больше не шути... Отравиться ты ничем не мог», - сказала жена...

«Хороши шуточки... Может, «Рояль» сыграл траурный марш? Но ведь и ты пила, а с тебя как с гусыни вода», - предположил я, перебирая в памяти дневные события.

«Я только пригубила», - поправила меня Дуся.

«И я соточку принял, не больше...»

Стали гадать, сошлись на том, что черт ножку подставил, чтобы я не баловал с вином, крепко не налегал на бутылку, а то стал слишком падок до хмельного, и потому весь мой «органон», донельзя отравленный, дошел до крайней черты. Но и тут не пришли к одному мнению. «Пей в меру, сказал Неру». Но: «Пей досыта, сказал Хрущев Никита».

«Надо сосуды чистить от шлаков», - подвела итог Люся, и тут все свободно вздохнули, обратили взгляд на стол, где дожидался горшок со щами на свиных ребрышках.

«Да не... Он много не пьет, - решительно вступилась за меня жена. - Володя свою норму знает. Это западная дрянь виновата... Навезут всякой отравы, а мы - подыхайте, как скоты», - жена загорячилась, голос её накалился.

«Верно... Я много не пью, разве что с устатка, когда притомлюсь, иль после охоты и на рыбалке, после баньки, в праздники церковные и советские, в дни рождения, с неожиданными гостями и в гостях, на привальное и отвальное, ну и просто так, порою, когда дурное настроение иль худая погода, иль когда добрые вести и неожиданный прибыток, иногда с деревенскими за кумпанию... Но, в общем-то, братцы, совсем не пью», - я свел случившееся в шутку. Озноб меня оставил, но какие-то отголоски минувшей беды кочевали по телу от ступней к сердцу едва уловимыми волнами, будто по полу гулял тонкий сквозячок и подтачивал меня споднизу.

«Братцы мои... одинаво живем! - решительно махнул я рукою - Клин клином вышибают...»

Я выпил стакашек «Столичной», прислушался - хорошо покатила, сердешная, нигде не встала колом, не запрудила. Тут все обрадовались, потянулись ко мне чокаться рюмками. Слава Богу, обошлось... Похлебали горяченьких щец, женщины попробовали под «Каберне» всяких московских заедок. Обласканный Прохановым кобель наконец-то отстал от гостя, вихлясто заскитался по комнатам, стуча по полу когтями, потом рухнул под порог и растянулся, как падал. Все незаметно осоловели, огрузли на лавке, тьма обступила нашу изобку, и она, снявшись с якоря, тихо поплыла по таинственному небесному океану меж неизвестных материков. Пробовали вспомнить спесивую Москву, беспалого кремлевского Дуролома, но Проханов сразу отрезал:

«Про политику - ни слова. Я устал... Дайте отдохнуть... В Москве, куда ни придешь, обязательно разговоры о политике подадут на десерт. Вместе с рюмкой коньяку и кофе... А сами ни бельмеса не смыслят». «Саша, ну почто ты так грубо нам затыкаешь рот? - попыталась возразить Люся, но сказано это было так мягко, так виновато, с такой нерешительной улыбкой и поднятыми вверх руками. Стало сразу ясно, что восстания не получится. - Может нам хочется поговорить с Дусей о политике, а ты нам запрещаешь». «Ха-ха... тебе только дай воли - не остановить... Нынче каждый мнит себя стратегом...»

На этом перепалка потухла, сил не было спорить, что-то доказывать. Вылезли из-за стола, стали украшать ёлку, потом расправлять постели на ночевую. Бродили по избе, словно опоенные тараканы. На улице оттепелило, рамы очистились от морозного узорочья, свет из кухни падал на улицу, и янтарные по гребню сугробы под окнами вспухли, как дрожжевое ноздрястое тесто, приникли к самым стеклам.

«Бай-бай, бай-бай, ты, собачка, не лай...» - запело в небесах. Значит, пора на боковую.

Проханову досталась хлипкая раскладушка, и он едва уместился на ней. После

длинного дня и всевозможных приключений скоро забылись во сне, но не досмотрели и первого акта, как в избе сгрохотало, взлаяла собака. Включили свет. На полу, в развалинах раскладушки, меж алюминиевой арматуры и обрывков парусины, запутавшись в простынях и окутках, лежит Проханов, а верхом на его груди сидит наш выжлец и ласково облизывает лицо нового друга. Смотреть на эту сценку было презабавно, потому от души посмеялись. Устроили пострадавшего на русской печи, на горячих кирпичках. Потушили свет, и глухая ночь проглотила нашу избу, как кит Иону.

...А с утра пошел снег, поначалу редкими хлопьями, но вскоре встал меж небом и землею плотной стеною - не проткнуться взглядом. Затопили печь, и так радостно было смотреть в устье, где по березовым полешкам бойко расплясалось багровое пламя, с ровным потягом, с потрескиванием и пощелкиванием, с подвывом утягиваясь в трубу. За ночь в избе выстыло, и с первым жаром, струящимся из чела печи, бревенчатые стены скоро отпотели, оживели, и как бы очнулся сам домашний дух, и к горьковатому дымку подмешался запах новогодней ёлки, таинственно выглядывающей из полутемной комнаты, выходявшего в кастрюле дрожжевого теста, подкисшей шуки, праздничной стряпни и обрядни, уличного легкого морозца, припархивающего в двери при частой бабьей бродне туда-сюда, и рассычатого сухого снега, занесенного на валенках. И таким родным показался вдруг неожиданный снегопад за окнами, так согласно прильнул к сердцу, отстраняя от нашей избы мирскую блажь, гам и глум, выметая из груди утренний душевный раздраг. В избе ещё не развиднелось вполне, в дальних углах кухни жили сумерки, в запечье, расставив на приступке походные иконки, монотонным шепотком молилась жена Проханова, била поклоны, и цветастая завеска шевелилась и вздрагивала. Жена ловко вывалила на столешню тесто и, закатав рукава кофтенки, принялась усердно вымешивать, выминать его кулачками, тять, тять, шлепать, колотить и подкидывать, выделять из мягкой податливой теплой плоти всякие прихотливые загогулины, добываясь пирожной упругости. Шлеп-шлеп... Белая косынка сбилась к затылку, выпала на лоб прядка соломенных волос, легкая роса высыпала на виски. Вот так, наверное, Господь вылепливал Адама. В этой временной бездельности, выпавшей нам, мужикам, и утренней вязкой полудремоте, когда глаза не могут очиститься от сна, хотелось бесконечно, зачарованно смотреть на ярый, гульливый огонь в печи, азартно постреливающий на шесток алыми угольками, на хозяйку, раскатывающую живое тесто, на вздрагивающее от напряжения её лицо с бисером пота на носу, на отблески пламени, словно бы стекающие в щели остывшего за ночь, ледяного пола, на шевеленье занавески, за которой Люся Проханова молила для нас милости у Бога. Это редкое чувство полного погружения в себя, когда любое сказанное слово кажется лишним, было похоже на наваждение, на хмельной опой, и выплывать из него не возникало никакого желания. Мы невольно разбрелись по своим мысленным закутам, обособились, занятые собою, но от этого странного одиночества каждому было отчего-то хорошо...

Девяносто третий год отплывал за горизонт, сурово скинув нас на бездорожье со множеством загадок, утрат, потрат и расхристанных чувств - печали, тоски, какой-то безрадостной толкотни на земле-матери, сердечной боли, душевной неловкости и неустроенности; жизнь неожиданно принимала трагический оборот, к которому, увы, нельзя загадя подготовиться, но судьба невольно подталкивала в спину, принуждала впрягаться в воз, выминать заскорузлую тягловую лямку, выправлять постромки, принаравливаться к неудобью и непролази, когда каждый ступистый шаг попадал как бы по кромке пропасти, и, чтобы не свалиться с кручи, приходилось неловко осматриваться, до боли в шее заламывая голову... Страна разом поделилась на «наших» и «не наших», и если одни дружно, мстительно вставляли палки в колеса, то другие нехотя подпрягались в оглобли... Заставляли с усмешкою и издевкою жить в России по-новому, но почти все хотели жить по-старому. Словно бы приехали в гости через реку, отпировали, пора бы обратно домой попадать, а злыдни окаянные не дают, переправы все обрушили и выставили по берегу осеки и караулы...

Вдруг в заулке громко хлопнула калитка, загнулись под окнами полузанесенные кусты сирени, вздернулась, затрепетала ломкими ветвями старая ветла через дорогу, полетели, кувыркаясь, сучья и отмерший прах, жалобно звенькнули от порыва ветра оконные стекла, снег вмиг закрутился волчком, завихрил и тут же встал от земли до неба упругим косым парусом. И понеслось из бездны с натягом, с уханьем и посвистом. Вот это метель. Знать, бесы «ведьму замуж отдают»...

Мы выплыли из памороки, Проханов вдруг подумал вслух:

«Где-то сейчас наши Бондаренко с Ларисой...»

Сказано было мягко, любовно, жалостно.

Молчание рухнуло, все заговорили вразнобой, как по команде, стали гадать: «Дороги-то занесет... Не попасть будет». - «Застрянут, намучаются...» - «Не застрянут», - уверенно сказал Проханов. «Может, и не приедут... - крепко засомневался я, скосившись в окно на непроглядь. - Как повалило... Расплясались бесы-то... Не видно ни зги... Глянет с балкона Бондаренко и скажет: а на черта мне сдалась такая дорога вместе с Личуткой и Проханчиком? Дома в тепле так хорошо, на диванчике полёживай да мандаринчики под сухое винцо поёдывай. С одного боку Лариса пригревает, с другого - бутылочка похмеляет...» - «Завел, Личутин, панихиду... Приедут, никуда не денутся, - возразил Проханов. - Вот увидишь. Вы ещё плохо знаете Бондаренку».

Дуся принялась закатывать рыбу в кулебяки, смазывать противни; она торопилась, чтобы не упустить жар, и часто подскакивала к печи, чтобы посмотреть на огонь. Я притащил из сеней зайца, стал разделять, настрогал в чугунок Яшкиного сала, заложил дичину кусками, начистил картошки, нарезал лука. Праздничное жаркое из зайчатины полагалось как бы по неписаному ритуалу; обязательное личутинское фирменное блюдо. Подлил водички, задвинул чугунок в печь: упревай, дикое лесовое мясишко, томись под сковородою, набирай в себе соков, а для нас силушки и черевной радости.

А снег за окнами все шел с неослабевающим напором. Пока хозяйевали, пока стряпали, вдыхали хлебный дух печеного, время-то и бежало незаметно. Вот и румяные пироги выкатились на столешню, жена смазывала их маслицем, каждый прихлывая по зажарной крышце и упругому исподу, словно бы здоровалась с печивом, и пирожный запах становился гуще, заполнял собою избу, выпаривал на улицу в снежную метель, разбавляя её пресно-кисловатый железистый привкус. Сковорода на чугуне заподскакивала, варево с шумом выплеснулось на раскаленный под, дух жарева-парева, вырвавшись из полона, зацекотал ноздри, взволновал брюшину. Господи, да не слишком ли много чувства на одного человека? Со всех сторон дразнят, подпирают дразнящие душистые волны, горячат плоть, возбуждают нутро, а куда же ей, миленькой душе нашей, деваться в эти сытные минуты? Кто подскажет ей постыного схорона?... Да она, роденькая, в эти минуты тоже радуется вместе с человеченкой; душе нашей хорошо, и привольно, и сладко, когда плоть удовлетворена, ибо они, оба-два, живут неслиянно и нераздельно, хотя бы по смерти и разбегутся по своим дорогам. Ибо хлеб - это плоть Христова; хлеб всему голова, и ему в душе царское место...

Вот, говорили в старину, де «не едим хлеба горячева и гораздо мягкова, да пусть переночует, ибо от него многие стомаховы (животные) болезни приключаются». Батюшки мои, да верно думали наши предки. Но как отказать себе в удовольствии укушать от пылающего, обжигающего нутро пирога, вынутого только что из русской печи, когда живой огонь ещё не померк, затаился в печиве, и кажется, что весь ароматный тестяной мякиш испронизан пламенем. И ещё неизвестно, кто более жаждет пирога - сердце или плоть, ибо тело, помня пражные хвори, зажимает в себе соблазн какое-то время, глядит на стряпню с боязнью и пропускает вперед страстное сердце.

...Вот и чаю с ягодниками да пирогами «капуственными» попили, удовлетворили душеньку, и отобедали в свой черед, и уж незаметно засмеркалось на воле, стекльки посинели, а снег все валит и валит, как из преисподней, - не пригоршнями, но коробьями. Знать, преизлиха скопилось его в небесных палестинах. На улицу выходили, выбредали на деревенскую росстань (а уж с тропинки не сослупить - утонешь), высматривали Бондаренок сквозь колышашую мягкую завесу, облепливающую лицо, и с грустью рассуждали, что не прорваться ребятам в деревнюшку, хотя бы и очень пожелали, и будем встречать Новый год без них. Коли на дню не явились, сердешные, то куда впотемни пехаться по чужим лесовым путикам - каждый может заманить в лешевый угол, да и оборваться вдруг в глухом елиннике. А заблудившись, ночь в незнакомом лесу коротать - это тебе не у славной тещи в гостях посиживать возле стопки блинов со сметаной...

Собрали новогодний стол, день длинный показался, в хлопотах как-то присутали все, внутренне одрябли, на покой захотелось. Разговор не вязался. Только сели праздновать - электричество погасло. Теперь надолго без света, может, и на месяц, если снегом оборвало провода иль упали столбы. Зажгли свечу. Ёлка таинственно поблескивала игрушками, сумерничали мы, как заговорщики. Едва видимый, Николай Угодничек посматривал с божницы. По стенам шевелились черные лохматые тени. На улице по-прежнему метелило, гостей ниоткуда не ждали.

Разве кто из деревенских, заблудившись с пьяной головы, случайно приползет на огонёк; нынче не распояваны крестьяне шататься по соседям; поди, уткнулись угрюмо возле бутылки да тарелки с солеными огурцами и яишной, не дожидаясь боя курантов, скоренько опустошили запас спиртного - и на боковую. В избе напротив короткое время светилось окно смутным желтым бельмом, но вот и оно ослепло («чего карасин зря жгать»), и, пожалуй, на всю деревню лишь в нашем доме, хоть и мерклый, но жил огонек.

«Как замечательно сидеть при свечах», - восторженно воскликнула Люся. Круглое лицо горело, улыбочивые карие глаза её влажно блестели.

«При свечах, конечно, замечательно, но ещё лучше - при лучине, - ехидно поддел Проханов, но при этом он оставался умиротворенным, домашним, почти благостным. - Долой самолеты, ракеты, атомные станции, вернемся снова к сохе, лошади, армяку, полатям и соломенной крыше».

«Саша, ну при чем всё это? Ты вечно всё перевернешь, - надула пухлые губы Люся, словно бы намереваясь рассердиться на мужа. - Разве я говорила про соху и армяк? Но атомные станции нам действительно не нужны. Ты посмотри, наша страна превращается в гигантскую свалку отходов... А ещё этот партийный упырь пришел во власть. Боже мой, Боже мой, даже подумать страшно, что нас ждет...»

«Хорошо, пусть будет по-твоему... Все дружную толпой уйдем в лес на подножный корм, выроем землянки, станем драть корьё, молот и печь лепешки, жрать грибы и ягоды, заячью капусту и сныть, ходить голышом, молиться пню и колесу... А советскую цивилизацию под топор, как свинью... Подводные лодки разрежем, крейсера затопим, танки переплавим, возьмем лук и стрелы, народную дубину, тиф и холеру... Черт те что, прямо слушать противно», - Проханов сразу вздернулся, словно подключили его к электрическим проводам, загорячился, лепесточек огня заколыбался, готовый потухнуть.

«А я за Люсю, - подала голос моя жена. - Да, пусть она мыслит по-женски, ну и что? Разве плохо, что по-женски, всё равно, как бы вы, мужики, ни пыжились, как бы ни рвали на себе рубаху, а всё равно последнее слово будет за нами. Как мы захотим... За нами, бабами, правда, за нами и будущее... Станем рожать, значит, и Россия останется. Верно, Люся?»

«Как без мужика плодиться, ещё не придумали. Хоть и плох мужичок, да затульице... За мужичка завалюсь, никого не боюсь», - ехидным голосишком пропел я, ловко наполняя рюмки московской беленькой.

«Подумаешь... Ветром надует! - гордо воскликнула жена. - И всем вам, мужикам, кранты!»

«От Божьего слова станут рожать... От Деда Мороза... Господь всё сможет!» - поддержала Люся и подняла рюмку.

И с этими словами дверь в кухню вдруг отворилась как бы сама собою, словно её отпахнуло порывом метели, и из темноты сеней раздался басовитый напористый голос:

«Деда Мороза тут вызывали?!»

«Вот вам новое явление Христа народу. Сам живой Бондаренко... - Проханов откинулся на спинку стула, высматривая в сумрачном проеме двери гостя. - А где наша Снегурочка?»

«Снегурочка в плену у Кощея... Пошли вызволять... Значит, мы погибаем, а они тут водку жрут! Ха-ха-ха...»

«Бондаренко, ты ли это?» - трепетно воззвала Люся Проханова.

«Что, не ждали?» - грузно ступая, Бондаренко прошел в комнату. На плечах и шапке лежали сугробы снега. Бросились целовать и обнимать; затеялась тут суматоха, торопливо накинута одежка, выскочили в темень. Тихо было, как в погребке, метель улеглась, снежная пыль сеялась с небес, на росстани по-кошачьи, едва слышно, мурлыкал мотор, посверкивали мутные глаза машинешки.

За приспущенным стеклом сидела Лариса Соловьева, жена Бондаренки, и нерешительно взглядывалась в снежную целину темного деревенского порядка, наверное, печально размышляла, зачем она оказалась здесь, в неведомой земле, и стоит ли вообще вылезать в этот гибельный морок. Такое у неё было усталое, отрешенное лицо, так вяла и безвольна была протянутая для пожатия рука, так горестны были сниклые губы, что, казалось, и сил-то не осталось у женщины, чтобы выйти из машины.

«Володичка, здравствуй, - сказала Лариса, завидев меня, - неужели мы доехали?.. Даже не верится. - И, наверное прочитав мои мысли, добавила: - Господи, только бы вы знали, как я устала...»

И даже потом, когда мы столкнули застрявшую машину с распутия и освободи-

ли дорогу, Лариса медлила в салоне, с какой-то нервной усмешкою наблюдала, как возбужденно кружит муж вокруг «Жигулей» и причитывает: «Ларочка, они, оказывается, нас уже не ждали... Они не ждали нас, а мы приперлися. Ха-ха... Они хотели без нас всю водку вылакать».

«Володя Бондаренко, успокойся, пожайлуста, - мягко осекала Лариса. - Ну, какая тебе водка, дорогой. Забыл? Тебе можно пить кефир и безалкогольное пиво».

«Вот те на... У вас что, и свету нет?» - спросила Лариса, входя в избу.

«Нету свету, Ларочка! Отрубили! - воскликнула Люся Проханова, слегка захмелевшая, оттого голос у неё был сладкий, игривый. - И не надо... Как-то даже лучше, глазам спокойнее при свечах».

«Ага, церковью пахнет, постом, кадиллом, попом...» - перебил Проханов. Жуковатые глаза у него играли в суметках, как влажные маслины.

«О чем ты, Саша, говоришь... Тебя даже неловко слушать... Мы так привыкли к удобствам, Боже мой, так далеко отошли от природы... Это наше несчастье...»

«Может быть, ты и права, Люся, но с удобствами лучше, - поправила Лариса Соловьева, зябко перебирая плечами, и вместе с тем, наклонившись над столом, оценивающе оглядывая его, прицеливаясь к тарелкам. - Люсечка, дорогая, мне так хочется есть, я так проголодалась, я так устала. Это просто счастье, что нам Бог помог и мы не заблудились в метель, не застряли в болотах, не укатили в другую сторону, не погибли и не замерзли, что нам попался какой-то странный человек, он неожиданно вышел из леса с посохом, в волчьей дохе, в лисьем малахае и с седой бородой по пояс и показал нам дорогу. Мы предлагали его подвезти, но он отказался, лишь махнул рукою - и пропал... Я оглянулась, а его уж нет. Володя Бондаренко, я правду говорю?..»

«Почти...»

«Невероятно, мистика какая-то! - вспыхнула Люся. - Это так странно, не правда ли? Это чудо... Кричи - не докричишься... Вы одни в ночном лесу, метель, и этот старик в бороде вдруг появляется из тьмы. Как это всё по-русски. Может, это был даже... Ну, как ты говоришь, - женщина смутилась, прикусила язык, чтобы не сказать лишнего. - Короче, я этому верю».

«Ну, как не верить... Я же не вру, правда, Бондаренко?»

«Почти... Ларочка, успокойся, соловья баснями не кормят. Мы так не успеем старый год проводить. А это плохо... Саня, скажи нам путеводное слово».

Проханов отключился от разговора, перестал едко притравливать жену, вставляя палки в колеса, но сидел, откинувшись на спинку стула, призамкнувши глаза, какой-то помолодевший, домашний, благорастворенный, с доброй беспечальной улыбкой, со стороны, из сумерек наблюдая за всеми. Свеча притухала, оплывала, темень сгустилась вокруг стола, лица наши едва различались. Дуся вдруг спохватилась, зажгла на кухне керосиновую лампу, затрепещал фитиль, едкий запах притек в горенку, и стены слегка прираздвинулись. Саша очнулся:

«Ну что сказать, дорогие мои друзья... Год девяносто третий уходит от нас, ужасный год, страшный год распада страны, разрушения, смертей, гибели близких, жути, крови, слез и страданий. Уже, казалось, никто не устоит под сокрушительным навалом антинародной власти, нашу газету «День» закрыли, ворвались в редакцию люди в масках, бронжилетах, с автоматами, будто мы какие-то разбойники и грабители, всё, что могли, унести - унесли, нас выгнали на улицу... Но это был и светлый год, год надежд, русский народ восстал, впервые за много лет показал силу духа, страсть к сопротивлению, жертвенность и мужество, сотни людей, отстаивая честь и правду, сгорели заживо в Белом доме, в этом окаянном крематории, - но не сдались... Мы, Бондаренко, я и Женя Нефедов, бежали, нас преследовали, мы скрывались, мы могли бы затаиться и в Москве, и там бы нашли надежные люди, но мы направили стопы к Володе Личутину, нашему другу, зная, что в глубине рязанских лесов он уберет нас, укроет, даст перевести дыхание и осмотреться, как действовать дальше. И вот мы снова здесь, в этом добром деревенском доме в глубине России, занесенной снегами, у наших друзей Володи и Дуси, нам здесь хорошо, уютно, спокойно, мы не сломались, у нас есть новая газета «Завтра», которую мы неимоверными усилиями выпускаем, скитаясь по стране в поисках типографии, убегая от сыщиков, милиции, властей, которым приказано нас держать и не пущать, но находятся всюду верные помощники, народ нам верит, народ ждет нашу газету. А значит, ничто не пропало зря, и впереди нам

предстоит борьба... Все мы, слава Богу, здоровы, беда миновала нас, обошла стороной и детей наших... Вот за всё это и выпьем».

«Саша, ты златоуст, - невольно воскликнул я, душа моя ослезилась, всхлипнула неслышно, наполнилась теплом ко всем сидящим, и что-то подобное, наверное, овладело всем застольем. - Ещё Валентин Распутин может так же говорить, без запинки, будто словесную пряжу вьет, и ни одного разрыва...»

«Наконец-то похвалил... И для меня одно доброе слово нашлось...»

Звякнули рюмки, дружно сойдясь над столом. Не успели толком закусить, поднялся Бондаренко с бокалом шампанского. Жена покосилась на него, но промолчала.

«Ларочка, бокальчик шампани - и всё... - сказал умоляюще. - Что делать, своя бочка выпита, пора лодку выгаскивать на берег, сушить вёсла и думать о вечном. И хорошо, что завязал, больше времени останется для работы... Александр Андреевич всегда рад такому работнику: не курит, не пьет, ну и дальше по всему списку...»

«Верной дорогой идете, товарищ Бондаренко... Ещё бы не ел, не пил и зарплату не просил... Цены бы тебе не было», - засмеялся Проханов.

«Ну, дорожка, конечно, надо сказать... - протянул Бондаренко, поблескивая очечками. - Не на Голгофу, конечно... Но все-таки. Ведь под Москвой деревня, каких-то верст триста всего, считай совсем рядом; погромче крикни, на Красной площади услышат. И вот едем, мы, едем, конца-краю нет, гололедица, темень, метель, людей никого, вымерла Россия. Ну, как тут не запаниковать? Мне-то, конечно, что, не я же за рулем. Посиживай себе... Я говорю, Ларисочка, не трусь, Бог не выдаст, свинья не съест, - ха-ха... ха! Ну как, Лариса, я был прав? Доехали ведь и вполне благополучно, и никто нас не съел. Ни волки, ни свиньи, ни медведи. А могли бы, могли, если бы мы вбок отвернули. И тут какой-то человек нам попался... Ведь на авось ехали-то, не зная пути. О чем это я? Да... Значит, в русском «авось» не все так мелко, нелепо и глупо, как изоощряются западенцы, а в нем какая-то глубокая сила живет, которая и руководит. А над «авосем» стоит наш русский Бог, а с ним-то мы выстоим и с нашего пути не сойдем! - Бондаренко заголил запястья, взглянул на часы. - Кстати, друзья, тютелька в тютельку, самое время поднять тост... Не только я говорю вам сейчас, но и вечно пьяное Кабанье Рыло из Кремля, которого мы, слава Богу, сегодня не слышим и не видим из-за отсутствия электричества... «С Новым годом, дорогие товарищи!..»

«Чего не знаешь, того как бы и нет. Не ко времени вспомянул... Хоть сейчас-то посидим во спокойе безо всякой московской шпаны», - вернул я запоздало и отхлебнул «шипучей советской кислятинки». Пузырьки шибанули в нос, и я закашлялся.

«Нельзя, Личутин, никого ругать в светлый день», - с намеком пошутил Проханов и вдруг тихо-тихо запел:

«...А где тот лес? Черви выточили.

И где черви? Они в гору ушли...

И где та гора? Быки выкопали.

И где быки? В воду ушли...»

Голос у Проханова низкий, густой, с переборами, внутренне напряженный, будто придавливают ему грудь и не дают звуку вырваться на волю в полную силу. Саня не просто поет, но словно бы вглядывается куда-то вглубь своей недремлющей памяти, где вся жизнь его поместилась - от молодых ногтей до нынешних первых паутинчатых седин. Люся подключилась бархатным грудным голосом, ловко подстроилась под водительство мужа, не переча ему... Вот два голоса слились, не бегут вразброду, перенимая на себя власть, но знают такт, и меру, и добровольное подчинение. А без этого чувства согласия, братцы мои, никакая песня красиво не завяжется, искра противления и гордыни невольно выдаст себя, выскочит из горла петухом... Невольно вспомнилось, как праздновали однажды день рождения у Володи Бондаренко на станции «Правда» в крохотной тесной квартирешке из двух чуланов, куда сошлись человек пятнадцать единоголасников и единомысленников. Сбились, как кильки в банке, но ведь хорошо было в тесноте, так сердечно и незабытно, но уже неповторимо... Вот так же, как сейчас, Прохановы вдруг запели, и у Люси вырвалось непроизвольно: «Если бы вы знали, как я люблю Сашу!» Вскрикнула, вспыхнула лицом и, по-птичьи округлив карие добрые глаза, с изумлением взглянула на мужа, а тот гордовато приоткнулся к спинке дивана, вот-де я какой гусь, встряхнул густой вороненой волосней, но промолчал, наверное, в некоторой оторопи...

«Лет восемь, поди, минуло с той поры? - мысленно прикинул я, вглядываясь в поющих друзей. - Как быстро, незаметно проскочили они...»

«...И где вода? Гуси выпили.
И где гуси? В тростник ушли...
И где тростник? Девки выломали.
И где девки? Замуж вышли...
И где мужья? Они померли.
И где гробы? Они погнили...»

...Когда стол собирали, думали загулять до рассвета, как водилось в прежние годы. Иль темнота вселенская так тесно объяла, что остудила застолье, иль все приустиало за долгий суматошный день, но вдруг все разом скисли, загрузили, запозевывали, запоглядывали на кровать...

«Бай-бай, бай-бай, ты, собачка, не лай...»
Так закончился год девяносто третий.

3.

А утром небо заволокло, затянуло хмарью, с крыш закапало, от снегов поднялся влажный туманец. Стало промозгло, душно, словно апрель на дворе. С крыш обрушивался с грохотом подтаявший снег. Наши женщины решили навестить часовенку, что затаилась от постороннего взора у лесного святого родника, но ни дороги, ни стезки туда по-за деревней; и, увязая в сыром снегу по рассохи, с кряхтеньем и бабьим визгом одолели они метров десять от околицы и, мокрые по пояс, вернулись обратно в избу. Восторг от деревенского житья сразу поприутих; впереди ждал длинный день, ни света, ни телевизора, глухая тишина. Ну чем занять себя наезжему горожанину? Только спать, есть-пить да сплетничать.

И тут вспомнилось, что обещана гостям деревенская баня. Уж так повелось нынче в народе: если хочешь заманить гостей в деревню, то обещай уху из свежины и парную. Баня слывет за ощутимый зажиток и хозяйственность; это почти роскошь. «Что, у вас даже баня есть своя?» - обычно переспрашивают, округляя в легкой зависти глаза, как будто век не мывались.

...А баенка у нас стоит под старым вязом в огороде. Половину занимает присадистая печь с котлом, и, чтобы протопить, надо день убить, столь прожорлива она, неукладиста; надо кипящую воду сливать в баки не один раз, дрова таскать охалками, чтобы камень прокалилось, да после дать остояться с часок. Баня не новья, ей уже лет пятнадцать, строил, как заехал на Рязанщину, мох из пазьев синицы-трясогузки повыдергали, оконницы порасселись, половицы порассохлись, на потолке песок повысыпался в щели. В общем, с обрядней, надо сказать, мороки много; исстари повелось в деревне: чтобы баню урядить, надо вбить в неё целый день. (Хорошо ещё, если колодец рядом. Помню из детства: наш дом в Мезени стоял у болота, а родник был под угором, таскали воду за километр, но от бани не отступались). Потому и говорится издавна: «банний день». Значит, все прочие труды невольно отступают на второй план, потерпят до завтра. Хозяин топит, жена пол, полук, потолок, лавки да и стены голиком с дресвою шоркает, щелок в бочке наводит, бельё рубелем катает, шайки-тазы намывает. Так и стоит перед глазами эта незабываемая картина, словно и не укатилась под обрыв с тех дней плывучая прорва лет. И вроде бы моркотны, суетны эти хлопоты, сколько надо убить драгоценного времени на помывку бранных телес, но мы же русские люди, а не турки остроголовые, не итальяшки-макаронники и не спесивые французишки, чтобы телесную чистоту наводить из медного тазика, где воды с кружку. Для русского баня - это как бы разговленье после недельной работы на земле, телу - праздник, душе - благое смущенье, а сердцу - веселье. Как хорошо, поддав на каменицу, хлестко пройтись березовым веником по истомленным, жаждущим жара моселкам... Да нет, пожалуй, я на этом и остановлю всхлипы и придыхания, ибо изрядно уже понаписано в литературе о русской бане...

И вот пробрили мы лопатами тропинешку в зыбуне, получилась траншея по пояс; и стал я топить по заведенному порядку. Но только упустил из головы, что неожиданно оттеплило на воле, сырая сизая мгла повисла в воздухе, с крыш каплет, бревна баенные отпотели, лавки отсырели. Эх, кто бы надоумил с вечера подбросить в топку охалку березовых поленьев, чтобы просушить стены... Калил, калил я баенку, наверное, костер ополовинил, столько дровья извел, и парилку-то вовремя закрыл, и веники-то я замочил, кажется, сделал всё честь по чести, чтобы не втоптать себя в грязь перед друзьями-пересмешниками. И уже шпотемни с дворовым фонарем отправились мы гуськом на помывку, растелешились, нырнули в парилку, зажгли свечу в стоянце; расселись мои друзьяки соколами на полке, приказывают сверху: «Ну-ка, друг Личутин, подкинь ковшечек, а мы испробуем све-

жего парка!» И приготовили веники. Зачерпнул я из котла кипяточку, плеснул на камень, а от них лишь пшик, и какая-то сырь пеленою развесилась в бане, ничего толком не видать, и с потолка тут закапало, запоточило на наши головы. Ещё раза два пытался я пробудить бессердечную каменицу, вдохнуть в неё жизни, но только залил водою. И свеча тут сгасла. На ошупку, кой-как окатились - да и скорей в избу. И не столько напарились, сколько намерзлись, аж посинели, сидючи на полке... Посыпалось тут насмешек на мою грешную голову - не со злого сердца, но язвительных; и то ладно, хоть нашелся повод посмеяться и выпить. Ведь кто на Руси после бани не примет рюмашку водчонки? Как говорят в народе, только Иисус Христос - у него руки приколочены, да телеграфные чашечки, что висят на столбе вниз головою.

И пока сидели за столом, поджидая, когда наши женщины вернутся из бани, зародилась в моей голове подозрительная мысль, что кто-то вадит нами, строит злые козни, ставит в Новый год подножки одна за другою, чтобы мы пали рылом в снег да больше и не выбрались из него. Не иначе как черт хвостатый, незаметно проскользнув в подоконье нашей избенки или в полые двери, все наши добрые намерения ретиво перечеркивает...

А тут и наши женщины вернулись с помывки с охами да стонами: напились, бедные, угару. На Ларисе лица нет. А спальное её место на кухонном столе, то она тут же взлезла с помощью Бондаренко на своё ложе, ручки на груди скрестила, собралась помирать. С сердцем дурно, щеки - мел, глаза ввалились, обочья почернели - отходит наша подружия. Эх, забегали мы вокруг, как у новогодней ёлки, стали пособлять, отхаживать каплями. Лариса лишь вяло отмахивалась ручонкой да пристанывала, дескать, отстаньте, дайте спокойно помереть. А что нам-то делать? До больницы не докричишься, связи нет, дороги нет, света нет. Эх-ма, Русь ты, великая, да бескрайняя, да могучая при пьяном, диком самоуправе-вознице. Далеко ли укатишь при безумном кучере?

«Сотворил ты всем нам, Личутин, смертельную баньку, - подвел итог насмешливый Проханов. - Большое спасибо тебе... Вот зазвал к себе в гости, а суждено ли выехать - это ещё баль-шо-ой вопрос». Я пробовал оправдаться и отшутиться - да куда там, никто и не слышал меня. Расползлись по избе на ночевую, как пьяные тараканы, - да с тем и празднику конец. Я задул лампу, ошупкой нашарил кровать, грустно забился под одеяло; ширя глаза, недолго вглядывался в темень, объявшую дом, напряженно вслушивался в избяные звуки, как бы на слух справлялся, живы ли ещё мои сердешные... Да с этой тревогою на сердце и уснул.

...Утром гости разъезжались. Я положил Проханову в багажник обещанную свиную ляжку. Проводил друзей до росстани, помахал рукою. На следующий день и мы покинули деревню.

Но, как оказалось, на этом приключения друзей не закончились. На свиной оковалок свалилась канистра, и мясо всю дорогу до Москвы отмокало в бензине.

...Лариса Соловьева на московской кольцевой автодороге умудрилась загнать свой «жигуленок» под кузов большегрузной машины. Но, слава Богу, всё обошлось.

ПОЛГОДА



**ДМИТРИЙ
ЕРМАКОВ**

Дмитрий Анатольевич Ермаков родился в Вологде в 1969 году, долгое время активно занимался спортом, работал тренером. Член Союза писателей России, автор двух сборников прозы, лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина «Светлые души».

1

- Мороженое, мороженое, мороженое...

Пальцы застыли от холода. Колька нёс большую картонную коробку.

- Пацан, сколько?

- Десять.

Ему подали деньги, он подал мороженое.

Пройдя последний вагон, он как раз продал всё, спрыгнул на перрон, бросил пустую картонку под поезд на шпалы, потрогал в кармане рубашки деньги. И увидел двух мальчишек, один из них нёс точно такую же коробку. Шли они к сто тридцать четвёртому, он только что прибыл и будет стоять пятнадцать минут. Ребят этих Колька не знал.

- Э! Орлы! - развязным хриплым голосом окликнул их Колька.

Парни остановились. Один из них был ростом и комплекцией примерно с Кольку, второй чуть крупнее.

- Кто такие?

- А тебе что?

В голосе ответившего, того, что крупнее, Колька почувствовал неуверенность и попёр буром.

- А ну живо отсюда! - он подошёл к ним. - Ща свистну - только коробка от вас и останется.

Он выхватил коробку с мороженым и поставил на асфальт. Мальчишки были явно ошеломлены таким напором.

- Живо слиняли отсюда! - Колька сделал жест, будто хотел ударить старшего.

Тот отпрыгнул в сторону и побежал, второй испуганно заозирался и тоже сиганул с перрона.

- Лихо ты, - сказал Кольке стоявший неподалёку знакомый грузчик.

- А-а... - Колька пренебрежительно махнул рукой, подхватил коробку и побежал к сто тридцать четвёртому.

Он был рад: целая коробка! И всё, что заработает на ней, - его, не надо делиться с Зубой.

Распродав и эту коробку, Колька

выпрыгнул на перрон, огляделся и торопливо пошёл к выходу с вокзала.

- Коля-я-я! - навстречу Кольке шёл Борька Зубарев - Зуба, а с ним ещё двое. Все в спортивных штанах, футболках и с короткими стрижками.

- Как дела?

- Нормально. Три коробки.

- Ну?

Колька достал из кармана деньги и подал Зубе. Он отдал большую часть из того, что заработал. И это было справедливо.

- Завтра как?

- Приду к московскому поезду.

- Ну, давай.

2

Дверь открыла мать.

- А-а, сынок... - она попыталась обнять его, но Колька увернулся, оттолкнув её руку.

- Что? Мать толкать?.. А!.. - она махнула рукой и ушла в комнату, плотно закрыв за собой дверь. Но Колька успел заметить лежавшего на диване мужика.

На столе в кухне громоздились грязные тарелки, стаканы, бутылки. Табачная вонь по всей квартире.

Колька отрезал от буханки горбушку. Сжевал хлеб, запивая кипячёной водой прямо из чайника.

Из материнной комнаты послышались невнятные голоса. Колька тихонько вышел в прихожую, натянул кроссовки, бесшумно открыл и закрыл за собой входную дверь. Он пошёл к бабушке.

Бабушка - мать отца. А отец уже четвёртый год в тюрьме. Сначала мать говорила, что отец уехал в командировку. Колька был маленьким и верил. А сейчас знает точно - отец в тюрьме. Вернее, в лагере. Ещё Колька знает, что когда отец вернётся, он приберёт мать и всех её дружков. Поэтому, хотя он и ждёт отца, но и боится его возвращения.

А бабушка, как про отца Колькиного, сына своего, вспомнит - плачет. Обычно молчит, но однажды прорвалось:

- Из-за неё, стервы...

Колька съёжился, когда услышал такое о матери. Ему жалко мать, жалко отца, жалко бабушку. И в то же время он злится на них всех... Потому что... Из-за них всё... Всё из-за них... Лучше бы и не рожали его...

Бабушка уже собиралась спать, когда он пришёл.

- Внучек! Проходи, милый.

Колька подал ей деньги, оставив себе совсем немного. Бабушка поохала, но откуда деньги, не спросила, знала, что он не скажет. («Отстань, баб, не ворую», - ответил ей Колька, когда впервые протянул деньги). Она положила деньги в сервант, в старинную железную коробочку из-под чая. Собрала на стол поесть.

- Как в школе дела?

- Нормально, - он не был в школе уже неделю.

- Что мать?

- Пьёт.

Бабушка завздыхала слезливо. Колька отвернулся, включил телевизор - трескучий, чёрно-белый, и, уплетая за обе щеки рожки с колбасой, стал смотреть фильм про «братву». Как у них здорово всё получается - тоже сорванцы были, а потом разбогатели. Особенно этот, главный у них - крутой, всех на разборках мочит. А «обувают» они только козлов всяких, которым так и надо. Классное кино!

Потом он лёг спать на диване. Накрылся одеялом с головой по совсем ещё детской своей привычке... Первое, что он помнил о себе: он с головой под одеялом, а мама спрашивает:

- А кто это у нас в норке?

- Мышонок!

Но ему уже четырнадцать лет. Не до игр. Колька стал подсчитывать, сколько накопилось денег в чайной коробке (бабушке сказал, что копит на мобильник) - приличная сумма получалась.

Скоро он поедет к отцу. Взял бы и бабушку, да она сама как-то призналась: «Не могу туда ехать. Боюсь - сердце не выдержит». А он, Колька, поедет. О многом нужно поговорить с отцом, по-мужски. С этими мыслями он и уснул.

3

На следующее утро в девять часов Колька был на вокзале - работа есть работа.

- Иди сюда, - грубо окликнул один из дружков Зубы.

Колька подошёл, предчувствуя недоброе.

- Вчера продал лишнюю коробку?

- Да.

- Деньги не отдал?

- Да.

Удар откинул его к стене. Колька стукнулся затылком, еле поднялся.

- Принесёшь деньги за ту коробку, все, сегодня. И больше ты здесь не работаешь.

Колька отёр кровь с разбитой губы, сплонул под ноги и вдруг сказал:

- А пошёл ты! - и дал дёру.

Так он лишился работы на вокзале.

День только начался. Что делать? Не в школу же идти.

И Колька пошёл к знакомым пацанам, обитавшим в подвале дома неподалёку от бабушки.

Замок на двери в подвал, как всегда, сорван. Вся «братва» на месте. В дальнем углу подвала, у труб отопления - пустые ящики, старый диван, пластиковые бутылки из-под пива повсюду. Четверо его дружков валялись прямо на грязном подвальном полу, пятый на диване. Рядом пакет. Колька потянул воздух и понял - «момент» нюхали. Серёга, тот что на диване лежал, приподнял голову, глянул на Кольку ошалелыми глазами, икнул и проговорил:

- Нюхни, Колян.

- Не хочу.

Кольке стало страшно, он поспешил из вонючего подвала, а у выхода чуть не попался. Толстый дядька ухватил его за ворот олимпийки:

- Опять замок сорвали, пойдёшь в милицию, гадёныш...

Колька извернулся, толкнул дядьку головой в брюхо, вырвался, побежал. Никто и не догонял его.

К бабушке он не пошёл, а двинул домой, надеясь, что мать ушла куда-нибудь. Купил в ларьке пачку сигарет

и шоколадку. С сигаретами повезло, не всегда ему продавали, бывало, отвечали, что мал ещё...

Открыл дверь своим ключом. А мать уже встречает его:

- Почему в школу не ходишь? Учителька приходила...

Колька не стал дожидаться подзатыльника и выскользнул за дверь, поскакал вниз по лестнице.

- Куда? - крикнула вдогонку мать.

- В школу!

Он брёл по улице, сунув руки в карманы, лениво приволакивая ноги, не сторонясь, не уступая дорогу, готовый огрызнуться и дать сдачи любому. И только так и нужно держаться, чтобы тебя уважали.

Захотелось покурить, а зажигалки не было.

- Огонька не найдётся? - спросил у очкастого мужика с кожаным портфелем в руке, стоявшего на автобусной остановке.

- Маловат ещё курить-то, - ответил тот незлобиво.

- Да пошёл ты!.. - огрызнулся Колька и вразвалочку двинул дальше.

Мужчина усмехнулся, но ничего не сказал.

Колька прикурил от сигареты таксиста, ожидавшего, видимо, пассажиров на краю дороги.

Таксист, молодой и улыбчивый, вдруг потрепал его по голове, когда Колька тянул в себя первый дымок:

- Оголец.

Колька недовольно потрянул головой, буркнул: «Спасибо», - и пошёл дальше, сам не зная куда...

Он частенько проходил мимо этого здания с высокими зарешеченными окнами. Изнутри окна были закрашены. Но сейчас, случайно глянув на окно, Колька увидел, что в углу стекла у рамы краска облезла, и любопытствовал: что же там, за высокими окнами?

И прилип к стеклу заворуженно.

Там тренировались боксёры - мальчишки его примерно возраста.

В трусах и в майках, в высоких зашнурованных (каких-то, видимо, специальных) ботинках, с упругими круглыми перчатками на руках, они

легко прыгали на носочках в боевых стойках. Один бил в голову, другой уворачивался и тоже бил. Двое молотили по большущим кожаным мешкам.

А с одним парнишкой тренер занимался отдельно.

Тренер - невысокий крепкий мужчина в синем спортивном костюме, на руках у него не перчатки, а какие-то подушки. Парень бил по этим подушкам, которые подставлял ему тренер, и уворачивался, когда тренер тыкал «подушкой» ему в голову или в туловище...

Вдруг тренер обернулся к окну, и Кольке показалось, что подмигнул и даже махнул рукой с этой странной «подушкой».

Тренер не мог разглядеть его, точно... Но ведь подмигнул...

«Зайти, что ли?..»

Сначала его остановил вахтёр - строгий дедушка, сидевший за перегородкой у входа.

- Ты к кому?

- На бокс хочу записаться, - ответил Колька, стараясь держаться непринуждённо, но даже сам услышал, как у него почему-то дрогнул голос.

- Подожди. Тренировка уже идёт, - взглянул на большие круглые часы на стене. - Через полчаса кончится. Игорь Степанович с тобой поговорит.

Колька кивнул и стал рассматривать красивые спортивные кубки, грамоты в рамочках и фотографии на полках за стеклом вдоль стены.

На одной из фотографий он узнал тренера, только на фотографии он молодой, в трусах, майке и на руках боксёрские перчатки. Он стоит в боевой стойке, подняв кулаки к подбородку. И подпись: «Мастер спорта Игорь Быстров».

Хлопнула дверь, и оттуда, где шла тренировка, откуда доносились обрывки команд, звуки ударов, оттуда из недоступного пока, почти волшебного мира, выскочил мальчишка в боксёрской форме, но без перчаток, только какие-то бинты на кисти намотаны. На Кольку глянул свысока, хотя сам ростика небольшого, обратился к вахтёру:

- Дядя Лёша, водички дай, пожалуйста.

- Нельзя, - строго ответил дедок. - Игорь Степанович запрещает вам. Ты в туалет отпросился, ну и дуй!

- Да я чуть-чуть, горло прополощу только.

- Ну, давай быстро, - смягчился старик. - Ишь, тебе под глаз-то сунули, будешь с фингалом ходить.

- Ничего, я тоже сунул, - ответил мальчишка, выпив полстакана кипячёной воды. - И в зал пошёл, имитируя при этом удары, краем глаза на Кольку заглядывая.

И Колька не то чтобы испугался, но подумал так примерно: конечно, Быстров не звал его, да и нужен ли он, Колька, этому Быстрову, там вон и так полный зал. А если возьмёт его Быстров - побьют его на первой же тренировке, он же ещё ничего не умеет, а там вон уже какие...

- Хочешь боксом заниматься? - на плечо Кольке легла тяжёлая ладонь.

Он обернулся и увидел Быстрова, опустил глаза и буркнул:

- Угу. Хочу.

В Быстрове Колька почувствовал силу. Но не пугающую, как у Зубы. И хоть он ещё совсем не знал этого человека, но знал уже, что Быстров, конечно, сильнее Зубы, хотя тот вроде бы тоже какой-то чемпион по каратэ.

Теперь Колька боялся лишь одного, что Быстров по какой-то причине не возьмёт его тренироваться.

Тренер взглянул на часы и спросил:

- Ты во вторую смену учишься?

- Ага, - не моргнув, соврал Колька.

- Значит, с утра будешь заниматься?

Колька замешкался с ответом, и тренер усмехнулся:

- Что-то ты, брат, темнишь.

- У нас на следующей неделе смена в школе меняется, - нашёлся Колька.

- Ясно. С семнадцати часов будешь тренироваться. Приходи в понедельник.

Под мышкой Быстров держал те «подушки». Они были плоские и походили на след какого-то большого зверя.

- А это что? - набрался смелости Колька.

- Лапы, - ответил тренер и улыбнулся: - Зовут-то тебя как?

- Колька.

- А меня Игорь Степанович. Ну, будь здоров, Колька, жду в понедельник.

И, уже отходя от мальчишки, обернулся:

- Да, справку от врача возьми обязательно. От участкового или хотя бы от школьного, что тебе можно заниматься боксом.

- Ладно.

Из раздевалки выходили переодетшиеся боксёры, и все они были чем-то похожи на своего тренера. И Колька, окрылённый тем, что Быстров взял его, решил, что обязательно станет настоящим боксёром, может, даже мастером спорта.

4

В понедельник на тренировку! А была-то ещё пятница. А уже хотелось боксёром быть.

Колька поболтался ещё по городу и, когда уроки в школе закончились, пошёл к своему приятелю, однокласснику Олегу Окуневу.

Тот как раз только из школы пришёл. Родителей дома не было. Окунев не очень обрадовался приходу Кольки, но впустил в квартиру.

- Чего в школу-то не ходишь? - спросил Олежа, жуя булку и заливая молоком прямо из пакета.

- А! - Колька махнул рукой. - Я на бокс хожу.

- Ври давай.

- Чего? Смотри! - Колька прижал кулаки к подбородку и запрыгал с ноги на ногу, замахал руками. - Я правой сбоку наповал бью!

- Да ладно, хватит тебе. Верю, - сказал, но в голосе чувствовалось недоверие. - Хочешь молока?

- Давай!

Потом они слушали музыку. Классную группу - «Король и шут», смотрели телек, валяясь прямо на ковре. Олег показал журнал про культуристов с фотографиями накачанных кра-

савцев и сказал, что будет заниматься культуризмом, отец пообещал купить ему разборные гантели.

- Боксёр любого культуриста отметит, - гордо заявил Колька.

- Тебе бы только отметить кого. Это от культурной ограниченности, - ввернул Окунев умную фразу.

- Сам-то понял, чего сказал? - Колька презрительно скривил рот.

- Чего-чего... Родичи скоро придут, вот чего, - ответил Олег. И Колька стал собираться уходить.

- В школу-то придёшь?

- Завтра приду, наверно.

Он действительно решил сходить в школу - к врачу зайти, взять справку, да и время до понедельника, до первой тренировки, глядишь, быстрее пролетит.

Хотелось курить, но Колька решил, что больше не будет. А то что же это за спортсмен? Купил в киоске пачку «дирола» и сунул в рот пахучую подушечку.

Мать была дома. Трезвая и злая.

Колька не слушал её ругань, а сказал:

- Мам, а давай генеральную уборку сделаем, вымоем всё.

Он помнил, как раньше по выходным мать устраивала «генеральную уборку», а он ей помогал, и отец помогал, было интересно и весело.

Мать села на диван и заревела. Колька стоял и не знал, что делать. Было жалко её и обидно, что диван без покрывала и с прожженной утюгом спинкой. И мать в нечистом халате на этом диване...

До позднего вечера они скребли полы, протирали мебель, мыли посуду.

Пустые бутылки мать собрала в старую коробку из-под телевизора.

- Сдам. И ты давай, Коля, завтра в школу иди, а я с понедельника на работу выхожу, устроилась... Да, - вспомнила, - заходил парень какой-то, наглаватый такой, чернявый, тебя спрашивал.

По спине Кольки холодок пробежал. «Зуба это. Точно. Узнал, где живу. Отдать деньги?.. Подожду пока, может, выкручусь...»

Потом они смотрели старые фотографии. Их было немного, они хранились в потрепанном альбоме без верхнего листа: мама со своими, уже умершими, родителями у деревенского дома; она же - учащаяся техникума; отец в солдатской форме; мама и отец с бокалами в руках, улыбаясь, смотрят друг на друга (фата с искусственными цветочками поверху до сих пор хранится в шкафу); а вот и Колька - крохотный и безволосый на руках отца... И не верится Кольке, что был он когда-то такой...

Колька пошёл спать. Умываясь в ванной, он смотрел на себя в зеркало, щупал бицепсы. Парень он вообще-то не хилый, но у того парня, с которым тренер занимался, такие мускулы...

Колька до изнеможения наотжимался от пола, а потом долго не мог уснуть. То представлял, какой он будет смешной и слабый на первой тренировке, а то видел себя уже великим чемпионом, победно вскидывал руки, стоя над поверженным противником.

Матери про бокс он пока не сказал.

5

В школе его, кажется, и не ждали.

- Журавлёв? - удивилась Зоя Михайловна, классный руководитель и преподаватель русского языка и литературы.

- Ну, теперь будет цирк, - одобрительно сказал на весь класс Козлов, сидевший, небрежно развалившись, за последней партой у окна.

- Чё я тебе, клоун, что ли? - ответил грубо Колька.

Они говорили так, будто никого, кроме них, и не было в классе.

А Зоя Михайловна менялась на глазах - краснела, за это свойство и прозвище у неё Свёкла.

- Жура-а-авлёв!.. Вон! Козлов! Вон!

Кольке того и надо. Развернулся и вышел из класса. Что-то ещё кричит Свёкла за дверью, на Козлова, видать, орёт, но Колька не слушает.

Он пошёл в медицинский кабинет на первом этаже.

Безмянная бабулька-гардероб-

щица, сидевшая на стуле в раздевалке, очнулась, когда Колька проходил мимо:

- Чего шляешься-то?

Колька не ответил. Дёрнул дверь медкабинета. А она заперта. Суббота ведь сегодня... Не взять справку. Чего делать-то? «Ну, как есть, так и скажу тренеру, что врача не было, может, пустит на одну-то тренировку без справки...»

Колька увидел спускавшуюся по лестнице директоршу школы, напоминавшую Снежную Королеву из мультфильма, и, не дожидаясь лишних для него вопросов, поспешил на улицу. Дверь с тугой пружиной вырвалась из руки и громко хлопнула за спиной.

На спортивной площадке почему-то бегала малышня, наверное, первоклашки, в догонялки играли, видимо, первого урока у них не было.

И Колька, глядя на них, вспомнил, как впервые в жизни поднимался вот по этим ступеням к высокой двери с ранцем за спиной, с букетом цветов в руках, как сказал тогда бабушке и отцу (мамы не было почему-то): «Я лучше всех буду учиться!»

И ему нестерпимо захотелось поехать к отцу прямо сейчас, увидеть его... Но это невозможно. И Колька просто сел в первый же подъехавший автобус на ближайшей остановке и даже не стал прятаться от кондуктора, купил билет.

Вылез из автобуса у реки. По берегу растут высокие толстые тополя, под ними всегда тень, и звуки города сюда почти не доносятся, у самой воды ивы - зелёные подушки. Это место, конечно, пристанище выпивающих компаний, но днём не страшно. И рыбаки у каждой прогалины в ивовых зарослях.

Тянет искупаться в такой солнечный денёк, но уже середина сентября... Колька присел на огромный пенёк и наблюдал, как меняет червя на крючке и закидывает леску пожилой мужчина. Поплавок застыл на воде, не клюёт. Рыбак закуривает, оглядывается недовольно на Кольку, но молчит.

А наверху, на крутизне берега -

церковь, и от неё сбегает сюда, к этому рыболовному пятачку, тропка. И Колька увидел, как сбегает по тропке человек, бородатый мужчина, в чёрной длиннополой одежде и с блестящим крестом на груди.

А рыбак встаёт, улыбается, сложил ладони лодочкой, склонил голову. Священник вкладывает в его ладони руку, а тот целует её... И всё это так необычно для Кольки, будто кино смотрит.

- Ну, как? Клюёт? - нетерпеливо спрашивает священник.

- Нет, батюшка.

- Ну-ка, испробую.

Рыбак из-под куста достал вторую удочку, священник размотал леску, стал червя наживлять и, видно, почувствовал взгляд со стороны, на Кольку глаза поднял. Улыбнулся:

- Хочешь попробовать?

- Не-а...

- А чего, давай...

И Кольке так захотелось вдруг закинуть удочку, когда-то ведь с отцом на рыбалку ходил. Он подошёл, и священник протянул ему удилище.

- На. Смотри, за куст не зацепи.

И рыбак сказал поощрительно:

- Ну-ка, давай...

Колька забросил. Поплавок нырнул и выскочил из воды, застыл.

И минуты три все молчали, напряжённо глядели на поплавок.

- Да, не клюёт, - сказал священник.

И спросил вдруг у Кольки:

- А ты чего не в школе?

Он, священник этот, хоть и бородатый, но видно, что молодой, глаза у него весёлые, а волосы рыжеватые, и пахнет от него чем-то вкусным. И Колька отвечает весело:

- Выгнали.

- О! Меня тоже, бывало, выгоняли.

Да, брат ты мой...

И вот тут Кольке показалось, что сейчас какое-нибудь нравоучение начнётся, что такое хорошо и что такое плохо...

- Пошёл я домой, - сказал он грубовато и отдал удилище.

- Ну, давай. Как зовут тебя?

- Колька.

- Давай, Колька, счастливо тебе.

Если опять выгонят из школы, приходи сюда, мы тут каждый день рыбачим. А если что, так я в храме, - он кивнул на церковь, - отец Илья меня зовут.

- Ладно, - и Колька полез в крутизну берега.

Вообще-то он никуда не торопился и порыбачить, и даже поболтать с этим весёлым попом он был не прочь, но, с другой стороны, жизнь уже научила не доверять вот так сразу никому. С чего бы он, поп этот, такой добрый? А ведь он добрый... Колька обернулся и увидел ещё раз священника, тот говорил что-то рыболову, и видно было, что он улыбается, и рыжеватая борода его на солнце - золотая, и крест блестит.

Пешком шёл домой. А дома весь день смотрел телевизор, матери не было, она пришла только поздно вечером. Одна, трезвая.

...Был у Кольки друг - Васька Овсянников. Он-то и притащил год назад Кольку на вокзал, научил «работать». Настоящий друган был и шпана уже отпетая. Теперь в специнтернате «срок тянет». А больше у Кольки по-настоящему-то и нет друзей. И работа на вокзале теперь для него заказана. А был ли Васька другом?.. Жили они в соседних дворах, но сошлись, когда стали учиться в одном классе. И выгоняли с уроков их тоже на пару. Васька уже курил, пиво пил, матерился, как взрослый мужик, всё знал про девок, рассказывал похабные смешные анекдоты. С ним было интересно. Поначалу страшно. От Васьки всегда можно было чего-то ожидать - то возьмёт да и бросит камень в любое окно, и тогда улепётывай во все лопатки, слыша звон стекла за спиной; то наберёт номер телефона Свёклы (знал откуда-то) и, зажав нос, хрипя неестественно, такое ей загнёт... Васька и с беспризорниками из подвала познакомил. В общем, не соскучишься с ним... Но теперь Васьки рядом нет. И Колька только сейчас это понял: нет, и не жалко, что нет. На самом деле никогда ему эти Васькины «подвиги» и не нравились, просто так уж получилось, что Васька стал

его другом. Да разве это дружба?.. А в классе его уже все и воспринимали как друга Васьки Овсянникова, такого же отпетого хулигана. И во дворе. И Колька жил один, без друзей. А дружбы хотелось. И верилось, что на секции бокса всё хорошо будет и друзья появятся. Настоящие.

6

Воскресенье тянулось бесконечно долго. Хотел Колька пойти погулять, но, выглянув в окно, тут же присел. Во дворе на скамейке сидел парень из Зубиной «команды», глядел на дверь подъезда. Вскоре он, правда, ушёл, но гулять уже расхотелось.

И Колька опять весь день смотрел телевизор. Устроил для себя тренировку. Попрыгал перед зеркалом с ноги на ногу, помахал руками. Но одному тренироваться неинтересно.

Мать уходила куда-то, возвращалась, кажется, действительно собиралась завтра на работу.

- Чего гулять не идёшь? - спросила.

- Неохота.

...В понедельник он ещё высидел три урока и сорвался из школы. Забыл и к школьному врачу за справкой сходить.

Наскоро пообедав, сунул в сумку спортивные штаны, футболку, кеды и уже за два часа до тренировки топтался у спортзала.

Стали приходить ребята на тренировку. Разговаривали между собой, посматривали на Кольку. Двое устроили возню, и вахтёр строго прикрикнул на них.

Вот и тренер Быстров. Он приехал на спортивном велосипеде и завёл его в здание держа за сиденье. Поздоровался с вахтёром, с парнями, подал им ключ от раздевалки. Увидел Кольку.

- А, пришёл. Форму взял?

- Да.

- Ну, иди в раздевалку и в зал с ребятами.

И пришёл к двери, на которой висела табличка: «Тренерская», ведя велосипед одной рукой. В синем спортив-

ном костюме, спина прямая и, как сейчас заметил Колька, необыкновенно широкая в плечах. Не хуже, чем и у культуриста какого-нибудь...

Колька вошёл в раздевалку.

- Новенький? - спросил у него крепкий белобрысый мальчишка, натягивая красную, облегающую мускулистое тело майку.

- Ага.

- Не бойсь. Главное - первую тренировку выдержать, - и протянул руку: - Костя.

- Колька.

Сначала была разминка: бегали, прыгали на одной ноге, делали разные упражнения... Колька так устал, что не представлял, что он ещё сможет что-то делать на этой тренировке.

По команде тренера ребята разбились на пары и стали наносить друг другу несильные удары и уклоняться от них и передвигались при этом так, будто у них в ногах пружинки...

- Иди-ка сюда, - позвал Кольку Быстров.

Он показал Кольке стойку - левая нога впереди, правая сзади, чуть согнута; руки его согнул и поджал к подбородку, будто Колька не мог сам этого сделать, будто он резиновый... И Колька чуть опустил правую руку - приготовил для удара.

- Руку на место! - строго прикрикнул Быстров. Натянул «лапы»: - Бей!

Колька со всей силы ударил в правую «лапу», прямо в середину её, отмеченную белым кружком.

- Руку на место!

Колька отдернул руку, но не поднял на указанную тренером высоту. И тут же получил чувствительный тычок в нос.

- Посиди, - сказал Быстров, - погляди на парней.

И Колька с радостью на скамейку сел - устал очень. Но ведь не сам попросил отдыха, а тренер усадил... «Конечно, легко по носу бить, если я в первый раз пришёл...», - подумал в обиду на Быстрова. Но обида скоро прошла.

Он завороженно смотрел, как слаженно двигались мальчишки, как

Быстров поправлял то одному, то другому руки, стойку; как слушались ребята его. А он ходил между ними, смотрел, говорил что-то негромко. Потом вышел из зала. Мальчишки продолжали выполнять задание, но не все, кое-кто, как только тренер вышел, забаловали, забегали, один на скамейку присел... Быстров вошёл неожиданно. Тех, что бегали, сразу отжиматься отправил, а того, что присел, спросил:

- Устал, Саша? Так отдохни недельку, не приходи на тренировки.

- Да я, Игорь Степанович, так... я не устал.

- А-а, «так», говоришь. Ну, вставай со мной.

И стал работать на лапах с этим парнем.

Кольке надоело сидеть. Он подошёл к большому настенному зеркалу и стал прыгать перед ним, как остальные, «в челноке».

- Хорошо, - услышал голос Быстрова. - Хорошо. Смотри-ка, почти правильно. Научись ещё слушать, что тренер говорит, и боксёр из тебя получится... Может быть... Справку-то принёс?

- Забыл.

- В следующий раз без справки не пуцуй.

- Я принесу.

Тренировка закончилась.

В раздевалке Костя спросил:

- Ну, как?

- Нормально, - еле разжимая спёкшиеся губы, ответил Колька.

7

Колька потихоньку втягивался в тренировки, уже не так уставал и кое-чему научился. В школу каждый день ходил, потому что Быстров не часто, но зато всегда неожиданно просил принести дневник и без дневника в назначенный день на тренировку не пускал, если же видел двойку, говорил обидно: «Тебе голова за чем? Чтобы есть в неё? И так боксёров все недоумками с отбитыми мозгами считают, а ты ещё и подтверждаешь это...» Вот так примерно, го-

ворил, вроде бы шутил, а стыдно было...

Мать теперь работала, и никакие её приятели не заявлялись к ним домой. И Кольке казалось, что наконец-то он живёт не хуже других, даже в чём-то лучше - не каждый ведь может похвастать, что занимается боксом...

Отца не хватало, конечно. Мысль о поездке к нему не пропала совсем, но как-то отодвинулась. Иногда от отца приходили письма. Мать читала из них то, что касалось Кольки: мол, учишься хорошо, скоро приеду (а сидеть ему ещё два года)... «Напиши хоть и ты чего-нибудь отцу-то», - говорила мать. А Колька, хотя скучал по отцу, писать ленился...

А два дня назад остановил его по дороге из школы домой один из друзей Зубы, сказал:

- Пятница - крайний срок. И проценты набежали. Штука с тебя.

Три месяца назад Колька заработал на той злополучной коробке мороженого пятьсот рублей, и деньги эти у него оставались в целости, всё там же, у бабушки, хранились, да и ещё рублей триста у него было... Но тысяча! «Надо было сразу тогда отдать...» А думалось Кольке, что уже забыл про него Зуба. Уже подумывал купить на эти деньги боксёрские перчатки. Пока он занимался в стареньких, разбитых и хлябающих на руке, выданных тренером...

Он шёл на тренировку, но радости обычной в душе не было. Сегодня среда. Послезавтра крайний срок.

- Привет! - его догнал Костя, ткнул в плечо. - Молодец, на прошлой тренировке здорово дрался с Поповым. По очкам ты выиграл.

Колька вспомнил тот спарринг...

Вовка Попов - занозистый, ехидный парень. С первой же тренировки он подкалывал Кольку, мол, и бегаешь ты не так, и прыгаешь, и вообще: «Боксом заниматься - это тебе не мелочь по карманам тырить». Колька делал вид, что не обижается. «На обиженных воду возять», - так отец ему говорил. И Колька не обижался, но ждал случая поквитаться с Поповым. И вот позавчера такой случай представился.

В центре зала стоит ринг. На помосте, с высокими ступеньками, с упругими канатами и мягкими кожаными подушками по углам - настоящий ринг.

Обычно в конце тренировки Быстров вызывал в ринг одну пару, засекал время, начинался настоящий бой. Уже без поддавок, по правилам соревнований.

На такие бои тренер вызывал лишь самых лучших. Колька и не мечтал в ближайшее время оказаться в ринге и, когда услышал: «Попов, Журавлёв - в ринг!» - не поверил, подумал, что ослышался.

- Журавлёв! - ещё раз крикнул Быстров. И добавил тихо, когда Колька проходил мимо него: - Смелее, Коля.

А Попов уже ждал его в своём углу, с кривой улыбочкой на Кольку глядел. Колька подлез под канат, выпрямился, подпрыгнул ощущая упругость настила ринга... Потом он ничего не помнил - «челнок», удары, уклоны, удары, удары... «Стоп! Всё, свободны на сегодня. Молодцы». И больше ничего не сказал Быстров. А Колька так устал, что ещё долго сидел в зале один на гимнастической скамейке, в себя приходил. «А ведь Попов-то уже третий год занимается!.. А я не уступил».

- Отлично отспарринговал, - повторил Костя. - А ты чего такой хмурый? Двоек, что ли, нахватал? - спросил.

- Нет.

Костя нравился Кольке - спокойный, рассудительный и, между прочим, уже чемпион города среди юношей. И Колька взял да и рассказал ему про Зубу, про долг.

- Да, влип ты крепко. Ничего, придумаем что-нибудь. Давай-ка прибавим, через двадцать минут тренировки.

8

После тренировки Костя опять шёл с Колькой.

- Деньги отдать придётся всё равно, иначе не отвяжутся они. Только самому этому Зубе, лично. Знаешь, где его найти?

- На вокзале. Но тысячи у меня нет.

- Попробуем без процентов договориться... Завтра сходим.

- И ты со мной пойдёшь?

- Ну, а чего же? Мы теперь одна команда. А надо будет - и остальных парней позовём.

- Спасибо.

- Пожалуйста... Слушай, а давай вместе по утрам бегать. И потренироваться можно в парке. Надо ведь к соревнованиям готовиться.

- Давай.

Сегодня на тренировке Быстров сказал:

- Через месяц - чемпионат города, отбор на область. Все будете выступать, - и, взглянув на Кольку, специально для него сказал: - И ты будешь. Да, да. Недавний спарринг показал, что пора тебя проверить в серьёзном деле.

И радость, и гордость, и смутный пока ещё страх в душе Кольки. Соревнования!.. А вот бы приехать к отцу и показать ему медаль. Золотую!

Костя жил неподалёку, но учился в другой школе. Утром они встретились, добежали до парка, там размялись, поотрабатывали удары.

- Ну, после школы встречаемся - и на вокзал, - сказал Костя.

- Договорились.

Кольке было страшно идти к Зубе, но раз уж Костя идёт с ним, значит, никаких отговорок - надо идти. И всё же странный парень этот Костя - ну зачем он в это дело лезет? И хороший парень. Таких ещё Колька не встречал.

Деньги, пятьсот рублей, Колька взял из записки ещё вчера. Зашёл к бабушке, будто бы просто в гости, и пока она в кухне готовила для него перекусить, вытащил деньги из чайной коробки, во внутренний карман джинсовки сунул.

Как и договаривались, встретились с Костей после школы у парка, в котором утром тренировались, и пошли к вокзалу. И теперь уже Кольке хотелось одного, чтобы Зуба там был.

И он был там. Один почему-то стоял за столиком вокзальной забегаловки, потягивал пиво из банки с обычным выражением скуки и презрения на лице.

- О-о, Колян! Никак должок принёс. Долго ты его нёс...

- Да. Вот, - твёрдо сказал Колька и протянул деньги.

Зуба лениво взял их, глянул - сколько. Кивнул удовлетворённо.

- В расчёте... - сунул небрежно в карман штанов - что, мол, для него какие-то пятьсот рублей. - Хочешь снова здесь работать? - спросил.

- Нет.

- Я слышал, ты теперь боксёр? - и, не дожидаясь ответа, кивнув на Костю, стоявшего рядом, спросил: - Тоже боксёр?

- Тоже, - ответил спокойно Костя.

Зуба скривил губы и, отворачиваясь, процедил сквозь зубы:

- Ну, бывайте, боксёры.

И мальчишки, довольные, вышли на улицу, прошли по перрону и вывернули на привокзальную площадь.

Только тут Колька голос подал:

- И никакие проценты не спросил!

- Да. Повезло. Хорошо, что он один был, а то перед дружками начал бы выделываться, - отозвался Костя.

Потом они шли вместе, даже не думая куда идут, просто - вперёд, возбуждённые и радостные удачным решением проблемы. Болтали, не замечая, что уже почти кричат.

- Ты бокс по телеку смотришь?

- Да. Особенно старые съёмки.

- Я тоже. Тайсон - да! Классно - да?

- Мохаммед Али круче! Порхать, как бабочка, и жалить, как пчела!

- Ну, ты скажешь...

- А вот если бы они встретились, да!

Но сошлись на том, что лучший боксёр - Константин Дзю.

Костя вдруг, сразу, как это бывало с ним, стал серьёзным и сменил тему:

- Вообще-то можно было в милицию на них заявить, но эту проблему нужно было решать по их правилам, потому что ты сам эти правила принимал...

- Слушай, Костя, ты такой... Ну, как будто тебе не пятнадцать лет, а тридцать.

- Мама говорит, что в отца.

- А кто у тебя отец?

- Милиционер. Майор... Погиб он в прошлом году, в Чечне.

И Колька, стараясь замаять неловкость, сам сказал:

- А мой сидит.

А Костя сказал:

- Я тоже в милицию пойду. Выучусь в институте, буду офицером...

А Колька неожиданно проговорил мысль, в которой ещё боялся и самому себе-то признаться:

- А я тренером хочу стать. Как Быстров.

- Это серьёзно, - сказал Костя и добавил: - Ну, давай, мне ещё за сестрой в садик надо. - И они крепко, по мужски, пожали руки и разошлись в разные стороны.

Колька невольно сравнивал Костю с Васькой. Да, Васька весёлый, с ним интересно. Он сильный - не такой силой, какой силён Костя, а силой внутренней злости. Да вот что Колька только сейчас о нём понял: Васька злой. И он всех, кто рядом, этой своей злостью подавляет. И ещё - всё время вот этими своими приколами (хулиганством) пытается замарать и тех, кто рядом. И его, Кольку. Будто хочет доказать - да, я вот такой, но и ты не лучше...

А Костя - с ним надёжно... И... (Колька не знал, как объяснить для себя) с ним интересно не так, как с Васькой...

9

В почтовом ящике Колька увидел конверт. Уже знал, что от отца, больше ни от кого к ним и не ходят письма, достал побыстрее. И с удивлением прочёл: «Николаю Журавлёву». Впервые отец написал не матери - ему, Кольке, лично.

Колька всё же сдержался, не распечатал конверт прямо здесь, на лестнице, взбежал до квартиры, открыл замки, бросил сумку с учебниками в угол прихожей и, затаив дыхание, оторвал тонкую полоску с правой стороны конверта, вытащил сложенный вдвое листок, разлинованный в клетку.

«Коля, здравствуй. Ты уже большой, почти взрослый, и я хочу поговорить с тобой, как с большим. Знаю, что ты теперь занимаешься боксом -

это хорошо, не бросай. Но подумай - для чего занимаешься. Спорт сделает тебя сильным. Но сильный человек должен быть великодушным, уметь прощать. А побить более слабого - чести не прибавит. Ну, это я так, к слову. Надеюсь, что и учиться в школе ты станешь лучше. Надо, сын, надо учиться, знания получать, чтобы правильно выбрать жизненный путь.

Мне осталось находиться здесь меньше года. Скоро увидимся. На маму не обижайся. Жму твою добрую боксёрскую руку. Папа».

У Кольки перехватило дыхание. Никогда отец с ним не говорил так. Он, Колька, даже и не знал, что его отец может вот так говорить. Он не видел отца почти четыре года, не слышал его голоса. А сейчас будто бы папа рядом с ним, говорит. Его живой голос рядом.

Он мало помнил отца. Утром тот уходил на работу, вечером приходил с работы. Иногда, преодолевая себя (это чувствовалось), свою усталость или занятость какими-то своими мыслями, о чём-то говорил с Колькой. А один раз взял его на рыбалку. Да. И это самое главное воспоминание о нём, об отце. Первая рыбалка. Они вышли из дома рано утром, по непривычно пустынному и тихим улицам дошли до реки... А папа почти всё время молчал. Но он был рядом, и он хотел быть рядом с Колькой, и он был рад (и это чувствовалось), что сын рядом с ним... И глядя на неподвижный поплавок, Колька, было ему тогда девять лет, задремал. «Эй, рыбак, поплавок-то где?» Колька встрепенулся. Поплавка не было видно. Схватил удилище и почувствовал, как натянулась леска. И потянул медленно, неумело. Но рыба глубоко заглотила крючок, не сорвалась. И был это маленький ёршик. «Папа, рыба! Папка, я поймал рыбу!..» И в этот же миг Колька понял, что ведь отец тогда прощался с ним на долгие годы, знал уже, что скоро посадят. (Колька и до сих пор не знал, за что сидит отец, но догадывался, что за кражу). И вот же странное свойство памяти, а может, это и не память, нечто другое, вспом-

нив ту рыбалку, Колька вспомнил и странного священника-рыболова и понял, что хотел бы снова увидеть его, и как-нибудь при случае зайдёт в ту церковь, интересно ведь, какой он, тот весёлый батюшка, там...

Всё это в единый миг пронеслось в Колькиной голове. И с зажатым в руке письмом он вбежал в свою комнатушку, уткнулся в подушку лицом и лежал так не двигаясь...

Щёлкнул замок входной двери, хлопнула дверь. И ещё не видя, не слыша, Колька понял, что мать пьяна... Вот она, стараясь не шуметь (но слышно, как скользит по обоям стены её ладонь), прошла в другую комнату и затаилась там. И, может, впервые в жизни не обида, а жалость к ней, стыдящейся собственного сына (и это, что стыдится она, он понял сейчас), захлестнула душу... Он встал, сунул письмо в карман брюк, взял сумку со спортивной формой, тихо вышел в прихожую, оделся и вышел из квартиры.

У его группы сегодня тренировок нет, они тренируются через день, но он пошёл в спорткомплекс, на тренировку.

Игорь Степанович был в спортзале. Тренировались взрослые. Быстров проводил для них «кубинскую» тренировку на выносливость, стоял с секундомером в руке, и спортсмены по его команде переходили от снаряда к снаряду. Увидел заглянувшего в зал Кольку:

- Привет. Ты чего?.. Время! Переход!..

- Позаниматься хочу.

- Я освобожусь через пятнадцать минут, поговорим... Работаем! Работаем!..

Когда закончилась тренировка, Колька снова заглянул в зал.

- Ну, чего?

- Можно мне сейчас одному потренироваться?

- Потренироваться? Правильно, к соревнованиям надо серьёзно готовиться. А уроки-то сделал?

Колька замешкался с ответом. Но Быстров и не ждал ответа:

- Давай переодевайся, жду.

Полтора часа гонял его безжалостно тренер: разминка, работа «на лапах», на лёгкой «груше», на тяжёлом «мешке». Вымотался Колька, как в первый день, давно уж так не уставал, но сейчас ему этого и хотелось.

Сидели потом на скамейке, и Быстров спросил:

- Что у тебя случилось? Расскажи, если не секрет.

И Колька рассказал про отца, достал из кармана сумки письмо, показал:

- Вот, получил сегодня.

Быстров прочёл.

- Правильно отец-то всё говорит, - и вдруг спросил: - Знаешь такого писателя Джека Лондона?

- Слышал.

- Возьми в библиотеке, почитай. У него есть рассказ «Мексиканец», про боксёра. Тяжелейший бой тот мексиканец выиграл. Потому что у него была цель. Цель, которая выше бокса, выше спорта. Вот если будет такая цель, будешь чемпионом. Правда, тогда для тебя и чемпионство будет не важно, - он говорил, будто бы уже и не для Кольки, а для себя, проговаривал то, о чём, наверное, серьёзно думал. - Цель должна быть настоящая, высокая. Низкие цели не обладают волшебным свойством будоражить кровь! - последние слова он произнёс весело и даже рукой взмахнул, а потом уже буднично добавил: - Всё-таки, каждый день тебе пока рано заниматься. И учёбу не забрасывай... Дай-ка ещё конверт...

Колька протянул конверт, и Быстров глянул на адрес.

- У меня один знакомый, кажется, туда ездит... Я уточню... Ладно, давай, счастливо. Беги домой - вон уж темнотица на улице-то.

10

Прошло две недели. Настал день соревнований.

Перед соревнованиями было взвешивание. Вес прикинули ещё накануне, после тренировки. Колька оказался в одной весовой категории с Костей и Вовкой Поповым.

- Что ж, надеюсь увидеть двоих из вас в финале. Думаю, кроме вас, в категории ещё человека четыре будет из других клубов, - сказал Быстров.

И вот взвешивание в вестибюле спорткомплекса. Толчея - спортсмены, тренеры, судьи. Будущие соперники уже присматриваются друг к другу. В зале бегают с десяток «сгонщиков»: натянули на себя всё что можно - спортивные костюмы, уличные куртки, шапки, тёплые носки и даже рукавицы - потеют, сбрасывают последние лишние граммы.

Круглый, но при этом очень подвижный судья на взвешивании выкрикнул их весовую категорию.

- Ну, пошли, - сказал Костя и первым шагнул к весам, Попов за ним. Колька скинул спортивные штаны и, как и все, в одних трусах подошёл к весам, поёживаясь то ли от холода, то ли от внимательных взглядов незнакомых, из других спортивных клубов, ребят. Он осторожно встал на платформу медицинских весов, ещё выдохнув при этом, как советовали приятели. Вес у него вчера был тютелька в тютельку, и вечером он ничего не ел, но всё равно боялся, что не войдёт в категорию.

Стрелка качнулась вверх и замерла посередине.

- Норма! - громко сказал судья. - Документы.

- Что? - холодея внутренне, спросил Колька.

- Паспорт.

Паспорт Колька получил полгода назад, когда исполнилось ему четырнадцать. Есть у него паспорт. Дома. А ведь тренер предупреждал, что нужно обязательно взять паспорт. И Колька приготовил его с вечера, но почему-то не сунул сразу в карман, а оставил в комнате на столе...

- Я забыл...

Быстров сидел рядом с весами за столом, записывал тех, кто прошёл взвешивание. И Колька обернулся к нему за помощью.

- Твой орёл? - спросил судья у Быстрова.

- Мой, мой...

- Ну, так запиши его, - негромко сказал судья.

- Нет, - Быстров взглянул на часы.

- Так, Журавлёв, до окончания взвешивания ровно один час. Бегом за паспортом. Если не успеешь - закончатся для тебя соревнования.

Ошарашенный, обиженный, отошёл Колька от весов. Это обращение по фамилии и, как ему показалось, равнодушный взгляд Быстрова...

- По мобиле-то брякни - пусть принесёт кто-нибудь из дома, - посоветовал Вовка Попов.

И Колька вмиг покраснел. Нет у него мобильного телефона. У всех ребят его возраста и в секции, и в школе есть (так ему кажется), а у него нет. А откуда? Нет у них лишних денег. Мать-то опять не работает. Колька и поесть-то ходит к бабушке в последнее время.

- Нет никого дома, - буркнул в ответ Попову и стал торопливо одеваться.

- Да не суетись ты, успеешь, - сказал, успокаивая, Костя.

Колька летел по улице, прокатывался по «ледянкам», расставив руки, не обращая внимания на прохожих, на красный свет перебежал дорогу и минут через пятнадцать был дома. Ворвался в квартиру. Паспорта на столе не было. Мать спала в своей комнате - вернулась откуда-то только под утро. И Колька не хотел будить её, сунулся туда, где обычно лежали все документы - в ящик комода. Нет паспорта... В отчаянии бросился к матери.

- Мама, мама... - тронул её за плечо. - Мама!

- Чево? - не открывая глаз, проговорила мать.

- Паспорт, паспорт мой где? На столе лежал. Мама!

- В серванте. Я убрала...

Схватив паспорт, Колька бросился из квартиры. Взглянул на часы в кухне - почти сорок минут в его распоряжении. И он немного успокоился, уже не бежал - шёл торопливо.

- О! Колян! - от коммерческого киоска двигался к нему расхлябанной походкой тот парень, дружок Зубы,

что приходил ещё к школе. А у киоска и сам Зуба стоял, с интересом глядел - что будет? И ещё двое с ним.

- Колян, должок-то остался за тобой.

- Я всё отдал, - Колька взглянул на Зубу, но тот как раз отвернулся в этот момент.

- Не всё. А проценты? - он подходил всё ближе - года на два старше Кольки, высокий, плечистый, самоуверенный, в кожаной куртке с меховым воротником, но без шапки. - Ты оборзел, Колян...

И когда он приблизился на метр, Колька не стал ждать, шагнул к нему, - и пружиной вылетела правая рука в подбородок парня. И он рухнул плашмя. Колька обернулся к Зубе и тем, что были с ним, готовый к драке, готовый сейчас биться до конца... Зуба усмехнулся, кивнул, махнул рукой - иди, мол.

И Колька пошёл. И хотя сейчас уже надо было бежать, чтобы не опоздать на взвешивание, он не бежал, шёл, пока не свернул за угол, а потом уж рванул...

- Пулей записываться! - прикрикнул судья, увидев Кольку.

Колька подал паспорт Быстрову, тот развернул его, внимательно, будто и не знал раньше, прочитал имя, фамилию, год рождения, записал в протокол.

- Переодевайся и беги разминаться.

И опять в Кольке обида на тренера вспыхнула: мало того, что гонял его попусту за паспортом, так и сейчас говорит равнодушно, будто не со своим учеником.

И Быстров, видно, почувствовав его обиду, сказал мягче:

- Давай, Коля, готовься... Урок тебе сегодня - дисциплина есть дисциплина.

- Колька, здорово!

Он обернулся и увидел Олега Окунева. Вот уж не ожидал. Да и ещё трое парней из его класса. И, что уж самое неожиданное, и от чего Кольку сразу в жар бросило, и лицо его (он знал это) залило краской - Светка Полякова с ними.

- Вот, пришли поболеть за тебя.

- Ну и болейте, - почему-то разозлившись, бросил им Колька и пошёл в зал.

«Ну чего вот припёрлись? И так тут... И как узнали?.. Да афиши висят по всему городу... А Светка-то чего?..»

- Мандраж? - ткнул его локтем Костя. - Это у всех. Просто опытные умеют не показывать его. Нас Быстров в разные подгруппы раскинул, а с Поповым ты в одной... Ну пошли разминаться...

Костя и секундировал ему в первом бою. Быстров сбоку наблюдал.

- Он тоже новичок, не переживай...

- Боксёр готов? - строгий голос рефери.

- Готов... Всё, давай, пошёл! - Костя придавил рукой канат, и Колька вышагнул на ринг.

В этот момент он почти не понимал, что происходит: всё, как в тумане, все звуки, как сквозь вату.

- Бокс!

И Колька сразу пропустил два удара в голову - справа и слева. А пока поправлял съехавший на глаза великоватый шлем (своего не было, выбирал вчера из тех, что принёс из тренерской Быстров), нахватал ещё оплеух.

- Руки на место! - услышал.

И эта ставшая привычной за десятки тренировок команда Быстрова привела его в чувство.

Прикрыл голову, начал двигаться «в челноке», пропустил мимо себя пару ударов противника, ставшего уже чересчур самонадеянным, и, наконец-то, ударил сам и достал.

Тут и раунд закончился.

Костя подставил табуретку, обмахивал полотенцем и говорил:

- Всё хорошо. Выстоял. Почувствовал его. Теперь он твой. Сразу начинай работать так, как в конце раунда делал. - Костя подтянул ремешки на его шлеме и толкнул в спину. - Давай!

Второй раунд по очкам остался за Колькой.

- Колян, давай! - услышал крик с балкона. Болельщики проснулись. А когда проигрывал - молчали.

- Жми, Колька!

Колька махнул рукой одноклассникам и шагнул на противника.

И вот сейчас, в третьем раунде, он уже был совершенно спокоен. Предвидел все шаги соперника, знал, что тот будет делать в следующее мгновение. И это было очень странное ощущение и радостное, и Колька готов был закончить этот бой - вызвать противника на атаку, перехватить её, загнать соперника в угол...

А с балкона кричат:

- Ко-ля! Ко-ля!.. - Светка Полякова больше всех старается.

- Спокойно, Коля, не увлекайся, - отрезвил его голос Быстрова.

Рефери готов был остановить бой «ввиду явного преимущества», но прозвучал гонг.

- Молоток! Отдыхай, - сказал Костя.

Слегка ошалевший от того, что его - его! - руку только что поднял рефери, Колька, пошатываясь, спустился с помоста ринга.

Быстров заглянул в раздевалку, сказал Косте:

- Давай, давай, готовься. Следующий бой твой. - А потом уж Кольке: - Хорошо. «Мексиканца» читал?

Колька не ожидал этого вопроса. Он сначала и не понял, о чём спрашивает тренер. Вспомнил. Ответил смутившись:

- Не успел.

Быстров усмехнулся:

- Ничего. Молодец. Попей чаю горячего. Попов Володька тоже выиграл - так что в следующем бою встретитесь... Пошли, Костя.

Колька, обжигаясь, хлебнул чаю из термоса и побежал смотреть, как боксирует Костя.

Свой бой Костя провёл блестяще. С первой секунды и ни на мгновение у противника не было никаких шансов.

И вот снова вызывают Кольку. В противоположном углу ринга Володька Попов - сосредоточен и спокоен. Ему тоже парнишка из их группы секундирует. Кольке опять Костя помогает. Быстрова не видно и не слышно.

- В глаза ему посмотри, - говорит Костя, когда Колька уже вышагивает на ринг.

И когда сошлись в центре ринга, Колька заглянул в глаза Попова и успел, до того как тот отвёл взгляд, увидеть... страх. На второй раунд Попов просто не вышел.

А Косте во втором бою досталось. По очкам он выиграл, но оплеух тоже нахватал. И как ни прикладывал смоченное холодной водой полотенце, под правым глазом всё больше набухал синяк.

- Ну вот вы и в финале, - спокойно сказал Игорь Степанович, но чувствовалось, что он доволен. - Отдыхайте до завтра.

- Ну, Колян, ты крутой!.. - восторженно говорил Олег Окунев.

А Светка, неестественно улыбаясь, сказала:

- Коля, какой ты сильный, - и пальчиком коснулась его плеча, будто хотела прикоснуться к его «силе». И ещё добавила: - Вот с тобой гулять было бы не страшно.

Кольку в жар бросило. Ответил грубо:

- Отстаньте! - и убежал в раздевалку.

И ушёл один, так, что никто не видел, как он уходил.

И не домой пошёл, к бабушке.

||

Он долго не мог уснуть. Ему казалось, что он и вовсе не спал - то прокручивал в голове проведённые сегодня бои, то представлял различные варианты завтрашнего боя с Костей, и всё это в конце концов сливалось в единый бред-забытьё... И вдруг увидел улыбающегося священника с золотистой бородой, и он сказал: «Ну, чего не заходишь-то?»; потом Быстров что-то говорил, заглядывая в глаза; а отец потрепал его волосы: «Ничего, Колька, ничего...»

- Да ты же горишь весь, на-ка градусник... - засуетилась бабушка.

- Сколько времени?

- Восемь часов.

Колька аж подпрыгнул с дивана.

- В девять начало, а ещё размять-

ся надо!

- Куда? Какой тебе бокс сегодня, что ты!..

- Всё-всё, бабушка...

Опять было взвешивание.

- Горишь, брат. На килограмм меньше, чем вчера, - сказал Быстров. - Давай, разминайся, - добавил.

Странно: Кости нигде не было видно.

В общем-то, Колька уже смирился со вторым местом. Хорошо хоть одноклассники не пришли сегодня. Обиделись, наверное, за вчерашний его резкий тон.

«Хоть бы выстоять, не упасть... А где Костя-то?..»

И где-то в глубине мысль, подогреваемая вчерашними победами, что - всё может быть, может и он, Колька, «подарок преподнести» даже и Косте.

Но старался не думать об этом. Вообще ни о чём не думать - просто бежать, разминать пальцы, кисти, плечи...

Уже и финальные бои начались, скоро их вес, а Кости не видать. И Быстрова не видать...

Вдруг увидел Светку. Стоит на балконе одна. Отвернулся, сделал вид, что не заметил.

«На ринг приглашаются: Николай Журавлёв, Константин Разуваев...»

- Выходи, выходи, - говорит, ничего не объясняя Быстров, появившийся вдруг рядом.

«Ввиду снятия боксёра Разуваева врачом победа присуждается Журавлёву, и он становится победителем в весовой категории...» Рефери подзывает Кольку и скидывает его руку. Колька всё ещё не понимает, что произошло: «Я чемпион города? А Костя?..»

- Поздравляю, - Быстров хлопнул по плечу.

Ребята из группы подошли, тоже поздравляют. И Володька Попов поздравляет.

- Что с Костей-то? - спрашивает наконец Колька.

В этот момент и появляется Костя:

- Поздравляю, Колян! - глаз его запыл полностью, но Костя улыбается:

- Вот так. Такова спортивная жизнь. Теперь ты чемпион города. Готовься к первенству области...

12

И опять Колька один домой шёл.

Костя ушёл из спорткомплекса ещё до награждения, он не показывал вида, но, конечно, был расстроен. От остальных Колька сам оторвался, хотелось одному быть. Увидел на улице у входа в спорткомплекс Светку и стоял в вестибюле у окна, ждал, пока она уйдёт.

В сумке лежала спортивная форма, свёрнутая в трубочку грамота за первое место и золотистый блестящий кубок (небольшой совсем, скорее игрушка, сувенир, но - кубок!).

И не домой пошёл, а бродил по улицам в каком-то непонятном волнении... «Напишу сегодня отцу!» - решил.

Вышел на берег реки. Церковь. Вокруг церкви сетчатый забор, калитка, а у калитки - Игорь Степанович Быстров и священник - тот самый батюшка.

- О! Чемпион! - увидел его Быстров.
- Ты чего тут?

- Так... - смутившись, ответил Колька.

И священник узнал его:

- А! Рыбачок, привет!.. Так это твой боец? - у Быстрова спросил.

- Мой, отец Илья, мой... Слушайка, Николай, вот батюшка завтра едет туда, ну, где отец-то твой...

- А как фамилия? - живо заинтересовался священник.

- Журавлёв.

- Знаю! Мой прихожанин.

- Возьмите меня, - сказал Колька.

Быстров вопросительно взглянул на священника.

- Можно, - задумавшись на мгновение, ответил отец Илья. - Там я договорюсь. Но рано утром выезжаю. Ты где живёшь-то?

Колька сказал.

- Я подъеду. Выходи на улицу... Да, а мать-то отпустит?

- Отпустит.

- А я в школу твою позвоню, договорюсь, - сказал Быстров. И добавил с улыбкой: - Вот, отец Илья тоже боксёром был. Мы вместе занимались.

- Был, был, - с усмешкой подтвердил священник. Солнечные искорки поблескивали в его рыжеватой бороде.

...Матери он ничего не сказал. Вышел утром из дома. Грамоту и кубок прихватил. Подъехала машина - белая «Нива».

- Садись, Николай.

Колька сел рядом со священником. Заднее сиденье машины было заставлено какими-то картонными коробками...

- Ну, с Богом... Часа через три будем, можешь ещё подремать...

Колька не ответил. Он только крепко сжал зубы и смотрел пристально вперёд.

- Сколько тебе лет? - спросил отец Илья.

- Четырнадцать.

Помолчав, священник сказал: «Да, быстро вы нынче взрослеете».



Великий Устюг. Центр города



ФОТО АЛЕКСАНДРА ПОЛИЦИНСКОГО И АРХИЕПИСКОПА МАКСИМИЛИАНА Уголок старинной Вологды

ЗА СЛОВА...

(НЕОКОНЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА)



ФОТО ДОЧЕРИ АВТОРА ПОЛИНЫ

**ВИКТОР
БОРИСОВ**

Виктор Авенирович Борисов, 1953 года рождения, живет и работает в Вологде. Рассказы неоднократно публиковались в областной периодической печати и коллективных литературных сборниках.

...В конце концов каждый, взявшийся за перо, работает прежде всего для себя, не для редакторов и критики, и даже не для какого-то неведомого ему читателя, а для своего собственного исцеления. Вот и меня на старости лет толкнула нелегкая заботить литературой. Я пытался втиснуть пережитое в законы жанра с завязкой, кульминацией и развязкой, искал форму, пробовал писать и вовремя останавливался, поймав себя на трафаретности, шаблонности исписанных карандашом нескольких строчек.

Карандашом я пишу от страха перед бумагой. Карандаш дает мне ощущение строк, как бы не вполне еще отделившихся от сознания, не вступивших в этот мир. Такую рукопись не жалко марать, с ней не жаль даже расстаться совсем. Удивительно, но те же фразы, те же предложения, впечатанные в листы машинописным текстом, казались мне чужими, и даже фамилия в верхнем углу титульного листа «Н.П. Славорусов» казалась мне не своей.

Фамилия у меня звучная, а вот с именем повезло меньше, таких имен сейчас не встретишь - не из модных. Да и в то время о моде не больно думали. Местный дьячок был образованным и своенравным, на моих крестинах глянул в святцы и произнес: «Будет отныне называться сын твой Нафанаилом». Вот и звали меня с детства Феней да Нафаней, только мать наперекор всем Венюшкой называла. Учителем стал - по отчеству стали величать. А в тот день, помню, когда Новожилов за плечо меня тронул, он по фамилии обратился: «Славорусов, проснитесь. У нас дело к вам, Славорусов!» - такое блаженство нарушил. Я только в отпуск домой приехал. Закончился очередной учебный год, жизнь мне улыбалась, жить хотелось и работать.

Я открыл глаза: стоят надо мной заместитель начальника НКВД Новожилов и работник из принудбюро Кренкель. Оба в форме, портупейми затянуты, с тяжелыми кобурами на боку.

- Распишись, Славорусов.

И Новожилов мне бумажку вместе с ручкой протягивает. Со сна я подмахнул не глядя. Даже с соломенника не встал.

- Нам необходимо осмотреть все, что ты привез с собой из Вочи.

«Вот те на!» - думаю.

- Дай-ка сюда бумажку-то, что я там подписал такое?

Смотрю - «Ордер на обыск». Вот это да! Подо мной аж соломенник ходунном заходил. Я поднялся, пыль соломенную стряхнул, поправил на себе одежду.

- Вот я весь перед вами, обыскивайте. Да! Еще портфель у меня с собой был, кроме белья, в нем первый том «Истории гражданской войны» лежал да письмо от Бутни - учителя математики, бывшего ссыльного из Одессы.

- Ах, дак ты еще с бессарабским шпионом переписываешься! - это уже в избе меня Новожилов шпионом пугал.

Мать жалко. Обычно до того хлопотливая, что в каждом уголке большого дома чувствовалось ее присутствие. А тут она, хоть и стояла на виду, потерялась, стала незаметной и только при слове «шпион» вздрогнула, а в сознании моем отозвались ее боль и страх за меня. Я вспылил:

- Где же вы раньше были? Что же вы позволяли ему шпионить в нашей советской школе? Теперь он рассекретит методику преподавания арифметики.

Так или примерно так говорил я. Со временем мы склонны приукрашивать свою речь, зато хорошо помним то, что сказано было другими, помним дословно, вплоть до деталей, интонации, выражения лица.

- Ты мне эту бодягу брось! Развел тут, понимаешь! Поедешь сейчас с нами в Вочь, там разберемся, кто шпион, а кто нет. Собирайся, - зна-

чительно и громко, так же, наверное, как на допросах у себя в кабинете, заговорил Новожилов.

Заговорил, и стало ясно: от выбранного тона он уже не откажется, а мне опускаться до свары с ним было унижительно, но и терпеть это хамство не хотелось.

- Как это поедешь? Мы безлошадные. Придется кому-нибудь из вас коня мне своего уступить, - возмутился я.

Новожилов аж желваками задвигал.

- Иди, - говорит Кренкелю, - к председателю. Пусть лошадь обеспечит.

Однофамилец арктического героя бросился исполнять. В дверях он едва не столкнулся с моим отцом - привела-таки домой старика лихая весть. Отец поздоровался со всеми, подошел к матери и стал таким же, как она, незаметным и чужим у себя в доме. Так и стояли они оба с неммым выражением растерянности и страха на лицах. Конечно, и меня уже стала одолевать ноющая тоска безысходности, но я давил ее верой в справедливость, верой в свою непогрешимость. А пословица, что от сумы да от тюрьмы зарекаться не стоит, давно уже мне казалась анахронизмом.

Вернулся Кренкель с парнишкой-ездовым. Засуетились. Мать стала готовить узелок в дорогу. Я остановил.

- Не надо, мама. Завтра к обеду так и так вернусь.

- Дай Бог, дай Бог, - и она быстро-быстро перекрестила меня.

- Что вы, мама, зачем?

Наверное, я покраснел, мне сразу стало стыдно за мать, за себя, стыдящегося матери, и этот клубок стыда подкатил к горлу, перехватил дыхание, едкой щелочью застил глаза. Я выбежал из дома, бросив на прощание короткое: «Ждите!»

Вот пылит по горячей июньской дороге странный кортеж: посредине бежит лошадка, запряженная в телегу, на которой сидим я и мальчишка-ездовой, постоянно причмокивающий да покрикивающий на лошадку. По бокам цокают кони моих конвоиров, и видится мне все это каким-

то необычным кинофильмом, в котором я и зритель, и исполнитель главной роли, роли какого-нибудь ссыльного декабриста или опального вольнодумца.

Родная моя деревня становится все меньше и меньше. Вот она уже скрылась за бугром и показалась вновь лишь островком темных деревьев среди широкого до горизонта поля. Мне неприятно смотреть на Новожилова: еще в доме я заметил, что белки глаз на его круглом лице сплошь покрыты кровавыми от недосыпания прожилками, и поэтому зрачки кажутся двумя черными пуговицами, будто бы приштиленными к красной роже. Отвернувшись от него, я волей-неволей разглядываю профиль молодцевато держащегося в седле Кренкеля. Он как бы более пригнан к размеру, ему, пожалуй, не хватает только шашки наголо. Оба они молчат и не мешают мне разговаривать с парнишкой о рыбалке, видах на урожай, погоде, природе и, конечно, о школе и учебе. К пяти часам дня мы подъезжаем к Воче. Настроение у меня вконец портится от мысли о возможности случайной встречи на улицах поселка с кем-нибудь из моих учеников, коллег или знакомых. О какой ерунде я беспокоился в то время! Сейчас вот и не могу вспомнить, встретился мне кто-нибудь тогда или нет.

Милиция располагалась в бывшей земской управе, в одном из немногих каменных зданий поселка. И только мы попали на ее территорию, только замкнулись за нами ворота, до меня просто и ясно дошла страшная мысль: «Это конец, это надолго». Она возникла вне моей воли, ничуть не влияя на мои действия, на мое настроение, просто теперь все было ясно: это надолго.

А вокруг шла жизнь. Туда-сюда сновали дублированные Кренкели, такие же подогнанные, такие же звонкоголосые и самовлюбленные. И среди них я узнал вдруг Васю Шемякина - моего ученика по вечерней школе, и он, тоже увидев меня, двинулся было в мою сторону, но потом отвернул и

подошел к Кренкелю, натирающему бархоткой запыленные после дороги сапоги.

- Сидоров! - кричал Новожилов. - Шемякин! И еще ты, - он ткнул пальцем в сторону сотрудника. - Поедете со мной на обыск, и не пререкайтесь! Живо в телегу!

Ко мне на телегу бодренько подсели три форменных молодца.

- Дяденька, мне домой надо. Темно будет ехать, - заканючил мальчишка.

- Не ной, - отнимая у него вожжи, оборвал Новожилов. - Сейчас подьем к дому, и катись на все четыре стороны.

И вот снова с тележным шумом и конским перестуком мы двигаемся по улицам Вочи. Милиционеры разговаривают меж собой.

- Дак что ты за новый закон такой знаешь? - донимают они Сидорова.

- Поделись, может, и нашему делу сгодится?

- К нам он ни при чем. Да и не закон это вовсе, так, правило из жизни. Наблюдение, можно сказать.

- Твое, что ли?

- Есть у меня друг закадычный, его и наблюдения. А может быть, и не его, однако верить можно, сам проверял.

- Ну дак что тянешь-то, рассказывай давай.

- Вон, - обидчиво показал рукой Сидоров, - лошадь понукай.

- Да ну тебя, кобенишься тоже.

Сидорову самому не терпелось рассказать, но надо же цену себе набить.

- Это скорее теория, чем закон, - стал объяснять он, - теория парных случаев.

- Эвона как.

- Вот, к примеру, умер у тебя кто-нибудь из родственников, значит, жди, скоро еще кто-то из близких померет.

- Точно! У меня в 33-м шурин на Украине умер, а через месяц - сестра.

- Но это не только на смерть распространяется. На все житейские случаи. А что в 33-м у тебя сестра с мужем померли, так это не в счет. Там тогда мор был.

- Я недавно у двоих на поминках был. Друг на себя руки наложил, и

бабушка его от старости умерла. И что с того?

- Это Венька-то, что ли? А бабушка вскоре после него померла?

- Вот! Тут все дело в сроках, а они, по теории этой, недолгими бывают, не больше сорока дней.

- Глупости все это! Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

- Тебе дело говорят, а ты цепляешься, - заступился за теорию другой милиционер. - Вот в Плетневе шпиона германского поймали, значит, скоро еще выловим?

- Шпиона не шпиона, а чего-то похожее точно возьмем, может, бандита или еще кого, а не то что уж совсем тютелька в тютельку.

- Тебя вот и выловим, - не поворачивая головы, произнес Новожилов. - Болтун - находка для шпиона, - закончил он, плакатным лозунгом.

Обыск кончился под утро. Мы возвращались пешком. Долгий, кропотливый и странный для меня обыск измучил всех. Непонятно было, что искали в моих книгах, конспектах, поурочных планах, почему вместе с письмами, записями и газетными вырезками в портфель с «вещественными доказательствами» Новожилов радостно затолкал череп, отнятый в свое время мной у баловавшихся им учеников. Все кругом спало, лишь стая ворон с граем кружила над головами.

- К дождю, - сказал мне Вася Шемякин. - Если сегодня вас погонят в Николу, худо будет идти.

- Как в Николу? Зачем?

- Так у нас тюрьмы нет. Одна КПЗ. Обычно туда гоняют.

- Вася, ты серьезно думаешь, что меня...

- Нафанаил Петрович, я ничего не думаю, но на всякий случай вам надо приготовиться. Одежду эту сменить, взять, что похуже, деньги, если есть. Вы заявление напишите, что отказываетесь идти без всего этого, и мы должны будем удовлетворить.

Это «мы» ожгло меня. Оно словно проложило черту между жизнью, от которой я вроде пока еще и не оторван, но уже и не могу участвовать в

ней. «Мы» - для меня теперь не страна Турксиба и Магнитки, «мы» - для меня пока еще неизведанное, темное и жуткое, немолимо затягивающее в свою массу.

Снова меня провели через ворота на территорию отделения милиции, а оттуда через черный ход - в «дежурку». Сопровождал все тот же неутомимый Новожилов.

- Задержанного погодя ко мне в кабинет! - бросил он дремавшему за столом дежурному.

Милиционер тупо посмотрел на меня и, указав пальцем, сказал:

- Стоять здесь!

- А стула у вас нет? - наивно спросил я.

- Не барин и постоишь, чай, не в кине.

Я понял, что все здесь отрететировано заранее, роли распределены и сюжет ясен. Через четыре часа меня к себе вызвал Новожилов.

- Ознакомься и распишись! - и он бросил на край стола листок бумаги.

Это было «Обвинительное заключение». Оказывается, меня арестовали по статье УК 58 пункты 7, 10 и 11.

- Что это за статья? - спросил я.

- Подписывай давай, слушай - понимаешь. Тут тебе никто не позволит бодягу разводиться! - заорал он.

- Ты, Новожилов, на меня не кричи. Я свои права тоже знаю.

- Подписывай, сука! Или я тебя тут же на месте в порошок сотру, - он выругался матом и вскочил из-за стола.

- Только тронь, - сказал я. - Только тронь! И увидишь петуха красного у себя в Раменье!

Знал я его родину, знал и он моих старших братьев, но до сих пор мне стыдно за проявленную слабость. Одной этой фразы хватило бы отправить их всех вслед за мной. Но в ту минуту у кого мне оставалось искать защиты, когда я и так находился в милиции? Забегая вперед, скажу, что, кроме меня, в семье больше никто не был репрессирован, а стыд и страх, пережитый мной в кабинете Новожилова, послужил мне хорошим уроком на будущее. Я взял себя в руки и уже спокойно сказал:

- И пока ты мне не дашь Уголовный кодекс, я разговаривать с тобой не буду!

С того дня статью эту я запомнил на всю жизнь: 58, пункт 7 - контрреволюционный террор с целью свержения существующего строя; 58, пункт 10 - контрреволюционная агитация; 58, пункт 11 - принадлежность к контрреволюционной организации.

- Я этот бред подписывать не буду!

Новожилов снова кричал, матерился, размахивал кулаками, но теперь заставить меня подписать он не смог бы даже под страхом смерти.

В камере, куда меня привели, сидел седой дед Игнатий. По дурости своей он приволок с империалистической ствол от пулемета, который и валялся у него в хлеву без надобности двадцать с лишним лет.

«А что я? Какой повод послужил причиной для моего ареста? Переписка с Бутни? Вряд ли... Череп? При чем здесь череп?»

Это сейчас кажется ни при чем.

Я вспомнил. Было это зимой, забрел ко мне поздно вечером Александр Проккопьевич Хромов. И хотя я никогда пьянство не одобрял, а в ту пору вообще не представлял, как это можно хотеть пить, искать собутыльника, заходить с таким предложением в дом, пусть и к знакомому человеку, но тогда решительно отказать своему коллеге я не мог. И вот, порядком захмелев, мы обратили внимание на череп, зажатый книгами на стеллаже.

- О, бедный Йорик! Откуда это у вас?

Я объяснил.

- Н-да, печальная судьба. Гамлет хоть знал, чей череп держал в руке, а этот... На чей скелет был водружен? Кому принадлежал? Судьба...

А вы знаете, мне кажется, такой череп носил не очень умный человек. Может быть, и круглый дурак. Вот смотрите: лобная кость какая-то срезанная, да и для мозга тут места мало.

Для убедительности он постучал по черепу так, как стучат в закрытую дверь.

- Нет, вы не правы, - решил я блеснуть своей эрудицией. - Доказано, что

ум человеческий не зависит от размеров черепа. Кстати, пока самый большой череп зарегистрирован во Франции у бывшего идиота, а вот наши враги утверждают, что у товарища Сталина будто бы маленький череп и поэтому-де ему не хватает ума, - добавил я свои роковые, приведшие меня в камеру слова.

Старик Игнатий оставался ждать следующего этапа. А наше так называемое «дело учителей» было «укомплектовано», и во второй половине дня, утряся последние мелочи с одеждой, стрижкой и деньгами, мы тронулись в путь. Со мной следовали Кузнецов Василий Андреевич - заведующий районным отделом народного образования, директор Троицкой восьмилетней школы Баданин, где ученики прорвали в пазах рубленой деревянной школы, оклеенной вместо обоев газетами, портрет «отца всех народов», учитель Вязников и школьный завхоз Сидор Матвеевич Адеев, который на игрище под тальяночный угар, не желая уступить в споре, но уже и не помня других «неопасных» частушек, взял да и пропел:

Сидит Сталин на березе,

А Зиновьев на ели.

Ах, куда же вы, товарищи,

Россию завели?

Сопровождал наш этап Вася Шемякин. Для меня это было первой радостью за истекшие сутки, да и мужики приободрились, узнав, что старший конвойный - мой недавний ученик по вечерней школе. В чем тут лично для них была выгода, стало ясно очень скоро.

Выйдя за околицу, мы увидели небольшую группу женщин, жмущихся к краю дороги, - это были их жены. Я сразу же подумал о Тоне, о том, что она, конечно же, не знает о моем аресте, а как было бы хорошо увидеть ее напоследок. Одна из женщин подошла к Васе и стала просить разрешения сопровождать мужей хотя бы до Дьякова.

- Не положено вроде, Василий Еврафович? - засомневался молодой милиционер, по фамилии Елькин.

- Все положено, если не доложено,

- ответил Василий, когда женщина отошла порадовать своих подруг.

- Ты-то, парень, не женат? - спросил меня Сидор Матвеевич. - Ну и правильно. А то бы вот сейчас как?

И дальше Сидор Матвеевич стал говорить скорее для самого себя. Его тоже никто не пришел провожать, и нам с ним волей-неволей пришлось коротать за разговорами эту утомительно скучную и пыльную дорогу. Надо признать, рассказчиком Сидор Матвеевич оказался замечательным.

- Вообще-то дело это хорошее и нужное. Я ведь, брат, одного только и боялся в жизни, веришь не веришь, до судорог боялся девок. Одними пересмешками от них и спасался. Стыдно, все уж парами давно ходят, а я знай хохочу. И так весну за весной прохохатывал, пока от хохота в штаны не наложил. Такие, брат, дела...

А рядом идут скорбной толпой, идут, тесно прижавшись друг к другу, ошастливленные женщины и их хмурые мужья. С погодой нам повезло: дождь так и не собрался. Солнце нещадно печет голову и пригревает спину. Мы держимся обочины, но дорога пустынна, и лишь изредка на нашем пути встречаются гужевые повозки. Люди в них хоть и неотрывно, с любопытством разглядывают нашу процессию, но начинают чаще понукать лошадей, стараясь как можно быстрее нас миновать. Один раз обогнала «полуторка», на километр оставив после себя желтое облако пыли, в котором не то что говорить - дышать было трудно.

- Дак слушай, какой срам со мной приключился, - не унимался Сидор Матвеевич. - Сготовила мать гороховика на постном масле, сам знаешь, какие весной разносолы. А я и не печалился. Каша мне эта нравилась. Сытна, вкусна, но и с подковыкой. Поел я и, как есть, загорелся на охоту съездить. День-то еще в пору не вступил, но и для охоты, конечно, не время уж было, просто видел я, как перед тем утки в Кокшевской заводи гнездились, вот и заело меня. Взял отцов бердан, патроны, какие были, кликнул со двора Полкана - и к лод-

ке. Уж порядком за деревней были, вдруг он раза два взлаял. Я обернулся, смотрю, по берегу наша девка идет. Наташкой звали, а, надо сказать, нравилась она мне очень. Вот я и думаю: «Чего мне бояться-то ее, чай, не съест, наверно». «Эй! - кричу. - Подвести не надо?» А она оглянулась, ничего не ответила и дальше идет. Меня словно муха какая укусила, думаю: все, на ней и женюсь, детей заведем, самая малость пятерых, дом поставлю, все как у людей будет. От таких мыслей решительности себе прибавил, к берегу чалю. «Здорово живешь, - говорю. - Куда путь держишь?» А она мне так лукаво: «Здорово, коль не шутишь». «Какие уж тут шутки. У меня в голове мысли шальные бродят, а того в толк не возьму, что в руке-то у нее узелок. «В Плетнево вот собралась, на станцию». «Дак ведь это не близко, а в ногах, как известно, правды нет». Ну, в общем, уговорил я ее. Села она в лодку - и давай стрекотать о том, какая ее ждет распрекрасная жизнь в городе, как там она будет учиться и работать, и вообще, как все здорово и замечательно. Вот тебе и невеста, вот тебе и пятеро детей, - рассказывает Сидор Матвеевич, а дорога словно сама стелется под ноги.

- И тут у меня началась «баталия», что стало твориться, помирать буду, не забуду. Наталья говорит и говорит, а у меня в животе все переворачивается, будто на сносях я. Вздуетя что-то так и как ухнет вниз. Я аж икать стал. Она на меня ноль внимания, знай свое тараторит, а у меня главный интерес в то место ушел, на котором сию. И надо же мне было гороховика на дорогу поесть! Еще на охоту собрался - уток пугать. И ты поверь, такая мука была, точно ножами брюхо резали. Господи ты боже мой! Дай, думаю, стрельну и облегчусь разом. «Утка!» - кричу. Вскинул ружье, на курок нажал. А услышал только себя... Осечка, понимаешь, вышла...

Конечно, можно было опустить этот рассказ, но позднее там, в лагерьях, я так сроднился с ним, пересказывая его в муторное время общей

тоски, что порой приписывал себе его авторство.

К поселку мы подходили в то время, когда безболезненно можно было разглядывать оплавленное на горизонте солнце. Печные трубы над избами курились легким дымком предстоящего ужина. Нестройный хор мычащего стада коров, возвращающегося с пастбища, извещал доярок о предстоящей заботе. Дети визжали и куролесили на песчаном берегу у излучины неширокой речушки. Где-то на гармошке уже пробовали перебирать лады, но все звуки перекрывал брагурный марш Осавиахима, хрипящий из динамика на столбе посреди центральной площади поселка.

- Тася?! - вдруг произнес мой спутник и бросился к бегущей ему навстречу женщине.

- Стой! - заорал было Елькин, но, посмотрев на Шемякина, плюнул на дорогу и стал наблюдать вместе со всеми за нечаянной встречей.

Жестикулируя и показывая на нас, Сидур Матвеевич отчитывал свою супругу. На помощь к ней поспешили все наши женщины и очень быстро успокоили его. Мне, как самому молодому и не связанному женским вниманием, поручили организацию прощального вечера. Вася Шемякин, в принципе, был не против, но на дверях приземистого рубленого дома с закрытыми ставнями, с щитом, приколоченным над входом с выцветшими буквами «Лавка», висело несколько амбарных замков.

- Пойдем, я знаю, где живет продавец, - сказал он мне.

- Елькин, определяйтесь на ночлег, как обычно. Мы скоро подойдем, - на ходу бросил он распоряжение уже ничему не удивляющемуся милиционеру.

Дом продавца был очень схож с магазином - такая же крепость. За воротами надрывалась собака, мычали коровы, кто-то невидимый брякал ведрами. Скрипнула дверь, и в узкий проем высунулась конопатая рыжая голова подрастка.

- Здравствуй! - и тут же, не дожидаясь от нас ответа, убралась назад.

- Папа! Это к тебе. Милиция, - услышали мы.

И сразу что-то громыхнуло там, перекачилось со звоном раза два и затихло. Чуть погодя двери нам открыл хозяин дома.

Товары из магазина мы выносили ящиками.

- Махорка, сухари, сахар нужны будут там, - посоветовал Вася, - а хлеб, водка, консервы - здесь, для последнего вечера на воле. Завтра в это же время мы уже будем в Никольской тюрьме.

В центре поселка под клуб переделывали бывшую церковь. Туда нас и определили на ночлег. Местный сторож передал ключи милиционеру Елькину и, довольный неожиданно свалившемуся на его голову отгулу, бодро зашагал к себе домой. Внутри помещения видны были следы столярных работ: вдоль стен возвышались леса, стальные швеллеры - лаги, на которых, по-видимому, будет держаться второй этаж, буквально вгрызлись в фрески с изображением библейских сюжетов, свежий настил пола светился своей белизной, а на месте алтаря уже была сооружена сцена для народного театра. На ней мы и расположились. Соорудили большой стол из двух верстаков, сколотили вдоль него лавки и занялись сервировкой. Быстро нашлись разномастные стаканы, тарелки, вилки и ложки. За водой сходили в ближайший двор с высоким колодезным журавлем, но с кипятком у нас ничего не получилось. Разжечь костер на главной в поселке улице имени Сталина... Это уже было бы слишком. В бывшей церкви ни печи, ни примуса мы не обнаружили, зато нашлись две керосиновые лампы и переносной фонарь. Да и без горячего стол ломился от домашней снеди, одних пирогов было несколько видов: и с грибами, и с картофелем, и с треской, и с мясом, даже с капустой и с яблоками, хотя время для них еще не пришло.

Закусывать можно было не только кушленными нами консервами, но и невесть откуда взявшейся колбасой, окороком и домашней тушенкой.

Сидор Матвеевич разлил всем водку, а Василий Андреевич, как самый старший, поднял стакан и произнес:

- Ну-с, за что будем пить?

- За знакомство, - подсказал тост Вязников.

Все стали чокаяться друг с другом, а женщины при этом называли свои имена.

- Татьяна Ивановна.

- Тася.

- Анна.

- Мария Анатольевна.

Я со всеми чокался, тоже представлялся и повторял глупую фразу: «Очень рад, очень приятно». После того как все выпили и стали закусывать, я понял, насколько проголодался. Очистив от скорлупы яйцо, я стал выглядывать соль на столе, но нигде ее не обнаружил.

- Вы не видите соль? - обратился я к сидящему рядом со мной Баданину.

- Нет, но сейчас Аня достанет из котомки. Уж чего-чего, а про соль она никогда не забудет.

- Да полно тебе, - выбираясь из-за стола, пожурила его жена Анна.

- Расскажи, Расскажи молодому человеку про соляную бочку, очень любопытная история, - продолжил Баданин, когда она вернулась с солью.

- Ну что ты за человек, Расскажи сам, если хочешь!

- Ну ладно, слушайте, история занятная. С Анной мы знакомы с детства, в одной деревне росли. Отец у нее, Петр Александрович, мужик был справный, в доме всего было с избытком: сытая скотина в хлеву и полные припасы добра в избе. А как же иначе, ведь, кроме Анны, было еще восемь ртов. Понятно, что не просто так достаток давался, приходилось пошевеливаться. Даже о том, что власть сменилась, некогда было задуматься. Вот сейчас говорят: кулак. Какой он кулак, когда на него взглянуть только - одни жилы да кости. Но не о том речь. В крестьянском хозяйстве без товаров из уезда тоже не обойтись: и пороку надо купить, и мануфактуры, да мало ли что... А в нашем магазине прилавки новыми товарами не пополнялись, а старых запасов хватило не-

надолго. Вскоре и сам магазин закрылся на большой амбарный замок. Все бы можно было пережить, но вот представьте себе, - рассказ постепенно стал интересен всем, и Баданин уже обращался не только ко мне, - семья, наработавшись, садится за стол обедать. Густые щи, в которых, казалось, ложка стоять будет, нехотя хлеблются, а затем почти полные тарелки отодвигаются в сторону. Как в этом случае вам говорил отец? - обратился он к жене.

- Что, не сладко живется без соли?

- Вот-вот, именно! Не сладко без соли! В общем, собрался он в Солевычегодск выменять соль на крупу да сало. Соль ведь не только в щи да кашу требуется: и мясо в оттепель без нее не сохранить, и шкуры не обрабатывать. Но какая уж в Вычегодске соль - одно название: серая крупнозернистая и маловкусная. Вот тут я помню, что Петр Александрович говорил: «А нам хоть песок на зубах, лишь бы солил». И вот, собственно, к чему я веду этот рассказ. Та соль быстро кончалась, а магазин все не открывался. Однажды Петр Александрович обратил внимание на пустую соляную бочку, задвинутую в дальний угол амбара. Провел пальцем по днищу, попробовал на вкус: «Хороша соль старорезжимная!» Ну и порешил бочку: сбил обручи, разобрал лады, сложил их аккуратно стопочкой, а первыми в ход пустили досочки от днища: нащепал их - вот тебе и заправка в щи да кашу.

- Почти как в сказке про «Суп из топора», - вставил фразу Сидор Матвеевич.

- Вот-вот. Дно кончилось, лады в пищу пошли. Тоже за несколько поколений хорошо усолились. Так и съели соляную бочку.

- Иначе сказать, развалили крестьянский уклад, как бочкины лады, - подытожил рассказ Василий Андреевич, за что и заслужил от жены неодобрительный взгляд и легкий тычок в бок.

- Таня, не одергивай меня. Мы тут все под одной пятьдесят восьмой статьей ходим. Может, поэтому сейчас мы самые вольные люди: говори чего

хочешь, за слова уже не посадят, дальше тюрьмы не отправят.

- Говори, да не оговаривай, - едва слышно ответила ему Татьяна Ивановна.

- Не бойся, стражники наши уже спят, наверное. Нужны мы им... А вот про то, что творится кругом, вся душа изнылась, так хоть сейчас ей дай свободно высказаться. Умом Россию не понять, но меня всегда мучил вопрос: как так получается, что уж если бардак на Руси, так на триста лет. Сначала татары с монголами, потом Романовы, а сейчас что? Деревни развалены, тюрьмы переполнены, у власти стоят холуи и казнокрады, а правительство по своему обыкновению ненавидит свой же народ. «Революция должна разрастаться», - процитировал он слова Сталина. - До каких же пор? На следующие триста лет? Ведь так после нас пустыня останется, и всех нас как пыль на ветру...

- Не надо, Вася, успокойся. Ничего уже не изменить, ты верь...

- Во что? В Бога? В мировую революцию?

- В хорошее, что все будет хорошо. Верь в меня, что я тебя буду ждать, что мы встретимся, несмотря ни на что.

Татьяна Ивановна говорила это только для мужа, успокаивала его, как мать сына, которому наподдавали во дворе, но ее тихие слова нужны были нам всем, всех нас поколотили одинаково, у всех было муторно на душе. Наступила тягостная тишина, которую нарушили супруги Вязниковы.

Я давно уже с интересом наблюдал за ними. Он красавец с благородными чертами лица, с густыми черными, как смоль, волосами, атлетической фигурой. В нем было что-то и от Блока, и от Чкалова, вместе взятых. И рядом с ним сидела она, его супруга: невысокого роста, невнятной внешности, с обычным рябоватым крестьянским лицом и почему-то двумя заплетенными, как у школьницы, косичками. Да и вся она была похожа на непоседливую ученицу: такую веселушку-хохотушку. Полная противоположность Вязникову. Сейчас я не

мочу вспомнить его имени, потому что все к нему обращались вслед за женой почему-то по фамилии.

- Что мы, как на похоронах, сидим? Давайте выпьем за наших любимых жен. Ну и за невест, конечно, - добавил он, посмотрев на меня.

- Ой, Вязников, смотри, доженихаться...

- Что ты, Мария, я ведь не про себя. Ты ведь у меня лучше всех, мне никого, кроме тебя, больше не надо.

Глядя на их милую перебранку, все оживились.

- А Ольгу вспоминать не будешь?

- Почему не вспомнить твою лучшую подругу. Жалеть о ней вот уж точно не буду, а вспомнить хоть сейчас можно: хорошая девушка была.

- И красивая, - в тон ему продолжила жена.

- Так, ничего. Симпатичная.

- Ой, Вязников, ничего ты не понимаешь в женской красоте. У нее фигура, стать, волосы, а глаза... Глаза-то у нее какие были! Омуты. Надо было тебе на ней жениться.

- Так ведь ты сватала.

- Было дело.

- Расскажите, Мария Анатольевна, очень интересно. Расскажите, - запросили все наши женщины.

- Ну что, Вязников, расскажем?

Он утвердительно кивнул головой.

- Познакомились мы в учительском институте...

- Помог этому закон Бойля-Мариотта.

- Не перебивай, Вязников. Мы жили в общезитии, готовились к экзаменам. Я приехала поступать на учителя словесности, а он - на естественный факультет. На него все наши девчонки заглядывались, а я обратила внимание, что какой-то он неприбранный был: пуговица, хотя бы одна, да вечно оторвана, брюки, вроде и глажены, но все в складках, а о пиджаке и говорить нечего: мешок мешком. В тот день в читальном зале ни одного места свободного не было, а рядом с ним, смотрю, парень ученики складывает, уходит собирается. Что делать, попросилась на освободившееся место. А он сидит, уткнув-

шись в книгу, голову обхватив обеими руками, ни до кого дела нет, ну а мне тоже не до него. Проходит минут сорок, и Вязников заговорил: «Вы, - говорит, - в физике что-нибудь понимаете?» (А у меня всегда по ней только пятерки были). «Вот, - говорит, - битый час над законом Бойля-Мариотта сижу, и все без толку». Так мы и познакомились, он потом долго удивлялся, зачем я на учителя русского языка поступать стала. Ему мне чуть ли не весь курс физики объяснять пришлось. Ну, а потом дружить стали. Привела я его в божеский вид, дыры заштопала, петли попришивала... А то ведь, как пойдём куда-нибудь, со стыда можно было сгореть... Пальто в гардеробе не за что привести, драные локти рукой приходилось скрывать...

- Ну уж, Маш, ты преувеличиваешь. И было-то, может, раз.

- А другого раза я бы не вынесла. Ещё, видели бы вы, девчонки, что он ел. Кусок черного хлеба с солью если съест за весь день, и то уже хорошо. В общем, договорились мы, что на обед и ужин он приходит ко мне строго в условленные часы, а в остальное время каждый живет сам по себе. Меня потом многие спрашивали: «Кто он тебе? Брат?» Я уже так и стала отвечать «Да, брат. Двоюродный». А через год-другой в это и сама поверила, и ругала его, как брата, и защищала тоже.

Над головой Вязникова уже давно назойливо трепетала ночная мохнокрылая бабочка. Он отмахнулся и, зацепив ладонью, невольно отбросил ее прямо в жар над стеклом керосиновой лампы. Крылья у бабочки пыхнули, и она упала на столешницу. «Господи, спаси и сохрани», - мелко перекрестилась Анна - жена Баданина, а тот хладнокровно подцепил мертвую бабочку и щелчком отправил в темноту. Увлеченные рассказом, супруги Вязниковы не обратили внимания на случившееся, да, кажется, никто и из присутствующих не придал никакого значения этому эпизоду, только во мне что-то произошло. Вслед за женой Баданина я несколько раз про

себя повторил: «Господи, спаси и сохрани». Между тем Мария Анатольевна продолжала свой рассказ.

- Учеба уже к концу подходила. Думаю, как приедет он по распределению на место, там и пропадет без меня. Надо его женить. Стала кандидатуру присматривать. И нашла. Рядом, в параллельной группе. Мы не особо знакомы были, но ради такого случая познакомились и даже подружались. Ольга была такой, что иногда мне казалось, что куклу, которая стояла у меня в комнате на этажерке, делали с ее лица, а кукла, надо сказать, была редкая, иностранная. Ни у кого такой я больше не видела. Ну и вот, свела я их. Пара получилась просто на загляденье: кавалер и барышня, точно с картинки. В кино они вместе ходить стали, в филармонию. Все у них складывалось, как я и рассчитывала. И вот надо же так случиться, что подвел он меня в самый, можно сказать, последний момент, - лукаво посмотрев на мужа, она вроде бы как пожурила его.

- Ну ты прости меня, Маша, сам не хотел, да так получилось.

- Не хотел?! Так ты, значит, не хотел? - стала она играючи трепать за вихры Вязникова.

- Ну, а кто хочет тифом болеть?

- Вот ты про что? А я уж думала, не хотел мои планы относительно Ольги расстраивать, - и уже серьезно продолжила: - Действительно, заболел Вязников тифом. Их тогда на лесозаготовку посылали, где уж он там заразу эту подцепил, не знаю, но привезли его едва живого, определили в инфекционку, а там таких, как он, еще с полсотни лежит. Кого-то на своих ногах оттуда отправляли, но чаще вперед ногами выносили. Как я к нему в палату проникла, - отдельная история. Был он весь исхудавший, осунувшийся, словом, краше в гроб кладут. Увидела я его такого, все во мне оборвалось, комок к горлу подступил, слезы накатили, едва сдерживаюсь.

«Вот, - говорю, - от Ольги тебе цветы принесла». Смотрит он на меня, улыбается, а мне жалко-жалко его стало. Так и начала ему подарки «от

Ольги» каждый день носить. Фрукты ему тогда крайне нужны были. Ольга, конечно, тоже его жалела, помогала мне яблоки доставать, но сколько бы я ее ни уговаривала навестить Вязникова, она ни в какую. Не рискнула. Ну а меня в больнице приметили, дали швабру в руки и сказали: «Раз каждый день ходишь, помогай с уборкой. Чистота - залог выздоровления». Вязников постепенно на поправку пошел. Я ему про Ольгу, а он мне вдруг наотрез: «Не хочу, не буду и не уговаривай». А уже совсем когда на ноги встал, предложение мне сделал. Ну куда от него денешься? Так и вышла за него замуж.

- Неужели пожалела об этом?

- Да нет...

Было уже далеко за полночь. Глаза мои слипались сами собой, и голова то и дело клонилась к столу. Рассказ Вязниковых я еще выслушал, а дальнейшие разговоры действовали на меня как снотворное. Я извинился, вышел из-за стола и направился к топчану с матрацами. «Не первые мы останавливаемся здесь на ночлег. Тьма, наверное, клопов...», - равнодушно отметил я про себя. Последнее, что я слышал, перед тем как уснуть, это была песня. Ее негромко, почти как колыбельную, начала петь Татьяна Ивановна, а со второй строки к ней присоединились остальные женщины.

...На Муромской дорожке

стояли три сосны,

Прощался со мной миленький

до будущей весны...

Проснулся я от головной боли, жажды и желания сходить по малой нужде. Осторожно, чтобы не растревожить спящих рядом со мной товарищей, я спустился с топчана и как можно тише стал пробираться к столу. Воду я нашел в медном чайнике, долго-долго цедил ее, прижав губами к носику, но при каждом глотании мне казалось, что вместо кадыка у меня в горле двигаются мельничные жернова и от их гула я уж точно всех подниму на ноги. Ничего, обошлось - никто не проснулся. Утолив жажду, я стал пробираться к выходу. Если бы я не

осторожничал, то наверняка меня бы заметили или сам наткнулся бы на них, но получилось так, что я увидел, или мне показалось, что увидел, то, что в отношениях между мужем и женой принято скрывать от чужих глаз.

- Сидор мой хорошенький, а если я забеременею, что тогда буду делать? - услышал я из своего вынужденного схрона.

- Рожай, где три, там и четвертому место найдется.

- Хорошо тебе говорить.

- Да, уж куда как хорошо, лучше не бывает.

- Ягодинка моя, прости, не подумавши, сказалось...

- Пустое.

Сидор Матвеевич чиркнул спичкой о коробок, а я еще плотнее прижался к стене, чтобы не быть замеченным в свете вспыхнувшей спички. Он раскурил папиросу, сделал пару глубоких затяжек, немного помолчав, сказал, как бы самому себе: «Вот... дали ему год, отсидел двенадцать месяцев - досрочно освободили!».

- Сидор, - позвала его жена.

- Ну?

- Знаешь, кто тебя в тюрьму посадил, кто на тебя донос написал?

- Нет, даже не догадываюсь.

- Пашка-бобыль, сосед наш, змей подколотный. Мне он на днях говорит: «Что, доигралась с гармонистом! Допрыгалась! Теперь ко мне на карачках приползешь». Он ведь на меня давно глаз положил, только я и представить не могла, что он до такой степени подлый...

- Недаром на Руси говорят: не то жалко, что у меня корова сдохла, а то жалко, что у соседа жива. Ах, сволочь Пашка, доберусь я до тебя как-нибудь!

- Не надо, не трогай его. Так, за частушку, может, и немного дадут, а случись что с Пашкой, на полную катушку раскрутят.

- Ах, Аня! Твои бы слова, да Богу в уши. На самом-то деле как раз все наоборот, - с горечью произнес Сидор Матвеевич и, помолчав немного, запел: *Дайте с горишки спуститься, Дайте Вочку переплыть,*

*Дайте с милочкой проститься,
Мне такую не забыть.*

Слышно было, как тихо заплакала его жена.

- Ну-ну, не надо, не плачь... Слезами горю не поможешь. Дай Бог, все образуется.

- Исидорушка мой любимый, ты только там не подумай, что у меня с этим гадом Пашкой что-нибудь произойдет. Я его на пушечный выстрел к себе не допущу. Ты у меня один на всю жизнь! Напиши мне оттуда сразу, как сможешь, дай весточку о себе.

- Напиши мне, напиши, не жалей бумаги белой, пожалей моей души, - ответил он ей шутливо.

- Частушечник ты мой бедовый...

- Конечно, напишу, если будет дано такое право. Ты жди. А сейчас давай поспим немного, уже светает, день предстоит нелегкий.

Они затихли. Через некоторое время, предупредительно кашлянув, я вышел из своего укрытия и быстро прошел мимо них к дверям. Со скрипом открыл и наконец оказался на улице.

Изредка перекрикивались петухи, соловьи без умолку пели в кустах, белый туман сравнял все лощинки и овражки, солнце неспешно округлялось на горизонте. Было тихое, умиротворенное утро. В телеге спал, похрапывая, охранявший нас Елькин. Никого кругом не было. Простор и воля. Простор и воля...

Зачем тебе это было нужно, Фанечка? Зачем ты не послушался меня, ведь как же я тебе говорила, советовала, не надо. Какой из тебя писатель, ведь ты ж двух слов без лекарств связать не мог? Все через себя, все через

нервы пропускал, а ведь писатели-то, те глазом не моргнут - роман напишут. Зачем тебе-то это нужно было, Фанечка?

Читал ты мне накануне жизнеописание свое. Поплакали мы и посмеялись, и надо же мне, дура старой, спросить, что дальше-то было? А тебя ведь другой раз просить не надо. Ты вон сколько на бумаге себя изводил. Долго ты мне рассказывал. И про суд скорый, и про срок малый - десять лет не двадцать пять, про судьбы ваши горькие... Как-то обмолвился ты: «Россия - это судьба». Один ты у меня и прожил столько-то лет, остальным судьба была сгнить в тюменской тундре, никто, кроме тебя, воли не увидел.

В сорок седьмом освободился было Василий Андреевич да снова угодил, а там заболел и умер. Все умерли, всяк по-своему. Адеев с урками что-то не поделил, Вязникова комлем сосновым ударило, а про Баданина ты и сам не знал - в разных лагпунктах вы были. Довелось и тебе хлебнуть всякого. Рассказывал ты мне, а руки твои тряслись, глаза меня не видели, уши слов моих не слышали: то курить станешь, то лекарство примешь. Про Васю Шемякина с милиционером Елькиным вспомнил. Доложил кто-то на них. Слава Богу, хоть не посадили тогда, ну а то, что с работы погнали, дак и неплохо. Шемякин-то после войны весь в орденах явился.

Что мне до них до всех, тебя вот теперь нет! Как рассвело, ты к столу пошел, тетрадочку свою заветную достал, карандашик очинил и долго-долго сидел так, ничего не писал. Я уснула... А когда проснулась, гляжу, будто ты дремлешь за столом сидя, голову на тетрадку уронив. Это уж не было тебя со мной, Фенюшка...

ГАЛИЦИЯ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

Предлагаем читателям дневники участника Первой мировой войны - вологжанина Евгения Гусева

«Евгений Христофорович Гусев, - пишет его правнук Д.Е. Гневашев, - родился в деревне Ильинское 26 февраля 1880 г., «крещен в тот же день (ГАВО. Ф.496. Оп.10. Д.3999.Л.182 об.). По меньшей мере 11-й ребенок в семье Христофора Андреевича и Александры Лазаревны Гусевых. Со словный статус - мещанин г. Вологды (однако семейство и предки постоянно проживали в дер. Ильинское Панфиловской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии). Женат. Жена - Александра Николаевна (урожденная Егорова), 1882 г.р. Имел шестерых детей.

В 1914 году по случаю войны с Германией мобилизован в действующую



Евгений Христофорович ГУСЕВ
с женой Александрой Николаевной

армию. До этого закончил унтер-офицерские курсы. Унтер-офицер. Судя по фотографии, отмечен нагрудным знаком «За отличную стрельбу из винтовки» (II или III степени). В 1915 году попал в австрийский плен.

В 1931 году вступил в сельхозартель «Красный Восход», где работал счетоводом. Середняк. (ГАВО. Ф.4766.Оп.1. Д.5.Л.12 об.; Д.35. 1 об.)

Умер в 1953 г., похоронен на приходском кладбище вологодской Лазаревской церкви».

Призванный в армию в июле 1914 года, Е.Х. Гусев был определен командиром отделения 4-го взвода второй роты первого батальона 296-го Грязовецкого пехотного полка 74-го дивизии. 18 июля 1914 года был направлен на формирование в Старый Петергоф, где полк занимался учебными стрельбами, на месяц был направлен на охрану рытья окопов под Петроградом.

21 октября 1914 года полк был отправлен на Юго-Западный фронт (командующий фронтом генерал Н.И. Иванов) на пополнение понесшей большие потери 3-й армии Юго-Западного фронта, командовал армией в это время генерал Радко-Дмитриев. 28 октября 1914 года дивизия прибыла на станцию Львов.

Необходимо сказать о том, как складывались события на Юго-Западном фронте до этого времени.

С 19 августа по 21 сентября 1914 года произошла одна из величайших битв Первой мировой войны, которая вошла во все учебники истории под названием Галицийской битвы. В этом наступательном сражении принимали участие 4-я и 5-я армия русских, но основная нагрузка легла на две армии Юго-Западного фронта -

8-ю армию под командованием генерала А.А. Брусилова и 3-ю армию под командованием генерала Рузского.

Галицийская операция стала одной из крупнейших операций Первой мировой войны. Боевые действия происходили на фронте шириной до 400 километров, продолжались 35 дней. Русские войска продвинулись от реки Западной Либы на 280-300 километров до реки Дунаец. Австрийцы потеряли 326 тыс. человек, из которых более 100 тыс. пленными, и 400 орудий. Русская армия потеряла до 230 тыс. человек, из них 40 тыс. пленными, и 94 орудия.

По завершении Галицийской операции линия фронта вплотную приблизилась к Кракову, южная часть фронта проходила по предгорьям Карпат, в тылу русских войск в блокаде остался город-крепость Перемышль.

В сентябре-октябре 1914 года Юго-Западный фронт вел наступательные бои, но уже не столь интенсивные. В это время активные боевые действия развернули войска Северо-Западного фронта, но большого успеха они не имели. С юга на северное направление перебрасывались войска для усиления действий русской армии в этом направлении.

В последних числах октября армии Радко-Дмитриева и Брусилова перешли в наступление. 3-я достигла Дунайца без особенных усилий, 8-я имела в предгорьях Карпат несколько авангардных дел. 31 октября наш XXIV армейский корпус занял Балигород, где взял 1000 пленных, 3 ноября у Воли Петражицкой VIII корпус взял четыре орудия. В то же время вновь образованная Блокадная армия генерала Селиванова приступила к обложению Перемышля. Ее составили новообразованные XXVIII и XXIX армейские корпуса.

В результате эта группировка войск, возглавляемая генералом А.А. Брусиловым, в составе трех армий, 3,8 и Осадной армии (которая блокировала город-крепость Перемышль), прекратила активные наступательные операции и остановилась в 20-40



Евгений Христофорович ГУСЕВ
(сидит справа) с однополчанами

км от Кракова и Ченстохова. Основной задачей группы войск, возглавляемой генералом А.А. Брусиловым, было отвлечение наибольшего количества войск противника для создания благоприятных условий для действий русской армии на северном направлении.

Австро-германское командование, понимая всю серьезность положения на юге, в спешном порядке перебрасывало дополнительные войсковые подразделения в район Кракова и Карпат, в результате этого к ноябрю в этом направлении они имели четыре полнокровных армии, одна из них была германская, по своим боевым качествам, она превосходила австрийские войска. Против группы генерала А.А. Брусилова, имевшей две армии (третья была занята блокадой Перемышля), было сосредоточено четыре армии противника.

Вот что пишет генерал Брусилов в своих воспоминаниях о ситуации во вверенных ему войсках в ноябре 1914



Русские солдаты над городком в Галиции. Открытка 1914-1915 гг.

года командующему Юго-Западным фронтом генералу Иванову:

«Одновременно я доносил, что, ведя непрерывные бои в Карпатских горах, моя армия оказалась в ноябре голой, летняя одежда истрепалась, сапог нет, и войска, находясь по колено в снегу и при довольно сильных морозах, еще не получили зимней одежды. Я прибавлял, что считаю это преступным со стороны интендантства фронта и требую быстрой присылки сапог, валенок и теплой одежды. Вслед за этим я уже от своего имени, не надеясь более на распорядительность интендантства, отдал приказание приобретать теплые вещи в тылу и быстро везти их к армии. Должен к этому добавить, что вопрос о теплой одежде мною был поднят еще в сентябре, но, как мне было разъяснено, счита-

лось, что необходимо сначала снабдить теплыми вещами войска Северо-Западного фронта вследствие более сурового там климата, но не было принято в расчет, что в Карпатах зима еще более суровая и что войскам, находящимся в горах, так же, и еще в большей степени, требуется зимняя одежда. Во всяком случае, казалось бы, в ноябре можно уже было снабдить все войска теп-

лой одеждой. Я считал, что это была преступная небрежность интендантства».

О характере боевых действий русских войск конца 1914 и начала 1915 года в Галиции он пишет следующее.

«В КАРПАТАХ».

Явился вопрос: что же делать дальше? Пленные австрийские офицеры, смеясь, рассказывали в нашем разведывательном отделении штаба, что они войну в Карпатах называют *Gumtikirieg* («резиновая война»), так как с начала кампании на этом фланге мне все время приходилось наступая на запад, отбиваться с фланга. Действительно, нам приходилось то углубляться в Карпаты, то несколько отходить, и движения наши могли быть названы «резиновой войной». Нужно было теперь предполагать, что дальнейшие передвижения войск наших армий на запад, в сущности, иссякли по недостатку сил. Оставаться же моей армии на фланге перед Карпатским хребтом, ожидая удара с юга, не сулило большого успеха, и инициатива действий в таком случае должна была перейти в руки к нашему противнику, что, по моему мнению, было для нас крайне невыгодно».

Опубликованная на соседней странице карта боевых действий в Галиции за 2 декабря 1914 года дает представление о том, где воевал и оказался в плену унтер-офицер Е.Х. Гусев.

Обобщая действия русских войск в Галиции, генерал А.А. Брусиллов пишет в воспоминаниях: «Зимой



В центре - генерал Алексей Алексеевич БРУСИЛОВ (1853-1926), справа от него - болгарский генерал на службе в русской армии Радко Дмитриевич РАДКО-ДИМИТРИЕВ (1859 - 1918)



1914/15 года центр боевых действий перешел в Карпаты, и не могу не считать своей заслугой, что благодаря моим настояниям было обращено внимание на этот фронт; не обинуясь, могу сказать, что ежели бы мы тут, хотя и несколько позднее, не подготовились, то усилия противника освободить Перемышль увенчались бы успехом и весь левый фланг нашего фронта еще зимой был бы опрокинут, Львов взят обратно и Галиция была бы тогда же нами потеряна. В подкрепление австрийских сил были присланы и германские части, которые своей устойчивостью и высокими боевыми качествами значи-

тельно усилили Карпатский фронт».

Интересен тот факт, что чешский писатель Ярослав Гашек был участником Первой мировой войны и воевал и оказался в плену в тех местах, где воевал и попал в плен унтер-офицер Е.Х. Гусев, но Гашек был в Галиции в начале лета 1915 года. Вот как он на страницах романа «Похождения бравого солдата Швейка» описывает места боев:

«Через четверть часа двинулись дальше, через сожженные деревни Брестов, Великий Радвань и Новую Чабинцу. Видно было, что здесь шли упорные бои. Склоны Карпат были покрыты окопами, тянувшимися из долины в долину вдоль полотна железной дороги с новыми шпалами. По обеим сторонам дороги часто попадались большие воронки от снарядов. Кой-где над речками, впадающими в Лаборец (дорога проходила вдоль верховья Лаборца), видны были новые мосты и обгорелые устои старых.

Вся Медзилаборецкая долина была разрыта и раскопана, как будто здесь работали армии гигантских кротов. Шоссе за речкой было изрыто и разворочено, поля вдоль него



Бой в окопах. Снимок сделан 21 ноября 1914 г.

истоптаны прокатившейся лавиной войск.

После ливней по краям воронок стали видны клочья австрийских мундиров.

За Новой Чабиной на старой обгорелой сосне, запутавшись в ветвях, висел башмак австрийского пехотинца с частью его голени.

Очевидно, здесь погулял артиллерийский огонь: леса стояли без листьев, без хвои, деревья без верхушек, хутора были разрушены.

Поезд медленно шел по свежей, наспех сделанной насыпи, так что весь батальон имел возможность досконально ознакомиться с прелестями войны и, глядя на военные



Братские могилы на военном кладбище

кладбища с крестами, белевшими на равнинах и на склонах опустошенных холмов, медленно, но успешно подготовит себя к бранной славе, которая увенчается забрызганной грязью австрийской фуражкой, болтающейся на белом кресте».

ГАШЕК, Ярослав (1883 - 1923) - чешский писатель-сатирик.

Родился 30 апреля 1883 года в Праге, в семье учителя реальной гимназии.

Февраль 1915 - призван в австро-венгерскую армию. Начиная служить в составе 91-го пехотного полка. Став правой рукой писаря Ванека, получил возможность постоянно уклоняться от учений и писать не только «историю полка», но и стихи и прозу. После кратковременного пребывания в Мосте-на-Литаве попал на фронт в Галицию, где выполнял обязанности квартирьера и ординарца, участвовал в сражении у горы Сокаль и получил серебряную медаль за храбрость (по воспоминаниям Лукаша и Ванека, этой чести он был удостоен за то, что против своей воли «взял в плен» группу русских дезертиров, а по собственному заявлению Гашека, за то, что избавил батальонного командира от вшей, намазав его ртутной мазью). Через два с половиной месяца, 23 сентября 1915 года, у Хорупан сдался в русский плен.



Подготовка снаряжения

ДНЕВНИК- ВОСПОМИНАНИЯ УНТЕР-ОФИЦЕРА Е.Х. ГУСЕВА

Публикуемые дневники представлены **Дмитрием Евгеньевичем ГНЕВАШЕВЫМ**. Вступление, подготовка к печати, подбор иллюстраций - **Сергей Павлович БЕЛОВ**

Мобилизация, 18 июля 1914 года.

Летом 1914 года, июля 18 дня, я огребал сено на ручье в поле, которое у Голенева, и вот я очень спешил, потому что был я один, жена была больная после родов. У нас жил мальчишко Петрушка в качестве няньки.

Вдруг прибегает этот Петрушка ко мне на покос и говорит: «Дядюшка, тебя требует полицейский». Я говорю: «Зачем?» Он говорит, что полицейский требует немедленно, не знаю зачем. Потом я слышу голос моей жены, она идет и плачет во всю голову. Спра-

шиваю: «Что такое?». Отвечает: «Ой, Еня, милый, всех солдат требуют на войну. С кем же я останусь? Как буду жить? Работать некому, сама больная, ребятишки маленькие». Я ей говорю, что меня, наверно, не возьмут, потому что я состою во втором разряде запаса. Потом мы вместе с женою пошли в деревню, а там уже было приколочено объявление, что весь запас как первого, так и второго разряда, призывается на действительную службу и должны сегодня же в три часа ночи быть в своих волостных правлениях.

Тут сердце у меня упало. Вся мрач-



Император Николай II 20 июля (2 августа по новому стилю) обратился к народу с балкона Зимнего дворца с манифестом об объявлении войны с Германией. Огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы царь обратился к людям с торжественным обещанием не кончать войны, «пока хоть одна пядь русской земли будет занята неприятелем».



«Россия радостно встретила объявление войны, - писала «Петербургская газета». - Массы населения повергают к стопам Государя Императора одушевляющие их чувства любви и преданности и свидетельствуют свою готовность принести жизни за спасение родины, за славу Государя и Отечества».

ная перспектива встала у меня перед глазами. Бедные дети, бедная жена, что они будут без меня делать, как будут жить?! Один я в семье работник, и того отнимают. Посмотрел я на своих малюток, и слезы полились из глаз. Потом я еще съездил за сеном два раза, выпряг лошадь, пришел к себе в дом. «Ну, - говорю, - давай, Саня, помолимся Богу. Недолго мне с тобою жить, разлучают нас». И оба встали пред иконами на колени и залились слезами.

Господи! Неужели я больше не увижу родных детей и дорогую жену?! Потом я говорю: «Ну, Саня, приготовь мне белье и поставь самовар. Попьем чаю, и отправлюсь я туда, куда требует меня начальство». Собрались все соседи, и все сожалели. Отправлялись со мною из деревни Дмитрий Константинов и Александр Иванов.

Когда пили чай, Пашутка сидел рядом со мной, он как-то затуманился, зажурился.

Спрашивает меня: «Что, тятенька, дом-то большой на войне?» И потом просил, чтобы я привез яблоков по возвращении с войны. Он долго сидел рядом со мной и наконец заснул. Я отнес его на постельку. Катя тоже спала, я со слезами благословил их, в то же время думая: «Господи, верни обратно живым и невредимым для этих маленьких крошек!» Потом благословил мя божатку иконою, я попрощался с соседями. Жена бросилась мне на шею с рыданиями, я насилу оторвался. И вот подвода, назначенная для сопровождения нас, подъехала к моему дому. Сели мы в телегу и, напутствуемые словами: «Спаси вас, Господи, верни вас, Царица небесная, живых и невредимых», - поехали в волостное правление. Жена провожала меня до Соколова.

19 июля из волости на подводах мы отправились в свой уездный город. Тут мы прожили три дня, а 22 июля уже ехали по железной дороге. Мы были назначены в 296-й Грязовецкий полк. Проезжали Вологду, Череповец,

Тихвин и Петроград. В Петроград приехали мы утром 26 июля. Остановили нас на Николаевском вокзале, потом передаточно нас перевели на Балтийский путь, сделали остановку и погнали нас на обед по Лиговке. Улица не очень широкая. Шестиэтажные каменные дома тянутся сплошной стеной. Массы народа движутся во всех направлениях. Трамвайные вагоны, извозчики, стук, шум, грохот сразу поразили нас. Обеду для нас не было. И мы поехали на Петергоф. В это время, когда мы проезжали, из окон домов, с фабрик и гуляющая публика - все махали платками и кричали «ура», подъем духа чувствовался необычайный. Все с ненавистью говорили о немецком коварстве и о всех зверствах, которые творили немцы. У каждого человека в руках была газета: пешеход ли то был, или же ехал на трамвае, на извозчике, на автомобиле - все читали газеты. Газетчики прямо осаждались публикой, газеты брались нарасхват.

26 июля к вечеру мы приехали в старый Петергоф. От Петрограда до старого Петергофа 4 станции: первая - Лигово, вторая - Сергиево, третья - Стрелка, четвертая - Новый Петергоф.

Старый Петергоф - город дачный. Домов не видно - все утопает в зелени садов. Большие парки устроены по берегу финского залива. Масса фонтанов и статуй украшают парк. Есть дворец Государя императора. Есть



Рытье окопов. Снимок 1914 года

очень роскошные дачи с куполообразными кровлями, со шпицами. Город тихий и уютный.

Пригнали нас в драгунские казармы, но на время поместили в драгунском манеже. Это большое каменное здание, в котором были ранее занятия на конях.

Когда с Девятковым вошли мы в манеж, то сразу даже ошеломил нас шум, который тут был. Более тысячи человек лежали и сидели на нарах. Говор, смех, крики - все это сливалось в какой-то невообразимый хаос. А дым от курения носился целыми облаками. Тут мы пробыли три дня. Здесь же мы получили обмундирование и назначение во 2-ю роту.

Затем нас перевели в казарму, которую занимали драгуны, они уже до нас были отправлены на позицию. Казармы каменные, трехэтажные. Сделаны для размещения четырех эскадронов. В нижнем этаже - кухни, столовые и отхожие места; во втором этаже поместились мы, то есть вторая рота.

Ежедневно нам производили занятия: три раза ходили на стрельбу, потом в августе ходили на месяц на охрану окопов, которые вырыты для защиты Петрограда по берегу Финского залива. На окопах работали тысячи народа за хорошую плату. Чернорабочий получал 1 р. 75 коп., а плотник - 2 р. 50 коп. Пища нам на охране была хорошая: мяса вволю, хлеб же продавали, сахару тоже выдавали достаточно. Когда мы еще были на охране, нашего полка четвертый батальон отправили на позицию.

Стали и мы подумывать, что и нас ожидает та же участь.

19 сентября возвратились с охраны окопов.

20 сентября мы исповедались и причащались святых Христовых тайн.

22 сентября мы утром стояли на занятии. Вдруг приходит батальонный командир, поздоровался, потом говорит: «Вот, братцы, ротные коман-



Император Всероссийский НИКОЛАЙ II.
Снимок 1914 года

диры тянули жребий, и досталось, что первые взводы должны ехать на позицию на пополнение разбитых частей, и потому, братцы, поздравляю вас с походом». «Покорнейше благодарю», - ответил первый взвод. «Ну, а теперь идите обедать, а в три часа - молебен и отправка на вокзал».

23 сентября нужно было послать 50 человек за лошадьми в Петроград. Я охотно поехал в Петроград. Туда ехали на поезде железной дороги, приехали на Балтийский вокзал. Идти нужно было на Марсово поле. Шли Вознесенским проспектом, Морской улицей, мимо Исаакиевского собора, мимо Зимнего дворца и по Миллионной улице. Вышли на Марсово поле. Тут стоят казармы лейб-гвардии Павловского полка. Получили мы тут лошадей и верхами поехали обратно. Ехали Садовой улицей. Улица очень хорошая, большие красивые дома, золоченые вывески магазинов. А сколько движения по этой улице, Господи Боже мои, мы с трудом проеха-

ли! Трамвай, легковые извозчики, масса на автомобилях, одним словом, кипит, как в котле. Проезжали мимо Путиловского завода. Громадный завод, на котором отливают пушки и живут тысячи рабочих.

4 октября нашей 74-й дивизии производил смотр государь император на Кавалерийском плацу под Новым Петергофом.

Когда мы построились в резервном порядке, то со станции подъехал верхом на лошади государь император в сопровождении свиты и казачьего конвоя. Здравовался государь с нами словами: «Здравствуйте, братцы». После ответа: «Здравия желаем, ваше императорское величество!», - мы долго кричали несмолкаемое «ура», лицо у государя было опустившимся и казалось утомленным. После этого государь пропустил нас два раза церемониальным маршем и изволил говорить нам свое царское «спасибо, братцы».

1 октября ездил гулять в Петроград. Ходил на Невский проспект, видел памятники Суворову и Барклаю де Толли. Проходил Аничковым мостом с громадными статуями на конях через Фонтанку.

Потом был у собора Исаакия Долматского: огромные колонны окружают собор. Я измерил в одну сторону ширину здания и намерял 144 шага. Окраска серая, неприветливая. Купол наверху громадный. Потом был у памятника Петру Великому на коне и с венком на голове, видел здания Сената и Святейшего Синода. Видел также памятник Александру Третьему и памятник Екатерине Второй. Высокая колонна на Дворцовой площади, охраняют старые ветераны в живописной форме, золотая рота. Видел Неву и мост через нее.

6 октября вечером после ужина пошел к товарищу Дмитрию Девяткову. Он был в команде связи, а помещалась команда связи в том же здании казармы, только в другом конце и в нижнем этаже. Вот только я спус-

тился в нижний коридор, как навстречу мне бежит Девятков. Первые слова были: «Гусев, пойдем баб наших встречать! Они сейчас приедут с одиннадцатичасовым!» Я удивился и обрадовался такой неожиданности. «Кто тебе сказал, что приедут?» - спросил я. «Сказал мне Сизов. Он их видел на вокзале в Вологде, пойдем скорее». Я побежал к фельдфебелю, чтобы он отпустил на станцию. Он мне написал записку до позднего времени, и мы с Дмитрием побежали на станцию. Прибежали мы еще за полчаса до прихода поезда и стали с нетерпением ждать. Вот ударил колокол, извещающая, что поезд вышел со станции Новый Петергоф. Мы стали смотреть по рельсам. Вдали показались огни паровоза, все ближе, ближе, наконец, поезд втянул все вагоны и остановился. Захлопали дверцы вагонов. Пассажиры стали быстро выходить. Вот прямо против нас вышли из вагона две женщины, и я сразу же узнал тоненькую фигуру моей жены. Встреча была неожиданной и радостной, хотелось поскорей узнать об доме, об детях, ведь три месяца не виделись. Саня гостила у меня 4 дня, а потом я проводил ее на станцию и со слезами простился. «Господи, - думалось мне, - неужели больше никогда не увижу?» Уехала она 10 октября.

18 октября после занятия ротный командир штабс-капитан Нечаев пришел в казарму и поздравил нас с походом.

А 21 октября наш полк в полном составе отправлялся на позицию. После водосвятного молебна пообедали мы в последний раз в Петергофе. И в полном снаряжении на казарменном дворе пропели «Царю Небесный» и «Спаси, Господи, люди твоя». И пошли на посадку в вагоны на станцию Новый Петергоф. Состав поезда был уже приготовлен. Нас рассчитали по сорок человек в вагон и приказали садиться. Вся платформа около поезда была загроужена вольной публикой. Это родные и знакомые пришли проводить своих дорогих лиц. Там пла-

кала жена и маленькие дети, провожающие своего мужа и отца, тут мать и отец, благословляющие своего сына на ратный подвиг, - всюду слезы и подавленные рыдания. Много солдат было Петергофского уезда, и их окружала толпа родных. Давали подарки. У меня никого не было из близких, и я этим был доволен. Лучше так-то: меньше горя и слез. Сколько ни тужи, а судьбы своей не избежишь.

Я мысленно прощался с дорогою семьей и благословлял ее. Но вот свисток, подали паровоз, пыхтя, потянул по рельсам вагоны, все дальше и дальше удаляясь от стоящей публики. И далеко видно было, как махали платками и кричали «ура», некоторые женщины далеко бежали за поездом, но, обессилев, останавливались и, подняв руки, плакали навзрыд.

Когда все это скрылось из виду, солдаты запели в вагонах песни, и понеслись они тоскливо и жалобно по окрестным полям, и слышались в них горе души и затаенные слезы по оставленной семье. Пел и я, и думалось мне: «Господи, что ожидает меня впереди? Буду ли я убит или же возвращусь обратно в свою семью?» Еще думал я тогда, что, может быть, пока мы прибудем на позицию, кончится война. Но жестоко в этом ошибался.

Ехали мы по железной дороге 9 дней. Скорым ходом. Остановок совсем не было. Только остановки были на обед и на ужин. Обед готовился на поезде. Проезжали мимо Царского Села, потом мимо Гатчины. Станция Семир Виндав Рыбинской железной дороги. Станция Чолы Новгородской губернии. Станция Сущево Псковской губернии.

22 октября, станция Дериги.

В ТЕМУ

ОТ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

25 октября 1914 года

Продолжавшиеся свыше трех недель упорные, почти непрерывные бои на Сане и к югу от Перемышля разрешились 23 октября общим отступлением австрийцев. Еще накануне этого дня австрийцы произвели последнее усилие, чтобы отбросить наши войска, переправляющиеся через Сан. До глубокой ночи неприятель

на значительном фронте производил атаки, наступая последовательными густыми цепями, но повсюду был отброшен с огромным для них уроном. 23 октября неприятельские колонны потянулись от Сана в направлении к Дуклинским проходам через Карпаты. Южнее Перемышля неприятель стремился повсюду выйти из боя. На всем его фронте мы энергично преследуем.

В ночь на 23-е проехали город Витебск на Днестре. Станция Шлов Могилевской губернии. Город Могилев на Западной Двине. Станция Жалобин на Днестре. И затем Киев на Днестре. Мост через Днестр длиной 1 версту с четвертью. Подъезжали мы к Киеву вечером, с моста было видно вправо горы. По берегу Днестра высились колокольни и кресты - это Киево-Печерская лавра. Город расположен на горах. Осмотреть его нам не пришлось. Остановили наш поезд на запасном пути. Тут около вокзала на дворе, обнесенном забором, стояла толпа пленных австрийцев, человек более 1000. Мы с интересом смотрели на них, давали им папирос, хлеба. Они все это наперебой брали у нас. Поехали далее по Волынской губернии. Навстречу попадалось много санитарных поездов с ранеными и пленными австрийцами. А когда мы приехали на пограничную станцию Радзивиллов, то тут пришлось стоять более суток по причине скопления поездов. Станция эта разгромлена австрийцами. Здесь в начале войны австрийцы ворвались в Волынскую губернию и много натворили бесчинств. Местные крестьяне рассказывают, что солдаты насиловали женщин и девушек.

В ТЕМУ

ОТ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

26 октября 1914 года

В Галиции австрийцы покинули при отступлении многих больных холерой в Ярославле, Пржеворске и деревнях близ Сана.

Со станции Радзивиллов мы приехали ночью на станцию Броды. Было холодно, дул холодный и пронзительный ветер. Вдруг поезд остановился. Нам приказали вылезать из вагонов. В вагонах было тепло. Мы спали. Ночь была холодная.

В ТЕМУ

**ОТ ШТАБА ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО****27 октября 1914 года****На путях к Кракову 24 октября мы атаковали австрийские арьергарды на реке Ниде, а 25 октября - на реке Нидзице.****В Галиции наши войска продолжают наступать. В последних боях на Сане взято в плен 125 офицеров и 12000 нижних чинов. К югу от Перемышля 24 октября взято свыше 1000 пленных.**

Это 27 октября, на канун праздника св. Параскевы. Мы съжились и дрожали. Тут нам была пересадка на австрийские вагоны. Тут я понял, что кончилась сытая и теплая жизнь. Впереди стояла мрачная неизвестность. Тут к нам подошел ротный командир, сказал: «Ну, братцы, теперь, наверно, денька через три придется идти в бой». Слово «бой» как-то жутко отдавалось в душе. Наверно, полетят «чемоданчики». «Чемоданчиками» солдаты называют снаряды из тяжелых орудий. Если такой снаряд пролетит на сажень от человека, его воздухом разорвет. «Вот не погнали бы на Карпаты, - сказал ротный командир, - там снегу по колено, здесь же снегу не было».

Посадили нас на австрийские вагоны и повезли дальше.

В ТЕМУ

**ОТ ШТАБА ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО****28 октября 1914 года****На пути к Кракову мы продолжаем теснить австрийские арьергарды.****К югу от Перемышля 25 октября нами взято 1000 пленных и несколько орудий.**

Русские войска у Львовского вокзала. Снимок 28 октября 1914 года

Утром 28 октября мы приехали во Львов. А дальше железная дорога не работала.

28 октября 1914 года.

В 9 часов утра мы приехали в город Львов (в Галиции), со станции нас погнали городом в казармы, пришлось проходить почти весь город.

Львов город большой, много больших и красивых домов, только окрашены они все в серый цвет, поэтому имеют вид неприветливый.

Улицы вымощены мелким плитняком, есть электрический трамвай, который действовал в это время, дома есть в пять этажей, они хотя и не разрушены, но все покинуты жителями, на некоторых домах русские вывески из полотна местных торговцев. На многих домах развеваются флаги Красного Креста, это русские и австрийские госпитали, наполненные ранеными. Весь город запружен русскими войсками, изредка попадаются австрийские полицмены, санитары с повязками и австрийские сестры милосердия.

Куда ни взглянешь, идут все русские солдатики с винтовками на плечах, только штыки блестят на солнце, тянутся бесконечные обозы, артиллерия гремит колесами, запряженные по шесть лошадей к орудию.

Город окружают высокие горы, и на одной из гор насыпан холм и там устроена вышка, поэтому получается страшная высота, это, наверно, сделано для обозрения местности.

Наконец нас пригнали на казарменный двор. Казармы каменные трехэтажные. На стенах нарисованы австрийские солдаты во всевозможных формах, пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы и уланы. Разместили нас в казармах на ночлег, вечером ходили в баню, баня очень

хорошая с ваннами и душем, но берут дорого - 30 коп. с человека.

Придя из бани, я написал письмо домой. Помолился св. великомученице Параскеве, прося заступничества в предстоящей боевой жизни. Вспомнил также про домашних и о том, что у нас сегодня престольный праздник. Соберутся родные, вспомнят обо мне, невесело будет моему дорогому семейству. С тяжелыми думами лег на солону и заснул тревожным сном.

На утро 29 октября разбудили рано, еще темно, согрели чаю на казарменном дворе, попили и выступили в поход.

Погода теплая, ясная, а на дороге непролазная грязь. С непривычки ноги скоро устали, плечи разломил от снаряжения, в тот день переход был назначен небольшой - 21 верста, делали небольшой привал и опять шли, дальше по бокам на расстоянии 300 сажений шли походные заставы.

За первый день мы очень утомились, наконец усталые и голодные пришли в местечко Янов. Местечко это оказалось все разрушено и сожжено снарядами, здесь, рассказывают местные жители, происходил ужасный бой, который продолжался 7 дней. Здесь происходили страшные штыковые бои, здесь выпущены были тысячи снарядов.

Братские могилы свидетельствуют, что здесь много легло австрийцев и русских. Жители же, поляки, рыли в земле ямы, накрывали их бревнами, и сверху насып земли, и с женами и детьми скрывались в этих ямах во все время боя, не смея показаться на волю.

На самом краю местечка в уцелевших от огня домах разместили нас на ночлег. Стекол в окнах не было ни одного, а стены были продырявлены пулями.

На каждом шагу здесь сказывалась страшная и беспощадная война. Сердце болело, смотря на эти обгорелые остовы труб, на опаленные сады, на этих оставшихся без крова и пищи людей.

Согрели мы в котелках чаю, попи-

ли с сухарями и легли, не раздеваясь, спать на голом полу, и скоро же мы заснули, утомленные первым переходом, в первый же день многие натерли себе на ногах мозоли.

Утром 30 октября мы пошли дальше по шоссе, нам утром выдали кукурузного хлеба фунта по полтора, ранее мы еще не знали голода, а тут стали чувствовать недоедание. Был у меня товарищ в моем отделении Андрей Феоклистович Дмитриев, унтер-офицер. Он родом Смоленской губернии, служил писарем у земского начальника, а потом был волостным писарем, он очень страдал в походах: привык-то он к жизни к хорошей, а тут приходилось страдать, приходилось жить впроголодь. Когда мы шли еще от Львова, то он выбросил мешочек с сухарями, тяжело было тащить. Я говорил ему: «Не выбрасывай, Дмитриев, пригодятся в походе». Но он сказал: «Что все равно я их не могу есть». У него действительно были и деньги, но достать нечего. И впоследствии пришлось ему просить у меня сухариков. Хороший был товарищ, мы всем делились с ним, последний кусок хлеба делили пополам. Он, если удастся чего купить, не съест без меня. Идя по дороге, мы делились с ним впечатлениями. Он был человек начитанный, мастер рассказывать. У нас завелась тесная дружба.

Когда мы шли от Янова, то по дороге попадалась масса австрийских повозок, патронных двуколок, зарядных ящиков. Походные кухни со сломанными колесами валялись по сторонам дороги. Трупы лошадей и австрийских солдат валялись на земле. По всему можно заключить, что австрийцы здесь отступали в страшном беспорядке.

К вечеру мы пришли в небольшой городок Яворов, прошли мы в тот день 35 верст.

На ночлег расположили нас по обывательским квартирам. У нас в квартире была плита, мы согрели чаю и попили с сухарями. Дмитриев ходил в город купить чего-нибудь из съестного, но ничего не нашел.

Солдаты еще к походам не привыкли, обтерли себе ноги, плечи болят от снаряжения, ночью стонут, а на утро еле раскачаешься. У меня ноги болят страшно, и сам уставал, другой раз едва дотянешься до ночлега. Но благодаря Бога ног я ни разу не обтирал и нажимов не было.

Утром 31 октября вышли из Явора, пошли дальше по шоссе, там, в Галиции, очень много шоссежных дорог, что для походов очень хорошо, в особенности для артиллерии и обозов.

В этот день до нашего слуха стали доноситься глухие орудийные выстрелы, раньше мы не слышали, мы шли в направлении к Перемышлю. На половине дороги дневного перехода всегда делали большой привал. Солдат сводили с дороги, строили поротно в резервную колонну, составляли ружья, снимали мешки, и солдаты разбежались - кто за дровами, кто за водой, чтобы нагреть чай. В это же время подъезжали походные кухни и выдавали обед. Наскоро пообедав, шагали дальше. В этот день переход был особенно большой - 42 версты.

Шли целый день, да пришлось захватить и ночи. Сделалось темно. Стал накрапывать дождь, многие уже едва тащили ноги, а некоторые садились у дороги и не могли идти дальше. Потом подул холодный ветер, делалось страшно холодно.

Здесь, как мне пришлось испытать, погода резко меняется. Вдали по дороге виднелось зарево, мы стали думать, что это какой-нибудь город и от электричества видно зарево, но шли-шли, а города не было. Потом с левой стороны дороги вдруг нас осветили лучи - это сильный прожектор из Перемышля освещал окрестности. Он как бы нащупывал в темноте. Все предметы

становились видны как днем, куда направлялся луч света, до этого времени солдаты некоторых рот пели песни, тут же все перестали, впоследствии мы узнали, что в эту ночь была сделана вылазка из Перемышля, и в одном месте им даже удалось прорвать кольцо. Но тут подошла наша 52-я дивизия, и они обратно убежали в крепость. Наконец мы подошли к огням, которые мы давно видели, - это пылали костры из дров между походными палатками. Здесь расположились на ночлег Ижорский и Березинский полки бивуаком. Наш полк свернул вправо от дороги, и в ближайшей деревне нас разместили в сарае на ночлег.

В сарае, в который попал я, была солома, и вот я зарылся в солому, как крот, чтобы сколько-нибудь согреться. Не грел я в тот день и чай - уж очень устал. Рядом со мной зарылись товарищи, согревшись, я уснул. Проснулся перед утром, озябли ноги. Слух мой тревожно ловил гудение орудийных выстрелов - это тяжелые орудия из Перемышля колебали воздух. Я с замиранием слушал их и в то же время думал, что ожидает меня дальше. Как я буду сидеть в окопах в холода: сапоги у меня были маленькие, с одной портянкой. Наверно, отморожу ноги, решил я.

Наконец рассвело, мы нагрели чай. Выдали нам масла и хлеба,



Походная кухня русской армии. Открытка 1914 года

и стало гораздо веселее, днем всегда лучше.

Я пошел в одну халупу и написал письмо домой, здесь нам была дневка. Это было 1 ноября. Мы здесь ночевали еще ночь, вечером пошли в одну халупу, так заказали наварить картошки. Полячка изготовила нам с салом, за меня платил Дмитриев, у меня в то время денег не было. Здесь же попили чаю и легли в халупе спать, а на утро 2 ноября опять отправились в поход. Переход был назначен 42 версты. По дороге переходили реку Сан, на которой русские войска под огнем неприятеля делали переправу. Здесь бой происходил 27 дней, это был самый ужасный бой. В Галиции войска наши переправились через реку и погнались австрийцев дальше.

К вечеру мы пришли в город Ярослав. Город большой и хороший. Много больших и хороших казенных зданий, но торговли тогда совсем не было, потому он недавно был занят русским. Он переходил два раза из рук в руки. Но разрушенных домов мало. Нас поместили в больших трехэтажных казармах. Вечером мы с Дмитриевым ходили в город в надежде найти что-нибудь съестного, но ничего не нашли.

Ночью город представляет печальную картину: дома стоят мрачные, высокие, ни одно окно не освещено, жители выехали в глубь Австрии, осталось только бедное население на окраинах города. На улицах только солдаты русской армии в поисках чего-нибудь съестного, но ничего нет.

3 ноября была дневка в Ярославле. Я написал два письма: 1 в Ярославль и письмо жене. Здесь же переночевали еще ночь, и утром 4 ноября наш первый батальон повели в резерв к

Перемышлю, здесь мы остановились в верстах в 20 от Перемышля, от Ярослава до Перемышля 25 верст. Остановили нас на поле около узла дорог, здесь мы раскинули походные палатки и варили чай и картошку. Ротные командиры съездили к Перемышлю осматривать наши передовые позиции. Наше осадное кольцо находилось в 9 верстах от Перемышля. Солдаты наши сидели в окопах. Неприятель стрелял из тяжелых орудий. Мы отрывали наших солдат из окопа, тяжелым снарядом их зарыло в землю. Когда отрыли, их было двое, они оказались живы и невредимы, но страшно перепуганы. Вблизи окопов была деревня, по деревне в тот день было выпущено 500 снарядов. Всю деревню буквально срыли и сожгли снарядами, два форта были заняты нашими войсками, но штурмовать крепость не решились, потому что у нас не было тяжелой артиллерии, поджидали на днях подвозу 20 орудий 12-дюймового калибра.

Здесь мы простояли до вечера, а вечером приехал казак с приказанием идти нам обратно в Ярослав. Ночью мы пришли в Ярослав и здесь ночевали еще ночь.

3 ноября мы утром пошли в поход. Переход был назначен 38 верст, к походам стали привыкать, меньше людей стало отставать. Только хлеба давали мало, зато уж на ночлегах картошку не зевали варить. К часам 9 вечера мы пришли в город Син... Ночевали в кавалерийских казармах. Здесь я был дежурным по роте.

6 ноября переход был 45 верст.

В полдень проходили мы мимо города Русенова, здесь находился в то время штаб 3-й армии, в которую нас и направляли. Здесь в городе встре-

В ТЕМУ

ПЕРЕМЫШЛЬ (польск. Przemysl, нем. Przemisl, лат. Premislia) - город в австрийской провинции Галиции, на реке Сане (Сяне); жителей около 36 тысяч. Перемышль с 1874 г. сильно укреплен (лагерь с шанцами, многочисленные форты). Два древних собора, несколько монастырей, римско-католическая и греко-католическая (униатская) семинарии, гимназия, женский учительский институт, высшее городское училище, частное девичье училище. Торговля лесом, пшеницей, кожами, холстом и полотном.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Санкт-Петербург, 1890-1907

чал нас командующий третьей армией болгарский генерал Радко Дмитриев и здоровался с нами. Он небольшого роста, плотно сложенный, на вид ему лет пятьдесят, на груди новый Георгиевский крест. Он говорил нам: «Ребята, австрийская армия разбита, вам остается только добить ее».

Ночью мы пришли в городок, названия не знаю. Солдаты здесь нашли склады яиц, носили их фуражками и варили, как картошку.

7 ноября утром мы пошли дальше, было холодно, ночью навалило мокрого снега, дорога сделалась обледенелой, невозможно было стоять на ногах. Солдаты поминутно падали, местность здесь гористая, лошади в обозе не могли взбираться в гору, а под гору их толкало возом, и они не могли удержаться на ногах. Много лошадей сломали себе ноги, а другие убились. К вечеру пришли в город Дембицы, прошли мы в тот день 35 верст.

Это небольшой городишко, он выжжен. Немного в нем уцелело домов. Когда мы вошли в него, то горели торговые ряды. Солдаты таскали трико целыми кусками и рвали на тряпки, а у нас в роте был солдат Серов, над ним всегда смеялись: «у него были не все дома» - он принес целый кусок ситца. Солдаты говорили ему: «Серов вези ситец домой, бабе на сарафан

пригодится», - а некоторые нашли спирту и понапивались.

8 ноября здесь была дневка, нам выдали жалованье. Я ходил за город за картошкой, ее много было там, на полях, поверх земли насыпают большую кучу картошки, а поверх засыпают песком. Здесь я встретил Василия Павловича Меншинского, он тоже пришел за картошкой и жаловался, что трудно очень в походе и плохо кормят. Он был в 11-й роте нашего полка.

Принес я картошки, Дмитриев купил сала, наварили мы ее с салом и славно поели.

Переночевали здесь еще ночь и утром 9 ноября пошли в поход. В этот день мы были назначены в передовой отряд и боковые заставы. Наш взвод назначили вправо, в походную заставу. В заставе идти гораздо труднее: войска идут по шоссе, а нам приходится идти полосами, болотами, переходить ручьи.

Так мы шли до двух часов дня, а затем нас с большого привала отменили, и мы пошли по шоссе. Навстречу нам стали попадать пленные австрийцы, они были голодны, просили у нас, коверкая язык: «Пане, дай цукаришка, дай табаки». Солдаты давали, кто имел, сухарей, табаку, но в большинстве и у самих ничего не было. К

вечеру, то есть ночью, пришли в город Тарнов. Город небольшой, но довольно красивый, много хороших улиц и красивых домов. Электрическое освещение. Трамвай в полном ходу. Домов не разрушено ни одного, торговля идет своим чередом, магазины открыты, только из съестного ничего не было. Большая масса солдат, трудно здесь достать торговцам муки, а сколько выпекали, то это раскупалось нарасхват. Здесь очень красивые костелы.

Ночевать нас привели в большие казармы, отсюда уже ясно доносились с позиций пу-



В русских окопах во время боя. Снимок 22 ноября 1914 года

шечные выстрелы, здесь говорили, что до позиций верст 18. Все время, покамест мы шли от Перемышля, неприятель все отступал, и мы, идя быстрыми переходами, не могли догнать его. Стало быть, отступление австрийцев было очень быстрое.

Переночевавши в Тарнове, утром 10 ноября мы вышли из города и пошли уже в другом направлении, нас повернули в Келецкую губернию.

Шли мы целый день и до 11 часов ночи. Затем нас привели в какую-то деревню, название не знаю. Было в ту ночь страшно холодно, дул холодный, пронизывающий ветер. Мы думали, что нас разместят по халупам и мы обогреемся, но вышло не так: халупы заняли офицеры и ротные канцелярии, разные обозные, и нас разместили по сараям. В сарае, в который попал я, была только ржаная солома, сена совершенно не было. Сарай в Галиции не из бревен, а сплетен из хвороста, ветер ходит во всех направлениях. Усталые и продрогшие, мы с Дмитриевым легли на полу на солому, а сверху накрылись тоже той же соломой. Поесть у нас тогда было нечего. Сапоги мы всегда снимали, когда ложились спать, потому без сапог ноги скорее согреваются. Обвертишь ноги портянками - так и спишь, от усталости, понятно, мы уснули. Проснулись утром еще темно, стал я надевать сапоги, а они замерзли и на ноги не лезут. Тогда я босой побежал в халупу, где помещался фельдфебель, и там я надел сапоги, прежде оттаявши их у печки.

Вышли темно 11 ноября и пошли уже не шоссейной дорогой, а где придется. Часов в 9 утра мы пришли к речке Висле, здесь уже слышна была

стрельба не только орудийная, но даже и ружейная, и слышно было, как трещали пулеметы. Через Вислу был устроен понтонный мост. Когда проходим, мост качался, и лед по реке плыл и напирал на мост, понтонеры баграми отталкивали лед.

Перейдя через Вислу, мы вступили на русскую землю, это была Келецкая губерния. Здесь мы проходили деревней. Тут было много наших раненых и убитых. Убитых отпевал священник у братской могилы, от позиций было верст пять. Там в это время происходил упорный бой, слышалась орудийная стрельба и залпами из ружей. Характерные звуки «та-та-та-та», слышались непрерывно - это трещали пулеметы. Аэропланы, словно громадные хищные птицы, пролетали над позициями, высматривая войска противника.

Дальше по дороге началась гора. Когда мы стали подниматься на гору, нам стало видно то место, где происходил бой, пороховой дым окутывал окрестности. Но я войну представлял совершенно иначе, чем здесь. Я думал увидеть массу войск, но ничего подобного, ни одного человека не было видно на поверхности земли. Стрелковые цепи на передней позиции сидят, в окопах на поверхности одни головы. Резервы, что находятся позади цепи, тоже в окопах. Только видны были наши артиллерийские батареи, расположенные в лощинах за горами, так, чтобы неприятель не мог увидеть их. Неприятельские позиции было не видно за дымом и за дальностью расстояния. Только видно было, как рвались ихние шрапнели в воздухе, после взрыва остаются красные клубы дыма.

Тут по дороге я встретил Николая Уткина: «Ну, Евгений, - сказал Уткин,

В ТЕМУ

ТАРНОВ (польск. *Tarnow*, малорусск. *Тернов*, в русских летописях *Тернава*, *Тернав*) - город в австрийской провинции Галиции, близ впадения р. Белой в Дунаец. Старинный собор, красивая ратуша, гимназия, учительская семинария, богословское училище, епископская семинария, сельскохозяйственная и садоводная школы; производство сельскохозяйственных машин, свечей и мыла, стеклянный завод, паровые мельница и лесопильня. Значительная торговля. Жителей (1890) 27574, преимущественно поляки (11677 евреев, 543 немца, число русских неизвестно). Памятники (в соборе) князя Януша Острожского и графа Тарнов-Тарновского.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Санкт-Петербург, 1890-1907.

- наверное, скоро придется пропасть». И бой разгорался не на шутку, даже земля дрожала от орудийных выстрелов. Выстрелы сливались в непрерывный гул.

Здесь дрался 10-й корпус 3-й армии, а мы шли в резерв, то есть на помощь.

Подошли мы к одной деревне, называлась она Кролевицы, и здесь стали в резерве, готовые по первому требованию идти в бой, но в этот день нас не потребовали, а к ночи нас развели по сараям на ночлег.

Переночевавши, мы на следующий день, 12 ноября, остались в этой же деревне. Варили чай и картошку, а хлеба не было. Мы с Дмитриевым послали добровольца Федосова в соседнюю деревню купить что-нибудь, дали три рубля денег.

Он принес фунта четыре черного хлеба и вареного гуся, за хлеб заплатил 1 р. 30 к., а за гуся 1 р. 50 к. Хлеба здесь на деньги не могли достать, денег не жалели.

13 ноября день простояли тоже здесь. Австрийцев за это время сбили с позиций, и они отступили в глубь Австрии.

Ротный командир нам объяснил, что нас не потребовали в бой потому, что наших войск было много на позиции, 200 шагов занимала рота.

14 ноября, утром, мы вышли из деревни и пошли вслед отступающего неприятеля.

В 12 часов дня мы проходили мимо одного местечка, налево от дороги протекала речка, на речке стояла водяная мельница, а на том берегу стояла целая дивизия пленных австрийцев с офицерами и во главе с генералом. Их отрезали от главных сил противника, и они были вынуждены сдаться в плен.

Здесь же был большой привал. Победивши, мы пошли дальше и к вечеру пришли в деревню Кухары той же Келецкой губернии Пинчковского уезда.

В ТЕМУ

**ОТ ШТАБА ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО****29 октября 1914 года**

На путях к Кракову мы достигли Мехова. В Галиции наши войска переправляются через Вислоку, занимают Ржешов - Дынов - Лиско.

30 октября 1914 года

На Галицийском театре наше энергичное наступление продолжается.

31 октября 1914 года

В Карпатах австрийские арьергарды, удерживающиеся на переправах через Верхний Сан, в районе Санок, атакованы нашими войсками.

1 ноября 1914 года

В Галиции наше наступление к Дунайцу не встретило сопротивления. При занятии нами Кросно нанесен сильный урон австрийскому арьергарду. В районе Санок и Турка, где мы к утру 29 октября овладели ночным штурмом сильно укрепленными позициями неприятеля, австрийцы перешли в отступление.

2 ноября 1914 года

В Галиции нами занят Тарнов.

3 ноября 1914 года

Наше движение на Краков продолжается. В Галиции австрийцы пытаются организовать оборону на реке Дунайце, в районе к западу от Жабно - Тарнов, и на Вислоке, в районе Ясло; на южном участке галицийского фронта наши войска продвигаются к перевалам через Карпаты.

4 ноября 1914 года

Наше наступление к Кракову, а также на галицийском фронте продолжается. Попытки австрийцев задержаться на путях нашего наступления терпят неудачу. В происходивших в районе южнее Лиско боях 31 октября нами взято в плен 10 офицеров и около 1000 нижних чинов.

5 ноября 1914 года

В Галиции австрийские арьергарды атакованы нами в районе Дукла и на перевале Ужок.

6 ноября 1914 года

На фронте Ченстохов - Краков наши войска атакуют значительные силы неприятеля, причем у Владовице противник обращен в бегство. В Галиции мы постепенно занимаем перевалы через Карпаты.

7 ноября 1914 года

В западной Галиции наше наступление продолжается.

8 ноября 1914 года

Упорные бой на фронте Ченстохов - Краков. За 4 и 5 ноября взято в плен до 3000 австрийцев.

9 ноября 1914 года
Сражения на пространстве между Вислой и Вартой и на фронте Ченстохов - Краков продолжаются.
В Западной Галиции наши войска продолжают наступать.

10 ноября 1914 года
Сражение на пространстве между Вислой и Вартой продолжается с крайним упорством. Нами достигнуты некоторые частные успехи. Бои на фронте Ченстохов - Краков не внесли существенных перемен. Нами взято до 2000 пленных и пулеметы.
В Галиции австрийцы под давлением наших войск очистили Новый Сандец.

11 ноября 1914 года
На фронте Ченстохов - Краков и в Галиции без существенных перемен.

Взято из разных номеров журнала «Летопись войны 1914-1915 гг.», часть фотографий взята из этого же издания

Прошли мы в тот день верст 25. Ночевали в сараях, было холодно ноги мои страшно зябли в моих маленьких сапогах, а выстрелы из орудий были слышны невдалеке.

15 ноября, дневка в этой же деревне. Хлеба и сухарей нет, варили картошку, соли тоже нет. Один котелок съедаем, а другой начинаем варить, живот полный, а есть все хочется.

С версту от деревни - высокая гора там были сделаны австрийские окопы, гора идет почти стеной, и атакой выбить противника здесь было трудно. Поэтому наши войска по указаниям одного старика-поляка, обошли эту гору оврагами, зашли в тыл противнику и ударили в штыки и сбили его с позиций, а спереди наступал один батальон, чтобы отвлечь внимание противника.

Мы с Дмитриевым ходили на гору смотреть австрийские позиции. Окопы у них устроены с блиндажами, с бойницами. Масса

убитых австрийцев валялись на земле. Все больше убитых штыковыми ударами, у многих вылезли внутренности наружу. Были наши убитые солдатики, а ружей, патронов, Боже мой, сколько валялось здесь, страшно было смотреть, что людей погубило здесь!

Когда мы возвращались обратно, то наш полевой священник отпевал тело убитого солдата; убило его в этом бою. При нем нашли записную книжку, он родом Курской губернии, Тит Захарович Морозов. Когда зацепил со святыми упокой, у всех солдат текли слезы. Потом в шинели опустили в землю и засыпали землей.

16 ноября. Стоим в той же деревне. Греемся на воле, у огня. Погода холодная. Получили 1/4 фунта хлеба. Вечером того же дня пошли в поход, переходили обратно Вислу и вступили на австрийскую землю (Галиция), здесь много прекрасных шоссежных дорог. У нас же в Келецкой губернии дороги грязные по колено.

Ночью мы пришли в деревню Малые Креженовацы, здесь у костра провели ночь, у всех развелось масса вшей, и вот над костром давай трясти вшей, я тоже тряс и сожог теплую рубашку. Деревня эта на реке Рав



Обед на привале. 24 декабря 1914 года

(Рабе), которая течет в Вислу. Хлеба не получили, варим картошку.

17 ноября.

Утром получили по 1/2 фунта хлеба и по 1/2 сухарей. К вечеру мы пришли в город Бохнию. Городок небольшой, но чистенький, дома не разрушены, а торговли нет. Нас развели по квартирам, поместили в хорошем доме. Картины, зеркала, мебель, но есть нечего. Некоторые солдаты ходили в город, понапивались пьяные, нашли в городе спирт.

От Кракова до Бохнии 42 версты.

18 ноября.

Вышли из Бохнии, отошли 10 верст. Погода теплая, на дороге грязь, местность по которой проходим, очень гористая. Ночевать пришли в деревню Навышковцы, здесь получили по 1 фунту сухарей. Ночевали по сараям.

19 ноября.

Стоим в той же деревне недалеко. Гремят орудия. Выдали по 1 фунту сухарей и 12 золотников пшеничной муки. Пекли на ложечках блины. Картошки здесь много, ротный командир купил целую яму. Варим в котелке и едим.

20 ноября, четверг.

Получили по 1 1/2 фунта сухарей. Погода хорошая. Ходили в баню. Баня устроена в польской халупе, только выпачкались. Вечером неожиданно пришел приказ выступать. Пошла вся наша 74-я дивизия и артиллерия, 293-й Ижорский, 294-й Березинский, 295-й Свирский и 296-й Грязовецкий полки.

Пошли влево от Бохии, по фронту, местность туда пошла еще гористее, высокие горы, поросшие мелким лесом. Прошли мы верст 15, и остановили нас в одной деревушке, название - Виши. Огня не приказали разводить, снаряжение тоже не приказали снимать. Здесь легли мы в сараях отдохнуть, все, конечно, уснули. Вдруг в 2 часа ночи получили приказ сейчас же выступать. Приказание передавали тихо. Один момент - и роты,

готовые к бою, стояли уже на шоссе, но тогда мы, конечно, не знали достоверно, что нас ведут в бой, но мы уже чутьем догадывались, что ведут в бой.

Вот подъехал командир полка и тихо поздоровался, но отвечать не велел, и все солдаты, сосредоточенные и угрюмые, двинулись в путь.

21 ноября. День Введения во хр. св. Марии.

Отошли мы от деревни верст пять, стало брезжить утро. Полк шел обыкновенным порядком, везли 6 орудий, 7 пулеметов, а сзади тянулся обоз.

Приказано было двигаться еще 10 верст и занять деревню Потоки, но вышло иначе. Вдруг недалеко от нас раздались ружейные выстрелы, в утреннем воздухе они щелкали, как бичи.

Полк продолжал подвигаться в походном порядке. Командир сказал, что это, по всей вероятности, стреляют наши разведчики. Но мы, несмотря на успокоение командира, стали заряжать ружья. Тем временем совершенно рассвело, а мы подошли к высокой горе, поросшей кустарником, и эту гору занимал неприятель. Нам видно стало, как на гору двигались наши цепи солдат Свирского полка.

21 и 22 ноября были в бою при дер. Ршедц.

Мы подошли еще ближе к горе, и вдруг с горы заработали пулеметы, и град пуль посыпался на нас. Навстречу уже вели и несли в крови раненых Свирского полка.

Тогда раздалась команда построиться в боевой порядок. Роты сбегали с шоссе и быстро рассыпались в цепи. Артиллерия повернула обратно и стала устанавливать орудия. Обоз сбился в кучу и загородил дорогу. Наш 1-й батальон повели правее этой горы, в обход неприятеля.

Шли мы долго полосами, по колену в грязи, через ручьи и овраги, наконец, вышли на шоссе, здесь лежали убитые свирцы, в овраге лежали походные кухни.

Тут полетели в нас неприятельские снаряды, мы укрылись в канавах шоссейной дороги. С этого места мы начали делать перебежки повзводно. Снаряды все время летели в нас, только рвались они высоко в воздухе, а некоторые со свистом пронеслись над нашими головами, не причиняя нам вреда.

Перебежали мы версты полторы и заняли вспаханное поле. Стали под огнем рыть окопы, земля была мерзлая, и работа не подвигалась, у меня был топорик, лопатки не было, я, не окапываясь, лежал в борозде, в грязи.

Когда неприятель увидел нашу цепь, шрапнели вихрем понеслись на нас, теперь уже он взял верный прицел и ранил несколько человек нашей роты. Вперед подвигаться - значило погубить всю роту. Тогда батальонный командир нам приказал спуститься в овраг. Стало темнеть, и мы оврагами отступили к нашим главным силам. Получили ужин и по сараю легли спать.

22 ноября рано утром нас повели в бой. Теперь повели уже левее той горы. Рассыпали в цепь, шли оврагом, а потом взобрались на гору, лишь только заняли вершину горы, в нас посыпались пули. Неприятель наступал на эту гору, хотел ее занять, но мы упредили, нам видно было, как ихние колонны спускались с гор, рассыпались в цепи и шли лавою на нашу гору. Тогда мы открыли огонь по противнику, это были германцы, как узнали мы впоследствии. Третья рота была левее нас, на них особенно обрушился неприятель. Фельдфебель наш четвертый взвод, в котором я был, повел для поддержки в третью роту. «Братцы, - говорил он, - пойдем скорее, а то неприятель уже в 600 шагах, если разобьет третью роту, не удержаться и нам».

И вот бегом за фельдфебелем мы пришли на помощь 3-й роте. Она располагалась по склону горы редкого соснового леса. Когда мы подошли к цепи, весь огонь неприятеля был направлен на это место. Пули смета-

ли лист, впивались в землю, сбивали ветки с деревьев, щелкались о стволы деревьев, пули у них в основном разрывные. Здесь уже лежало много раненых.

Я лег между солдатами третьей роты, под ружье положил вещевой мешок, тогда стал целиться в перебегающих противников, их действительно было много, и они были уже близко, но вот мы стали стрелять залпами, и они рассеялись, но много попадало, так и остались лежать. Тогда они перебежали в лощину и стали скапливаться за халупами, которые тут находились. Тогда ротный командир передал по телефону командиру батареей. Вот загрели наши батареи, и снаряды очень удачно попадали в цель. Халупы загорелись, неприятель хлынул, обезумевши, во все стороны, а мы в это время из ружей стреляли в них, но с дальних гор спускались все новые и новые толпы неприятеля. Много тогда мы побили их, стреляли по видимой цели. Некоторые солдаты наши просто озверели. Рядом со мной по правую руку стрелял солдат, он все время кричал: «Вот они, вот они, жарь их!» - и произносил ругательства. Много ранило и наших, но убитых совсем мало. У нас попала хорошая позиция. В нашей 18 человек ранило, убитых нет, в 1-й роте 11 ранило и 4 убитых, а во 2-м и 3-м батальонах, которые были правее нас, те понесли большие потери, в некоторых ротах осталось человек по 30.

Целый день мы отбивали атаки противника, а к вечеру нам приказали отступать, отступая, мы унесли на ружьях своих раненых.

В два дня наш полк потерял 1256 человек. Как выяснилось потом, против нашей дивизии здесь были 2 австро-германских корпуса. Нас отвели верст на пять назад, а на смену нам пришли 44-я дивизия и какие-то стрелковые полки.

Сделалось темно, нас остановили на поле, винтовки составили, мешки сняли и на мокрой земле легли отдыхать. В ушах звучали выстрелы, как будто все еще в бою, некоторые сняли сапоги и переменяли портянки.

Но вот вдруг затрещали выстрелы, защелкали разрывные пули, по звуку мы уже узнали, что это разрывные пули неприятеля. Весь бивак моментально всполошился, хватали винтовки кто какую попало, мешки многие пооставляли здесь и всей кучей устремились бежать, давя друг друга, а выстрелы продолжали щелкать. Так пробежали шагов 800, здесь натолкнулись на обозы, обозы тоже сбились в кучу на шоссе.

Здесь стояли халупы и помещался штаб нашей дивизии. Начальник дивизии выбежал и останавливал бегущих. Потом выбежал какой-то высокий офицер, он правой рукой высоко держал шашку. «Ребята! - крикнул он громким голосом. - Стыдитесь, что вы делаете, так вы все погибните, ребята, за мной, их немного, вперед, братцы, ура!» И тысячи голосов подхватили его «ура» и с винтовками наперевес двинулись на невидимого врага. Выстрелы их в это время замолкли, заиграли рожки, отступили. У меня в отделеении пропал солдат в это время, Петр Торопов, он родом Архангельской губернии. Я его встретил уже в плену, в Австрии, он в то время попал в плен.

После этого все роты пришли в порядок, нам дали немного хлеба, и ночью же пошли в Бохнию.

23 ноября.

Мы в Бохнии целый день спали, вечером попили чаю - и опять спать.

24 ноября.

В Бохнии делал смотр командующий армией Радко Дмитриев, благодарил за бой 21-го и 22-го и выразил надежду, что и в будущих боях мы будем биться молодцами.

В этот день много неприятельских аэропланов летало над городом, мы стреляли в них из ружей, но слишком высоко они были, и повредить мы не могли.

25 ноября.

Из Бохнии мы вышли и пошли на правый фланг к Кракову, на помощь в 11-ю дивизию. Не забыть здесь од-

ной сцены: проходили мы мимо одной деревни, на пороге стоял старик-поляк, руки он простирал вперед и ревел во всю голову, призывая как бы на помощь: «Пане, Пане!» Рядом с ним стоял мальчишка и так же ревел, и далеко были слышны их душераздирающие голоса. Об чем они плакали, я не знаю.

Дальше мы подошли к полотну железной дороги и здесь стояли целый день, нам видно было место, где происходил бой, снаряды рвались в воздухе, оставляя красные дымки. Сердце тоскливо щемило, перед боем всегда хуже себя чувствуешь. Сердце мучительно ноет, и тебя томит неизвестность: что-то будет, убьют или ранят? Вспоминаешь семью, детей, благословляешь мысленно их.

А в бою все это забывается. Смерти уже не страшишься, да об ней и не думаешь. Смерть тут - момент один, если пуля ударит в голову, человек подается вперед, падает, делает несколько судорожных движений, и готово, он уже спокоен.

Аэропланы летали над нашими головами, сперва мы стреляли в них, но, увидя безрезультативность, перестали. Когда он поднимался над нами, приказывали ложиться, чтобы он не мог нас приметить и сбросить бомбы.

26 ноября.

Стоим за деревней, в резерве. Бой на позиции усиливается, мы ждем каждую минуту, что нас потребуют в бой.

Сегодня получил я 5 писем: 2 от Сани, 1 из Ярославля, 1 от Николая Гусева и 1 от Дм. Исаковского. Здесь видел Девяткова, Ополосова, они дали мне рису, и в котелке я сварил каши. Ночь провели в сараях. Ночью было отдано приказание, как можно больше разводите костров.

27 ноября.

Стоим здесь же, в резерве. Вечером выдали нам ужин, сухарей и приказали приготовиться в поход на переднюю позицию, сменить Охотцкий полк. Роты пошли, а меня с отделением повели по другой дороге. Спер-

ва я не знал куда, но провожатый от командира полка успокоил, сказал, что будет вам хорошо. Мы пришли сменять сторожевую заставу для охраны штаба полка, вблизи железной дороги и рядом по другую сторону шоссе. Здесь стояли халупы, а около халуп был разложен огонь по разрешению командира. Поставил я часового около шоссе. Дороги в окоп, а подчаска - позади шагах в 15. Потом послал в дозор Дмитриева, он был здесь со Смирновым для связи с соседними заставами. Правую заставу они нашли, но левую они не смогли разыскать: было слишком темно.

И вот мы здесь стояли четыре дня, и нам действительно было хорошо. Картошки было вволю в железнодорожной будке, припас, наверное, сторож, но, испугавшись боев, удрал, оставив картошку.

В халупе жил молодой полячок, лет 20, потом женщина лет 35 с тремя детьми, эта была ему невестка, потом еще была старуха лет 70, старая она, все плакала и качала головой, смотря на нас: «Вам беда, нам беда», - повторяла она.

У женщины мы с Дмитриевым покупали яйца, молоко, она же готовила нам картошку с салом и варила чай, мы за все ей платили, и она осталась довольна. Она жаловалась на наших казаков, что они забирали у нее хлеб и кур, не заплатив ничего.

Была тут девочка, очень похожа на мою Катю, такого же роста, я давал ей сахару и дал несколько копеек, звали ее Роза.

Страдали мы здесь очень табаком, нечего было покурить, днем просили у проезжих обозных окурков, и все по очереди затягивались. Потом нам с Дмитриевым удалось купить у сани-

тара осьмушку махорки за 50 коп.

Шоссейная дорога эта вела на позиции к Кракову, до Кракова 28 верст, там участвовал в бою и наш полк, и наша рота. 4-й батальон ходил в атаку, и здорово его потрепали. Много раненых провезли мимо нас, возили их всю ночь, в телегах на соломе, трое или четверо. Тяжело раненные стонали, а другие помирали, не доехав до госпиталя. На позицию, как только стемнеет, везли походные кухни с ужином, чтобы под прикрытием темноты накормить наших доблестных воинов, днем нельзя, неприятель увидит и разобьет снарядами. Везли патроны, зарядные ящики, и всю ночь все едут и едут. В один из дней нашего здесь пребывания особенно много шло мимо нас раненых. То в руки, то легко в ноги, но раненный в голову оставил во мне впечатление. Его вел солдат под руку, он был ранен шрапнелью в голову. Кровь текла у него по лицу, правая рука у него тоже была ранена. Он остановился около нас и с жаром что-то начал говорить, показывая рукою на позицию, слова были бессвязны, взгляд помутился. Я ничего не понял, но вот он побежал, он оглядывался на позицию, показывал рукой и опять быстро бежал, солдат, сопровождавший его, едва поспевал.

30 ноября.

Нас сменили, и к вечеру мы перешли в окопы в свою роту. Окопы были в рост человека. Мы поместились с Дмитриевым рядом. Наступила темная осенняя ночь, пошел дождь, в окопах набралась вода. Ночью нам привезли ужин, поужинали, потом приказали идти в деревню за досками. До деревни было версты полторы, в такой темноте, чтобы обратно найти

БОХНИЯ - окружной город в Галиции, расположенный на 38° 2' сев. шир. и 50° вост. долг. (от Ферро), в гористой местности, недалеко от р. Рабы, на расстоянии 38 км от Кракова, с 8191 жителем. Здесь находится, между прочим, прекрасная римско-католическая приходская церковь, построенная в 1253 году. Главной достопримечательностью Бохнии являются соляные копи, открытые, по Длугошу, в 1251 году, во времена св. Кунигунды, но, по другим более достоверным источникам, известные уже в 1198 году... В копи находится высеченная в соляных глыбах часовня св. Креста; кроме того, здесь устроено водолечебное заведение для пользования солеными ваннами... Казимир Бохния устроил здесь копь, известную под названием Меньшей. Сильно пострадав после шведской войны, Б. поднялась лишь в конце прошлого века после перехода Галиции под австрийское владычество.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Санкт-Петербург, 1890-1907

дорогу, бросали на землю пучки соломы: солону видно в темноте. В деревне мы разламывали постройки и с досками шли в окопы. Доски нам нужны были для постройки блиндажей, чтобы артиллерийский огонь не мог поражать сверху. Потом, ночью же, стали рыть в земле выход из окопа в деревню, чтобы в случае отступления могли безопасно уйти.

1 декабря.

Находимся здесь, в окопах. Снаряды неприятеля летят к нам, наша артиллерия тоже стреляет беспрерывно, впереди нас идет ружейная стрельба, мы находимся во втором ряду окопов, в резерве.

В пять часов пополудни пришло приказание отступать. Тихо, по одному, стали выходить из окопов и ложиною перебегать в деревню, с удивлением солдаты спрашивали друг у друга, почему же наши отступают, позиция была хорошая, окопы устроили как следует, даже жалко было бросать. При отступлении строго приказали не шуметь, не курить, чтобы огонь не был виден. Артиллерия колеса обвязала соломою, чтобы не было стуку, в окопах оставлено по отделению в роте, чтобы они стреляли, дабы враг не заметил, что войска отступили, и через два часа чтобы они шли вслед за войсками.

Итак, мы тронулись в путь, стало темнеть. Проходили мимо походных

кухонь, хотя ужин был готов, но ужинать нам не дали. Пошли по шоссе к Бохнии, шли скорым шагом, привалов не было, в Бохнию не заходили, а пошли левой. Когда отошли мы верст 8 за Бохнию, вдруг раздался страшный взрыв, это наши саперы взорвали мост, чтобы неприятель не мог нас преследовать.

Ночь была темная, на дороге по колесу грязь, отдохнуть не давали, а все шли, шли и шли, и не виделось конца этой дороге, плечи разломило, ноги едва вытаскивались из грязи, страшно хотелось есть, вот уже сутки, как ничего не ели, клонило ко сну, глаза слипались, весь организм был страшно утомлен, холодный дождь лил за ворот, стекал по спине. Господи, думалось мне. Знает ли, нет моя семья, как я в эту ночь мучаюсь, и не я один мучился тут, шли тысячи людей и месили грязь. Ехали обозы тут же с нами, лошади выбивались из сил, их били, но они не могли вытащить, тогда солдаты помогали вытаскивать. Но люди настолько были утомлены, что сами не могли тащить ноги. Многие садились у дороги и тут же засыпали. Много в ту ночь попало в плен, потому что позади шел неприятель и забирал отсталых.

Шли всю ночь без отдыха, а ночи в декабре длинные, это всякий знает. Мы с Дмитриевым шли рядом и обратили внимание на то, что по обе стороны дороги, и справа, и слева, гремели орудийные выстрелы и вспыхивали фейерверки, стало быть, по обе стороны был неприятель, хотя и в отдалении, теперь нам цель отступления стала понятна: наш фронт к Кракову выпер вперед, а фланги позади, наше положение было опасно, они могли нас отрезать. А для того, чтобы выровнять фронт, нам приходилось отступать.

Стало светать, и сделалось совершенно светло, а мы все шли без отдыха, многие шли совершенно босые, в эту ночь истрепав свои сапожонки.



В окопах бой. Снимок 21 ноября 1914 года

Наш ротный командир штабс-капитан Нечаев ехал верхом на лошади, лошадь поскользнулась и вместе с ним упала в канаву, сломала ротному ногу и помяла грудь, его отправили в Петроград, и больше мы его не видели. Ротою стал командовать прапорщик Кильчас. Я все время шел с Дмитриевым, не отставая от роты, напрягая все последние силы. Наконец, уже совсем обессилив, сели мы с ним на канаву и закурили, впереди виднелась деревня, в которой и остановился полк на отдых. Мы, посидев, догнали полк, здесь нам был завтрак и выдали хлеба. Было уже 9 часов утра. С 5 часов вечера и до 9 часов утра мы шли без отдыха, пройдя 70 верст. Здесь я виделся с Дмитрием Константиновым.

2 декабря.

Отсюда мы пошли после двухчасового отдыха, прошли еще 15 верст, и расположили нас в деревне на ночлег, деревня называется Пуяви, она недалеко от речки Дунайца. Здесь мне с отделением попала большая халупа, хозяева находились в другой комнате. Мы с Дмитриевым и еще двое купили пару гусей, заплатили по 1 р. 25 коп., сварили их и славно поели, согрели чаю, купили молока у хозяйки и попили очень хорошо. Крепко же мы заснули после такого утомительного перехода!

3 декабря. Среда.

Сегодня мы прошли 17 верст, перейдя за реку Дунаец, пришли в одну большую деревню, здесь нам был обед. Я отправил домой письмо с ротным писарем Петровым, он отправился в Петроград по каким-то делам.

К вечеру нас погнали рыть окопы. Вырыли мы окопы по берегу Дунайца и возвратились в деревню ночевать, а в окопах остался один взвод. Спали мы с Дмитриевым в яме, устроенной поляком, чтобы скрываться от пуль и снарядов.

4 декабря, четверг.

Утром мы пошли занимать свои окопы, взяли с собой соломы и только

устроились, как полетели в нас неприятельские шрапнели. Австрийцы были уже на той стороне реки. Тут вышло распоряжение нашу 2-ю роту, 3-ю и 4-ю перевести вправо по берегу, а наши окопы заняли другие роты. И вот под огнем мы перешли вправо на самый берег Дунайца и стали спешно копать окопы. Каждый старался для себя, чтобы защитить себя от вражеских пуль, скоро выкопали мы для каждого углубление в земле так, что на поверхности земли была одна голова. Здесь в окопах мы просидели 12 дней, терпя холод, и голод, и все невзгоды. Мочило нас здесь дождем, засыпало мокрым снегом, в окопы набиралось воды, но делать нечего. Лежишь, свернувшись, как сурок, ноги страшно зябли, до невозможности. Еще благодаря тому, что принесли соломы из деревни, зароешь ноги в солому и сидишь, а вылезти, чтобы побегать, нельзя, на том берегу австрийцы; как выскочил, так и знай, что подстрелят, они зорко смотрели за этим. Ну и мы им спуску не давали, как увидишь, что австриец прокрадывается по кустарнику, так и хлоп в него, и слышно нам, как он ревет, бедняга.

А ночью еще тревожнее: расставишь с вечера часовых, назначишь смены и приказываешь, чтобы хорошенько смотрели на реку, не дай Бог, в темноте переправятся австрияки на наш берег, тогда всех переколют в окопах. Велишь, чтобы часовые давали редкие выстрелы, пусть знает неприятель, что мы не спим, а они, видно, боялись, чтобы мы не перебрались через речку. Тоже всю ночь стреляют.

А то ночью пустят такой огонь, что Боже упаси, начнут садить изо всех пулеметов и ружей, точно рой пчел, летят пули, ударяются в окопы, в землю, в кустарник, только хлопают, они у них разрывные. Тогда и мы открываем огонь изо всех ружей. Особенно силен огонь был левее нас, в 3-м батальоне, там во все 12 дней днем и ночью кипело, как в котле, беспрерывно трещали пулеметы и ружейные залпы. Ухо настолько привыкло к этой музыке, что когда бывали не-

большие перерывы, то чувствовалась какая-то ненормальность.

Там был мост через Дунаец, неприятель под прикрытием сильного артиллерийского огня бросился на мост и хотел натиском прорвать наш фронт. Наши не сделали ни одного выстрела, дали неприятелю занять весь мост, а потом разом из всех пулеметов и ружей хватились по мосту. Передние были сметены градом пуль, другие в страхе бросились в реку, а сзади напирала, тут их много положили наши.

В нашей роте тоже много переранило солдат. С наступлением сумерек привозили всегда на позицию ужин, и вот солдаты повывлазят из окопов и пойдут за ужином, загремят котелками, в это время австрийцы открывают огонь и ранят наших солдат, убитых же за все время в нашей роте было только двое. Очень мы здесь голодали, хлеба давали не каждый день, а выдадут то по кусочку, а 8, 9, 10 декабря, три дня, не получали ни крошки, по не воле ночью пойдешь добывать в ямах картошки, а днем сварить в котелке. Позади наших окопов был овраг, в этом овраге и варили картошку, выскочишь из окопа - и бегом в овраг, а пули кругом тебя свищут, много ранило при таких перебежках. Но, признаться по правде, там желаешь, чтобы тебя ранило, завидуешь тому, кого легко ранило, хоть бы с месяц отдохнуть в госпитале.

Там же, в овраге, у костра вытрясали вшей из белья, а много же их и было, станешь трясти над огнем - только трещат.

Был у меня доброволец в отделении по фамилии Лобанов, Рязанской губернии, под градом пуль ходил в деревню греть чай, варить картошку и яйца, денег

мы с Дмитриевым давали, и он носил нам ежедневно из деревни то яиц, то молока, а нет - вареную курицу, и всегда это ему сходило с рук, и ни разу не был ранен.

А вот Дмитриев, тот страшно боялся и все время не выходил из окопа оправиться, так он подлаживал ночью, чтобы неприятель не увидел. Мы звали его погреться у костра, но он не рискнул ни разу и сидел, зарывшись в солому, в окопе.

Позади и недалеко за нами стояла наша батарея, она через наши головы стреляла по неприятелю, а с того берега неприятель сыпал беглым огнем, и вот поднимется это состязание, даже земля дрожит, они не жалели снарядов. Бывало, сыпят целый день. В деревне находился штаб нашего полка, и вот начнет жарить по деревне, много сгорело халуп от снарядов, много также перебило вольных жителей, остальные с ребятишками попрятались в ямы, дрожа за жизнь свою.



Пехота в окопах. Снимок 30 декабря 1914 года

На 10 декабря всю ночь шел дождь. В окопы набралось воды, одежду всю промочило до нитки, сделалось холодно, зубы стучали, руки, и рожа, и сам весь в грязи, все 12 дней ни разу не умывались. Я из окопов послал 2 письма: домой и в Ярославль.

12 декабря, пятница.

У австрийцев сегодня Рождество Христово. Но стрельба все равно идет.

13 декабря, суббота.

Сегодня наши войска пошли в наступление, приказано было и нам, но потом отставили.

14 декабря.

Мы в окопах, ночью шел дождь, в окопах мокро.

15 декабря.

Мы в окопах, грязь и мокрый снег. В 9 часов утра нас пришел сменить Охотский полк. Мы сменились и пошли на отдых.

16 декабря, вторник.

Мы пришли в деревню Клясино, в 5 верстах от Тарнова, здесь находится штаб 293-го полка гусарского полка, а полк - на позиции. Здесь я получил посылку от Вани из Ярославля, теплую рубашку, табак, бумаги и соли.

17 декабря, среда.

Стоим в той же деревне, варим и едим картошку. 17 декабря из деревни Калясино пошли на левый фланг нашего Галицийского фронта. Идем позади фронта, все время гремят оружейные выстрелы. Сколько времени мы ни ходили, а чтобы не слышно выстрелов, не было такого дня. И ночь, и день все идет бой.

По дороге страшная грязь, лошади в обозе и артиллерии измучены до невозможности, кожа да кости, а сколько бедных животных валяется около дорог, выбьется из сил, ее отпрягают и бросают на произвол судьбы, тут она издыхает.

К вечеру пришли в одно разрушенное местечко, ночевали в пустом дому.

Окна выбиты, холод, свернулись на голом полу, так и проспали ночь. Прошли мы в тот день 30 верст.

18 декабря.

Шли целый день. Прошли 35 верст. Ночевали по сараям в деревне, варили картошку.

19 декабря.

Опять идем по той же дороге, но куда ведут, этого ни один солдат не знает, начальство не объясняет, куда пойдем.

По дороге пошли высокие горы, страшно высокие, на одну гору взберешься, а впереди, смотришь, еще выше горы, и нет им конца и краю, и замечательно еще то, что между горами нет равнин, а идут глубокие овраги, чтобы спуститься в такой овраг, рискуешь сломать себе голову. Некоторые вершины гор покрыты лесом, но лесов совсем мало, деревень в горах больших нет. На склоне гор, где только образовала природа площадку, там стоят одна, две, три халупы, и так они разбросаны по склонам гор, живут здесь поляки-русины и занимаются земледелием. На таких кручах везде пахота, как только они пашут, прямо удивительно.

Дороги в горах идут извилинами по дну оврага или же по склону горы, дорога приспособлена руками человека, а если где идет через гору, то поднимается зигзагами, как винтовая лестница.

Когда взберешься на гору, то на горе гораздо холоднее, пронизывающий холодный ветер знобит до костей. Очень трудна была сюда в горы доставка хлеба, провианту и патронов, и действительно войска терпели во всем недостаток. Солдаты, смотря на эти горы и на скверные дороги, говорили, что здесь придется пропасть с голоду. Хлеб и продукты подвозили на позицию на вьюках, на колесах было невозможно по причине страшной грязи, простую фураженку лошади не могли вывозить.

Весь день мы шли, а к вечеру сделалось страшно холодно, нас остановили на дороге. Тут мы стояли часа

три и настолько прозябли, что зуб на зуб не попадал, шинели замерзли, сапоги у меня истрепались, портянки мокрые. Уж я бегал-бегал по дороге, в надежде разогреть ноги, но разогреть не мог, и они даже ныли, пришлось заплакать от боли. Да, пришлось потерпеть всего!

Уже ночью, часов в 12 ночи, мы пришли в одну деревню в горах, если можно назвать деревней дома, разбросанные по склонам гор шагов на 200 и более один от другого. Здесь находился штаб 33-й и дивизии 10-го корпуса. Разместили нас по сараям, зарылись в холодную солому и с усталости заснули.

20 декабря.

Стоим в этой деревне, варим картошку. С Дмитриевым купили курицу за 60 к., сварили и ели без хлеба, потому что его нет.

21 декабря.

2-й и 4-й батальон пошли на позицию. Мы остались здесь. Хлеба получили по одному фунту. Пицца - одна вода.

22 декабря.

В той же деревне. К вечеру повели на позицию. Санитары наши вооружились длинными палками для переноски раненых. Когда мы вышли из деревни и пошли на позицию, навстречу на носилках санитары несли тяжелораненых. Кровь сочилась из-под повязок, лица были смертельно бледны, другие тихо стонали, несли также и раненых австрийцев.

По мере того, как мы шли, наступила темная ночь, вдали виднелись зарева пожаров, и выстрелы из орудий отдавались эхом в горах. Пошел дождь, дорога, и без того грязная, сделалась еще грязнее, солдаты едва ноги из грязи вытаскивали. Вот с трудом поднялись мы на высокую гору, потом спустились в лощину. Здесь уже близко была позиция, там слышались в это время редкие ружейные выстрелы. Всегда с наступлением ночной темноты сильная стрельба прекращается, люди в окопах отды-

хают, зарывшись в солому, если есть таковая. Которые назначены наблюдать за действиями противника, то все время стоят и зорко всматриваются в темноту, чтобы не подкрался неприятель. Изредка стреляют.

Остановили нас на берегу речки, в ночной темноте выбрали место для окопов, и вот до утра под холодным дождем мы копали окопы, к рассвету они были окончены. Впереди нас на передней позиции был Севский полк, а мы были в резерве. Утром нас отвели в деревню в сарай, а один взвод оставили в окопах.

23 декабря.

День мы провели здесь в окопах, в 12 часов ночи пошли мы в поход. Приказано было идти в деревню Мошенницы. Было холодно, хлопьями валил мокрый снег. Грязные и мокрые, шагали мы по дороге, зачем ведут, этого мы не знали. Думали мы, что в Рождество Христово дадут нам отдых, хоть бы обогреться и отдохнуть в тепле. И думалось мне в эти минуты о родном доме. Наверное, семья моя готовится к великому празднику. А здесь впереди и позади меня в ночной темноте виднелись серые фигуры солдат, согнувшись от холода, они шлепали по грязи и шли туда в мутную даль, где раздавались орудийные выстрелы.

Начинало светать. Мы пришли в деревню Мошенницы, переход - 10 верст.

24 декабря, среда.

Деревня Мошенницы большая, расположена по обоим берега оврага, на левом берегу посреди деревни стоит костел старинный. От Тарнова верст 75 на левый фланг нашего фронта.

Пришли мы в деревню, здесь отвели нам сарай. Там была снопами ржаная солома. Было холодно, дрожь прохватывала все тело. Снег уже не таял на земле, он лежал белой пеленой на земле и на крышах халуп. Сердце ныло какою-то тупой болью, слышались выстрелы из орудий. Снаряды

летели и рвались не далеко от деревни, где был наш обоз, в воздухе слышался свист и затем короткий взрыв. В воздухе оставалась красная дымка, указывающая, где разорвался снаряд.

Вот нам изготовили кашевары обед, он был жидкий, как вода, а хлеба не было со вчерашнего дня. После обеда солдаты пошли в сарай, зарылись в солому, стараясь согреться. Так же поступил и я, но согреться я не мог. Страшно знобило, все тело сжималось от холода, боясь, чтобы не заболеть, я пошел в халупу, которая была рядом.

Когда я вошел туда, в ней полно было солдат. Тут были обозные Пензенского полка, больные с позиций, кашевары, и все толпились у огня, который был разложен, на шестке тут в котелках варилась картошка. Печка была черная, дым шел в потолок и выходил в раскрытую дверь, такие печи были у нас в старину, у двери было отгорожено стойло и стояла туча коров. Пахло навозом и махорочным дымом. Около печи была дверь в другую комнату - чистую половину с белой печкой. Там помещалась семья хозяина и три больных солдата-пензенца. Старик хозяин, поляк, лежал при смерти, ему было более 80 лет. Я протиснулся сквозь толпу к печке и лег на солому рядом со стойлом. Тут спали еще два солдата, воздух здесь был гораздо теплее, чем на воле, и я скоро заснул.

Спал я довольно долго. Когда проснулся, то зимний день уже начинал смеркаться. Солдат в комнате было мало. Три солдата Пензенского полка сидели на лавке, один из них ел хлеб. Мне тоже страшно хотелось есть, но у меня хлеба не было. Солдат, который ел хлеб, спросил, какого я полка, я ответил, тогда он сказал: «Наверно, ваш полк пригнали, чтобы сменить нас сегодня ночью с позиции. Мы уже целый месяц без смен», - добавил он. Тут в халупу вошло несколько солдат нашего полка. Солдат-пензенец обратился с вопросом, нет ли у кого продажного табаку. Табак в то время имел не каждый, а потому он ценился. У меня табак был, который мне

прислал Ваня. «Слышь, земляк, - сказал я, - у меня табак есть, только я на деньги не продам, а давай менять на хлеб». «Идет», - сказал он. И вот на осьмушку табаку я выменял фунта полтора хлеба и утолил голод, с аппетитом скушав этот кусок. Затем я вышел на двор, там был разложен костер. Солдаты грели чай, а кто и пек картошку. Тут же у огня сидел наш фельдфебель Кульгин и два взводных, Курочкин и Польской, за то время, пока я спал, они ходили осматривать позиции, чтобы идти сегодня ночью сменять Красновоставский полк.

Говорил фельдфебель: «Ну, ребята, уж вели-вели нас да наконец и привели. Здесь, наверно, придется пропасть». Днем здесь из окопа не показывай и головы по одному человеку - австрияк жарит снарядами. Мы хотели было осмотреть окопы, но офицер не пустил, сказал: «Днем осматривать невозможно, лишь только покажись, а он и бац снарядам».

Только издали, из леса посмотрели мы на позицию. Здесь же, в лесу, мы видали такую сцену: отделение солдат Пензенского полка драли розгами за то, что они убежали из окопа, когда в нем разорвался неприятельский снаряд. Их стегали на снегу по очереди: рядовым по 15, а взводному и отделенному - по 30 розог. При экзекуции присутствовал полковник Евсюков, он же и командир бригады, в распоряжение коего поступал и наш полк.

«Смотри, ребята, берегись», - сказал фельдфебель, - чтобы и с вами не случилось такой истории».

На дворе совсем смеркалось. Костер потушили, чтобы неприятель по огню не пустил снаряд. «Ну, а теперь, молодцы, - сказал фельдфебель, - приготовьтесь, через полчаса идем на позицию».

Все мы начали надевать снаряжение, разбирать ружья. Я захватил пук соломы.

Через полчаса мы построились и тронулись в путь, до позиции было версты 4. Каждый снимал шапку и набожно крестился. Перешли овраг; нас остановили у костела. Здесь долж-

ны были собраться все роты, вот уже все в сборе.

Тогда подъехал к нам полковник Евсюков. Он громко поздоровался, затем поздравил нас с праздником Рождества Христова и стал говорить: «Смотри, ребята, вы идете на переднюю позицию, будьте бдительны, мужественны, не бойтесь смерти, если кому не суждено, тот не получит. Особенно сегодняшнюю ночь, будьте внимательны, весьма возможно, что неприятель в эту ночь пожалует к нам в гости, потому что в ихнее Рождество мы делали им визит» (12 декабря, в день ихнего праздника пензенцы ходили в атаку, выбили их из окопов и забрали подарки, которые потом делили в халупах).

После этого он еще говорил много наставлений, а в это время в первой роте солдат закурил папироску, и вот он бросился на этого солдата с криком: «А-а, курить, курить!». И слышно было, как он бил его по лицу, и слышалось его грозное рычание: «А-а, курить, курить!».

После этого нас повели на позицию. Солдаты, идя дорогой, говорили между собой: «А ну уж и злой етот командир, у него держи ухо остро».

Вот мы вышли за деревню. Кругом нас расстилалась снежная пелена. Невдалеке слышалось щелканье одиночных выстрелов. Там вдалеке и влево затрещал пулемет. Я и не заметил, как мы подошли к окопам, чернел ров окопа, а в нем сидели, согнувшись, человеческие фигуры, занесенные снегом. Это были наши резервы, мы пошли дальше, нам приказали соблюдать тишину и не курить, вот гора и на ней лесок. Пройдя лес, вышли на широкую поляну.

Невдалеке от нас стояли два сарая. За этими сараями поставили роту, а командир пошел осматривать позиции, мне страшно хотелось курить, тут я увидел, что многие курят из рукава, сделал и я и тоже покурил. Ноющей боли на сердце не было, а было какое-то равнодушие и решимость на все.

Ротный командир возвратился и повел нас к окопам. Здесь был Крас-

новский полк, они радостно вылезали из окопов и говорили, что днем не показывай головы из окопа. Они ушли, а мы заняли окопы. В окопах была вода, солдаты котелками стали ее вычерпывать. Благодаря Богу меня перевели с отделением на другое место, для охраны пулемета, там была горка и в окопе было сухо, сверху окоп был закрыт соломой. Когда мы сменились, было 12 часов ночи. Остаток ночи мы провели в окопе. Так прожил я святую Рождественскую ночь.

25 декабря (четверг). Рождество Христово.

Вот наступило утро. Холодное и ясное взошло зимнее солнце. Холодными лучами осветило дальние вершины гор. Поднялось из-за горизонта и облило светом и белоснежную поляну, и окопы, в которых мы сидели, дрожа от холода.

Встал я в окопе и стал разминать заочневшие ноги. Потом с любопытством стал осматривать местность, в полутора верстах перед нами поднимались высокие горы, а у подошв гор виднелись окопы неприятеля.

Посреди позиций ближе к ихним окопам виднелась железная дорога, и халупы, разбросанные по 2 и по 3, стояли в промежутке между позициями. Расстояние до окопов неприятеля было сажень 500, так что ружейный огонь был недействителен, здесь стреляла только артиллерия

Уже с раннего утра неприятель стал пускать снаряды, батарея у него стояла где-то за горою. В этот день мы ничего не получили и сидели голодные. С наступлением темноты привезли ужин, жидкий и без соли, хлеба же не привезли. Так провели мы первый день великого праздника.

Пятница, 26 декабря.

Утром ждали хлеба, но хлеба не привезли. Днем мы принялись за устройство окопа. Сверху наш окоп был закрыт досками, а потом соломой, один конец мы заставили соломой и засыпали землей, а со входного конца повесили палатку, таким образом,

у нас в окопе стало гораздо теплее. Потом мы устроили в стенке печку и по ночам стали топить, днем нельзя было, потому что дым было видно, днем, а ночью дыму не видно, и по ночам мы здесь грели чай и варили картошку. Дым выходил в крышу, а в окопе было тепло.

Вечером мы пошли в караул на ночь, впереди позиции, шагах в 1000, там стояла халупа. У этой халупы я поставил часового, а позади подчаска, самый караул ввел в халупу, окна завесили и развели на шестке огонь. Потом достали картошки и стали варить, хата была курная. Хозяин хаты, полячок лет тридцати, находился здесь, он все жалел дров, но мы, конечно, на него не смотрели.

Ночь была тогда темная. В 20 шагах ничего было не видно. Подчаском стоял Ходаренко из Витебской губернии, он вдруг вбегает в хату и говорит мне запыхавшись: «Отделенный, сейчас ко мне подходил австрияк с ружьем, я крикнул на него, он и скрылся. Я хотел в него выстрелить, но он скоро скрылся».

Я пошел с ним на волю, никого не было. Я спросил часового, видел ли он что-нибудь. Часовой сказал, что здесь был полячок, хозяин, он зарывал лопаткой яму с картошкой, и вот Ходаренко принял его за австрийского солдата и чуть не застрелил.

Суббота, 27 декабря.

Утром возвратились из караула в окопы. Ночь прошла благополучно. Сегодня хлеба тоже не получали. Вечером, когда стемнело, получили фунта по полтора хлеба и немного масла. Ночью в окопе наварили картошки с маслом.

Так проводили мы Рождество Христово в окопе. Под одним блиндажом помещалось нас четверо: я, потом Ходаренко, доброволец Федосов и еще ефрейтор Федюков. Было тесно, но по ночам тепло. Только днем было холодно и выйти из окопа рискованно: как неприятель заметит, что солдаты ходят в какую-нибудь халупу, так и начнет стрелять по этой халупе снарядами.

Как только наступает ночь, Ходаренко отправляется за картошкой, он был специалист по этому делу, никому не найти, а он принесет. Федюков за дровами, и вот ночью мы греем чай и варим картошку. Ну, уж мы и закоптели, словно трубочисты, а вшей тогда было у нас целый легион, тело страшно зудилось, грудь и ноги издерешь в кровь.

Воскресенье, 28 декабря, в окопах.

Снарядами неприятель зажег халупу около первой роты. Убит один наш солдат, ранен подпрапорщик Блинов, они в это время находились в халупе.

Позади окопов наших в халупе помещалась телефонная станция, снарядами неприятель разрушил халупу и зажег. Двое убиты, старик поляк и девушка 17 лет, его дочь.

29, понедельник.

Сегодня оттепель, снег на окопе растаял, вода течет в окоп, к нам на голову. Выйти не можно.

Вторник, 30 декабря, в окопах.

На полях лежит, снег погода ясная и холодная. От нашего окопа недалеко стоят две халупы, туда солдаты наши днем бегают греть чай, но, конечно, скрытно от начальства. Я тоже послал добровольца Федосова согреть в халупе чаю и принести в окоп. Долго я ждал его, но его не было, тогда я решил сам пойти в халупу и попить там чаю. Я захватил с собою кружку и пошел. Придя в халупу, я увидел, что котелок уже вскипел. Заварили мы чай и здесь за столом решили попить чаю. Халупа разделалась на две половины, в следующей находилась семья хозяина, состоящая: поляк хозяин, лет 35, его жена и две дочери, подростки.

В то время как мы пили чай, в комнату вошел с двумя котелками воды ефрейтор нашей роты Александр Парменов. Он мне коротко был знаком, он из Вологодского уезда, с фабрики Сокол.

Парменов, поздоровавшись с нами, поставил котелки на плиту. В это вре-

мя в воздухе раздался свист снаряда, хотя мы уже привыкли к подобным явлениям, но все-таки насторожились, по звуку было слышно, что разорвется поблизости нас. Вот я взглянул в окно, и шагах в 30 от нашей халупы увидел столб земли, поднявшийся от взрыва снаряда. В следующий момент опять раздался свист в воздухе, и над халупой провизжал снаряд. Федосов выбежал из хаты и, возвратясь, сказал, что снаряд упал позади халупы,

шагах в 50, в яму с картошкой. Тогда я понял, что неприятель делал пристрелку в нашу халупу. «Ребята, пойдем скорее, а то недолго до беды», - я не допил чаю и пошел из халупы. Федосов со мною. «Парменов, пойдем с нами», - сказал я на ходу, он ответил: «Да, надо идти». Он старый солдат отлично знал, какая ему грозит опасность, но ему хотелось догреть чай. Выйдя из хаты, мы бегом пустились по снежной поляне к своим окопам. Вот со свистом прорезал воздух снаряд, и разорвался над халупой. «Погиб Парменов», - подумалось мне. Запыхавшись, мы прибежали в окопы. Потом уже к вечеру пошел мольной, нашей же роты, греть чай в ту же халупу и наткнулся на труп Парменова. Он лежал в сених, раскинув руки, у него были продырявлены все ноги, и бедренная часть, в него угодила весь заряд снаряда, плита тоже была вся разворочена. Он сгоряча еще от плиты убежал в сени и тут свалился, а в следующей комнате семья поляка осталась невредима. На следующий день Парменова отнесли в деревню Мошеницы, и полковой батюшка похоронил на кладбище у польского костела. Вечная память тебе, дорогой товарищ, тело твое будет покоиться в горах Галиции, ты счастлив тем, что удостоился христи-



Русские солдаты в окопах пишут письма домой. Открытка с фотографии штабс-капитана С.А.Корсакова. 1 марта 1915 года

анского погребения, а тысячи братьев валяются, как собаки, по бранным полям.

Среда, 31 декабря.

Лежим в окопах. На воле Божией день. Весело солнце освещает белеющие снежные поляны и вершины далеких гор. В окопах холодно, ноги страшно зябнут особенно, у меня маленькие сапоги, я зарываю ноги в солону и все время двигаю ими, чтобы немного согреть. Старый солдат Ходаренко лежит рядом со мной, я спрашиваю его: «Ну что, Ходаренко, скоро ли будет мир, скоро ли пойдем к своим женкам и к своим детям, подика они ждут нас?». «Нет, отделенный, не начетно, что мы возвратимся домой, пропадешь здесь. Если не с холоду, то от пули. Вот, слышишь, как режут снаряды. Прилетит вот такой снаряд к нам в окоп, ну и поминай как звали, разнесет, так что и косточки разнесет, а вот гляди того, что пойдут в наступление. Ну, тогда уж пиши, что пропал». А по другую, лежит доброволец Федосов, он слушает Ходаренко и наконец спрашивает: «А сколько, Ходаренко, у тебя детей?» «Детей у меня пять человек, - говорит Ходаренко, - подика ждуют меня, а и плохо им без меня, каждый их обидит, и босые, пожалуй, находят, всего примут», - и у старого

солдата заблестела на глазах слеза. И он украдкой старается смахнуть ее. А Федосов говорит: «Ну, брось, Ходар. Ты уж никак заплакал, давайте лучше закурим, чтобы дома не журились». И вот все трое закуривают, и опять ведем нескончаемые разговоры, а снаряды гудят в воздухе и проносятся над окопами. Ходаренко по звуку угадывает перелет, влево или вправо. Начинает темнеть. Мы темноте очень рады. Когда стемнеет, мы в окопе затопляем печку, и у нас становится тепло. Начинаем варить картошку и греть чай, ходим по очереди в дозор и стоим на посту. К нам в окоп приходят погреться солдаты нашей роты, потому что не у всех в окопах печки.

1 января 1915 года. Новый год.

Сегодня утро морозное и ясное, с первыми лучами солнца полетели снаряды. По окопам прошел наш фельдфебель. И поздравил нас с Новым годом, с новым счастьем. Новый год встретил нас холодно и сурово, что ожидает нас в недалеком будущем, придется ли вернуться домой и встретить дорогое семейство? Каждый мысленно задавал себе вопрос. Хотя смерть носилась каждую минуту над головами, но пока жив, думаешь, о детях и жене, хочется пожить.

2 января, пятница.

Мы все еще в окопах, между позициями находится деревня Лужно.

Когда еще было темно, нас отвели ко дню в караул, к самой железной дороге, недалеко от позиции противника. Нас привели в халупу к поляку. Часовой наблюдал в окно за действиями противника. Нам видно в окно, как австрийские солдаты ходят по полотну железной дороги с большими ранцами за плечами. Нам из халупы выходить не приказано. Вот пришел в халупу наш артиллерист, он разведывал, где поставлена австрийская артиллерия. Вот он вышел на волю. Я через короткое время тоже вышел и с ужасом увидел, что он влез на нашу халупу и смотрит из-за трубы. Я приказал ему скорее слезть, потому что австрийцы могли его уви-

деть, и весь караул пропал. К вечеру нас сменили с позиции, и мы пришли на ночлег в деревню Мошеницы. Здесь я от Сани получил письмо, в котором она сообщала, что померли Алексей Петрович и Александр Андреевич Бирюлевский.

3 января, суббота.

Мы стоим в резерве, я послал 2 письма, одно домой и 1 в Ярославль.

4, 5 и 6 января стоим здесь в деревне, по ночам ходим в окоп.

7 января.

Перешли в другую деревню, здесь получали подарки из России: белье, табак, чай, сахар, папиросы.

8, 9 и 10 января строим окопы для резервов. Ночевать ходим в деревню, здесь хозяева-поляки очень добрые - греют нам чай, и к чаю хозяйка дает молока и варит нам картошки.

12 января.

Пошли в поход, прошли 30 верст, пришли на ночлег в какое-то местечко.

13 января, переход 23 версты.

14 в поход прошли 15 верст. Пришли в деревню Липины, около Пильзно местечко, здесь на дороге встречал нас новый начальник дивизии, генерал-лейтенант Шипов, здоровался с нами и благодарил за службу.

В деревне здесь нас развели по квартирам, и стояли мы здесь 7 дней на отдыхе, только размещены очень тесно. В халупу, нам которую отвели, поселили нас 30 человек, а халупа маленькая, аршин 7 кругом, да тут же помещалась и семья хозяина: 5 человек детей и сам с женой, сидеть на лавке приходилось по очереди, а остальные должны были стоять на ногах. Даже жалко было хозяина, мы совсем их стеснили. А ночевать, то есть спать, все не помещались, половина уходила в сарай, несмотря на 15 градусов холода.

Кормили нас здесь очень хорошо, хлеба давали вволю. Пицца была хо-

рошая, выдавали масло, сахар, табак, консервы. На войне оправдывается пословица: когда густо, а когда и пусто, но по большей части приходилось пусто.

Затем от вологодского купечества получили подарки: по 1/2 ф. конфет в коробке, по 1 фунту баранков и еще по 1 ф. сахарных кренделей и белых сухарей, одним словом, здесь жилось нам очень хорошо. Здесь же получили жалованье, и мы с Дмитриевым покупали в местечке булок.

22 января, четверг.

Мы вышли из деревни Липины и пошли в поход. Шли мы походом четыре дня - 22, 23, 24 и 25 января. Прошли 160 верст. Идти было очень трудно, на дороге было по колено снегу. Снег этот был размят артиллерией и обозами. Ноги вязли, идти было невозможно, многие отставали от полка, но я не разу не отставал, боясь потерять полк. Наконец, на четвертый день было трудно настолько, что совсем выбились из сил, дорога пошла через высокие горы, лошади не в силах были вывозить повозки, тогда измученных солдат заставляли помогать вывозить. Я как сейчас помню, подошли мы к высокой снежной горе, вершина ее поднималась высоко-высоко, а уже начинало темнеть, все ждали, что остановят на ночлег, не тут-то было, приказали карабкаться на эту гору. С большим трудом влезли мы на гору и пошли дальше, шли ночью еще верст 15.



Пост наблюдения у железной дороги.
Снимок 1 февраля 1915 года

Холод знобил тело, ноги переставляли машинально, точно чужие, продвигались довольно тихо. А когда делали привал и люди садились на снег, то моментально засыпали, их приходилось будить. Дмитриев шел рядом со мной и едва переставлял ноги, он предложил мне: «Давай, Гусев, зайдем в какую-нибудь халупу, а то совсем не могу. Переночуем, а завтра догоним полк». Я согласился, и вот, увидев вправо от дороги халупу, мы свернули и пошли на огонек, тут оказалась водяная мельница, и хозяин-мельник впустил нас в хату, здесь было уже человек 10 солдат нашего полка. Одни грели на плите чай, другие уже спали, мы согрели с Дмитриевым чаю, попили, у нас были консервы, я раскупорил, хотели поесть, но некоторые не могли есть, настолько были утомлены, и заснули как убитые.

Утром пробудились, было уже светло. Здесь же, оказывается, ночевал Дмитрий Девятков, я поздоровался с ним, но разговаривать было некогда, нужно было догонять полк. Полк уже вышел с ночлега и шел обратно, таким образом, он топал нам навстречу. Вместе с полком мы пошли дальше и к вечеру пришли в деревню. Она находится в горах и называется Новая Весь, здесь развели нас по халупам. Здесь стояли мы 4 дня, ходили ежедневно за булками в местечко Бирчу, которое от деревни 1 верста. Сюда к нам прибыло подкрепление, то есть пополнение, состоящее из ратников и молодых солдат срока службы 1915 года, по горам мы здесь ходили на занятия.

Здесь мы пробыли в Новой Веси до 30 января.

30-го пошли в поход.

31 января тоже в походе, в два дня прошли 40 верст. К вечеру пришли на станцию Любомир. Около станции большая деревня того же названия, здесь нас развели по квартирам. Жители здесь русины, они

исповедывают нашу православную религию, говорят они так же, как говорят малороссы: они одного с ними племени, у них православные церкви и священники.

Хозяева нашей халупы, русины, оказались очень добрые, но слишком бедные. Они гостеприимно приняли нас и старались всячески услужить. Старик-хозяин рассказал нам, что до нас были здесь австрийские солдаты и что мадьяры у них очень злые - все съестное забрали, священника и церковного старосту убили. Они тоже иконы спрятали, боясь, что будут ругаться нехристи. Они очень были рады, что русские войска прогнали их в горы верст на 30.

В горах слышались глухие выстрелы из орудий. К русинам австрийское правительство относится с презрением и притеснением прав, потому русины живут очень бедно, нрава же тихого, в них видна приниженность и рабская покорность.

1 февраля в деревне Любомир встречаем Масленицу с сухарями, хлеба 3-й день как не давали, хорошо, что у нас Дмитриевым были деньжонки, на станции мы купили булок и колбасы.

2 февраля вечером пошли на станцию Хиров за 15 верст. Здесь ночью нас посадили в вагоны и повезли по железной дороге в северо-восточном направлении.

4 февраля вечером нас привезли на станцию Долина. Здесь нас высадили, выдали нам здесь консервов и хлеба и повели в местечко Долину на ночлег в местечке. 3 взвода нашей роты разместили по квартирам, нам же, четвертому взводу, квартиры не было. Ротный командир ушел, сказав нам: ищите сами квартиру. Мы стояли на дороге на снегу и дрожали от холода. Влево от дороги находился сад, а в саду большой барский дом. «Пойдем, ребята, в этот дом», - решили мы, и вот я, подираторщик Полубинский и еще несколько человек перелезли садовую ограду и пошли к дому, на нас залаяли собаки.

Стало быть, дом был обитаем, но владельцы спали, огня не было ни в одном из окон. Подойдя к дому, мы начали стучать в дверь, но ответа нам не было, тогда мы сильно начали стучать, даже трещала дверь. Наконец за дверью послышались шаги, и женский голос на польском языке спрашивал, что нам нужно, мы сказали, чтобы нам отворили дверь. Шаги удалились, через короткое время отворилась дверь, и на пороге в ночном халате появился сам хозяин. Он был старик высокого роста с седыми волосами, брови его были нахмурены, и он, коверкая польские слова, сердито говорил нам, зачем мы ломимся к нему в дом и тревожим его семейство. Мы ему объяснили, что нас заставила необходимость, ведь не на снегу же нам ночевать, а другие дома все заняты войсками.

Тогда он впустил нас на кухню, здесь поместилась половина взвода, другая половина поместилась в роскошной столовой.

5 февраля день провели мы у пана в доме. Я послал 2 письма - в Ярославль и домой.

6 февраля днем отправились в поход. К вечеру пришли в одну русинскую деревню. 4-й батальон пошел в сторожевое охранение. Казаки донесли, что неприятель находится недалеко, нам не приказали раздеваться, переночевать здесь, рано утром мы выступили в поход.

7 февраля впереди отправилась команда разведчиков, а за ними полк. Нам приказано было занять деревню Красное и укрепиться в ней. До Красного было верст 9, по мере того, как мы приближались к Красному, пришло донесение, что Красное занято австрийцами. Наша команда разведчиков уже вступила с ними в перестрелку, слышалась ружейная трескотня, нас остановили в овраге, снаряды летели сюда и вались. Отсюда до Красного было уже версты 3. Ясно слышна ружейная стрельба и как

трещали пулеметы. Неприятель крепко засел на своей позиции.

Команду разведчиков разбили, вот уже санитары несут наших раненых солдатиков. Начальника команды уряд-прапорщика Соболевского смертельно ранило, и глядя на эти картины, сердце болело и ныло, чувствовалась предстоящая опасность и невозможность избежать ее. Вот по телефону получили приказ от начальника дивизии, во что бы то ни стало выбить австрийцев из Красного.

Раздалась команда: построиться ротам. Весь полк живо построился. Тогда второй батальон повели левее Красного. 4-й пошел правее, наш первый должен идти прямо на деревню. Не нужно думать, что неприятель только и был в черте деревни. Нет, его позиция тянулась и по обе стороны деревни широким фронтом, она у самого Красного занимала высокую гору, гора эта командовала над всей окружающей местностью. И откуда не вздумай наступать, им все было видно, и был хороший обстрел.

Роты рассыпались в цепь, правее нас пошла 1-я рота, а левее 4-я, впереди одна цепь, а шагах в 50 позади - вторая. В таком порядке мы начали наступление на Красное в 4 часа дня. Сперва мы шли мелким кустарником, приходилось переходить овраги, на земле до половины холки было снегу, и это затрудняло движение, но шли быстро, не отставая друг от друга, все почему-то спешили, отсталых никого не было.

Но вот лесок кончился, и вышли мы на открытую поляну, тут не было ни одного кустика, ни одной горки, за что можно было бы укрыться. Впереди перед нами в полутора верстах виднелась деревня Красное, окутанная пороховым дымом. И вот когда наши вышли на поляну, неприятелю представилась прекрасная цель, и целый ураган снарядов полетел в нас. Стреляли они гранатами и шрапнелями, гранаты взрывали столбы земли кверху, а попавшие тут люди разрывались на части и сливались с землей. По цепи подвигались шаг за шагом, не смотря на потери. Когда очень огонь

усиливался, приказывали ложиться на землю. Шрапнели над нами рвались в воздухе, а осколки и пули проносились так близко, что каждый миг думаешь, что пробороздит тебе спину, а то разорвется близко впереди и обдаст землю прямо в лицо. Но раздавалась команда встать, и шли дальше, навстречу грозящей смерти. Конечно, многие ее и нашли здесь.

Я шел на левом фланге нашей роты, рядом с четвертой. Там ротный командир прапорщик Канн, еще молодой человек, без усов. Шел впереди своей роты и подбадривал солдат словами: «Так, братцы, так, не отставай, за мной, голубчики, дружной». Вот уже недалеко и деревня, шагов осталось тысяча, артиллерийский огонь прекратился, а открылся ружейный и из пулеметов, из деревни и с горы, которая была левее деревни, там окопы ихние загибались в обхват нашего левого фланга. Так что мы попали под перекрестный огонь. Подойдя к деревне шагов на 50 с криком «ура» бросились в атаку, австрийцы, большая часть, покинули деревню, а те, что остались, попали к нам в плен.

Подпрапорщик Полубинский с одним солдатом зашли в одну халупу, а там были трое австрийцев с ружьями. Один из них в Полубинского выстрелил в упор и ранил в левую руку. Солдат, который был с Полубинским, с разбега всадил штык в живот австрийцу, и тот повалился на стол, а двое бросили ружья и взяты в плен. Взводный 1-го взвода Павлов отворил сарай, там оказались двое австрийцев, один выстрелил, и пуля скользнула по верхней части головы и сорвала кожу. Этого тоже закололи, в плен их попало здесь много. Но вот уже наступила ночь, сделалось темно, вправо от нас находился Березинский полк, там неприятель зажег мост и зарево пожара освещало окрестности, а артиллерийская стрельба сильна настолько, что земля дрожала, а в воздухе слышался непрерывный свист снарядов.

Деревня Красное тянется в длину не менее как на версту, вдоль всей



Русские солдаты ведут бой в деревне. Снимок 2 мая 1915 года

деревни глубокий овраг, а дальше к позиции неприятеля овраг кончается. Кончается здесь и деревня. Там, где кончается овраг, начинается гора, та высокая гора, которую заняли австрийцы, и с этой горы им вся деревня видна как на ладони и вся ими обстреливается. Ночью мы недалеко от этой горы вырыли окопы, а пули сыпались дождем, с завываниями пронеслись мимо ушей. Когда стало под утро светлеть, мы увидели, что находимся шагах в 150 от противника. Нам почему-то приказали выйти на рассвете из окопов и занять берег оврага, и вот когда мы вышли из окопов и стали рассыпаться в цепь, открылся страшный огонь по нам из пулеметов и ружей с горы. Тут массу ранило и убило. Здесь убит ефрейтор Ленников Вологодской губернии с ф. Сокол, пуля попала в грудь, он, закрыв рану рукой, произнес слова: «Бедные мои дети» - и упал. Но вот мы уже заняли берег оврага и открыли огонь по неприятелю, а они в это время делали перебежку: справа из окопов перебежали по-за деревню на высокую гору, их тут много побили наши. Вот видно очень ясно, как бегут они, согнувшись, друг за другом с большими ранцами за плечами, но меткий выстрел - и кувырок летит на землю и не может встать, силясь подняться, а другой лежит без движения. Вот двое австрийцев несут на плечах котел, но один схватился за ногу, котел брошен, а другой уже лежит на земле без

движения. Но вот получен новый приказ: нашей роте перебежать овраг и занять ту сторону деревни, которую до сих пор занимали австрийцы. Когда пробегали овраг, тут многих тоже ранило, здесь ранен фельдф. Кулыгин, наш взводный Польской. Овраг был крутой, да к тому же по колени в снегу, я направился по тропинке, протоптанной, вероятно, жителями деревни, и быстро перебежал овраг, а пули свистели с высокой горы, овраг обстреливался. Когда перебежали, то заняли изгородь и открыли огонь по перебежавшему противнику. Здесь я принял командование четвертым взводом. В 50 шагах находились от нас окопы австрийцев, но они их оставили и перебежали на гору, осталось тут 12 человек, которыми мы знаками показывали, чтобы они бежали к нам, и они, бросив ружья, прибежали к нам и спрашивали: «Пане! Куда нам утекать?» Мы им показали на наш штаб, и они, согнувшись, улелепывали во всю мочь. Теперь батальонный командир 4-му и 3-му взводу приказал податься влево, ближе к горе, чтобы иметь связь с четвертой и первой ротой. Перебежав влево, мы заняли плетни и постройки и приблизились настолько близко к неприятелю, что слышен был их разговор. Окопы рыть тут было невозможно, на виду стоять значило быть убитым. Я встал за угол новой еще, нежилой халупы, положил на угол винтовку и стрелял, как только появится австрияк, а их тут было много, за каждой постройкой. Прямо передо мною, шагах не более чем в 100, стоял большой сарай, у них в сарае был поставлен пулемет, и из отверстия в стене они стреляли по нам, их много же и поранили, не успевали убирать раненых. Да и убирать под таким огнем было невозможно. Впереди халупы, за которой я стоял, лежал наш солдат, раненный в ногу, и умолял, чтобы его подобрали. Он был на виду у неприятеля, и взять его не было никакой возмож-

ности. Я вскричал, чтобы он как-нибудь ползком направлялся ко мне. За стогом сена, правее меня, шагах в десяти стоял ратник - хохол Харьковской губернии, он услышал просьбу раненого и хотел помочь, он бегом пустился к моей халупе, но, не добежав 3-х шагов, упал, раненный в плечо, из плеча пуля пробила верхнюю часть груди. Я за рукав втащил его за халупу, обрезал ремень и лямки. Руки у него судорожно то сжимались, то разжимались, а лицо сразу приняло землистый оттенок, он хриплым голосом попросил: «Дай, дядько, пить». Из баклаги я дал ему проглотить несколько воды, и он замолк навеки.

Тот, раненный в ногу, подполз близко к халупе и просил помощи. Я связал две палаточных веревки и еще палатку и один конец, бросил ему, он ухватился обеими руками, а мы с Видякиным потащили наживку и здесь перевязали рану. Ранен он был в правую ногу выше колена. Это было уже время часа 2 дня 8 февраля. Тут по этому концу деревни неприятель открыл беглый огонь из батарей. Мортирные снаряды ударялись в халупы, и бревна, как легкие пушинки, летели на страшную высоту вверх. Деревня во многих местах загорелась. Треск от пожара с треском от разрывающихся снарядов слились в один гул. По улице бегали обезумевшие женщины и старики, дети цеплялись за матерей, ревя во все горло. Я думаю, и их немало погибло, а страшные и разрушительные снаряды все летели и несли смерть.

В халупе, в которую попал снаряд, было человек 20 наших раненых, она загорелась вместе с ними. Снарядами они буквально срыли и уничтожили всю деревню. Австрияки ободрились и нахальнее стали наседать на нас. Я с ужасом увидел, что не менее взвода вышли по эту сторону сарая и делают окоп. «Ребята, - крикнул я, - стреляй в них, а то они нас убьют!» Я положил на угол ружье, прицелился одному в живот и спустил курок, вот он как-то грузно осел на землю и остался неподвижен, потом еще двух

ранило в ноги, они засуетились и скрылись за сарай. Я не знаю, что бы было дальше, но нам приказали отступить.

Когда я бежал из-за халупы по берегу оврага, с горы им было видно: пули летали как пчелы, пробегая между горевших халуп, я видел страшные сцены: раненные, оставленные на пожарище, простирали руки, прося помощи, но каждый, обезумев, бежал, спасая себя. Потом я сбежал в овраг, по оврагу много бежало наших солдат и офицеров. А неприятель продолжал осыпать огнем. Когда мы удалились на версту от Красной, тогда полетели в нас снаряды. Отступя верст пять, мы перешли по мосту одну речку. Посмотревши назад, я увидел такую картину. Мадыарская конница во весь карьер неслась на наших солдат, которые были позади. Но вот солдаты повернулись к неприятелю и стали отстреливаться, в это же время на выручку пронеслась по мосту сотня казаков. Мадыары, повернув коней, скрылись.

Но все ж таки немало при отступлении попало наших в плен.

Австрийцев же за два дня наш полк взял 1600 человек и несколько офицеров. Начальник дивизии генерал-лейтенант Шипов благодарил за этот бой. В нашей роте до боя было 250 человек, возвратилось из-под Красного 106 человек. В первой роте осталось 73 человека, убили двух ротных командиров и фельдфебеля, в 4-й роте осталось 40 человек и ротного командира ранило. Ночью мы отступили за местечко Рожнитово.

День 9 февраля мы пробывали в одной деревне на отдыхе, здесь много дали хлеба, консервов, сахару и масла.

Ночь на 10-е были в сторожевом охране, а утром 10 февраля наш первый батальон повели в местечко Рожнитово. Наши передовые позиции находились здесь в окрестностях Рожнитова, в одной версте по обе стороны шоссе, которое идет от Красного,

занимал окопы Ижорский полк, правее шоссе был лес большой. Крайну леса занимали австрияки, а шагов на 500 от лесу были наши окопы. Здесь все времени бой был упорный, стрельба не прекращалась ни на минуту. А левее Ижорского занимал окопы Березинский полк.

В ночь на 11 февраля 1-й батальон наш пошел в сторожевое охранение между Ижорским и Березинским полками. Ночь была темная, валил хлопьями мокрый снег, местность, где нас расположили, болотистая. Вода стояла лужами, смешанная со снегом. Мы шли мимо окопов Березинского полка, между кустарников сидели солдаты, на кусты повесив сена, и получалось нечто вроде крыши. Сидели, согнувшись от холода, занесенные снегом. Окопы рыть здесь нельзя, много воды. Нас привели на открытое место, здесь не было даже и кустов. Тогда мы стали собирать торфяные кочки и клали их стенкой так, чтобы сделать хотя бы небольшое прикрытие под себя. На землю набрали хворосту, чтобы вода не особенно подмачивала, и так пролежали ночь, дрожа от холода, мокрый снег таял и стекал за ворот. К утру, когда нас сняли, мы все были совершенно мокрые с головы до ног.

Днем 11 февраля мы стояли в резерве в местечке Рожнитово, здесь мы попили чаю и обогрелись. Пули неприятеля летели, и в местечке рва-

лись шрапнели. Школу, в которой помещался штаб Ижорского полка, всю разрушили снарядами, повредили костел и продолжали обстреливать все местечко. Жители покидали дома и уходили в подземелья. Несколько раз австрийцы из лесу бросались в атаку, но каждый раз были отбиты.

Ижорцы тоже много раз ходили в атаку. В ночь на 12 февраля мы опять пошли в сторожевое охранение. Ночь была холодная, на земле лежал снег, он сегодня не таял. Пошли прямым направлением. Пришлось переходить вброд речку шириною сажень 15, вода быстро в ней текла, смешанная со снегом, выбрали, где было помельче, и стали переходить друг за другом, но все ж таки вода хватала выше колен, все начерпали в сапоги. Вот перебрались на другой берег и стали рыть окопы. Когда вырыли, я снял сапоги, вылил воду и надел сухие портянки, которые имел в мешке, но все же ноги зябли. Пришлось бегать всю ночь позади окопов. Позиция неприятеля была в полуверсте от нас. Они всю ночь бросали ракеты и освещали пространство прожектором. Изредка раздавались орудийные выстрелы, но ружейной стрельбы не было, не считая редких выстрелов на позиции. Продрогши страшно за ночь, к утру пришли в Рожнитово, здесь в халупе согрели чаю и закусили, у кого что было.

Настал день 12 февраля, этот день тем памятен, что в этот день я попал в плен.

Против нас здесь действовали венгерские корпуса, как я узнал впоследствии, переброшенные с Сербского фронта. Венгерцы у них дерутся стойчиво. Уже с раннего утра слышен был страшный огонь, на позиции пулеметы трещали непрерывно, снаряды летели в местечко, зажигая постройки. Штаб Ижорского полка переехал в другое место, перевязочный пункт тоже. Я вышел на улицу, пули жужжали по всем направлениям. По ули-



Подстерегает врага. Русский солдат во время боя в деревне. Открытка с фотографии 2 мая 1915 года



Русские солдаты в австрийском плену. Снимок 2 декабря 1915 года

це гнали 600 человек пленных австрийцев, они бросали нам перевязочные пакеты, произнося: «Возьми, пан! Нам не потшеба, мы идем до России». Они были оборваны и в грязи.

Но вот по улице проскакал во весь опор ординарец, он обратился с приказанием к батальонному командиру от начальника бригады, чтобы сейчас же одну роту выслать на помощь ижорцам.

Третью роту построили и повели на позицию. После этого через час времени приказали и нас строить. У меня в тот день страшно тосковало сердце, словно предчувствуя беду. Вот мы построились, вышел наш ротный командир, еще молодой прапорщик Кильчасов. Он встал впереди роты, и мы пошли по улице, на ходу снимая шапки и крестясь. Батарея наша стояла за деревней и стреляла беглым огнем, много в тот день выпустила она снарядов.

Когда мы шли по улице, навстречу шло много раненых, вид их всегда наводит удручающее впечатление, с лицами в крови с синими подтеками, с подвязанными руками, шагали они оттуда, где лилась кровь горячая людская. Где раненые не в силах подняться, просили, кричали санитаров, но никто их не слушал, потому что всякий жизнь свою ставил на карту. Смерть носилась, ви-

тала у каждого над головою. Товарищ твой, полный сил и здоровья, идущий рядом с тобой, вскрикивал, валился на землю, а ты шагал дальше, не обращая на него внимания.

Когда бываешь в бою, очутишься в сфере огня, не чувствуешь страха, который бывает перед боем, забываешь семью и самого себя. Когда мы прошли костел и разбитую школу, здесь по мосту перешли ручей и вышли

на окраину местечка, нам приказали по канаве перебежать за сарай на каменных столбах. Дальше постройки не было, начиналось поле, вправо виднелся большой лес в расстоянии около версты. Опушку занимал неприятель, а от лесу к шоссе шли наши окопы. На горке ихние пулеметы ни на минуту не смолкали. Здесь был командир Ижорского полка и наш батальонный. К командиру подъехал ординарец, стал докладывать, что роты почти все разбиты, а две роты взяты в плен. «Они сейчас прорвутся», - закончил ординарец.

Командир сказал что-то батальонному, а батальонный приказал идти в наступление нашей роте. Когда мы рассыпались в цепь, с первых шагов многих поранило. Ротный командир шел впереди, обнажив шашку, перебежек мы не делали, а шли скорым шагом, и по мере того как мы шли, цепь наша все редела. Вот упал Иванов Костромской г. - пуля пробила голову, унтер-офицера Петрова ранило в живот, унтер-офицера Курочкина - в живот и в ногу, Николаева убило. Окопы наши на горке занял австриец, это передали по телефону, и наша батарея стала жарить беглым огнем по окопам. Столбы земли летели вверх вместе с разорванными австрийцами. Очень

удачно попадала артиллерия, я сам этому очевидец. Это было в 200 шагах перед нашими глазами, снарядами срыли все окопы и гору, но мы подошли к окопам близко. Артиллерии стрелять уже было нельзя. Тут мы закричали «ура» и побежали в атаку. У них пулемет стоял на шоссе и два на опушке леса. Когда мы бежали в атаку, они больше половины срезали наших. В окопы бежит нас мало, остановились перед окопами и стали стрелять с колена. Сделав несколько выстрелов, мы заняли потом боковой окоп перед лесом, в это время тяжело ранило ротного командира. Его понесли на палатке в местечко четверо солдат, но одного из них убило, не знаю, что стало с ротным. Я посмотрел по направлению к местечку - все поле было усеяно трупами. От местечка к нам на помощь не шло ни одного солдата. Австрияки из лесу стали перебегать в верхний окоп, он был не занят, и стали стрелять по нам продольным огнем. Траверсов у нас в окопе не было, и скрыться было невозможно. Мы отстреливались. Вот у нас в окопе убили Федорова унтера. Я чувствовал, что наступил ужасный момент. Нас было мало. Австрийцы это прекрасно видели, и из лесу все перебегали в верхние окопы. Вот с криками «ура» бегут к нам в окоп. Мы сделали несколько выстрелов. Настал последний момент: или смерть, или плен - то и другое ужасно. Они уже в окопе и кричат: бросай пушку и угрожают штыками.

Солдаты бросают ружья, снаряжение, и ведут нас в тот большой лес, который они занимали. Тут на опушке леса валяется масса убитых австрийцев. Было часа 4 пополудни 12 февраля. Так печально закончилась моя боевая жизнь. 32 человека, которые остались в живых, все попали в плен.

Из нашей роты вместе со мной попавшие в плен:

унтер-офицер Павел Фролов, Вологодской губернии,

унтер-офицер Федор Сорокин Петергофский,

рядовой Яков Ильин Новгородский,

рядовой Иван Шухалов Ярославский,

рядовой Ф. Шухалов - тоже,

рядовой Михаил Ларионов Архангельский,

рядовой Максим Бобыкин - тоже,

рядовой Кирил Кузьмич Минской,

рядовой Залучаев Московской,

рядовой Серов Нижегородский.

Остальные попали в другие

партии, так что фамилий я не знаю.

Унтер-офицер Вологодской губернии Грязовецкой волости деревни Ильинского Евгений Христофоров ГУСЕВ 296-го пехотного Грязовецкого полка 2-й роты.

В этой книжке 48 листов. Писана в плену в Австрии в 1915 году.

Лагерь пленных вблизи города Линца.

Редакция и публикаторы дневников Е.Х. Гусева благодарят сотрудников Вологодской областной универсальной научной библиотеки, которые переводили рукописный текст в электронный вариант: Елену Вадимовну Наумову, Саодат Шохасановну Лихачеву, Ирину Александровну Саватееву, Катерину Феликсовну Солоневич.

ИВАН АРХИПОВ (Беларусь)

«В ГОРНИЦЕ МОЕЙ СВЕТЛО...»

Вологда и Минск хоть не рядом располагаются на карте, но на самом деле близки, и даже очень. Душевно, духовно... И экономические связи между Беларусью и Вологодчиной крепнут год от года. Да что там говорить: в Вологде даже землячество белорусское есть!

И потому интерес к вологодским писателям в Минске и Гродно ничуть не меньше, чем в Москве или Санкт-Петербурге. Это хорошо показывает статья минского журналиста Ивана Архипова о том, как любят и чтят рубцовскую поэзию в Беларуси. Мы знакомим читателей «Вологодского ЛАДА» с этой статьей, напечатанной в журнале «Неман», - и это, возможно, станет началом сотрудничества наших изданий: минский журнал будет печатать прозу и поэзию вологжан, а мы - произведения наших братьев-славян.

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Эту песню на стихи Николая Михайловича Рубцова поют под гитару на вечеринках, у костра, в гостях и на встречах друзей... А еще поют песни и романсы на его стихи, и среди них «Тихая моя родина» («Тихая моя родина! Ивы, река, соловьи...»). Эти стихи о своей малой родине поэт Николай Рубцов посвятил другу - замечательному писателю земли вологодской В.И. Белову, публицисту и общественному деятелю России, одному из членов Общественного совета российского журнала «Наш современник». На родине Василия Ивановича каждый год проводится фестиваль «Рубцовская осень», превратившийся в событие всероссийского масштаба, в котором принимают участие не только вологжане, но и гости из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Всех их объединя-

ет одна общая любовь к творениям великого русского поэта. Местная вологодская областная газета «Красный Север» взяла эпиграфом строку одного из стихотворений поэта «Россия, Русь! Храни себя, храни!» вместо распространенных ранее слов - «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Поэт считается великим, если о нем, о его таланте вспоминают и через много лет, если его стихи становятся песнями, если в них - негасимый свет любви... Ему бы еще жить и жить, не случись та январская «вологодская трагедия», которая привела к гибели великого поэта в 35 лет тридцать пять лет тому назад.

К его стихам и творчеству обращались великий русский композитор Георгий Васильевич Свиридов, земляк-вологжанин Валерий Александрович Гаврилин, белорусский композитор Игорь Михайлович Лученок...

Г.В. Свиридов в своих дневниковых записях «Музыка как судьба», вышед-

ших в 2002 году под рубрикой «Библиотека мемуаров» (Москва, «Молодая гвардия»), написал: «Николай Рубцов - тихий голос великого народа, потаенный, глубокий, скрытый».

Народный художник Беларуси Л.Д. Щемелев как-то сказал, что Николаю Рубцову еще при жизни надо было поставить памятник. Художник часто перечитывает строки любимого поэта. Они вдохновляют его на творчество...

Укрепляются экономические и культурные связи Беларуси с родными местами Рубцова. Каждый восьмой из десяти минских автобусов и каждый шестой холодильник «Атланта» выпускается из вологодского металла... Многие деятели искусства и культуры Республики Беларусь посещали и посещают эти северные уголки России, где жил и творил свои проникновенные стихи Николай Михайлович Рубцов.

Одно из его стихотворений - «Ферапонтово» - я привожу полностью, поскольку оно написано поэтом за полгода до гибели.

*В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!*

*И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...*

Так поэт стихами отразил это «дивное диво» - храм-монастырь с фресками великого древнерусского художника Дионисия. Этим фрескам-картинам, написанным русским живописцем с сыновьями водяными красками на свежей, сырой, штукатурке, более 500 лет. Ферапонтов монастырь расположен близ такого же старинного вологодского города Кириллова.

Этот старинный уголок Вологодчины облюбовали художники - гости из Беларуси.

Дружат российский Дед Мороз, резиденция которого находится в Великом Устюге, с белорусским Дедом Морозом из Беловежской пуши.

Примеров можно приводить множество, когда такие связи продолжают годами. Следует заметить, что Вологодчина является краем рек, лесов, болот и озер, краем глубокой старины, сохраненной и не разрушенной варварами и захватчиками в течение столетий, краем с вековыми традициями быта и культуры. Таковыми являются Международный театральный фестиваль «Голоса истории» и Международный музыкальный Гаврилинский фестиваль, фестиваль православного песнопения и межрегиональный фестиваль искусств «Белоезеро», Праздники лодки, коровы, бани и другие северные традиционные мероприятия. Словом, есть чему поучиться друг у друга. В этих мероприятиях все чаще принимают участие белорусские артисты, художники и другие деятели культуры и искусства. В самой Вологде проживает большая белорусская диаспора, а соотечественники всегда могут помочь развитию тесных дружеских связей. Например, директор Государственного литературного музея Янки Купалы С.В. Вечер намерен наладить прямые связи с музеем Н.М. Рубцова в Вологде, что открыт в прошлом году.

Многие вологжане проживают в Минске и других регионах Беларуси. Георгий Васильевич Сысоев родом из Вологды. Он хорошо помнит этот предвоенный северный город, являющийся ровесником белокаменной Москвы с ликом «священного Кремля» Сысоев - заслуженный архитектор Беларуси, лауреат Госпремии БССР, автор застройки главного проспекта белорусской столицы - от «Востока» до корпусов НАН Беларуси - и здания Мингорисполкома, в составе авторского коллектива осуществил разработку проекта и возведение мемориального комплекса «Брестская крепость-герой».

В конце прошлого столетия прославили Вологду белорусские «Песняры», исполнившие одноименную песню, которая и сейчас повсеместно звучит, в том числе и на «Славянском базаре» в Витебске и, естественно, на Вологодчине. С северным краем, с Вологодой связана большая часть жизни и творчества великого русского поэта Н.М. Рубцова. Его годы жизни - 1936-1971. Откроем отдельные страницы его жизненного пути, поскольку произведения поэта - это «проникновенная поэзия природы, сельской жизни...». Так о нем написано в Большом энциклопедическом словаре, изданном в 2004 году.

«РУБЦОВ» В МИНСКЕ

В конце июня этого года в минской городской библиотеке № 7 имени Якуба Коласа, расположенной в микрорайоне Серебрянка, состоялось открытие выставки известного художника киностудии «Беларусьфильм» Владимира Чернышева, он же был главным художником Национального академического драматического театра имени Максима Горького. Среди портретов, запечатленных на холстах, был и портрет Николая Рубцова, изображенного в морской форме. За плечами поэта - деревянное колесо от крестьянской телеги, а выше - церковь в старинном вологодском городе Тотъме. «Изобразил ось земли, - заметил художник, - это моя первая попытка запечатлеть поэта. Он и есть сама правда. Я искал и нашел момент истины». Художник пояснил, что в 1999 году театр им. М. Горького участвовал в пятом Всероссийском фестивале «Голоса истории», что проходил в Вологде. Вместе с группой ездил в Тотъму, где установлен памятник Н.М. Рубцову работы известного скульптора Вячеслава Клыкова. Тогда и возникла мысль запечатлеть поэта.

На открытии Минского международного кинофестиваля «Лістапад» в исполнении киноактера народного артиста Советского Союза Георгия Жженова минчане и гости столицы

услышали стихотворение Николая Рубцова:

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!*

*Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,*

*Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,*

*Перед этим строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.*

*Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!*

Эти же стихи слышал и на открытии выставки художественной фотографии «Русь. Веси. Грады. Лики. Земля» фотохудожника Анатолия Заболотского, что проходила в конце прошлого года в Национальном музее истории и культуры Беларуси в рамках Года культуры России в Республике Беларусь. Тогда многие посетители музея, Дома кино увидели на фотографиях рубцовские места, друзей Николая Рубцова - писателей, поэтов Вологодчины, которым он напишет:

*...Пусть не шумят,
А пусть поют поэты
Во все свои земные голоса!*

Самые лучшие стихи Николай посвящал своим друзьям-поэтам и писателям, обращался к классикам девятнадцатого и двадцатого столетий.

В начале ноября 2005 года белорусским зрителям третьего Международного театрального форума «Золотой витязь» Московская театральная труппа А. Локтева показала музы-

кально-поэтический спектакль Н. Рубцова «Видения на холме». Автором и режиссером пьесы был руководитель этого творческого коллектива заслуженный артист России Алексей Локтев. В один из дней в гостинице «Беларусь» после пресс-конференции с актерами Камерного театра (г. Москва) сами артисты Александр и Елена Михайловы исполнили песню «Тихая моя Родина» на слова Н.М. Рубцова.

В России 2006 год был объявлен Годом Рубцова и связан он в первую очередь с 70-летием со дня рождения великого русского поэта. В Беларуси также отмечается эта дата. В частности, в библиотеке Центрального дома офицеров прошло очередное заседание литературно-философского клуба «Слово» (руководитель М.Ф. Печенко) под названием «Николай Рубцов и русская поэзия». Одна из учениц минской средней школы проникновенно и выразительно прочитала стихотворение Николая Рубцова «Ласточка» - о птенце, выпавшем из гнезда и разбившемся насмерть:

*Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?*

И сразу же приходят мысли: а не о себе ли так написал поэт, раньше времени ушедший из жизни? Позже в читальном зале этой же библиотеки с более расширенной аудиторией прошла литературно-музыкальная гостиная «В горнице моей светло...». На встречу с поэзией Рубцова пришли курсанты, ветераны войны и труда, убеленные сединами ветераны Вооруженных Сил, служившие в разных уголках бывшего Советского Союза. Перед взорами присутствующих был портрет Н. Рубцова, написанный маслом известным белорусским художником-пейзажистом Олегом Дробышевским, весьма удачно запечатлевшим образ великого поэта. Еще до открытия гостиной молодых и пожилых людей заинтересовала выставка книг, журналов, газетных статей и монографий, копий картин и фотографий, связанных с жизнью и творчеством

Н.М. Рубцова. Среди присутствующих были атташе по культуре посольства Китайской Народной Республики в Республике Беларусь Чжан Ин, бывший заместитель председателя Совета министров БССР Нина Леоновна Снежкова. Все они как бы заново открыли для себя имя великого русского поэта и его поэзию, в двадцатом веке блеснувшее на небосклоне звездой первой величины.

Зрители как замороженные слушали выступления гостей из России: поэта Василия Леонова - уроженца Беларуси, а в настоящее время проживающего в Москве, поэта из Смоленска Виктора Смирнова, председателя областной писательской организации России. От имени земляков-вологжан выступил Георгий Киселев - поэт и переводчик, проживающий в Волковыске. Музыкальная часть гостиной была за певцом Владимиром Кураком и концертмейстером-аккомпаниатором Наталией Чижовой. Они очаровали всех, исполнив 18 песен на стихи Рубцова.

Михаил Ткачев, руководитель Русского культурного центра в Минске, читал стихи Рубцова, посвященные классикам русской поэзии. А в ответ Владимир Курак исполнил песни и романсы на стихи любимых рубцовских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева, Фета, Блока и Есенина. Прозвучала и любимая песня поэта «Прощайте, скалистые горы», ставшая гимном североморцев. Эту песню будущий поэт со своими друзьями пел на Северном флоте, когда Николай Рубцов в пятидесятые годы служил там матросом на эскадренном миноносце.

Скажу наперед: в последующем будут продолжаться литературно-музыкальные мероприятия, посвященные Н.М. Рубцову, - в библиотеках, школах, вузах, в социально-досуговых центрах не только в Минске, но и в других населенных пунктах Беларуси.

В этом году также были встречи минчан в дни тринадцатой Минской международной книжной выставки-ярмарки «Книги Беларуси - 2006», где Россия была почетным гостем. Как

поведали москвичи и питерцы - поэты, писатели и руководители крупных издательств, - юбилейные мероприятия, посвященные Н.М. Рубцову, прошли на Кировском заводе в Санкт-Петербурге, в Москве было несколько таких знаковых концертов, прошедших при полном аншлаге. Они проходят по всей России - «от Москвы до самых до окраин»...

Правление Союза писателей России в полном своем составе провело выездной пленум в Вологде, посвященный памяти Рубцова, с музыкально-поэтическими выступлениями перед вологжанам.

Поэт Валентин Сорокин рассказал о последней его встрече с Николаем Рубцовым. Тогда, при расставании с Николаем, В.В. Сорокин сказал, что у того рука, как осенний лист, на что Рубцов ответил, что он и есть, как лист.

Следует заметить, что Рубцов редко звучит на белорусском радио и по телевидению. Последний раз я слышал песню на стихи Рубцова «Букет» во Дворце Республики в исполнении Александра Тихановича - на шестидесятилетнем юбилее Минского тракторного завода, где присутствовали и вологжане - гости МТЗ.

Иногда эта песня звучит на радио по заявкам белорусских радиослушателей, без указания автора стихов...
*Я буду долго гнать велосипед,
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов и подарю букет
Той девушке, которую люблю...*

Не правда ли, так задумчиво, ярко и искренне может написать только большой поэт, если хотите, гений!

Недавно в Минске вышла интересная статья-исследование Михаила Ивановича Ткачева в журнале «Планета-семья», посвященная творчеству Н.М. Рубцова, под названием «Россия, Русь! Храни себя, храни!». А ранее в газете «Советская Белоруссия» была опубли-

кована статья о Николае Рубцове, замаскированная из какого-то российского издания без всяких комментариев. Но почему бы газете было не обратиться к жителям Беларуси, которые его знали, а может быть, и встречались с ним, учились вместе в Литературном институте в Москве? Тем более что порой «некоторой российской прессе» свойственно показывать больше негатив, чем самого человека с его сложной жизнью и судьбой.

Но все же многим почитателям таланта Н. Рубцова в Беларуси хочется знать больше о самом поэте, творившем в 50-60-х и в 70-х годах прошлого столетия. При жизни поэта было выпущено только 5 тонких сборников стихов. Наверное, не случайно на стихи Рубцова только в России сложено и исполняется около 150 душевных лирических песен, а по другим источникам - более 400 песен и романсов.

«Он в России самый издаваемый и «коммерческий» поэт нашего времени, - утверждает специалист по творчеству Н.М. Рубцова писатель Николай Коняев из Санкт-Петербурга, - каждый год его книги расходятся суммарными тиражами от 50 до 100 тысяч экземпляров. Это очень большие тиражи и по бывшим советским временам, а по нынешним - просто фантастические. Тиражи рубцовских книг соперничают даже с нынешними тиражами изданий Александра Сергеевича Пушкина...» А «Литературная газета» сообщает, что «суммарный тираж книг поэта за десятилетие перевалил за миллион экземпляров».

Стихи Рубцова переведены на многие языки мира. Первым переводчиком Н. Рубцова на белорусский язык в семидесятых годах был известный белорусский поэт и переводчик Владимир Скоринкин.

**(Журнал «Неман», № 12, 2006 г.,
в сокращении)**

СПАСИБО ЗА ПАМЯТЬ

Ваш журнал с публикацией заметок отца Сергея мы читали вместе с внучкой Анной, вспоминали о. Сергия. Спасибо вам за предисловие, за рубрику «И ныне, и присно...». Я читала и плакала: как будто душа сына на минуточку заглянула ко мне.

В целом журнал очень интересный. Мне понравились фотографии владыки Максимилиана, священника Владимира Колосова. Материал о Валентине Распутине, по-моему, поместил лишь ваш журнал. Как-то обошли молчанием юбилей Распутина столичные СМИ. Удивительная статья о музыке Геннадия Красникова! У меня уже четыре человека ее ксерокопировали, в том числе режиссер фильма «Мой отец Сергей» Петр Солдатенков из Питера. Сейчас там готовится фильм о Башлачеве, и эта статья нужна и необходима. Хотелось бы почитать побольше статей этого автора и мне, и моим молодым друзьям: редко встречаешь такого эрудированного, остроумного, знающего журналиста. И патриота, а то ведь молятся на Запад!

Я регулярно читаю рубрику «Родиноведение»; «По северной дороге» Дементьева - прелесть! У вас в редакции работают замечательные журналисты, талантливые люди. Уметь отыскивать таланты и давать им зеленый свет, что сегодня очень непросто, - задача вашего журнала. Так интересно его читать! Меня уже более 10 человек спрашивали, как подписаться на ваш журнал, а я счастлива, что у меня он есть, каждый номер я храню и даю читать друзьям!

Звонила Наталья Александровна Яшина, у нее очень больна мать. По ее просьбе я искала фотографии, где о. Сергей служит или просто находится около могилы поэта. Отец Сергей начал эту традицию, положил начало посещению могилы во время похода с детьми из Никольска в Дунилово. Дочь хочет снять фильм об отце и включить туда фотографии посещения детьми и о. Сергием этого места.

**С уважением и дружеским приветом
Наталья Михайловна КОЛЧЕЕВА**



Юрий Владимирович, Наталья Михайловна и Сережа КОЛЧЕЕВЫ.
27 августа 1969 г., Берлин

Я ИЗ ОБМАНУТОЙ РОССИИ...



**ЮРИЙ
МАКСИН**

Юрий Михайлович Максин родился в 1954 году в деревне Плосково Череповецкого района. В настоящее время живет и работает в городе Устюжне Вологодской области. Автор пяти поэтических сборников, последний из которых - «Навеки твой...» вышел в 2006 году в Москве, в издательстве журнала «Юность». Стихи Юрия Максина публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Роман-газета XXI век», «Встреча», «Юность», «Север», «Русская провинция», «Невский альманах», «Литературная Россия» и других.

СВИДАНИЕ СО СТОЛИЦЕЙ Виталию БАКУМЕНКО

*Да, было время! Оглянулся -
стоит Москва - и весел взгляд!
Но мир в наживу окунулся,
и, русский, я Москве не рад.*

*Я из обманутой России
принес с поклоном тихий стон.
Но в нем бунташные стихи
отметились со всех сторон.*

*Кавказ - отдельная беседа,
ты создала громоотвод.
Ты делишь деньги, делишь беды
и разделила весь народ.*

*Отгородилась. Отбомбилась
Столичной ложью по стране.
Да, ты, Москва, преобразилась.
Но где тот самый свет в окне?*

*А ведь была в сиянье славы
и дорогой - не в смысле благ,
как центр стремительной
державы,
надежда мира, герб и флаг.*

*Какая слава отгорела!
Какие беды пронеслись!
Так за тебя душа болела!
Так за тебя, Москва, дрались!*

*Ты помнишь ли, какая сила
легла на подступах в войну?!
Ты всё, похоже, позабыла,
когда ограбила страну.*

*Любовь - не велика потеря!
Не ей - столичный фимиам.
Москва теперь любви не верит,
а верит бешеным деньгам.*

*Очнись скорей от звона злата,
не заражай народ алчностью,
ведь Русь не деньгами богата.
Очнись, покуда Русь с тобой!*

Ты еще не проснулась, родимая,
сторона моя росная, снежная,
непокорная, неповторимая,
ты у Господа самая нежная.

Много вынесла ты горя горького,
никому его столько не выпало.
Твоя радость взойдет ясной

зорькою,

а печали твои дождик выплакал.

Скоро кончатся сны

предрассветные.

Что пророчится, то и сбывается.
Силы русские, думы заветные
отовсюду в Россию слетаются...

Баю-баю, поспи еще, милая.
Баю-баю, рассвет не задержится.
Наливайся здоровою силою,
под покровом ты спишь
Божьей Матери...

Не будите... Не будите...
Дайте, дайте отдохнуть.
Мою душу не смутите.
Впереди - далекий путь.

Впереди лежит дорога,
словно лента среди трав.
На холме - жилище Бога,
всё в сияющих крестах.

Припаду к святым иконам,
коих много на Руси.
Старый батюшка с амвона
скажет: «Господи, спаси!»

Перекрестит на прощанье,
и я выйду за порог.
И сквозь злое завыванье
мне пройти поможет Бог...

Не живут друзья...
Наоборот.
И никто обратно не придет.
Не окликнет
на земном пути,
чтобы вместе
по Земле идти.
Горько оставаться

одному.
Как так получилось,
не пойму.
Видно, всем
по одному
идти
до конца,
до Млечного Пути...

Люди-птицы, куда вы летите?!
Чем быстрее, тем ближе к концу.
Вы крестьянке в глаза загляните,
их спокойная мудрость - к лицу.

Небо, поле, река и дубрава
навели в них навек чистоту.
Ни хула не смутит их, ни слава,
сохранивших любовь и мечту.

Век не короток - целая вечность.
Все сумела. Ей Бог помогал.
Не погасла в глазах человечность.
Свет добра для людей просиял.

Полусонная
сказка природы,
ты зачем утром
так хороша,
что опять
забывает про годы,
не смиряясь с годами,
душа?

И горит, и горит
все яснее
восходящая
русская даль.
И звенит,
и звенит,
не тускнея,
подорожное слово -
печаль.

Здесь что-то чудное творится.
Здесь слышен звон, здесь виден свет.
И мчится, мчится вереница
минувших лет.

Ой, пролетело их немало!
Но встреча снова сердце жжет,

как будто нам недоставало
ее одной - из года в год.

Десятилетия промчались.
Сияет месяцу над рекой.
Когда-то мы здесь целовались.
Давай махнем на все рукой...

Я забыл уже всё.
Но остались во мне
две блеснувшие тихо слезинки.
И куда б ни летел я
на белом коне,
всюду видел две светлых тропинки.
Мне по ним не добраться к тебе,
хоть кричи,
не приблизиться к нежному свету.
Две зовущих слезинки
упали в ночи,
но за ними тебя уже нету...

ГАГАРИН

Когда на планету глянул
из космоса русский парень,
Земля показалась шаром
цвета родных озер.

Повсюду стыл черный космос.
Чуть ближе мерцали звезды.
Корабль облетал планету
по главной из всех орбит.

Земля позывные слала,
боясь потерять героя.
Гагарин впервые видел,
как хрупок земной наш дом.

И сердце от боли сжалось...
И даже триумф полета
не смог утолить печали
во взгляде его потом.

ОДНАЖДЫ

Однажды в январской метели
решил я продолжить свой путь.
А мимо машины летели
не в силах уже тормознуть.

За чем вы летите, родные?!
Печально. Куда ни пойдю,

не тройки летят удалые -
машины в угарном чаду.

Что двигало мною, не знаю.
Но что-то порвалось навек.
Наверное, в поисках рая
уходит в метель человек.

Отринув пустые тревоги,
нахлынувшей волей дыша...
Ах, только б не выдали ноги
и пела от воли душа!

Все дальше - от резкого света,
от шума, от всей суеты,
не зная, но чуя, что где-то
к любви не сгорели мосты.

Не надо шальной карусели!
Метель успокоилась вдруг.
Машины, как пули, летели.
Снежинки летели, как пух...

Летели... Летели...
Снежинки летели, как пух...

ВСТРЕЧА

Не трясина меня, как грушу.
Если любишь, не трясина.
Ты люби меня за душу,
как любили на Руси...

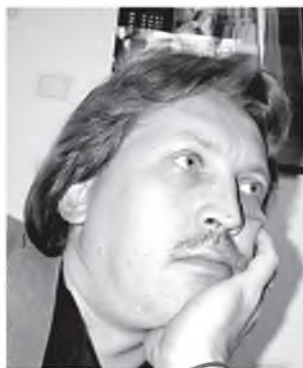
Увела тебя дорога,
долог был твой путь домой.
У родимого порога
снова встретились с тобой.

Ты скучал по мне, я знаю,
ты хотел меня обнять.
Я опять тебя встречаю,
только слезы не унять.

Знать бы, чья стрела летела,
чтобы милого украсть.
Я обнять тебя хотела,
а пришлось на гроб упасть...

Не трясина меня, как грушу.
Если любишь, не трясина.
Ты люби меня за душу,
Как любили на Руси.

...В НАСТРОЕНИИ ТИХОМ И КРОТКОМ



**АНДРЕЙ
ШИРОГЛАЗОВ**

Широглазов Андрей Геннадьевич - поэт, бард. Родился в Ангарске в 1966 году.

Окончил филологический факультет Иркутского государственного университета. Журналист. Является автором более 350 песен на свои стихи.

Автор поэтических книг «На краю земли» (1993) и «Как долго не кончается игра» (1998).

Живет в г. Череповце Вологодской области.

*Пока я к жизни примерялся,
пока вынашивал мечту -
набрать такую высоту,
чтоб к ней никто не подобрался, -
я незаметно потерялся
в литературе и в быту.*

*Пока я с книгами носился
и скромно звал себя «пишут»,
я растерял свой внешний вид
и как-то весь поизносился.
А на Парнасе воцарился
какой-то скверный индивид.*

*Он так уверенно и ловко
на мой уселся табурет,
что я сперва подумал: «Бред!»,
потом: «Вот это подготовка!»
А после выпил поллитровку
и в кому впал на пару лет.*

*В ней было весело порою,
порою грустно - как когда...
Я жил как все. Но вот беда -
обидно стало мне, не скрою,
всю жизнь слоняться под горою,
кидая под ноги года.*

*И я очнулся и побрился.
Поджег мосты. Развевал дым.
Но шестикрылый серафим
на пепелище не явился.
Тогда я Богу помолился
и вышел, славою томим.*

И вот - иду...

АВАНГАРД

*Я не любитель авангарда.
Тем более, что авангард -
не дом поэта, а мансарда,
где обитает пьяный бард.
Он спокоен в этой клетке -
она нелепа и тесна.
И виден мир в превратном свете
из запьюленного окна.*

ВЫСТАВКА

«Ленин в Польше». «Ленин в шалаше».
 «Ленин у Финляндского вокзала».
 «Ленин за минуту до отвала
 на ВКПбэшном шабаше».
 «Ленин в бане с веником в руке».
 «Ленин выступает на «барыге».
 «Ленин дарит сталинские книги
 грузчикам в портовом кабаке».
 «Ленин, примеряющий шиньон».
 «Ленин покупает сигареты».
 «Ленин и российский поэты
 послеперестроечных времен».
 «Ленин, выбивающий палас».
 «Ленин, наблюдающий цунами».
 «Ленин с нами». «Ленин возле нас».
 «Ленин позади и перед нами».

НА РУБЕЖЕ...

Черный вечер. Белый снег.
 Фонари. Аптека.
 Позади - XX век -
 сирый век-калека.
 Он в отчаянье своем
 (от того, что краток)
 грозно целит костьюлем
 мне промеж лопаток.
 Я шепчу себе: «Не трусь.
 Он прошел. Он сгинул».
 Вру. По-прежнему боюсь.
 Жду удара в спину...

ЗИМА В ДЕРЕВНЕ

Снег скрипит за окном. Мои двери
 разошлись от старости
 и скрипят в унисон
 с рыхлым снегом. И этот дуэт
 мне напомнил о том,
 что помимо тоски и усталости
 в этой сирой деревне есть почта
 и сельский Совет.

Надеваю тулуп и подиштые
 дедовы валенки,
 опускаю конверт в самодельный
 холищовый карман
 и на почту иду,
 поклонясь сельсоветской завалинке,
 где степенные тетки
 слагают житейский роман

о добре и о зле, о гулянках
 с гармонью и песнями,

о беспутных мужьях,
 что забыли и совесть и стыд...
 И совсем мимоходом о том,
 что «и нонча пенсии,
 знать, не будет - ты глянь-ко:
 кассирша на нас не глядит».

Эх, российская жизнь!
 Вся-то ты не впритык да ухабами!
 Все-то «мэры» твои, «президенты»
 и прочая шваль,
 оседлав «мерседесы»,
 воюют с усталыми бабами,
 добавляя тоску в без того
 вековую печаль...

Я иду по деревне, облаянный
 шумною сворою
 одичавших собак,
 на которых уже и не злюсь.
 Я иду сквозь свою одряхлевшую,
 битую, хворую,
 и по-прежнему очень любимую
 зимнюю Русь.

А на почте - обед. Как же я позабыл
 расписание?
 Вот ведь - «с часу до трех».
 А еще без пятнадцати два.
 Ну куда тебя деть, мое глупое
 злое послание,
 где убористым почерком -
 глупые злые слова?

А, была не была! Улетает конверт
 за околицу,
 камень падает с сердца
 на чистый декабрьский снег.
 Надоело молить, выяснять,
 разбираться и ссориться -
 не такой уж я склочный и злой
 на земле человек...

Возвращаюсь домой. Вновь киваю
 заснеженным теткам,
 вновь разошедшей дверью привычно
 на входе скриплю.
 И гляжу на огонь в настроении
 тихом и кропком,
 понимая в душе, что я вряд ли
 тебя разлюблю...

Тупею.
 Медленно, не торопясь.

С чувством, с толком,
с расстановкой.

Примериваю португую,
и в кухне, на табуретку садясь,
представляю себя с винтовкой.

Забываю,
что когда-то был признан своим
двором
единственным специалистом
по икебанае.

И по вечерам старательно
разбиваю
кегли тяжелым шаром
в занюханном кегельбанае.

Стараюсь
быть в курсе семейных драм
и деталей рыбного лова.
Старательно обтираюсь
холодной водой по утрам
по системе Порфирия Иванова.

Высоты,
которых хотел достичь,
не видны из окон родных
пенатов...

Теперь перед каждым концом
работы
я произношу поэтический спич
о пользе перетягивания канатов.

При этом
я замечательно лажу с людьми
и, общаясь с собственным сыном,
говорю ему: «Можно не быть
поэтом, черт возьми,
но когда-то ведь нужно стать
гражданином!»

И даже
мой пепельно-серый кот
питает ко мне особое уваженье
за то, что в продаже
есть хек, закованный в лед,
а я - специалист по его
обнаруженью.

Наверно,
мне достался не самый
удачный век
для просто жить
и потачивать лясы,
потому что порой мне бывает
ужасно скверно,

как человеку, потерявшему
товарный чек
у самого окошечка кассы.

Но это
всего лишь минутная блажь
и томление духа на почве былого.
И вот уже закуривается сигарета,
и вологодский пейзаж
убивает готовое вырваться слово,
и придуманной жизни смешной
антураж
воцаряется снова...

У ПСИХОТЕРАПЕВТА

На свиданье с психотерапевтом
я пришел весь в черном, лишь носки
я надел зеленые - наверно,
подсознание подсказало колер:
ведь носить зеленое под черным -
это признак страха и тоски,
или даже хуже - показатель, что
недавно кто-то близкий помер.

На свиданье с психотерапевтом
я кроил бесцветную судьбу:
мелом рисовал по серой ткани,
ножницы пускал вдоль белых линий;
получалось платье для героя,
счастью предпочедшего борьбу.
В тот момент был этот психиатр
- друг Сенеки - пресловутый Плиний.

У свиданья с психотерапевтом
изначально был отмерен срок,
но и этот срок заставил наши лбы
покрыться напряженным потом;
он сидел и был вполне уверен,
что меня читает между строк,
ну а я сидел и был уверен, что его
читаю, как по нотам.

От свиданья с психотерапевтом
у меня осталась тишина,
ну а у него остались крики
вперемешку с непонятым бредом.
Под конец он прописал таблетки,
так сказать, для улучшения сна,
и просил не пропадать надолго,
так сказать, заскакивать по средам.

Ах, свиданье с психотерапевтом...
Нервная надежда на исход
в мир банальных слов, понятий,
в яркий край машин и огородов...

Где восход большого диска солнца
так и называется - восход,
где так любят умерших поэтов
и живых не любят сумасбродов.

Я ушел. Он вынул карандаш.
Галочку поставил возле слова
«Широглазов» и взглянул сурово
на чужой душевный раскардаш...

Песок просеивая сквозь
татуированные пальцы,
мой собеседник бросил вскользь:
«Мы все бродяги и скитальцы.
Жизнь - бесконечный коридор
к тиши последнего Парома...»
Но я-то знал, что это вздор,
сжав в кулаке ключи от дома...



ФОТО ИГОРЯ АКСЕНОВСКОГО

И СЛЕЗЫ ВПИТАЛА ЗЕМЛЯ...



**СЕРГЕЙ
БОГДАНОВ**

Родился 28 ноября 1966 года в деревне Никифорово Устюженского района Вологодской области. Окончил Череповецкое медицинское училище и Ярославскую медицинскую академию. Заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького в 1998 году (семинар Валентина Сидорова). Работает врачом анестезиологом-реаниматологом в Устюженской центральной районной больнице. Участник семинаров молодых писателей Вологодской области, четвёртых Костромских литературных чтений «Проба 99». Стихи публиковались в газетах Ярославля и Вологды, в журналах «ЛАД Вологодский», «Автограф». В 1998 году издал книгу стихов «Корни и кроны».

*Отплакала осень, отмаялась,
И слезы впитала земля.
И вот уже снежная занавесь
Укрыла леса и поля.*

*И вот уже розвальни резвые
Уносят в метель и пургу.
Полозья, как острые лезвия,
Очертят судьбу на снегу.*

*В деревне далёкой, заброшенной,
Остыла урюмая печь.
В подтопке зола разворошена,
Но некому пламя зажечь.*

*Весь быт деревенский, как истина,
Живёт в обветшалой избе...
По-детски наивно и искренне
Я сердцем привязан к тебе.*

*Отвечу за каждое слово,
За каждую букву и слог.
И стану доверчивым снова
И робким, как первый цветок.*

*У края желтеющей нивы
Пришпорю лихого коня.
Пускай иноходец игривый
Умчит в неизвестность меня.*

*И небо созвездием млечным
Прорвёт пелену облаков.
Покажется: молодость вечна,
А старость ещё далеко.*

*Укроет осень лужи
Листвой на целый век.
А через день закружит
Над тротуаром снег.*

*И нас с тобою осень
Загонит в дом.
И друг у друга спросим:
«А что потом?»*

ЦЕННОСТИ

Мысли да томик Блока...
Вот и устроил быт.
В мир растворяю окна,
Дом, как душа, открыт.

То, чем богат, не прячу,
Хоть и всего дороже
Яркий из детства мячик
Да перочинный ножик...

ВСТРЕЧА

Первым встретил на перроне
Наглый, толстый рыжий кот.
Этот кот, как вор в законе,
Без проблем в Москве живет.

Без жилья и без прописки,
Скор и в драку, и в разбой.
Но зато какие киски
За котом бегут гурьбой!

Беды кот выносит стойко,
И забот, казалось, нет...
Деревенские помойки
Часто видит он во сне.

РЫБАК

Нежно ласкает лодку волна,
Словно целует борт.
Еле заметно скользят блесна
В тихой прохладе вод.

Солнце повисло в ветвях сосны,
Не утонуло б в реке...
Щук и сомов я снимал с блесны
Их не ловлю теперь.

Не уставая, бросаю снасть,
Словно ребёнок, жду:
Может, удастся сейчас поймать
В тихой реке звезду.

Починю рыболовные снасти,
До сиянья начищу блесну.
На заре от проблем и напастей
Убежим, чтобы встретить весну.

Под скрипучее пенье уключин
Отбушуют тревоги в душе.
Нас с тобой расставанья измучили,
Время встреч наступило уже.

И доверчивый солнечный лучик
Робко ляжет на локон волос.

И тихонько расскажут уключины,
Как нам врозь не жилось. Не жилось...

Закат свои крылья уронит,
И золотом вспыхнет земля.
Мои огнегривые кони
Уносят в былое меня.

Туда, где прозрачные воды
Ласкают прибрежный песок.
Где чище и ближе природа
И тополь у дома высок.

Где ярче сверкают зарницы
И места отчаянью нет.
Где только любимые лица
И родственник каждый сосед.

Забыта давно деревушка,
Пропала в колодце вода.
И только над нашей избушкой
Мерцает надежды звезда.

Старушка провожает сыновей.
Один - на север, и второй - не ближе.
Зовут с собой, но разве можно ей
В чужие «заполярья да парижи»?..

Уже давно расписан каждый день,
И каждый час идёт по распорядку.
Поправить покосившийся плетень,
Перекопать неубранную грядку...

Сыны приедут снова через год.
И будут снова звать к себе они...
А на погосте ждёт старушку тот,
Чьи письма треугольником хранит.

Научусь терять родных и близких,
Выучу молитвы наизусть.
Скромные кресты даobeliski
Мне укажут самый верный путь.

Долго, от порога до порога,
Через дождь, пургу и боль потерь
В мой покой ведёт меня дорога,
У крыльца уляжется метель.

Тишина - награда за потери,
На душе - покой и благодать.
Счастье - если в дом открыты двери,
Счастье - если есть надежда ждать.

ЭТО МОЯ ДОРОГА...

Нынешней весной в Великом Устюге состоялось совещание молодых писателей, провели его члены Вологодской писательской организации. Совещание прошло успешно, были отмечены и стихи, и проза, и в следующем номере «Вологодского ЛАДА» читатели познакомятся с подборкой произведений устюжан.

А пока представляем стихи участников великоустюгского совещания - Василия Ситникова и Елены Виноградовой.



**ВАСИЛИЙ
СИТНИКОВ**

Василий Харлампиевич Ситников - уроженец Великого Устюга. Член союза писателей России. Автор поэтических сборников «Побережья» и «Красный остров».

Совсем недавно вышла новая книга Василия Ситникова «Поминальное вино», включающая около ста стихотворений.

*Я другого роду-племени,
Неказист и тих мой бег.
Я живу не этим временем,
Воду пью не этих рек.
Мои весны были ясными,
Сенокосными - лета.
Мои весла были красными,
Лодка - солнцем залита.
Пахло плахами смолистыми,
До утра дымил костер.
Только б рядом друг был искренний,
Только б воля и простор...
Ветка ягодой убасена,
Васильковый взгляд во ржи...
Все пройдет -*

*гуляй, орясина,
Девкам головы кружи...
Чирканет искристым кремнем,
Сгинет, сколько ни крути...
Из того хмельного времени
Не уйти мне, не уйти...*

А. ЦЫГАНОВУ

*Никуда не пойду,
Кроме леса и поля.
Ничего не возьму,
Кроме легкости дум.
Чтоб душа захлебнулась
Простором и волей,
Растворяясь в дыхании
Трав на меду.
Чистотой наполнены
Синие чаны,
Высотой бездонной
Звонит тишина.
Кто-то к берегу*

Возле излучки причалил,
 Поднимая песчинки
 С холодного дна.
 Так легко здесь стоять
 Под распахнутой высью,
 Не тревожа ничем
 Этот сдержанный ритм.
 В буйном росплеске трав,
 В тихом шелесте листьев
 Языками ветров
 С нами Бог говорит...
 Не утрачен ничуть
 В этой шири безмерной
 Исцеляющий дар
 Первозданных красот.
 Только эта земля
 Нас очистит от скверны,
 Только эта земля
 Нас простит и спасет.

Немушко в белой рубаше,
 Латаных белых портках.
 С хлебной коркой - для птахи,
 Лесом и речкой пропах.
 В узкой излучине Юга,
 Там, где пороги бурлят,
 С торбой на ближние струги
 Ходит хлестать голавля.
 Вдет на наживку кузнечик
 Иль кровожадный паут,
 Кинет - улов обеспечен,
 Гнется березовый прут.
 Силятся ловкие руки -
 Водяют, ликуют, тащат.
 Надо - надергает щуки,
 Надо - поднимет леца.
 Прыгнет ли в заросли белка,
 Следом за нею - лиса,
 Все здесь привычно и мелко,
 Уды в цене и леса.
 Плещутся ласково ветры
 В гривах веретий лесных.
 Немушко, тихий и светлый,
 Видит счастливые сны.

НИЩЕНКА

То кольцом калитки звякнет,
 То в окно - рукой.
 Отбиваясь от собаки
 Ржавою клюкой.
 На ногах две рваных тряпки
 Стянуты в закреп.
 И берет с полицы бабка

Припасенный хлеб.
 - Эй, Трезорка, хватит лаять,
 Я тебе, шальной!
 Ты, Марфуша, ближе к краю,
 Жмись, к стене спиной...
 В кипятке сухарь размочит,
 Сгложет гарь свечи,
 Что-то тихо пролопочет,
 Сидя на печи.
 Про сожженную станицу,
 Про германский плен...
 Сбросит рваную тряпицу
 С вогнутых колен.
 Усмирив слегка простуду,
 Выдохнет: «Пора.
 Может быть, когда пребуду,
 Дай вам Бог добра!»

МИША-ПЕЧНИК

Сапоги у Миши с форсом,
 Мятый ватник с чых-то плеч,
 Миша важно водит носом,
 По заказу ладит печь.
 Месит глину, курит «Приму»,
 Чешет впалые бока.
 Напустил с лихвою дыма
 В дом до первого «дымка».
 А потом присел к окошку,
 Чай покруче «замесил»,
 Улыбнулся да гармошку
 У хозяина спросил.
 Эх, гармошка, не для слабых
 Зазывала и вела...
 Под нее плясали бабы,
 Раздеваясь догола...
 Под нее за рюмкой рюмка
 Не спеша валила с ног.
 Под нее лихие думки
 Заступали на порог.
 За стакан толкал по кругу
 Свитер, вытертый до дыр,
 И прослыл на всю округу
 Как опасный «рэкетиер».
 Миша, Миша, ветер свищет -
 Прежним шалостям - шабаш,
 Строишь двадцать лет жилище,
 Не построил и шалаш.
 Допоздна сидишь в сторожке
 Развеселый и хмельной -
 Ни одежки, ни гармошки,
 Едешь тридцать лет домой.

КУЗНЕЦ

В разгаре солнечного лета,

В пыли удушливых цехов,
 В холщовку плотную одетый,
 Он не отходит от мехов.
 Его удел - его оковы.
 Куда ни кинь - повсюду клин.
 Порядки здешние суровы.
 Кругом глаза, а он один...
 И, нахватав угарной дури,
 Сквозь зубы сцикивая чад,
 На волю выглянет,
 Покурит,
 Вдохнет и снова в «каземат».

ВЕЧЕРИНКА

Где-то там еще пьют и смеются,
 Непристойные песни поются,
 Состязаются в лоске девицы,
 Что-то хищное в лицах дымится.
 Возле хлама, покрытого пылью,
 Парни в карты играют на вылет,
 И какой-то заезжий везнайка
 Обнимает за плечи хозяйку...
 В синих струях табачного дыма
 Старый сторож сидит нелюдимо,
 Прислонился к обшарпанной двери,
 Что тебя занесло, сивый мерин?
 А на улице пылью морозной
 Окатило огромные звезды,
 И качается тихо планета
 В мутных сферах фонарного света...
 Ты туда не войдешь, не заскочишь,
 Ты увидать его не захочешь,
 Выяснить отношенья тем паче,
 Ты же гордая, ты не заплачешь...
 Где-то там еще пьют и смеются,
 В полумраке гадают на блюде...
 И опять чьи-то втоптаны крылья
 В помесь гнили, ванили и пыли...

А. ГРЯЗЕВУ

А как сбросили колокол,
 Он упал не расколотым.
 В избах стекла посыпались,
 Задрожала земля.
 А потом его - волоком,
 А потом его - молотом,
 Чтоб замолк этот колокол,
 Противленец Кремля.
 Он от боли ворочался,
 Кособочился, корчился,
 Под глухими ударами

Испустил страшный зык...
 Дали дрогнули древние,
 Стон прошел над деревнями,
 Будто целой Россиюшке
 Вырывали язык.
 Чтоб стояла безмолвная,
 Проклятая, безвольная,
 Чтоб ее, беззащитную,
 Всякий мог растоптать,
 Учинить надругательство,
 Обвинить в помешательстве,
 И не смела родимая
 Ни взроптать, ни восстать.

МАСТЕРСКИЕ

Какой-то безвестный Растрелли
 Ее изваял на холме.
 Монах был в тридцатых
 расстрелян,
 А сторож - себе на уме.
 Он роздал втихую иконы
 Среди жителей мирных села
 И в землю зарыл златозвонные
 Тяжелые колокола.
 Втащили сажалки, косилки
 Под нервную дрожь дизелей.
 В грязи, на картонной подстилке
 Ковалась надежда полей.
 Среди вусмерть уставшего люда,
 Чтоб «опшум» в корне пресечь,
 Какой-то идейный зануда
 Толкал залихватскую речь...
 О как беспощадно сносили
 Над нею святые кресты!
 Россия,
 Россия, Россия!
 Знать, тут-то и кончилась ты?
 Разбили, у стен разбросали
 Обломки печных изразцов.
 И пьяные дети плясали
 На взрытых могилах отцов.
 Кривились озлобленно лица,
 Хлестало по скулам вино...
 Сейчас в ней не только молиться,
 Войти не любому дано...
 Лишь ветер с восторгом беспутным
 Качает под сводами плен.
 И тянет тоской бесприютной
 От древних заброшенных стен.

Ставим сети,
 Крутимся в протоках.
 Жжем костры

В лощинах над рекой.
И хотя инспектора
Жестокости,
Не возьмешь нас
Голою рукой.
Ускользаем
По высоким водам,
Тайными прогалками
В кустах.
Ты прости нас,
Матушка Природа,
Скройте,
Заповедные места.
Ставим сети,
Много ли нам надо?
Обрести спокойствие
Души.
От бесправья
И дурного взгляда
До утра
Забиться в камыши.
Позабыть на миг
Про все на свете,
Вспенив всплеском
Голубую падь...
Птичий гомон,
Теплый южный ветер,
Некогда ночами
Долго спать.

ПЕСНЯ

Памяти матери

Загуляла моя подугорица,
Зазвенела напевно струна.
Эх, без троицы дом не строится,
Наливай-ка, братишка, вина!
Распахни свою душу усталую,
Да споем ту, что пела нам мать,
Про веселого да удалого,
Да с которого нечего взять...
Отшумят наши травы примятые,
Отгремит, отгрохочет гроза.
Все замётано - пей проклятую,
Да пока не закрыты глаза.
Отгуляет моя подугорица,
А потом - ни крышишки, ни дна...
Эх, без троицы дом не строится,
Наливай-ка, братишка, вина!

Ты, собой упоенный и взвешенный,
Отступишь, не смакуй моих книг.
В них тебе не найдется утешины,
Тесен мир, но не твой я двойник.

На ветрах раскаленный
и стуженый,
На ладонях - мозолей узлы.
Возрастал тяжело и недуженно,
Положась на упрямых и злых.
Что, как баба, ты кажешься
мне ножницы?
Мне давно уж беда не беда.
Ухватившись за черен миножницы,
Я смог вырваться из-под льда,
Доползти до родимого берега,
Северило - одежда колом.
Только мать потом
с ведрами бегала,
Вышибая стынь банным теплом.
Холодянкой плескала на валенки,
Чтоб примерзшие ноги отлить,
Мне скулить не пристало -
не маленький,
Хоть от судорог впору бы взвыть.
Не топчи мою душу заблудшую,
На остывшую память не дуй.
Я безудержно верил в грядущее,
Но в каком это было году?
Развелось, как собак, «благородиев»,
Рвут Россию, как волчию сыть.
А вокруг зарастают угодия...
Эти, что ли, нас будут кормить?
Потому под мольбу колокольную
В столах осени чудятся мне
Наши русские песни застольные,
Наши пляски при ясной луне...

Такая тишь,
Такая тишь,
О чем, рябинушка,
Молчишь?
О чем молчишь,
Моя река,
Купая в струях
Облака?
О том, что струги
На мели
Пески седые
Замели.
Во мгле долин
Растаял клин.
В столярке свет,
Кого-то - нет?..

Печаль светла,
В ней нет пристрастья.

О, как ее колокола
 Звонят с надеждою о счастье:
 «Печаль светла,
 Печаль светла!»
 Удел любви неразделенной,
 Нераспыленного тепла,
 По-над церквушкой,
 По-над склоном,
 По-над склоном,
 «Печаль светла,
 Печаль светла!»
 Качают лист ветра упруго,
 Не удержаться, жизнь прошла.
 По-над полями,
 По-над лугом.
 «Печаль светла,
 Печаль светла».

В ПОДОСИНОВЦЕ

Бредем предрассветной ранью
 Вдоль выщербленных тесин.

В древнем его названии
 Шелест родных осин.
 Длань полководца Конева,
 Славою повита.

Сдержанная, иконная,
 Русская прямота.
 Когда-то водились лешие,
 И путь был бугрист и скользк.
 Отсюда ходили пешими
 На Устюг и на Никольск.
 До горькости, что на сладости
 Мухи порой летят...

За все человечьи слабости
 Меня поймут и простят.
 Но даже под старой колодиной,
 Укачанный от вина,
 Я буду шептать, что Родина
 У русских людей одна.



ФОТО АЛЕКСАНДРА ПОЛИЦИНСКОГО

Я ТИШИНУ ЛЮБЛЮ И ЛЮТИК У ЗАБОРА...



**ЕЛЕНА
ВИНОГРАДОВА**

Елена Михайловна Виноградова родилась в Великом Устюге. По профессии художник, резчик по дереву.

Член литературного объединения «Северко». Стихи публиковались в районных и областных изданиях.

Участница областного семинара молодых авторов Вологодчины.

Не за что давно,
Но я держусь.

Локи

*Живу отпущенным добром.
В уменье врать не вижу прока.
Мне не бывает одиноко,
Не будет, стало быть, потом.*

*На зло гляжу, как на балласт,
Плыву натруженной баржей.
Грузнее становлюсь и старше.
Пусть трижды прав Экклесиаст -
Жить страшно интересно дальше!
Жить без посредничества фальши.
...А остальное Бог подаст...*

ДАВНО ЛИ

*Давно ль перестал соловей
Выкидывать песни-коленца?
Уж утро не смотрит младенцем,
А редкое солнце поздней
Ласкает калитку и сенца
Прохладной рукою своей....
...Давно ли устал соловей?..*

БЕРЕГ ДЕТСТВА

*Тянет и тянет на берег осенний,
К речке, забытой людьми.
Сердце притихшее в думах
 рассеянных
Память врачует над ним.*

*Поздний причалит паром,
 растревожив
Серую сонную гладь,
И отшвартуется... Вот бы моложе
Да беззаботнее стать!*

*Снова на отмели зыбкой и чистой
Прутиком тонким черкнуть:
«ЛЕНА + ТЫ!» - и с улыбкой лучистой
Туфлей воды зачерпнуть!*

БОЧКА

*Жаль, нету коромысла на плечах!
Под старину бревенчат сруб
 колодца,*

Иду по воду, вёдрами бренча,
Уверенно, с лицом землепроходца!

Мостки ведут от самого крыльца.
Сараи дремлют, двери на замочках.
Сдуваю прядь прилипшую с лица -
Так ненасытна и бездонна бочка!

ВСПОМИНАЯ О МИЛОМ

Дом большой и богатый
Да нарядный, как праздник.
В нем была я когда-то
Гостем радостно-праздным.

Поливала герани
Из ковша по привычке
И читала романы
Иногда по страничке.

В зеркалах отражалась,
Пыль сметала у входа...
Были дни - к окнам жалась
Со двора непогода.

Непогода пугала,
Непогода манила,
А сердечко играло,
Вспоминая о милом.

Милый был недалече,
На пути прямоезжем.
Я, судьбе не перека,
Только лучик забрезжил, -
Налегке, без помехи
В путь пустилась без грусти!

...Милый мимо проехал.
...Дом обратно не впустил...

Из Иоанна Богослова

БОЯЩИЙСЯ

НЕ СОВЕРШЕН В ЛЮБВИ

Чем подавить душевный мой мятеж?
Я тишину люблю и лютю у забора,
А зябну вместе с ним от жёсткого
напора,
Визг тормозов заслышав без надежд.

На солнечные блики-лики бьются
Печаль и Воля, муку утоля
В цветах невиданных
на гранях хрусталя,
И струйками дождя
за шиворот мне льются.

В них ветер, как отрезанным ломтем,
Куском железа бьёт по мокрой крыше.
Грудь кашель рвёт, и я в ознобе слышу:
«Жизнь - не бросок, иди своим путем.

Она любовью-музыкой случается
Что тишина?! Господь, благослови:
Где есть любовь, там страх кончается -
Боящийся не совершен в любви».

ПЕСНЬ

Завела к воде тропка узкая,
Освещала путь звезда тусклая,
Одинокая, беспощадная.
Спотыкалась я, сердцем жадная.
Спотыкалась в кровь за камешки.
На краю стою, душа замерши.

...Запрокину я свою голову
Да пойду-войду в реку голая
Супротив теченья дикого,
У судьбы стеченья кликая.
Поплыву легко, в безмятежности,
Прочь от берега безнадежности!

НЕВОЗМОЖНОСТЬ

Полюбила б я тихий жасмин
Плач колодца под песню калитки,
Чай с лимоном, уютный камин
В украшеньях ракушки-улитки.

Полюбила б я кроткий жасмин,
И ночник, и мерцанье лампадки,
И в подвале брожение вин,
Ореол абажурный и грядки.

Полюбила б я нежный жасмин,
Полюбила бы цвет недотроги.
Ворковала бы, тешилась с ним,
...Но репейник стоит у дороги...

Не спеши за меня извиняться
Пред толпою чужих нам людей.
Разреши мне по-детски зазнаться
Божьим Даром - любовью твоей.

Пусть манеры мои безыскусны
И наряд не мудрёней иных -
Пью взахлёб, пью смакуя, пью вкусно,
Счастье пью и не чую вины.

Я, как глупая птица-синица,
Та, что выжила чудом в мороз,
С гимном к солнцу лечу веселиться
И не прячу под инеем слез.

ЛЮДМИЛА ЯЦКЕВИЧ (КАЛАЧЁВА)

НОВЫЙ С ПОЛЯ ПОЭТ...

Для поэзии не существует временных и пространственных преград. Удивительно, как находят друг друга и встречаются в дружеской беседе поэтические строки вологодских поэтов, никогда не видевших друг друга...

Октябрь 1937 года. Вытегорский поэт Николай Клюев, больной, измученный, но духовно не сломленный, томится последние дни перед расстрелом в тюрьме в Сибири, в Томске. 13 октября ему вынесут смертный приговор и через несколько дней приведут его в исполнение...

В эти же скорбные дни, а точнее - 11 октября, никому не известный молодой поэт, студент педучилища в Череповце Владимир Калачёв пишет стихотворение - послание Клюеву:
*Твой бревенчатый дом пошатнулся,
Затворилось с дороги окно.
Синий вечер тебе улыбнулся
И ушёл далеко за гумно.*

Заканчивалось стихотворение такими строками:
*Увядающей, стихнувшей славы
Золотой догорает киот.*

*Не шумите, леса и дубравы, -
Новый с поля поэт придёт.*

11 октября 1937 года. Череповец

Это стихотворение пролежало в семейном архиве 70 лет и только в 2007 году было впервые опубликовано в книге «Владимир Калачёв. Стихи. Письма. Воспоминания».

Владимир Степанович Калачёв родился 3 ноября 1918 года в многодетной крестьянской семье в деревне Квасюнино Шекснинского района Вологодской области. Учился в Чаромской школе, а затем, когда семья переехала в Череповец, в школе № 1 и в педучилище. Работал учителем в сельской школе, а затем в Череповце на курсах ликбеза. В 1939 году был призван в армию и служил в Москве.

В 1941-1943 годах воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. Погиб 25 июля 1943 года в бою за Снявинские высоты. Ему было всего 24 года.

Поэтический дар - это всегда тайна. Почему Владимир с детства писал стихи? Почему с такой силой его тянуло к русской поэзии? Почему даже в краткие промежутки между жестокими боями поэт брался за перо?..

Главная сила его поэзии заключается в его чистой, искренней любви к Родине. А начиналась эта любовь с осознания кровной связи с семьёй, с родной деревней Квасюнино, с окружающей её природой:

*Поля туманные, до встречи!
И, предосенний тихий лес,
Пахни смолой в последний вечер
На запоздалый мой отъезд.*

*Остановлюсь, как бы безмолвный,
Всё в памяти переберу.
Воспоминаний милых полный,
Любимой имя назову.*

*Я вновь вернусь грядущим летом
В хоромы новые твои,
А в этот час перед отъездом
Смолистым духом напою.*

Владимиру рано было дано понять трагизм нашего кратковременного земного существования, поэтому тема неизбежной разлуки с родным и любимым стала основной в его поэзии, начиная с его самых ранних стихотворений. Думается, что эта поэтическая тема возникла у него не случайно. Его детство совпало с годами разрушения векового крестьянского уклада, с насильственной коллективизацией деревни. В тюрьме оказа-



Владимир КАЛАЧЁВ. 1938 г.

лись некоторые его родственники и друзья родителей, осуждённые безвинно по политическим статьям. Родное отчуждалось, уничтожалось. В одном его детском стихотворении есть такие строки:

*Но не вижу только меж
У зелёного конца.
«Тятя, наше поле где же?»
Дрогнул голос у отца:
«Наше поле запахали
Новой лошадьёю стальной».
...Рано росы отблестали,
Отгорел закат ржаной.*

Мысли о предстоящей разлуке с земными радостями были навсяны и семейной трагедией. Когда Владимиру было 14 лет, умер его старший брат Анатолий, которого он горячо любил. Когда тишина и покой вечности настигают юную душу, у неё вдруг открываются духовные очи, и она прозревает.

Владимир посвящает умершему брату несколько своих стихотворений и даже пишет поэтическое завещание:

*Как умру, вы меня схороните
На кладбище пустыни сырой,
Рядом с братом средь белых берёз
положите
Увядавшей ранней порой.*

Но в жестокий XX век этому завещанию не суждено было исполниться. Кладбище, где похоронен его брат Анатолий, оказалось частично затопленным после строительства Волго-Балта. А где могила Владимира - неизвестно, как неизвестны могилы многих наших земляков, погибших на полях сражений в Великую Отечественную войну. Известно только, что лежит он в Синявинских болотах вместе с тысячами таких же, как он, убисных воинов, погибших за Отечество.

Деревенская поэзия и деревенские поэты окружали Владимира Калачёва с раннего детства. В те годы, когда уничтожалась духовная культура деревни и её «последние поэты», вдруг начал бурно развиваться новый деревенский фольклор: крестьяне и их дети стали писать стихи, повторяя в них с большею или меньшей степенью оригинальности и талантливости образы и поэтические мотивы любимых поэтов - Есенина и Клюева. Обычно считают, что поэзия профессиональных поэтов, как полноводная река, питается многочисленными ручейками народной поэзии, устного народного творчества. Так оно и есть, но в тридцатые годы реку поэзии пытались повернуть в новое, искусственное, русло, в страну коммунистических призраков и идеологических химер, то есть в никуда. Вот тогда и воскресла пленённая река в многочисленных тихих, но чистых ручейках: народная поэзия - в поэтах-крестьянах. В одной только деревне Квасюнино жили более десяти поэтов. Кроме Владимира, стихи писали его брат Анатолий, двоюродные братья и муж его тётки Марии. О последнем особенно следует сказать. Деревенский мужик, выучившийся грамоте, Александр Тихомиров ещё до революции собрал большую интересную библиотеку, выписывал журналы «Нива», «Всемирная панорама». Уехал в Белозерск и там дослужился до пристава.

Во всём любил порядок, но особенно ценил тишину и мир, поэтому и фамилию себе подобрал подходящую - Тихомиров. Его родовая деревенская фамилия была Башмаков, так как кого-то из его предков за что-то прозвали Башмаком. Его старший сын, деревенский поэт и юродивый Христа ради, однажды, желая подшутить над строгим отцом, сочинил на него эпиграмму:

*Васькин брат, Славухин дядя,
Из породы Башмаков...*

Отцу стихи понравились, он любил в людях смирение, и сам готов был услышать о себе справедливые слова. Тихомиров любил поэзию, сам писал стихи, много поэтических сборников было в его домашней библиотеке. В годы разрухи и коллективизации он написал поэму, подобную поэме Николая Клюева «Погорельщина», и сам читал её вслух родственникам и друзьям. В сороковом году кто-то донёс властям. Тихомирова арестовали и посадили в тюрьму, которая находилась на острове, где он и умер от голода в первый год войны. Текст поэмы бесследно исчез, но до сих пор среди его родственников ходят легенды о том, как Тихомиров, кем-то предупреждённый о предстоящем аресте, положил все свои поэтические произведения в холщовый мешок и закопал в саду за домом...

Вкус к настоящей поэзии привили Владимиру в семье Ивана Феофановича Валькова, его дяди по матери. Иван Феофанович работал учителем: сначала в учительской семинарии в Череповце, а после революции - в педучилище. В детстве его, как одарённого деревенского ребёнка, поддерживали народные учителя, помогли ему (в том числе и материально) получить высшее образование - подготовили для поступления в Московский университет, который он успешно закончил. Женится он на дочери генерала Николая Аполлоновича Астахова - Наталии Николаевне, имевшей прекрасное филологическое и музыкальное образование. (Её родители, живя до революции в Петербурге, были дружны с матерью А.А. Блока. Мать

Наталии Николаевны вела родословную от Ганнибалов). Каждое лето семья Ивана Феофановича гостила в Квасюнине, и Володя подружился на всю свою короткую жизнь со своими двоюродными братьями - Сергеем и Кириллом, которые тоже писали стихи. Дружил он в Череповце и с Юрием Чистяковым, будущим литературным работником и сценаристом на центральном телевидении, и Юрием Кузнецовым, будущим известным искусствоведом.

Юрий Никанорович Чистяков много позже писал череповецким краеведам: «Володя Калачёв был таким человеком, которого не только нельзя забывать, но и невозможно забыть. Вспоминаю его с большой любовью и уважением за чистоту сердца, преданность в дружбе, упорство в достижении цели, за воинскую доблесть и способность к самопожертвованию во имя счастья других. Он был прирождённым лириком. Любил не себя в стихах, а стихи в себе. Только такие и становятся художниками слова».

Перед войной В. Калачёв служил в армии в Москве, там он посещал литературные вечера, бывал на встречах с известными поэтами и очень много писал стихов.

В конце 1941 года Владимир попал на Волховский фронт, был адъютантом у начальника штаба генерала П.И. Кокарева. Известный журналист Н. Кружков в статье «Командир и адъютант», опубликованной в апрельском номере газеты «Красная звезда» за 1943 год, писал о Владимире как об образцовом адъютанте следующее: «Старший адъютант Калачёв служит адъютантом у начальника штаба. Штабная работа - дело сложное. Начальник штаба соединяет в своей работе холодный ум математика и творческое вдохновение, строгий расчёт и боевой риск, его землянка нередко напоминает кабинет учёного, где истина постигается путём сложных анализов. Адъютант начальника штаба - это его память, его глаза. Адъютант старший лейтенант Калачёв хорошо усвоил штабную службу, великолепно знает карту местности, где дей-

ствует его армия. Он часто бывает на передовых позициях, знает всё, что делается в полках и дивизиях, и всегда имеет под руками необходимые сведения для текущей работы своего начальника. <...> Его работа скромна и с виду неприметна, но он благодаря своей аккуратности, методичности является ценным помощником начальника штаба. И когда армия, в которой служит старший лейтенант Калачёв, одерживает успех, он испытывает законное чувство творческого удовлетворения».

На Волховском фронте Владимир познакомился со Всеволодом Рождественским, читал ему свои стихи, после этого у них завязалась переписка. Известный поэт почувствовал в молодом лейтенанте собрата по поэтическому вдохновению. В.А. Рождественский писал Владимиру: «Во всех Ваших письмах и записочках я живо слышу интонацию Вашего голоса и, читая их, явственно вижу Вас перед собой. Это хороший признак. Вы, несомненно, чувствуете природу не только стихотворного, но и прозаического языка. Предсказываю Вам, что со временем Вы будете пробовать себя и в художественном рассказе».

Понравились стихи Калачёва и Александру Прокофьеву. 3 мая 1943 года он писал Владимиру на фронт: «Спасибо за стихи и письмо. Стихи буду печатать в журнале «Ленинград», и если подберём альманах (слово написано неразборчиво - **Л.К.**) красноармейского творчества, то и там. Присылайте ещё. Мне понравилось начало песни «Три снежинки, три звёздочки» - поэтично. Буду рад содействовать Вашим литературным успехам. Приезжайте в Ленинград». Молодой поэт переписывался также с поэтами И. Молчановым и Н. Асеевым, В. Мануйловым.

При жизни Владимир публиковался только во фронтовой газете «Отважный воин». Что это была за газета и в каких условиях работала её редакция, можно узнать из воспоминаний её редактора В.П. Кузнецова:

«В ноябре 1941 года наша дивизия вместе с большинством других таких

же дивизий попала в окружение. Наша дивизионная газета выходила тогда под названием «За Отечество». Небольшому числу редакторов удалось выйти их окружения, потом на базе этой газеты и возникла газета «Отважный воин». Она была отдана 20-й Ударной армии и переброшена на Волховский фронт, зимой 42 года участвовала в прорыве блокады. Редакция почти полностью погибла в ночь на 24 июня при выходе из окружения: из 33 человек осталось только шестеро. Из политотдела в живых остался только один человек, поэтому я был назначен начальником партийной комиссии при политотделе, которая должна была выяснять, сколько людей вышло из окружения и кто погиб. Погибло 20 тысяч, вышло только 2 тысячи. Прорывались через узкий коридор шириной всего 200 метров. Армия сражалась до последнего солдата. Люди пухли от голода, не могли встать на ноги, но если голова работала, то они стреляли до последнего патрона.

После прорыва редакция газеты «Отважный воин» пополнилась новыми редакторами, появился ряд новых имён: это Сергей Наровчатов, Михаил Дудин, О. Берггольц, работала наездами В. Кетлинская. Возможно, с Калачёвым встречался С. Наровчатов, он только тогда ещё начинал. А. Прокофьева называли тогда «ладожским соловьём-разбойником».

Осенью 1942 года началась Синявинская операция, армия была перебросена под Ладогу, новое наступление не закончилось прорывом блокады. 11-й армии Манштейна был дан приказ покончить с Ленинградом, и она вступила в бой со 2-й Ударной армией. Манштейн израсходовал все свои силы и не смог наступать на Ленинград. Обе армии погибли. Последняя попытка овладеть Ленинградом была предпринята немцами в январе 1943 года, и только в январе 1944 года была окончательно снята блокада.

В это напряжённое время и выходила газета «Отважный воин», в которой печатался В. Калачёв. Надо сказать, что редакция с большим ува-

жением относилась к нему. Это чувствовалось по тому, что печатали его стихи на второй странице, подписывали «Владимир Калачёв», отмечали стихотворение особым рисунком. Художником работал в газете скульптор Вучетич, начал он с дивизии народного ополчения ещё под Москвой. 14 марта 1943 года было напечатано первое стихотворение Владимира, 4 апреля - стихотворения «Знамя» и «Разведчик» - с особой заставкой, 16 мая - стихотворение «Боец», 3 июля - «На переднем крае», а 15 июля, то есть за 10 дней до гибели Владимира, было напечатано стихотворение «Пулемётчик». Оно было подписано «Старший лейтенант Владимир Калачёв», чувствуется - автор очень гордился, что ему было присвоено новое воинское звание. 1 сентября в газете было напечатано последнее стихотворение - «Коммунист». Ещё тогда никто из нас не знал, что это стихотворение Владимира опубликовано посмертно».

Родственники и сослуживцы Владимира вспоминают: ему было присуще глубокое чувство ответственности за судьбу Отечества. Несмотря на важность в условиях войны адъютантской работы, он всё время стремился стать боевым командиром, однако генерал П.И. Кокарев его не отпускал, ценя в нём хорошего и надёжного помощника. Наконец весной 1943 года ему удалось переменить место службы. Старший лейтенант Калачёв стал командиром роты, но в жестоких боях за Ленинград 25 июля он погиб.

Оставшийся в живых Ф.Г. Смирнов, летописец 11-й стрелковой Валгинской дивизии, в которой воевал Владимир в последние месяцы своей жизни, так описывает невыносимо тяжёлые условия, в которых шли бои около посёлка Синявино в конце июля 1943 года:

«На Синявинских высотах и в лесах за нами - гитлеровцы, а в болотах на открытой низменной местности - наши войска. Единственная соединяющая Ленинград со страной железная дорога, что проложена после прорыва блокады по берегу и болоту вдоль

приладожских каналов, продолжает действовать по уплотнённой графике, и только в ночное, тёмное время. За ночь проходит до тридцати составов.

Враг, надёжно укрытый в своих траншеях и укреплениях на склонах высот, хорошо видит внизу перед собой каждый наш танк, вязнувший в проклятом болоте, каждую огневую точку и почти каждого бойца... «Чёртовы высоты» - так называли их наши бойцы.

Под склонами Синявинских высот всё болото ещё до войны было изрыто торфоразработками. Глубокие, выше роста человека, выемки-котлованы, откуда вынимали торф, заполнены грязной, илистой кашеобразной гущей, покрытой тиной. Эта тина, как самая злейшая тряпина, засасывает каждого, рискнувшего вступить в неё. Попался в неё - верная смерть. В такой непролазной местности передвигаться на десятках квадратных километров можно по узким, часто только в метр шириной, перемычкам и по разбитой колее бывшей узкоколейки. Даже в мирное время это пространство считалось почти непроходимым. Зброшенное, полное комаров, забытое, как говорили, Богом и людьми место. А сейчас в нём многие тысячи наших людей, штурмующих засеянное на высотах врага. Жара, болотные испарения и постоянно тлеющий от пожаров торф вызывают рвоту. За неделю тлеют и расползаются гимнастёрки.

В соответствии с указанием Ставки 22 июля перешли в наступление войска 55-й и 67-й армии Ленинградского фронта и 8-й армии Волховского фронта. Основная цель - окончательно сорвать попытку врага организовать наступление на Ленинград, сковать его войска и не позволить перебрасывать силы на центральный участок, перемолоть в боях части и соединения 18-й немецкой армии и создать условия для последующего её разгрома. Исключительно мужественно сражались воины 67-й армии».

Родители Владимира - Надежда Феофановна и Степан Митрофанович

- сначала получили извещение о том, что их сын пропал без вести. Они обратились с просьбой найти сына к генералу П.И. Кокареву, и вскоре от него пришла страшная весть:

«Уважаемый т. Калачёв С.М.

По наведённым мною справкам известно, что Ваш сын Владимир 25 июля сего года, будучи тяжело ранен в бою, умер от ран и похоронен на поле боя. Должен Вам сообщить, что Владимир, будучи со мною вместе на службе, был образцовым, храбрым и примерным офицером нашей доблестной Красной Армии. После перевода его на другую работу он и там показал себя отличным воином нашей Красной Армии и геройски погиб в бою с ненавистными фашистскими полчищами за нашу прекрасную Родину.

Вечная память героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Смерть немецким захватчикам.

С боевым приветом П. Кокарев».

Мать Владимира долго не могла поверить в смерть сына. Долго не верила в гибель любимого человека и девушка Соня, с которой он переписывался все военные годы. Она его долго-долго ждала и семью завести так и не смогла.

Перед последним боем, видимо, предчувствуя гибель, Владимир послал домой свои записные книжки, вырезки из фронтовой газеты «Отважный воин», где публиковались его стихи. Заветный сундучок Владимира с рукописями стихов, с его письмами, с адресованными ему письмами поэтов, с книгами, которыми он дорожил, мать свято хранила до самой своей смерти.

Перед фронтовым циклом стихотворений «В пути» Владимир Калачёв поставил в качестве эпиграфа слова поэта Н. Языкова: «Русь, - живи!».

В шестидесятые годы, благодаря стараниям младшей сестры Владимира - Елены Степановны Калачёвой, его стихи и фронтовые письма время

от времени стали появляться в областных газетах «Красный Север», «Вологодский комсомолец», череповецком «Коммунисте», а также в журнале «Север», в центральной газете «Красная звезда». Вологодский журналист Владимир Михайлович Малков, сам воевавший под Ленинградом, сделал многое для того, чтобы голос молодого поэта, погибшего за Отечество, услышали земляки.

После первых же публикаций череповецкие школьные краеведы Тамара Николаевна Тихова и Маргарита Николаевна Федянова заинтересовались судьбой и поэзией Владимира Калачёва. Они посвятили ему отдельные экспозиции в школьных музеях, организовали поиск новых материалов о его фронтовых годах и товарищах. Помнят его и в Чаромской школе, где он учился в семилетке. Благодаря трудам учительницы Татьяны Сергеевны Ивановой здесь также есть в школьном музее особый стенд с материалами о поэте и воине Владимире Калачёве. Его стихи с любовью читают его земляки - чаромские школьники.

Возвращаясь к теме, с которой я начала рассказ о поэзии Владимира Калачёва, а именно к теме поэтической встречи неизвестных друг с другом поэтов, хочу обратить внимание на то, что такая встреча состоялась у Владимира и с Николаем Рубцовым. У Калачёва есть такое стихотворение:

*Каждый вечер свистят пароходы,
Каждый вечер кого-то зовут...
Молодые весёлые годы
От своих берегов отплывут.*

*Уплывут пароходами быстрыми,
Отшумят, повинувшись ветрам,
Отгорят разноцветными искрами,
Подойдут к дорогим пристаням.*

*Распылённое жизни начало
Не отметит на грани дорог,
Где какую любовь укачало,
Где какой захлестнуло восторг.*

*Каждый вечер гудят пароходы,
Каждый вечер куда-то зовут.
Молодые весёлые годы
Пароходным дымком угльвуют.*

Эти стихи впервые опубликованы только в нынешнем году в указанной выше книге, и Рубцов их не мог прочитать. Но тем более удивителен тот факт, что у него есть стихотворение «Посвящение другу», которое звучит как поэтический отклик на эти стихи Калачёва.

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

*Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...*

*Нет, меня не порадует - что ты! -
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолёты,
Просвистели мои поезда.*

*Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои,
Я пришёл к тебе в дни непогоды,
Так изволь, хоть водой напои!
Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...*

*Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!*

Есть у этих поэтов и другая поэтическая встреча. Это образ лирического героя - неведомого всадника, который скачет «по холмам задремавшей отчизны»:

*Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных
вольных племён!
Как прежде скакали на голос
удачи капризной,*

*Я буду скакать по следам
миновавших времён...*

Это знаменитое стихотворение Николая Рубцова, написанное в 1963 году, - глубокое произведение зрелого мастера, а созвучные с ним стихи Владимира Калачёва, написанные в 1937 году, - это проба голоса начинающего юного поэта. Но какая гармония в чувствах и образах у этих разных поэтов!

БЕЛЫЙ КОНЬ

*Белый конь мой тише, реже дышит,
Только синие глаза лихи.
Вдалеке синеют чьи-то крыши
И пропели чьи-то петухи.
Добрый конь, люблю я бег твой
вешний,*

*Голубой огонь в лихих глазах.
Раздаётся в роце где-то песня
О любви, об искренних словах.
В вышине потухли звёзды-свечи;
На заре меня мой конь принёс.
<...>*

*Под восход весенний, замирая,
Прозвенит о прожитом гармонь.
Вешний снег копытами взрывая,
Пробежит, проскачет белый конь.
Пробежит за вспаханные межи,
Меж полос копытами стуча.
Кто-то пропоёт о дальнем, нежном,
На ладах таинственных звеня.
Белый конь мой скачет,
словно вестник,*

*Под ногой синее вешний снег.
Я другую - радостную песню
Проую под быстрый конский бег.
Просияет в искреннем порыве
Голубой в лихих глазах огонь.
И с седою вьющеюся гривой
Пробежит, проскачет добрый конь.*

Череповец, 2 февраля 1937 г.

Талантливые поэты и мужественные юноши не переводятся на вологодской земле. Это о них слова Николая Рубцова: «Неведомый сын удивительных вольных племён!»

СТИХИ ВЛАДИМИРА КАЛАЧЁВА

«Русь, - живи!»

Н. ЯЗЫКОВ

ЭХО

Игайка - речонка дорогая
Заросла в извилистой ольхе...
Снова выхожу на берега я
С лермонтовским томиком в руке.

Запах клевера медовый тает,
В Игайке звенящая вода.
Эта речка мне напоминает
Отошедшей юности года.

За холмы скатился вечер красный,
По тропинке по береговой,
Где огни купальские погасли,
Ходит эхо юности былой.

Мне молодость снится моя
В разлуках и памятных встречах:
Мне снятся родные поля
И летний задумчивый вечер.

Шумит перед выгоном рожь,
И ты, оглянув поле впристаль,
Знакомой дорогой идёшь,
Уходишь из дому на пристань.
Затих кривоноговский лес, *
В закате Квасюнино, поле...
И дом в предвечерний отъезд,
И сад тебе жалко до боли.

С узелком на берег вышел.
Тихий вечер на Шексне.
Оглянусь - родные крыши
Пропадают в синеве.

Станут памятью последней
На песке мои следы,
Над уснувшей деревней
Зазвеневшие лады.

Про любовь поют ребята -
Песню эхо принесло.
Опускается с закатом
Лета крашено весло.

Я смотрел в загрузившие дали
В предрассветный,
в предутренний час.
Только синие звезды мерцали,
И светящийся месяц погас.

Слушал я задремавшие дали,
Песни ранних лесных соловьёв.
До меня лишь едва долетали
Перезвоны глухих голосов.

Я вдыхал ароматные дали,
Запах скошенных трав и цветов.
Блики их в синеве трепетали -
Белых, смятых сухих лепестков.

Я стремился в безбрежные дали
Голубых бесконечных полей.
Но в ответ только грустно шептали
Молодые листы тополеи.

Я кричал в беспредельные дали -
Эхо тихо лишь вторило мне,
Да дремотные совы кричали
В голубой и глухой тишине.

Собери котомку, мама,
Положи мне в узелок
Две рубашки полотняных,
Полотенце да платок.

Да ещё вот захвачу я
Томик Блока, чтоб в пути,
Вспомнив девушку родную,
Строчки нежные найти.

Где-нибудь в горячем бое
Кровь польётся ручейком,
Рану жесткую закрою
Твоим беленьким платком.

Собери бельишко, мама.
Утром раньше разбуди.
Не печаль меня глазами -
Путь далёкий впереди.

* Лес, растущий недалеко от деревни Квасюнино, назывался Кривоногово.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Твой бревенчатый дом
пошатнулся,
Затворилось с дороги окно.
Синий вечер тебе улыбнулся
И ушёл далеко за гумно.

Знал ли ты, что твой гений
не вечно
Будет в славе отпечетой жить,
Перестанет манить в синий вечер,
По земле без пути бродить.

Ты по-прежнему тихий и нежный,
Дни считая, в тоске поёшь,
Как горит при заре Заонежье,
Как шумит васильковая рожь.

И мне жаль, что поэт весёлый
Приходил из-за Сити-реки,
Что теперь не услышат сёла
Избродившей страну клюки.

И над Русью всё реже и реже
Шёпот песен избяных твоих.
Только так же, как встарь,
Заонежье
Кадит запахом мёда хвои.

Отцвели заонежские травы,
Прозвенел голубой ледоход.
Догорающей меркнувшей славы
Золотой догорает киот.

И не звать тебе славу, не кликать.
Только бархат зелёных мхов
С розоватою росной брусникой
Приласкает тоску стихов.

Ну а мне, как совсем немногим,
К новым дням любовь не дана.
И когда при заре на дорогу
Выйду я - не суди меня.

Будет с песней бродяга тихий
Без пути бродить по Руси -
Проходить по полям, по гречихам
И у жизни прощенья просить.

И тогда, над заборами свесясь,
Как начищенный медный поднос,
Хохотать надо мной будет месяц
До безумья, до плача, до слёз.
Увядающей, стихнувшей славы
Золотой догорает киот.

Не шумите, леса и дубравы, -
Новый с поля поэт придёт.

11 октября 1937 года. Череповец

Рассвет росой июльской забрызгал
Широкие капустные клубни,
И спрятался наш деревенский
выгон
В растянутой берёзовой тени.

С берёз на огород пахнула
свежесть,
И снова пахнет зрелой лебедой...
И мама на крыльчке загляделась
На огненный восток, на золотой.

Сошла с крыльца и встала
у колодца.
И как не улыбнуться тут заре,
Когда от солнца краска остаётся
У матери на крашеном ведре.

Тихий, мягкий день осенний
На закат направил бег.
Словно брызги белой пены,
Закружился первый снег.

В этой свежести предзимней
Из-за чащи голубой
Слышу оклик лебединый
Над прокладой ключевой.

Этот вечер будет гранью,
Сразу вставшей на холмы,
Поздней осени и ранней
Набегающей зимы.

Ключ студёный, ключ холодный,
Напои водой меня.
Под листвою прошлогодней
Ты бежишь, струёй звеня.
Напои дыханьем лета,
Блеском солнечных лучей,
Ночью, днём и на рассвете
Тихим трепетом речей.

Напои водой игривой
Поздним вечером коня.
Пусть тряхнёт он белой гривой,
Золотой уздой звеня.

Он помчит меня далёко,
Пыль взовьёт из-под копыт.
Поле синее широко,
Даже конский глаз не зрит...

Пробегаёт через ниву
Серебристый ключ в реку.
Так неси же, конь игривый,
Бей копытом на скаку!

Радуйся дыханью лета,
Блеску утренней травы.
Пропою я на рассвете
Песню светлую души.

Милое тихое лето
Мчит мне конец роковой.
В медленных шорохах где-то
Рано теряет покой.

Рано мне свещет синица
Горечь разлуки опять.
Нет, не могу примириться -
Чтобы тебя утерять...

Где ты, знакомка, родная?
Где твоей юности дни?
Юность свою вспоминая,
Ты и меня вспомни.

Вспомни последнюю встречу,
Синего августа грусть...
Мне остывающий вечер
Шепчет, что я не вернусь...

И за исхоженным парком
Над обмелевшей рекой
Лето в сиянии ярком
Рано теряет покой.

1939 г.

ВЕСНА

Зола да пыль на пепелище,
И жизни, думаешь, конец.
Но как светло, когда засвещет
На старой яблоне скворец!
Здесь был народ.
Здесь жизнь кипела.
Сейчас - равнина и покой:
Сгорело всё, лишь уцелела
Скворечня с яблоней сухой.
Но и гнетущему покою
В ответ и в оправданье есть

(Врагам да будет роковое)
Победоносной силы месть.

ТВОЁ ПИСЬМО

Конверт в пыли
И почтальон в пыли.
И счастью этому ещё не верю,
Как будто жизнь вторую принесли
С твоим письмом
На нашу батарею.
И всё милей,
Когда твоя рука
В письме слова такие начертала,
Чтоб бить врага я мог наверняка
И сохранить любовь
Светлей кристалла.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Безголосая ночь опустилась
На изъеденный пулями лес.
По траншеям болотная сырость
Собралась с неизведанных мест.
Возле дзота, водой залитого,
Вихрь огня пролетит, прометёт.
Но душа для сражений готова,
И готов, как душа, пулемёт.
Здесь в томительных днях обороны
Зреют солнцем в предутренней мгле
Путь на запад, ещё не пройденный,
И свобода родимой земле.

АВТОМАТЧИК

Над дорогой фронтовой
Опускается закат...
Замолчал во время боя
Безотказный автомат.
Не искал за жизнь поруки,
Смерть свою не счёл бедой -
На песке раскинул руки
Автоматчик молодой.
Был фашистов парень метко,
Был один за семерых,
Прикрывал отход разведки,
Спас товарищей своих.
При дороге запылённой
Под ракитовым кустом
Автоматчик спит спокойно
На песке на золотом.

ВЕРНОСТЬ

Завечерело,
Воздух свеж и мглист,
За горизонтом катится гроза.
В руках письмо держал
артиллерист,

Вниманьем были скованы глаза.
 Но вдруг разрыв -
 Артиллерист упал
 (В таком конце не отыскать
 ошибку).
 Письмо от милой
 Он не дочитал,
 Но удержал
 Счастливую улыбку.

НА ПРИВАЛЕ

На фронтовом пути с востока,
 Далёкий совершая марш,
 У обмелевшего истока
 Отряд остановился наш.

В минуты сна, в часы похода,
 В любое время ночи, дня
 Родная русская природа -
 Как исцеленье для меня.

По всем путям пройдя с боями,
 Я разлюбить никак не мог
 Облитый кровью и слезами
 России каждый уголок.

У обмелевшего истока
 И в этот вечер на мосту
 Я помяну словами Блока
 Природы русской красоту.

У КОЛОДЦА

К колодцу быстрою походкой
 Едва успевши подойти,
 Боец поднял с водой пилотку
 И пьёт за здоровье в пути,
 И за грядущее сраженье,
 В котором будет нелегко...
 Но улыбнулся широко,
 Своё увидев отраженье.

КУКУШКА

Я на лодке, никем не замечен,
 По реке задремавшей плыву.
 Хорошо в этот медленный вечер
 На прибрежную глянуть траву.
 Приближается грань горизонта,
 И на грани заката - пожар,
 И глаза отвести неохота,
 И чего-то становится жаль.

Тишина. Неоконченность линий.
 И не трогаю даже весло.
 По зеркальности заводи синей
 Без движенья меня понесло.

Покачнулась звезда золотая
 Над водой, но не тонет до дна.
 Закричала кукушка, считаю,
 Сколько раз прокукует она.



Владимир КАЛАЧЁВ с однополчанами

**СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СТИХОВ И ПИСЕМ В.С. КАЛАЧЁВА,
А ТАКЖЕ СТАТЕЙ О НЁМ
(в хронологической последовательности)**

- КРУЖКОВ Н. Командир и адъютант** // Газета «Красная звезда» от 2 апреля 1943 г.
Письмо Н. АСЕЕВА (адресованное В.С. Калачёву) / Публикация Л.Г. Калачёвой, вступительная заметка А. Смородина // Русская литература. - № 2, 1964.
- ВИКУЛОВ В. СТИХИ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ** // Газета «Коммунист» от 20 марта 1965 г. Он не успел стать поэтом / Подборка писем и стихов В.С. Калачёва // Газета «Вологодский комсомолец» от 12 декабря 1971 г.
- МАКУШИН Р. ПИСЬМА С ФРОНТА** // Газета «Красная звезда» от 7 мая 1972 г. Тихова Т.Н. Стихи остаются в строю // Газета «Вологодский комсомолец» от 11 сентября 1974 г.
- ВИКУЛОВ В. СТИХИ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ** // Газета «Коммунист» от 31 декабря 1974 г.
- МЕЛКОВ Л. СТИХИ ОСТАЮТСЯ ЖИТЬ** // Газета «Красный Север» от 24 апреля 1975 г.
- МАЛКОВ В. СТРОКИ, ОПАЛЁННЫЕ ОГНЁМ** // Север - № 6. - 1981.
- МАЛКОВ В. ПОЭТИЧЕСКАЯ ИСПОВЕДЬ СОЛДАТА** // Малков В. Голоса сурового времени. - Архангельск, 1982. - С. 140-148.
- ТИХОВА Т.Н. «НАМ ДРУГОМ СТАЛ И БРАТОМ ВОЛОДЯ КАЛАЧЁВ»** // Газета «Коммунист» от 25 марта 1983 г.
- ТИХОВА Т.Н. «Я В БОЙ ИДУ, ЧТОБ ЗАВТРА ЖИТЬ...»** // Газета «Красный Север» от 28 февраля 1985 г.
- ТИХОВА Т.Н. КАЛАЧЁВЦЫ** // Газета «Ударная стройка». Март 1985 г.
- ГЛУЩЕНКО Ю. УЧИТЕЛЬ, ПОЭТ, ВОИН** // Газета «Советский патриот» от 24 ноября 1985 г.
- ТИХОВА Т.Н. «НАМ ДРУГОМ СТАЛ И БРАТОМ ВОЛОДЯ КАЛАЧЁВ»** // Литература в школе. - № 2. - 1987.
- БАРАКОВ В.Н. ВЛАДИМИР КАЛАЧЁВ: СТИХИ И ПИСЬМА** // Череповец. Краеведческий альманах. Вып. 2. - Вологда, 1999.
- КАЛАЧЁВА Л.Г. (ЯЦКЕВИЧ) ВОСКРЕСЕНЬЕ НА ШЕКСНЕ** // Калачёва Л.Г. Вологодская нива. - Вологда, 2004.
- КАЛАЧЁВА Л.Г. (ЯЦКЕВИЧ) ВОСКРЕСЕНИЕ НА ШЕКСНЕ** // Газета «Вера», № 502, Сыктывкар, 2005, с. 18-19.
- ВЛАДИМИР КАЛАЧЁВ. СТИХИ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ** // Составитель - Л.Г. Калачёва (Яцкевич). - Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 2007. - 184 с.

КОЛЫМСКИЕ АНГЕЛЫ-СПАСИТЕЛИ

○ лагерных друзей писателя

Почти 17 лет жизни выдающегося писателя, классика лагерной темы Варлама Шаламова отданы Колыме. Вспоминая этот период, Варлам Тихонович прежде всего вспоминает холод и голод, болезни и унижения, побои и расстрелы, которых в колымских лагерях в избытке хватало на всех заключенных. Чудом он выжил в забоях и на приисках, чудом перенес хвойные и дровяные «командировки», чудом спасся от ножей и дубинок уголовников и чудом же стала больница, где он встретил врачей, без сомнения, самим Господом Богом направленных туда для великой миссии - возвращения невинных страдальцев с того света. *«Наконец пришел и мой час. У меня началась дизентерия. Врач выписал путевку в больницу Беличью, что всего в шести километрах от витаминки и комендантского ОЛПа. Но пройти эти шесть километров законным путем мне удалось за шесть лет. Вот эта больница, фельдшер Борис Николаевич Лесняк и Нина Владимировна Савоева, главный врач этой больницы, и спасли меня для жизни»,* - вспоминает Шаламов в автобиографическом повествовании «О Колыме».

Знакомство со своими «колымскими ангелами-спасителями», как он их называл, Шаламов поддерживал почти до конца своей жизни и перепиской, и личными встречами. В семейном архиве Лесняков сохранилось более сорока писем Шаламова и несколько его фотографий. После смерти родителей все это бережно хранит их дочь, Татьяна Борисовна Симонова, замыслившая создать в московской квартире, где они проживали после Магадана, своеобразный музей памяти.

В воспоминаниях Шаламова находим: *«Лесняк был арестован студентом последнего курса медицинского института в Москве. Отец его умер, а мать была в ссылке. У Лесняка был срок - восемь лет по 58-й. Прекрасный художник, ученик скульптора Жукова. Он лепил, писал стихи и рассказы. Колымская колесница не раздробила, напротив, закалила и выдрессировала его для активного добра. Неисчислимо количество людей, которым помог Лесняк. Он был в хороших отношениях с главным врачом Ниной Савоевой, полной хозяйкой Беличьей, членом партии. Из партии Нину Владимировну исключили за связь с з/к. Предложили выбор: или партбилет, или муж. Савоева отказалась от партбилета»,* - так отзывается о сво-

их друзьях Шаламов. Встреча и знакомство их произошли в тот момент, когда у Варлама Тихоновича уже не оставалось сил на жизнь.

Борис Николаевич Лесняк родился в Чите 17 августа 1917 года в семье железнодорожного таможенника. Детские годы провел на станции Манчжурия, что на границе с Китаем. Там же окончил школу, а затем уехал в Москву учиться на врача. Но в лагерь попал за участие в студенческих контрреволюционных действиях - статья 58, пункты 8, 11. Его арестовали 1 ноября 1937 в Москве, где он учился на втором курсе медицинского института, поводом для ареста послужила связь с семьей знаменитого тогда на всю столицу фотохудожника М. С. Нашельбаума. Полуголодный студент Боря Лесняк добывал хлеб, подрабатывая в фотомастерской архивариусом, мечтал стать хирургом и не помышлял ни о каких политических движениях. Но судьба оборвала мечты и помыслы: в его жизнь вошла Колыма. *«В августе 1938 года я был на прииск «Верхний Ат-Урях2, в эту жемчужину золотой Колымы с многотысячным «списочным составом» заключенных смешанного исправительно-трудового лагеря (ИТЛ). Наш этап был встречен в высшей степени буднично, и сразу же после*



Нина Владимировна САВОЕВА. Магадан, 1968



Борис Николаевич ЛЕСНЯК. Поселок Беличья, 1945

двухсуточной тряски в грузовике по грунтовой дороге нас вывели в ночь в открытый забой на четырнадцатичасовую смену», - это строки из книги воспоминаний Б. Лесняка «Я к вам пришел», выпущенной в Магадане в 1998 году в серии «Архив памяти». Золотодобыча, работа до изнеможения, убивающий тело и душу голод, обитание в брезентовых палатках при 50-градусном морозе, еженощное ожидание смерти и, как уголок колымского Эдема, больница для заключенных, куда его, обнаружив в анкете студенческие данные, местные власти определили фельдшером.

«Мы познакомились с Шаламовым в больнице Севлага на Беличье, где я работал фельдшером и операцион-



Н.САВОЕВА и Б.ЛЕСНЯК во время операции. Больница пос. Беличья, 1940

ным братом двух хирургических отделений, а Варлама после длительного и упорного лечения, уже окрепшего, готовили к выписке. Он пребывал в тоске и тревоге, предвидя приско-

вые «будни». Он искал какой-нибудь зацепки, чтобы отодвинуть эту встречу с полигоном уничтожения», - вспоминает Борис Николаевич. Поговорив с главврачом Савоевой и получив ее поддержку, Лесняк нашел способ задержать представителя «тонкого, хрупкого, трудновосстановимого социального слоя, именуемого интеллигенцией, формирующего нравственное лицо народа», в больнице на правах обслуги. Но, чтобы организм пришел в норму, Шаламову необходимо было усиленное питание, витамины, жиры. Позднее писатель скажет: *«Мне не забыть, как каждый вечер, буквально каждый вечер, Лесняк приносил мне хлеб или горсть махорки - драгоценные вещи в тогдешнем моем полубытии колымского доходяги. Каждый вечер я ждал этого часа, этого кусочка хлеба, этой щепотки махорки и боялся, что Лесняк не придет, что все это выдумка, сон, колымский голодный мираж».*

Оправившись после тяжелейшей болезни и выйдя из смертельного состояния доходяги, Шаламов на целых два года тепла и покоя стал подсобным работником. В качестве культурга читал обитателям больницы лагерную газету, сам принимал участие в ее выпусках, ловил для тяжелобольных рыбу в Дебине, собирал в тайге грибы и ягоды, выполнял различные поручения врачей, то есть старался работать там, где мог принести пользу. Вот только, по мнению Бориса Лесняка, *«был он человеком, люто ненавидевшим всякий физический труд, не именно лагерный, а любой»*, что вызывало сложности в его трудоустройстве и жалобы «добытчиков», отказывавшихся ходить с ним в паре. Тем не менее, Нина Савоева из сострадания и уважения к характеру всегда пристраивала его к делу. Шаламову нравилось, что летом он может *«жить в шалаше, быть сторожем на огороде, где в августе уже созревали картофель, морковь, репа, капуста, ничего не делать круглые сутки, быть сытым и всегда иметь табачок».* Относительная свобода подняла моральный дух Варлама Тихоновича,

поспособствовала тренировкам памяти: он вспоминал и записывал в толстые самодельные тетрадки стихи русских поэтов. Так родились «альбомы» со стихами Бунина, Мережковского, Блока, Бальмонта, Маяковского, Северянина, Безыменского, Тихонова, Багрицкого, Антокольского, Есенина и многих, многих других поэтов (записано более 60 стихотворений), которые были подарены на память Нине Владимировне и до сих пор хранятся в архиве Лесняков. *«Меня, провинциального паренька, такая поэтическая эрудиция, удивительная память поражала и глубоко волновала. Я им искренне восхищался»*, - отзывается об этом факте Борис Николаевич. Некоторые события, происходившие с Шаламовым на Беличьей, отражены в его рассказах «Перчатка», «Облава», «Спецзаказ», «В больницу», «Укрощая огонь», «Доктор Ямпольский», «Черная мама».

Шаламов оставался на Беличьей до начала 1946 года, правда, ни Нины Владимировны, ни Бориса Николаевича там уже не было. В ноябре 1945 Лесняк получил справку об освобождении и уехал из Ягодного в больницу Утинского золоторудного комбината, чтобы быть ближе к своей будущей жене, переведенной к тому времени в Магадан. *«20 ноября 1946 года в темной камерке Магаданского ЗАГСа мы «обвенчались»*, - говорится в воспоминаниях Бориса Николаевича. Свадьбы не было, была дорога к месту их общего назначения - больница прииска «Ударный», куда определил санитарный отдел Дальстроя: жене - должность главврача, мужу - должность начальника санчасти, *«первая и недолгая административная должность».*

Варлам Тихонович проводил друга, грустно с ним попрощался и вернулся обратно в неизвестность, потому что знал: больше защитников нет и он будет выкинут из больницы в два счета. Но судьба была милостива к Шаламову и после отъезда спасительной: его, уже отправляемого в очередной лагерь на Индигирку, прямо с этапа в пересылке Сусуман вытащил

врач Андрей Максимович Пантюхов, лучший друг Бориса Лесняка по Беличье. Он-то и постарался немедленно устроить Шаламова на фельдшерские курсы для заключенных, дающие возможность в дальнейшем закрепиться в какой-нибудь колымской больнице на законном основании. История спасения описана Шаламовым в рассказах «Домино», «Экзамен» и в «Воспоминаниях».

Новая встреча Лесняков и Шаламова произошла в 1953 году. Заработав после освобождения в 1951 году деньги для выезда на «материк», Шаламов приехал из Оймякона в Магадан за всякого рода справками. *«Остановился Шаламов у нас. Мы жили в общежитии медработников, у нас росла дочь, мы жили в крайне стесненных условиях. Комната являлась и спальней, и детской, и кухней, и столовой. Семья, работа, учеба в заочном техническом вузе... У меня и у жены неожиданное появление Варлама ни на секунду не вызвало ни сомнения, ни замешательства. Мы уплотнили еще больше и стали делить с ним кров и хлеб»*, - вспоминает Борис Николаевич. Татьяна Борисовна рассказывала, что именно тогда родители искали для нее, трехлетней часто болеющей крошки, няню. До этого у Лесняков жили в качестве няни украинки: сначала Ксения Жукель, а затем Елена Кибич, сосланные на Колыму, как евангелистки, но они после окончания срока уехали на родину, и девочка осталась без должного присмотра. Полмесяца Варлам Шаламов был няней Танюши: ухаживал за малышкой, варил кашу, гулял во дворе, читал сказки и играл с ней в куклы. Память Татьяны Борисовны зацепила только один момент: ее держат за руки и качают верхом на ноге. «Лощадкой» был Шаламов.

После освобождения Борис Лесняк, не имевший возможности продолжить учебу в медицинском вузе, поступает во Всесоюзный заочный политехнический институт. До самой пенсии Борис Николаевич проработал инженером-химиком-технологом на Магаданском ремонтно-машиностро-

ительном заводе. Попутно он окончил в Магадане факультет журналистики вечернего университета, сотрудничал с местной прессой и радио. Борис Николаевич - автор не только книги «Я к вам пришел», но и целого ряда коротких юмористических рассказов, печатавшихся в сборниках «Смеяться, право, не грешно» (Магадан, 1968), «700 коротких строк» (М., Книга, 1980), «Шаговиты истины» (София, Наука и искусство, 1985), «Веселая россыпь» (Полтава, 1991). Писал он и стихи, которые с удовольствием брали редакторы альманахов «На Севере Дальнем», «День поэзии», журналов «Сельская молодежь», «Дальний Восток», «Континент», «Ленинградская панорама» и др. В Магадане в 2006 году вышла книжка его стихов для детей «Снежный заповедник», прекрасно иллюстрированная художником Е. Денисовой. И еще один талант Лесняка: он оставил десятки миниатюрных скульптур из глины и воска. Эти маленькие бюсты-маски, выражающие всевозможные человеческие чувства, эмоции, несколько метафоричны, гротескны, но тем и интересны. Увлечение мужа разделяла и Нина Владимировна. Вещи, вышедшие из-под ее пальцев, не менее уникальны, чем творения мужа.

Нина Савоева (или Савоева-Гокинаева - по родовой фамилии Бирджеа-Гокинати), дочь осетинского крестьянина, родилась 15 августа 1916 года в городке Дигора Северной Осетии. Всю юность мечтая о профессии доктора, она после школы отправилась поступать в Московский медицинский институт, который и закончила успешно в 1940 году. Получив диплом, вместе со своей подругой-однокурсницей добровольно поехала на Колыму, где приняла больницу поселка Беличья. Первое, за что взялась энергичная и упрямая комсомолка Савоева, - это устройство подъезда к больнице и прибольничного огорода. Действительно, на грядках с северной холодной землей благодаря стараниям молодого главврача начали созревать не только картофель и морковь, но и помидоры и огурцы. В больничном меню

появились овощи, что было немало важно для истощенных авитаминозников. Нина Владимировна заботилась не только о столе, но и о моральном климате в коллективе, не терпела среди персонала больницы воровство, вымогательство, необязательность, наплевательское отношение к работе, грубость и равнодушие к больным... До самой пенсии Савоева работала врачом в ведущих лечебных учреждениях Магадана. На заслуженный отдых она уходила с должности медицинского инструктора в одном из магаданских профилакториев.

Колыма в семье Лесняков не всегда ассоциировалась с кошмаром лагерей. Для них Север - это прежде всего край, где они нашли друг друга и обрели семейное счастье, где родилась их единственная дочь Танечка, где рядом всегда были друзья и где ждала любимая работа. Все плохое, страшное, дикое, душегубительное ушло на задний план, перестало доносить в воспоминаниях и снится по ночам. И если Леснякам приходилось в отпуске долго гостить у кого-нибудь на «материке», то они скоро начинали скучать по заснеженным северным сопкам и лыжным походам, по широким колымским рекам и рыбному изобилию, по звенящему лесному воздуху и грибам-ягодам.

Колыма отпустила Лесняков только в 1972 году, после выхода на пенсию. Они поселились в Москве в кооперативной квартире, которую, пользуясь северными льготами, строили долгие годы. Но еще до переезда в дни краткого пребывания в столице, где жила его мать, Борис Николаевич встречался с Шаламовым, и каждый раз эти встречи радовали обоих. А между встречами из Москвы в Магадан и обратно летели письма и бандероли с книгами. Именно Леснякам Шаламов доверил прочтение первых своих рассказов о Колыме, именно они долгое время снабжали друга рецептами на снотворное, без которого Варлам Тихонович уже не мог обходиться, именно от них пришел к Новому, 1964 году чисто северный, колымский уникальный подарок - не-

сколько веток стланика, вдохновивших потом писателя на создание шедевра «Воскрешение лиственницы». Впечатления Шаламова от подарка можно прочесть в письме, которое он послал магаданским товарищам сразу же после праздника: *«Дорогой Борис, жестокий грипп не дает мне возможности поблагодарить тебя достойным образом за твой отличный подарок. Самое удивительное, что стланик оказался невиданным зверем для москвичей, саратовцев, вологжан. Нюхали, главное, говорили: «Пахнет елкой». А пахнет стланик не елкой, а хвоей в ее родовом значении, где есть сосна, и ель, и можжевельник».* «Воскрешение лиственницы» Шаламов посвятил Нине Владимировне Савоевой.

В домашней библиотеке Лесняков с особой бережливостью хранятся сборники стихов Шаламова: «Огниво», «Шелест листьев», «Дорога и судьба» - с дарственными надписями. Борис Николаевич дарил Варламу Тихоновичу журналы со своими публикациями, и сам же, в свою очередь, помогал, как мог: *«Мне известно, как писались многие из колымских рассказов Шаламова. Я посылал Варламу из Магадана в Москву справочную литературу, архивные документы, сведения об интересующих его людях. Некоторых персонажей его рассказов я знал лично и ближе, чем он. Многие описанные им события происходили на моих глазах или рядом со мной».*

В семье Лесняков очень любили Варлама Тихоновича. Татьяна Борисовна вспоминает, что родители и Шаламов не раз навещали друг друга, проводили в беседах за чашкой чая многие часы, делились мнениями относительно того или иного «лагерного» автора, читали друг другу свои стихи, обменивались впечатлениями, и всегда между ними в отношениях было взаимопонимание. Но однажды гармония нарушилась.

Все началось с разговора, в котором Шаламов раздраженно упрекнул друзей в том, что они не находят возможности помочь ему с выпиской рецептов, а ухудшающееся здоровье

встает преградой на пути к цели - написанию «Колымских рассказов», что частые визиты гостей отвлекают от творчества и бесцеремонно отнимают драгоценное время, что надо ограничить себя в контактах, чтобы успеть сделать все, что замыслил. Лесняк несколько обиделся, но, здраво поразмыслив, понял, что больной Шаламов отчасти прав: у него действительно оставалось очень мало времени для выполнения наложенной на себя миссии. И тогда Борис Николаевич и Нина Владимировна решили *«инициативу во взаимоотношениях предоставить самому Шаламову»*. Без приглашения приезжать к другу они больше не стали, решив писать ему письма. *«Я напоминал, что мы еще на ногах, и, если он нуждается в какой-либо помощи, на нас может рассчитывать полностью. Ни на одно из этих писем мы не получили ответа»*, - читаем мы в книге Лесняка. Увы, Варлам Тихонович вошел в самый тяжелый период своей жизни, тяжелей, пожалуй, колымского, в период добровольной изоляции от общества, в период одиночества. Друзья и близкие хотели быть рядом, но он со всей своей нетерпимостью, категоричностью и амбициозностью все чаще и чаще отвергал их помощь, отталкивал дружески протянутые руки. *«Странности Варлама стали бросаться в глаза, - тревожно делился своими наблюдениями Борис Николаевич с Андреем Пантюховым, с которым они продолжали общаться и после Колымы. - Его принцип «не поддерживать старых знакомств, ибо они не несут свежей информации», известен. Тем не менее его судьба беспокойт»*. Друзья волновались небезосновательно: врожденный недуг - болезнь Меньера - истощал Шаламова как физически, так и морально. Писатель стал слепнуть и глохнуть, нарушилась координация движений, участились обмороки, появились общая слабость, беспричинная агрессия, нервозность, вспышки необоснованных обид, гнева. Все это многих отвернуло от Шаламова, в том числе и членов семьи. Оно и понятно: больно, если кто-то

обижает тебя словом, но в тысячу раз больней, если обиду наносит друг. А Шаламов уже не скупился на резкие суждения, *«стал подозрителен, раздражен, нетерпим ко всем и всему, что противоречит его представлениям и желаниям»*. Именно к этому периоду относятся его разрывы с коллегами по перу, любимой женщиной, живущими в Москве родственниками.

В 1979 году Борис Николаевич перенес инфаркт и долгие-долгие месяцы лечился. Но доходящие до него слухи о болезненном состоянии колымского товарища не давали покоя, и он попросил жену проведать Варлама Тихоновича. Нина Владимировна привезла с Хорошевского шоссе, где жил в конце семидесятых Шаламов, безрадостные вести: Варлам в беспомощном состоянии определен в дом для престарелых. Адрес интерната на этот раз Леснякам узнать не удалось, даже обращение в Мосгорсправку и Литфонд не помогло, а когда в конце января 1982 года узнали, где этот дом-интернат, и приехали туда, было уже поздно - Шаламов умер.

Потом появились подробности шаламовской смерти, нашлись люди, рассказали о его последних днях жизни. Борис Николаевич был шокирован. Своими впечатлениями он тут же поделился со всеми колымчанами, с кем держал связь, в ответ пришли письма потрясенных смертью великого писателя друзей, и каждый высказал свое мнение относительно и жизни, и творчества их незабвенного товарища. Общее мнение было таково: мир потерял голос, колокол Колымы!

В книге Лесняка есть благодарственные строчки в адрес неизвестных ему людей, принявших на себя печальные обязанности похорон: *«Нашлись добрые, сердобольные люди, щедро наделенные чувством сострадания, и оказали ему посильную помощь. В последние месяцы его жизни они несли возле него дежурство. И, когда он ушел из жизни, взяли на себя безмерно тяжелый труд, связанный у нас с ритуалом последнего долга. Склоняю голову перед бескорыстным*



Маски, сделанные Н.В. САВОЕВОЙ и Б.Н. ЛЕСНЯКОМ

добром и милосердием, на которое Россия испокон века была щедра».

И все-таки есть люди, знавшие и Лесняков, и Шаламова лично, которые сомневаются: так ли уж близки были они друг другу, не металась ли между ними змейка лжи и неискренности? Ведь известен факт, когда в 1971 году Бориса Николаевича, еще до переезда в Москву, вызывали в магаданский «хитрый домик» и дошито выспрашивали о Шаламове и его творчестве: рассказах, не без содействия Бориса Николаевича начавших ходить в виде самиздата по всему Советскому Союзу, очерках, повестях и стихах. Лесняк сам рассказал об этом вызове Варламу Тихоновичу, предупредив его об интересе органов к личности писателя. И что? Шаламов вспыхнул сначала, взволновался, может, даже испугался и в волнении назвал Лесняка «трусом и провокатором, представителем «прогрессивного человечества», худшей людской прослойки нашей интеллигенции», о чем есть его дневниковые записи, а потом понял, что ему ничто не грозит, успокоился и констатировал: «Я шантажеустой-

чивая личность». В рассказе об этом допросе задело Шаламова даже не то, что КГБ интересуется его жизнью, выпытывая сведения у друга, а то, что рассказ «Калигула» следователями признан «фантастическим поклепом, явным вымыслом и клеветой». Лесняка же он больше ни в чем не обвинял, а их московские встречи продолжались до 1976-1977 года, пока не зазвенели повышенные нотки в том злополучном разговоре о рецептах и гостях. И Нина Владимировна, и Борис Николаевич понимали, что талант Шаламова требует жертвы от него самого, заставляя поступаться личной жизнью, дружбой, временем, потому что, кроме него, «никто другой не сумеет рассказать миру обо всех ужасах лагеря, дать исчерпывающий анализ не только лагерного бытия тех лет, но и широчайший анализ ВРЕМЕНИ. Он отдавал приоритет своей лире».

Теперь память о великом писателе будет храниться не только в мемориале Вологодской областной картинной галереи, но и в доме-музее Лесняков.

Римма РОЖИНА

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

«Людам XXI века» - так называется книга профессора ВГПУ И.А. Подольного, выпущенная НП «Фест». Подзаголовок гласит:
«Тем, кому суждено жить...»

Эта книга - о Холокосте. «На мой век, - пишет автор в предисловии к книге, - пришла Катастрофа, в которой от рук фашистских преступников и их пособников погибли шесть миллионов евреев всех стран Европы. Эту трагедию мирового масштаба называют еще греческим словом Холокост - всеожжение, уничтожение огнем, или Шoa - на языке иврит... Я решил рассказать о судьбах моих друзей, родных и знакомых, которым довелось испытать все ужасы войны. Божьим промыслом они остались живы, пройдя через огонь боев, через ад еврейских гетто, через кошмары плена и концлагерей, прошли тяжкими дорогами эвакуации, но в итоге нашли свое достойное место в жизни».

Книга Исаака Подольного - не историческое исследование, это сборник свидетельств живых людей. «По существу, основа этой книги - серия интервью с друзьями и членами нашей семьи. А еще включаю в книгу показания свидетелей событий времен Великой Отечественной войны и Холокоста, жизненные и литературные ассоциации, официальные документы и личные воспоминания, невольно возникавшие в наших беседах. Надеюсь, они помогут сегодняшним читателям лучше понять рассказчиков», - говорит Исаак Абрамович.

Книга вологодского профессора - не только

для тех, кто пережил катастрофу, их близких и родных, не только для всех современников - она предназначена будущим поколениям. Автор считает: «Я берусь за эту работу, глядя не столько назад, сколько вперед. Нужно напомнить людям о страшном прошлом не только для того, чтобы еще раз вызвать сострадание и жалость к погибшим и пострадавшим. Пишу вместе с моими друзьями, чтобы не допустить повторения подобного в будущем».

И. Подольный

Людам XXI века

тем,
кому суждено
жить...



Александр САВИН

РАБОТЫ
РАЗНЫХ ЛЕТ

Статья о творчестве
художника -
на 160-й странице



СУББОТНИЕ ХЛОПОТЫ. 1985.
Холст, масло. Собрание ВОКГ



НА СУХОНЕ
ОСЕНЬ. 1984.
Холст, масло.
Собрание ВОКГ



«К РОДНЫМ
ПЕНАТАМ»
(посвящается
К.Н. Батюшкову).
1989. Холст,
масло.
Собрание ВОКГ



ГРИБНАЯ ПОРА. 1985. Холст, масло. Собрание ВОКГ



СВЕТ ЛУНЫ. 1996.
Холст, масло.
Собрание ВОКГ



ВЛАДЫЧНАЯ СЛОБОДА. 1992.
Холст, масло. Частная коллекция



РУССКИЙ ПОХОД.
2003-2004. Холст,
масло. Собрание
картинной галереи
Е.М.Лунина



ПОХИЩЕНИЕ
ЕВРОПЫ. 1993.
Холст, масло.
Частная
коллекция



НОЯБРЬ. 1996.
Холст, масло



ПРОЗРАЧНОСТЬ
ОСЕНИ. 1995.
Холст, масло



ПОЭТЫ. 2005. Холст, масло. Собрание ВОКГ



ИСХОД. 1994. Холст, масло. Собрание ВОКГ



НОСТАЛЬГИЯ. 2006-2007. Холст, масло



НА ЗЕМЛЕ И НЕБЕСАХ.
2004. Холст, масло



ДОРОГА
К ОСТРОВУ.
2005.
Холст, масло

ЛИДИЯ СЫЧЕВА (Москва)

ТОПОЛЬ СЕРЕБРИСТЫЙ

Рассказы

КИНО

- Пожалуйста, сюда, Андрей Георгиевич, - нервно-оживленно приглашала его молоденькая тележурналистка.

Угрюмые малые ставили свет, оператор с богемной бородкой укреплял камеру на штативе.

Браташов смиренно, всем своим видом показывая: «Что поделаешь, я в вашей воле», - подчинялся командам. Журналистка (Елизавета Зингер или Дингер, он не расслышал) была скорее стильной, чем красивой: искусно покрашенная, худощавого сложения, в одежде, которая напрочь скрывала наличие каких бы то ни было форм, если они, конечно, имелись. Браташов знал силу своего обаяния и одарил это юное создание долгим внимательным взглядом: он уважал телевидение и всегда с особым тщанием относился к подобным съемкам. Даже небольшой сюжет, мелькнувший в новостях, может решить многое.

С детства у Браташова было хорошо развито боковое зрение, и сейчас он видел, как после его взгляда еще нервнее и лихорадочнее стали движения Елизаветы Зингер-Дингер, она засуетилась, заспешила, расставляя меланхоличных и молчаливых осветителей, которые всем своим видом говорили: «А нам всё по фигу. Нам что шкафы, что софиты, что бомжи, что киношники. Гоните бабки - у вас вечно обслуживающий персонал в пролете». Браташову нравились угрюмость и неспешность, с коими эти малые двигались по площадке... Он подумал: не подбодрить ли ему девушку еще одним лучезарным взором, но решил, что это будет уж слишком щедрым авансом с его стороны. «Потом. После съемки», - дал он себе задание и чуть прикрыл якобы от слепящего света глаза.

Нынче утром, разглядывая себя в зеркало, он усмехнулся: «Достиг верховной власти я». Браташов стал фигурой номер один в отечественном кино - по степени влияния, популярности и по масштабам новых проектов. Он нравился себе: в шестьдесят у него было крепкое, сбитое, мускулистое тело, не отягощенное излишним жировым запасом, у него загорелое лицо голливудского героя-любownika, частокол собственных (а не вставных) зубов, спрятанных за густыми усами с проседью, и внимательные глаза со счастливым свойством - их цвет мог меняться в зависимости от настроения... Сейчас они были серыми с искрами - признак здоровья и довольства собой. Браташов облачился в светлую хлопчатобумажную пару, босыми ногами забрался в мягкие мокасины - это по новейшей московской моде. В задумчивости он провел рукой по лбу, плавно переходящем в лысину, она его тоже красила, будучи знаком многодумья и любви к размышлительности. На мизинце ярко сверкнул крупный перстень с бриллиантом - Браташов носил его не из-за любви к драгоценностям, а как символ власти и состоятельности. Он привык режиссировать свою жизнь и всегда себя видел как бы со стороны, глазами потенциального «зрителя». И сейчас этот кадр - известный кинодеятель у зеркала - ему нравился.

- Приступим, - заискивающе сказала Зингер-Дингер, и он ей поощряюще кивнул.

Интерьеры, где велась съемка, были затянуты мешковиной: столкуб, пара кресел, боковые навесные панели, создающие некое подобие стен. Тележурналистка присела на самый краешек мешочного кресла и сцепила руки так, что у нее побелели пальцы. Браташов направил на каме-

ру взгляд бесконечно уверенного и преуспевающего человека - глаза его были ровно-синие. Хорошо поставленным голосом (спасибо ГИТИСу в молодости), внятными, доступными народу фразами он стал говорить о состоянии отечественного кино, о трудностях творческого процесса и о национальной идее, которая так необходима России. А суть идеи проста: каждому нужно много и терпеливо работать на своем месте.

- А сейчас, - бодро присоединилась к нему журналистка, - Андрей Георгиевич в честь открытия нового кинокомплекса с двенадцатью залами задует свечи на праздничном торте.

Двое молодых в поварской униформе внесли аляповатое произведение кулинарного искусства в виде гигантского средневекового замка (или коттеджа нового русского). Сооружение тут и там было утыкано витыми свечками. Браташов, обаятельно улыбаясь, изображая радость именинника, «выполнил почетную миссию»...

В нижнее, «демократическое» кафе кинокомплекса он спустился со своим коммерческим директором. Тут не было элитной мешковины и кресел, народ теснился за красными пластиковыми столиками, прихлебывал дрянной кофе из бумажных стаканчиков, который бесплатно разносили всем желающим симпатичные молоденькие девчонки-официантки (шла очередная рекламная акция). Браташов неспешно тянул «фирменный» кофе, слушал и не слушал нудный бубнеж Владика про новый проект. Вкус суррогатного напитка вдруг вернул его в голодную и такую далекую теперь юность, и он вспомнил то, к чему давно уже не возвращалась его память. Мальчиком он смотрел кино на летней площадке, вечером экран натягивали между стволами засохших деревьев. Билет стоил 50 копеек. Или нет, двадцать. Впрочем, если опоздать, прийти на 10-15 минут позже, то вообще можно было обойтись без денег - площадка не была огорожена.

Он ездил сюда, на «Хамловку», на велосипеде. Как давно это было - со-

всем в другой жизни, поразился вдруг Браташов. Этот городишко - Славкино - был страшно далеко от Москвы, а он - ещё дальше от своей нынешней «верховой власти». Ну вот, что-то он делал, чего-то желал, бегал в угаре и очнулся уже в нынешнем своем состоянии, а те мальчишки, что гоняли вместе с ним на великах, позже служили в армии (в ракетных войсках), учились в ГИТИСе, они почему-то так и остались в тех своих стоячих скучных жизнях... Застыли верстовыми столбиками в его памяти. А он уехал, умчался далеко-далеко от них - приятелей детства, бедной юности и честолюбивой молодости. Думы эти взволновали Браташова. Он почему-то именно сейчас понял: ну, не одними же личными заслугами и талантами двигалась его жизнь?! Кто-то нес его на своих крыльях, оберегая от слишком чувствительных ударов судьбы, отводя от дурных и подлых людей, направляя к кратчайшей тропинке-восхождению, которую, наверное, видел только он темно-серыми в тоске глазами... Положа руку на сердце, он вовсе и не считал себя гением. Ну, талантливый, ну, не жадный. Всегда умел ладить с людьми не заискивая, женился на москвичке (по любви), тесть - влиятельнейший туз тогдашнего кино...

- Андрей Георгиевич, можно с вами сфотографироваться? - две девушки, трепеща от волнения, стояли рядом.

Вопрошала та, что побойчее, страшненькая от неудачно наложенного грима, косметики то есть. Браташов понимающе кивнул, Владик осчастливил девушек, щелкнув «мыльницей». А между столиков уже пробиралась дама бальзаковского возраста с эффектным цветным платком на голове, давно и безнадежно влюбленная в Браташова. «Вы гениальный режиссер! Вы такой актер, которому нет равных не то, что у нас, но и в Европе, не говоря уж о Голливуде с их примитивными штамповками!» - он морщился от этой суперлести, дама была ему неприятна: у нее был дар все его действительные заслуги преуменьшать неумеренным вос-

хвалением. Браташов оставил Владика на расправу фанатке, а сам позорно бежал через служебный вход.

Серебристый «Мерседес» мчал его за город, домой, в коттеджный поселок Яблонево, к чистому воздуху, воде, тишине и лесу, а также к круглосуточной охране на въезде и элитным соседям из мира серьезного бизнеса и больших денег. Судьба наградила его не только известностью, но и состоянием. Бедности он не знал и боялся её. Беда - да, творческие муки - да, но удивительную тень нищеты он чувствовал только в детстве.

Браташов прокручивал в голове эпизод с нынешней телесъемкой. «Мне неинтересны люди неверующие», - это он, хорошо, пожалуй, завернул. А вот: «Все устали от разговоров, пора делать дело, это и есть наша национальная идея», - похоже, несколько топорно, даже для сегодняшнего ТВ... У него была давняя, укоренившаяся с юности привычка - анализировать прожитый день, и теперь иногда ему начинало казаться, что он не живет, а смотрит про себя кино. Фильм о буднях делового человека, давно уже не принадлежащего себе. Лента, поставленная всемогущим Главным Режиссером. А у него, героя этого кино, кажется, почти не было прав на импровизацию в «кадре»...

В дороге легко думается, и ему вдруг пришла мысль о том, что мафиози, ставший впоследствии легальным бизнесменом, или военный преступник через 20 лет после совершенных злодеяний становятся совсем другими людьми, а тех, прежних, нет. Наказание, если оно не настигло человека вовремя, спустя годы уже не имеет ни смысла, ни силы. Он, Браташов маленький, и он, Браташов нынешний, - совсем разные люди. И от этого открытия ему почему-то стало горестно.

Почему же? Мысль его заработала напряженно. Преступление, да, преступление, - это было ключевым словом в надвигающемся размышлении, и оно как-то связывалось с его жизнью и с тем обыденным, что происхо-

дило сегодня. Он невольно поморщился. Ну, открыл новый киноцентр. Не храм искусства, и не мастерскую, и даже не советский «общепит», а так, «фаст-фуд». «Быстрая еда», мгновенные эмоции. Ничего вечного. Впрочем, может, в этом и есть высшая мудрость жизни?! Браташов усмехнулся той спасительной лазейке, которую предлагал ему разум. Нет, он, конечно, «не орел», но и не такой уж трус, чтобы оправдывать себя за явную подлость. Но об этом потом, потом... Когда полетел Гагарин, ему было 18, страна отправляла ракеты в космос, строила города. Теперь «малые предприятия» выпускают пластмассовые безделушки, мэры открывают ларьки, деятели искусств - он вспомнил себя сегодня - торговые центры. Что-то главное замутилось, исчезло. Искусство украдено.

Но при чем тут он, Браташов? «А кто же?» - услужливо и ехидно ответил «закадровый» голос. Не ребята же с Хамловки? Кто-то честно спился, кто-то помер, кто-то тихо жил в своей маленькой жизни. Они - «простые люди». А Браташов, такой же обычный и смертный, должен был грести «против течения», бороться и жертвовать, не жалеть себя ради других. Ради этих «простых», которые прожигали жизнь в доступных удовольствиях. А у него - «долг», «самоограничение», «идея». И в утешение - дар, талант, энергия. Много в нем было сил, данных ему неизвестно кем и неизвестно для чего.

Он шел к своей нынешней «верховой власти» - тут Браташов поморщился от воспоминаний - нет, не по трупам, конечно, а от компромисса к компромиссу, меняя талант на видимые личные блага. Ну, так вышло, так сложилось. Плетью обуха не перешибешь, стенкой лба не пробьешь, Москва слезам не верит - народная мудрость. Расчетливо менял, и не все «оптом», а по капельке. И все равно главный смысл утратился, ушел. Незаметно, но прочно и навсегда. По иронии судьбы это случилось одновременно с распадом страны. С тех пор Браташов жил по инерции, «деловыми интере-

сами», удачно присосавшись (ну, перед самим собой чего хитрить!) к нынешнему строю. Изображая из себя величину перед Зингер-Дингер...

Но он-то знал, что если бы его дар состоялся до конца, то действительность вокруг была бы совершенно иной!.. Браташов никогда не придавал «своей жизни в искусстве» вселенского значения. Нет, о другом шла речь! Тонкая настройка души сбилась. Он по-иному видел, чувствовал, говорил. Мир искажился в его восприятии - «на входе», а «на выходе» он только мнил «кривые зеркала», обманывая себя и других. И это - «фабрика грёз»? Жизнь так коротка, и люди думают, что когда они набивают ее всякой чепухой - погоней за бытовыми удобствами, комфортом, изысканными блюдами, ощущением богатства, машинами, дорогими домами, - этим самым они и ловят жизнь за хвост. Но это заблуждение. Жизнь дана для чего-то более существенного. И это главное у Браташова было. Когда-то...

А впрочем, наша убежденность в чем-то - просто весьма высокая степень заблуждения. (Почему-то в самые тяжелые, безотрадные минуты жизни именно эта мысль настойчиво преследовала Браташова.) В состоянии убежденности у человека есть точка опоры, посох, с помощью которого он идет по болоту жизни. И вдруг - посох выпадает из рук... Так кто же прав: те, кто убежден, или те, кто во всем сомневается?! Или те, кто вообще не дает себе труда думать?

...Браташов смотрел на мелькающее в окне закатное небо - в Москве стояли белые ночи, и в начале двенадцатого было еще светло. Синие тучи с багровыми поленьями зари ужасно стояли у горизонта. Почему-то, когда он видел такое небо, ему было страшно, тревожно. Ему всегда было страшно и тревожно, когда он выходил после просмотра плохого фильма. Ему не хотелось жить. И он недоумевал: как же другие этого не ощущают?! Как они могут смеяться, шутить, будто ничего не произошло?! И это было единственное чувство, теперь связы-

вающее его с детством. Правда, когда он был мальчишкой, у него не было нынешних обязанностей - досматривать бред больных душ до конца. Он прыгал на велик (предмет неоднократных насмешек сверстников, рама машины была скроена по «женскому» образцу) и гнал в ночи, гнал, свободный и счастливый, куда глаза глядят. И всё забывалось, и небо было высоким и звездным, и много было жизни впереди, много тайн и открытий. И там, на далекой Хамловке, он никогда не видел такого страшного с горящими поленьями далекой зари неба. Зарезанный закат. Браташов поднял тонированные стекла, закрыл глаза. «Мерседес» мягко летел по совершенно пустой трассе...

ЕЩЁ И НЕ ЖИЛ

Расскажу я вам историю семьи одного нахального мужика. Зовут его Петька. Ему пятьдесят лет. Развратный, наглый. Мне он, например, говорит: «Вот вы бы за меня пошли?» (Имеется в виду сожительство). Хотела я ему ответить как надо, но удержалась: всё-таки я государственное лицо, работаю в собесе, зачем же мне опускаться до его уровня?! «Вы, - говорю, - гражданин, не отвлекайтесь от вопроса».

А дело было так. Этот Петька на заре туманной юности женился, построил хату, провел газ, родил ребенка, прожил четыре года и ушел. Жене, правда, всё нажитое добро оставил в обмен на свободу от алиментов. Туда-сюда, пошатался он, бесприютный, и женился на другой (пристал в зятя). Обложил её хату кирпичом, провел газ, починил заборы и после некоторого раздумья родил в этой семье дочку Анечку. Но баба новая оказалась злостной алкоголичкой, совершенно неменяемой, ее лишили родительских прав, и он её, естественно, бросил. А дочку Анечку навесили на него, и Петька, понятное дело, вскоре снова женился.

Новой супруге он первым делом провел газ, построил сарай, покрыл шифером веранду, но долго на этом

месте не задержался - ушел. Поскольку приглядел себе уже новую супружницу, и опять же с этой Анечкой пристал к ней. И здесь он провел газ (Петька работает сварщиком, профессия очень выгодная для одиноких женщин, у которых печное отопление), кое-чего помог по хозяйству и всё-таки не удержался, сбежал.

После этих двух промежуточных баб пристроился он в зятя к Светлане Петровне, наивной и простоватой женщине, которая нынче мне все нервы вымотала. Она плачет, а я ей говорю: «Что вы творите?! Вы видите, я при вас валерьянку себе капаю, двойную дозу?!»

А суть в том, что распутный Петька дом своей новой жене достроил, газ опять же провел, машину - старую «копейку» - купил, и Светлана Петровна родила ему сына Колечку. Младенцу сейчас год и семь месяцев. И в разгар этой семейной идиллии Петька возьми и уйди! Потому что суть его - кобелиная, режь, стреляй, но он ни с одной бабой не может жить дольше четырех лет. Четыре года - предел, максимум.

А дочка его, Анечка, она к Светлане Петровне уже прикипела и кричит: «Никуда больше не пойду!» Дитё ж, оно тоже умарывается бегать по семьям, «мам» менять! Ну Светлана Петровна и говорит: пусть Анечка у меня живет. А у самой - дочь от первого брака, Анжела, младенец Колечка, и эта к ней жметя, которая ей, считай, никто. А жить им всем как?! Сама Светлана Петровна торгует на рынке бельями (от хозяина).

Всё бы ничего, но я вижу, что хочет она этого беспутного Петьку детьми шантажировать. Надеется, что в нём совесть проснется. А я ей говорю: «Дорогая Светлана Петровна! Ничего у вас не получится, он абсолютно бесстыжий человек, живёт только кобелиными удовольствиями, а о детях ему хоть трава не расти. Зачем вы Колечку рожали?! Вы что, думали, что вы лучше четырех предыдущих жен будете?» А она: «У нас пятнадцать лет разница. Петя на колених передо мной стоял, умолял: роди

мне сына, наследника, я тебе и машину куплю, и газ проведу».

Ну, правильно, мужик не промах: зачем ему на ровне жениться, он выбрал бабу помоложе, а одногодка ему, понятное дело, уже никого и не родит. «Светлана Петровна, - пытаюсь я вразумить жертву брачного аферизма, - давайте рассуждать логически. Супруг ваш все свои обещания выполнил: газ провел, дом достроил, машину купил (потом меня Светлана Петровна до рынка на ней и подвезла). Он что, клялся вам в вечной любви до гроба и в лебединой верности?!» Она глазами хлопает и говорит: «Такого не было...» «Ну и чего ему кручиниться?!..»

Ладно. Спрашиваю я у этого бесстыжего Петьки: «Почему вы ушли из семьи?» Он и запел: «Я хочу свободы, я, как человек, еще и не жил, а мне 50 лет уже...» А сам снял дом, чтобы встречаться с молодухой. Анечке с Колечкой на 1 сентября ничего не дал, а новой подруге - шампанское, конфеты... Денежки-то водятся, он мужик рабочий.

А про новую возлюбленную как выяснилось? Анечка в жизни настрадалась и потому за отцом стала приглядывать, шпионить. И когда он с бригадой тянул газ по улице Матери и ребенка (есть у нас такая - нарочно не придумаешь!), девочка и предупредила мачеху, что, мол, папка как-то не так к одной тётё «тулится». А вскоре он съехал, сказал, что жить в таком ужасе («без любви») не может, и снял себе дом.

И вот Светлана Петровна взяла Анжелу с Анечкой и пошла в эту хату. Дом закрыт, они залезли в форточку, сели тихо, поджидают хозяина. А тут и молодуха объявилась, открывает дверь своим ключом. А в руке у неё - пакетик с цветным кружевным бельем «Дикая орхидея».

Ну Светлана Петровна круто с ней поговорила и прогнала эту пассию вон, а кружевное белье в гневе изорвала в клочья. Она-то жена законная (Петька теперь говорит: дурак я, расписался с ней!). Сидят они дальше. Тут и сам кобель заявляется. Как она

его не устыжала, он ноль эмоций: «Я сказал, не вернусь к тебе - и всё тут!»

Что делать? Я Светлане Петровне внушаю: ну вы подумайте, зачем вы Анечку на себя вешаете?! Она вам еще даст оторваться, наследственность-то какая: мать - алкоголичка, отец - с кобелиными склонностями. Анечка войдет в возраст, вы с ней сдуреете. У вас своих двое, их поднимать надо. А за Анечку вам даже платить не будут - она вам никто. «А вдруг Петя одумается, вернется?! Тут у него и сын, и дочь...» Я говорю: «Светлана Петровна, дорогая! Ну он же бродячий пёс, у него все домашние инстинкты убиты! Не вводите себя в иллюзии. Единственное, на что он годен, - это газ проводить, его бы куда-нибудь в Нечерноземье направить, в отдаленные районы. Может, там дело наконец с мертвой точки сдвинется, всё какая-то польза людям!»

В общем, выпили мы пузырек валерьянки на двоих и разошлись каждый при своем мнении. А Петька - что ж, за него и переживать не надо - не пропадет. Он, как переходящее красное знамя, его из рук в руки рвут! Это у меня дома «валух», у телевизора день и ночь лежит...

БОМЖИ ГУЛЯЮТ

Когда клёны зелёными листьями машут в окно, когда на дальних полустанках трава вырастает по колено, когда до зимы далеко и кажется, что она никогда не настанет, как просторно становится на душе! Столько в ней находится места, а впустить хочется только хорошее. И жалко, когда день проходит, а ты это хорошее не встретишь. А если и встретишь - всё тебе мало, мало кажется...

Электричка идет к Москве, и колёса торопят мысль и думу, и машут в окошко клёны и тополя, трепещут ольха и берёза, и только ёлки стоят строго и недвижимо, словно в ожидании Серого Волка из волшебной и счастливой сказки. А народ рядом - разный. Трудовой, задумчивый и свободный народ - здесь ведь все равны. Это

на улице, в частном транспорте, соревнование - у кого иномарка круче и наглей, а в электричке - общность. Мирно дремлют две начинающие бомжихи-алкоголички - одежда еще домашняя, своя, но лица спитые, мятые. Везут они огромные клетчатые сумки, с какими обычно ездят челноки.

От спитости лица их припухли, глаза позаплыли, и они кажутся похожими, как сёстры. Старшая - с «вороньим гнездом» на голове, буйными, сбитыми в кубло темными волосами, «сестра» помладше коротко стрижена, нижняя губа в дрёме у неё отвисла, и видно, что нескольких зубов нету.

Едем все вместе. Только клёны нам машут в окно, да торговцы вразнос, преодолевая шум, всё несут и несут газеты, мороженое, носки, шоколад, клей «Момент», прозрачные накидки от дождя. А дождей всё нет и нет... «Сестры» проснулись, завозились. Им, видимо, скучно, муторно. И вот, прокашлявшись, добавив в голос страдающую, блатную интонацию, они слаженно заводят вдвоём:

- Есть только миг между прошлым и будущим...

Спели куплет. Голоса сильные, но уж больно много в них пьяной слезы. «Воронье гнездо» говорит младшей:

- А давай вот эту: «Умру и я, и над могилой гори, сияй, моя звезда...».

Старательно, отвязно, весело поют. Потом младшая вздыхает на весь вагон:

- Нет, этого в России не понимают.

- Не понимают, - подтверждает «воронье гнездо».

- Чуть повыше возьмите, - иронически советует им мужчина с ближней скамейки.

- Проснёмся, мы и не так споём, - огрызается старшая.

Свесили головы, молчат. И все молчат, только поезд стучит, да капитан в армейском камуфляже рядом со мной читает книгу «Россия перед вторым пришествием» - шелестит страницами, да грустно и громко трубит нам встречный поезд, да где-то рождаются и умирают люди, а так - тихо... Лето и жизнь.

Бомжихи пошептались и задорно затанули:

- А молодому командиру... Лежит с пробитой головой.

Капитан и бровью не повёл, читает дальше, а может, увлётся и не слышит. И вообще, на певиц никто не обращает внимания - надоели. И тогда младшая, без зубов, начинает кричать:

- Галь, ну мы же ничего не делаем! Мы никому не мешаем, не хамим. Ну выпила актриса, что с неё взять, а? - и голос её срывается.

- Во, охрипла орать! - осуждающе говорит ей Галя.

Она достаёт расческу с частично потерянными зубьями и вгрызается ею в «воронье гнездо», пытаюсь придать волосам черты интеллигентной прически. Ничего у неё, конечно, не выходит.

А младшая пьяно плачет, просто навзрыд. Пытается петь:

- Ты же выжил, солдат, хоть сто раз умирал... - и снова рыдает.

Вдруг зарыдала и старшая и кричит сквозь слёзы:

- Замолчи, Сашку не вернёшь, успокойся, Сашку не воскресишь!

- Ну ты же выжил, солдат, хоть сто раз умирал...

И обе они тихо плачут над своими клетчатými сумками. И неясно, был ли этот Сашка, или он выдуманный, был ли он солдатом, или, допустим, шофером; актёрская ли это роль, или действительно большое горе. Но мне почему-то легко представить этого Сашку на чеченской войне, только я его вижу живым, совершенно живым, и мать его вижу, почему-то старушечку, хотя ей всего сорок, ну, может, сорок с небольшим. А капитан в армейском камуфляже давно уже делает вид, что читает. Он просто держит книгу и смотрит в неё, не поднимая глаз. Мне стало неуютно рядом с ним сидеть - я чувствую его напряжение, такое, будто он весь сделан из железа... А мы всё едем, едем в тягостной тишине, и неясно, куда мы все едем, спешим?! И зачем так отчаянно зелены эти клёны за окном, и зачем вся эта суэта вокруг, и сбудутся ли сказ-

ки, которые мы сами для себя придумали? И всем нам, трезвым, на секунду становится тревожно и больно.

- Бомжихи гуляют, - пытается убедить нас ироничный мужчина, но, похоже, он сам в это не верит, и слова его жалко виснут в вагоне.

А бомжихи всё плачут, а клёны, молодые и зелёные, 18-летние, всё машут нам вслед, и видно, что они что-то говорят, но я никак не могу расслышать и понять их голос...

ТОПОЛЬ СЕРЕБРИСТЫЙ

Если не было зимой крепкого мороза, свежести, снега, пушистого инея, снегопада на полтора суток, вьюжных вечеров, перламутрового льда и яркого, звездно-далёкого неба, то, считай, что это время года не удалось. А осенью я люблю много чего: и тёплые-тёплые дни в сентябре, и утреннюю мелкую росу, и расписной грушевый лист, и кленовые бульвары в огне, и долгие, глухие дождливые времена, так что в середине дня кажется, будто хмурое утро, но потом всё обязательно прояснится, закончится и утишится...

Но летом - всё другое. Лето никогда не надоедает, даже в самые жаркие дни. Летом кажется, что так хорошо будет всегда - в лёгком платье, в неге, в тепле и в радости.

Утром - яркое солнце, и белый туман у земли клубится, и праздничный тополь серебристый.

А ночью, когда много серебряных звёзд на небе, тополь возле родного дома тоже тёмно-серебрист, загадочен, он похож на огромный букет, и кажется, будто звёзды на небе - первые облетевшие листья... Небо далеко, тополь - рядом, и так же непознаваема жизнь, и невозможно оторвать глаз и проститься с этим навсегда. Есть особый, вселенский уют серебряной теплой ночью, когда ты один на земле, ты и звездное небо, ты и тишина и когда ты понимаешь, что твоя жизнь принадлежит только тебе. Наверное, это ночное заблуждение. Утро - солнечное, и солнце всегда «вьет гнездо» в кроне моего тополя.

«Золото в серебре». Тополь наш растёт на востоке.

И первые опавшие листья хрустят под ногой, а утром, отсыревшие, они мягки и податливы.

И вдруг наступает равновесие души.

Я читала книги про путешественников, как в одиночку они перешли океаны, скитались в джунглях, покоряли вершины. Я, наверное, хотела уйти от себя с этими целеустремлёнными мужчинами, которые знали настоящие дороги. Я тоже смутно чувствовала свою цель - в дымке, в тумане, но с чего начать, как сделать первый шаг? Да и стоит ли? Я была и есть - я уверена - очень обыкновенной, обычной, только немного странной, слишком чувствительной и ранимой.

Здесь, у тополя, я фотографировала своим старым «ФЭДом» сестру. Вышло, будто она стоит у берёзовых стволов - кора тополя зеленовато-светлая, и на чёрно-белой фотографии получилась, да, берёза. Сестры больше нет. Несчастной моей сестры, которая металась в наркотическом забытье, комкая подушку-«думочку», - она умирала от рака, ей кололи опий. Об одном жалею, твердила она перед тем, как совсем слечь, потерять разум, что мы вырастили своих детей безбожниками. Что с ними будет? И что будет с нами?

Но тогда, во времена увлечения фотографией, я была слишком молода, чтобы терзаться такими вопросами. В летние дни я выбиралась на речку: к прохладе воды, мягкому песку. Здесь я встретила с курчавым парнем - он гонял на мопеде, как школьник. Влюбленный, он приезжал к тополю. Ему казалось, что я тоже влюблена, но сердце моё было стыло и пусто. А он, молодец, добивался моей взаимности и хвастался: смотри, у меня все руки сбиты (он показывал крупные мозолистые ладони), я дом строю, двухэтажный, давай жить...

Парень мне нравился. Ничего у нас с ним не было - даже поцелуев, только несколько разговоров у реки и один

раз - у тополя. Вечером. Он узнал, вызнал, где я живу, хотя я ему даже имя своё не сказала. «Не приходите ко мне больше. Ничего не выйдет», - твердила я. «Но почему, почему?» - удивлялся он. Это было долго и мучительно рассказывать почему. И стыдно. Я погубила свою жизнь, а теперь терпела. Но ведь никто не виноват, только я! И я делала вид, что всё нормально. Чтобы меня не жалели хотя бы в глаза. Потому что жалеть нужно тех, у кого случайность или стечение обстоятельств. А я сама, сама виновата!

И он больше не приезжал. Я даже, кстати, не помню, как его звали. Сергей? А может быть, Слава? «Ты знаешь», - говорил он мне, - я в прошлой жизни, наверное, жил в Персии. Или в Финикии, Сирии. Я очень люблю финики».

Из-за этого Серёжи или Славы я тоже полюбила финики - в память о нём. О хорошем парне на мопеде. Его даже не остановило то, что он был меня младше на год или два. «Это ничего», - объяснял он мне. Вот так, имя я ему не сказала, а возраст - пожалуйста. Он был загорелый, плотный, с шалкой тёмных кудрей. А я была золотистая - от летнего щедрого солнца, тонкая - от переживаний, и вьющиеся волосы гладили меня по плечам. «Забудь меня», - говорила я ему. - Мы взрослые люди».

Но я и сейчас всё ещё чувствую себя иногда ребёнком, маминой дочкой, а мамы нет. А тогда она мне сказала резко: «Что за парень? Что люди подумают?» И ещё что-то. Ну, он всего-то и приехал один раз - к тополю. Ничего, наверное, люди и не успели подумать...

В густую крону тополя любили прилетать сороки - праздничные, хлопотливые птицы. А осенью зачастую грачи - черные, крикливые, любят это дерево - потолковать, перед тем, как податься в дальнюю дорогу.

Тополь, тополь, волшебное дерево! То у тебя лишь серебряный окоем, а вся листва, вся шуба - зелёная, блестящая, а то тронет ветер - и весь ты

драгоценно-серебристый, как виски моего любимого. «Я люблю тебя, - твердила я, стоя на крыльце, - слышишь, люблю!» И знала: там, далеко, ты со мной, ты не предашь, и никому не отдашь, и никогда не оставишь - ни в горе, ни в радости!

Тополь серебристый - это ты. Большой, непокорный, самое красивое дерево на нашей улице, «самый красивый парень на деревне», самый-самый... «Ты - самый лучший!» - убежденно говорю я, глядя в любимые глаза или слыша любимый голос. Не только для меня, а вообще.

Когда-то в юности у меня был красивый спортивный костюм (я любила радость движения) и три красивых летучих платья (одно подарила покойная сестра). Я чувствовала силу юности, чистоты и свежести. И ужасно страдала от грязи, от нелюбви, от вида чужой глупости - мне казалось, что всего этого не должно быть в моей жизни.

Теперь беды закалили меня. Нет, я не научилась их преодолевать легче, но мне всё труднее чувствовать себя счастливой и любимой. И лишь в твоих ладонях мне хорошо и покойно. И когда мы долго не видимся, я мечтаю: сразу начну целовать твои ладони. И стану перед тобой на колени. Это не знак и не символ - просто ноги не держат от счастья. Но ничего из этих мечтаний не получается - это ты меня начинаешь сразу целовать и твердишь о своей любви, а я не могу ничего сказать, потому что слёзы бегут по щекам.

Серебряный ветер - на серебристом тополе. На мраморном памятнике маме. Серебристая выюга зимой. Серебряный ветер разбрасывает листья.

Помню, зимой, малоснежной и серой, тополь всё равно был серебристый, задумчиво-жемчужно стояли его ветви в низком небе. Но здесь, над тополем, небо было выше! Потому что дорогу мимо не миновал никто. Здесь проезжал на машине мой брат - его давно нет, и уже выросли его сыновья; здесь стояла, провожая меня,

мама - и её нет; здесь, если честно, часто нет и меня, когда я проваливаюсь, пропадаю в городе - далеко отсюда, чужом, если вдуматься, городе, который я уже много лет по кирпичику перестраиваю под себя. А тополь ждет! Здесь я всегда дома и всегда своя, и ничего этому тополю не надо - ни полива, ни ухода. Это мы все - при нём.

И вечером, будто бы по какому делу, я иду по всё еще зеленой траве, мягкой, приятной ноге, к тополю, иду медленно, о чём-то думаю, мечтаю... О чём же? И думы все эти одинаковы каждый год уж много лет. Что жизнь - коротка, что скоро она пройдет и проходит, что будущее, к счастью, неизвестно, а прошлое, к сожалению, не переделаешь. Но, раскаиваясь во многом и многом, я никому не хочу его отдавать: это моя жизнь, мои вынянченные дни, дни сомнений и разочарований, вдохновений и тревог. Дни беды. Но было, было и счастье...

Раньше я страдала от того, что не стала художником, что не передала на картинах то радостное и светлое, что во мне есть и что я вижу. А теперь думаю: хорошо! Лишь дома - вечный пейзаж и вечная радость. Картины в Третьяковке уже не удивляют, как прежде. Многие книги - не нужны. А это небо, эта земля, этот тополь, этот вечер - также радуют и печалят душу, как много лет назад. Кажется, без этого можно прожить, можно забыть и не помнить, но вот я возвращаюсь домой, и мне здесь хорошо. Самые главные мои картины всегда со мной, их много, и не нужно краски, кисти и холста, только бы помнить! Серебристый тополь, и дымку над ним, и неуклюжую любовь кудрявого парня (кто-то живет теперь в его двухэтажном доме?!). А мой любимый никогда этого тополя не видел. А могила моей сестры - далеко, на Украине. Но если ехать, то всё равно путь, начало, лежит мимо тополя, могучего и серебристого.

Почему же так грустно? Ведь ещё долго жить, и будет, наверное, счастье...

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Творчество Александра Савина

Ретроспектива произведений живописи и графики заслуженного художника России А.И. Савина «Состояние равновесия», в начале 2007 года с успехом прошедшая в музейно-творческом центре «Дом Корбакова» Вологодской областной картинной галереи, впервые дала возможность и зрителям, и искусствоведам взглянуть на творчество мастера как на целостное и самобытное явление.

Так исторически сложилось, что в культурной среде Вологды органично сосуществуют совершенно разные художники, подчас с диаметрально противоположными творческими и жизненными позициями. Горожане и деревенщики, традиционные реалисты и искатели новых форм, бытописатели и фантазеры-мечтатели: у каждого серьезного мастера свое видение мира. И в творческом пространстве Александра Савина - своя система координат. По сути, он остается верным самому себе в лирико-философском восприятии мира, в способности тонко почувствовать и передать настроение преходящего состояния природы и человека.

Говоря вообще о творчестве, хочется вспомнить слова И.-В. Гете: «Чтобы что-нибудь создать, надо чем-то быть». Особенности личности творца, будь то писатель, музыкант или художник, в какой-то мере становятся частью художественных образов его произведений. Александр Иванович в жизни производит впечатление человека, остро чувствующего ситуацию, внимательного к деталям, способного уловить скрытую драматургию длящегося момента. Стиль общения Савина - диалог с собеседником, со зрителем, в основе которого возможна лишь искренность. Как личность абсолютно самодостаточная, А.И. Савин в полной мере не ассоциирует себя в изобразительном искусстве ни с каким направлением или школой, а проживает в нем свою собственную частную жизнь. Его путь проходит где-то по касательной по отношению к «красной линии» такого большого явления отечественного искусства, как русская реалистическая школа, на



Александр САВИН

определенных этапах близко соприкасаясь со многими другими параллельными творческими мирами: модерном начала XX века, современными гиперреалистическими исканиями Запада, старыми голландскими мастерами XVII века.

А.И. Савин - художник счастливой судьбы, ибо свое предназначение понял достаточно рано. Рисовать начал с того момента, как себя помнит, следовательно, всегда ощущал себя художником. Обстоятельства жизни сложились таким образом, что вся его творческая судьба оказалась связанной с Вологодой, хотя родился он в Туле, учился в Ярославле. В наш город А.И. Савин впервые приехал в 1973 году, еще будучи студентом

Ярославского художественного училища, и сразу же познакомился с В.Н. Корбаковым, обладающим особым чутьем на таланты. Во второй приезд, когда Александр Савин привез свои графические работы, В.Н. Корбаков предложил молодому художнику сделать персональную выставку, которая и состоялась в выставочном зале Вологодского отделения Союза художников РСФСР. А с 1975 года Александр Иванович постоянно живет и работает в Вологде.

Уже в первых своих произведениях он предстает сложившимся художником со своим кругом тем и образов. Это серия цветной графики «Гуси-лебеди» (1979), с которой А.И. Савин вступал и был принят в Союз художников; выполненные в смешанной технике графические листы «Зимние каникулы» (1978), «Белеет парус» (1983), «Деревенские качели» (1980-е), «Тишина» (1979). Все они посвящены теме юности - поре надежд и мечтаний. Отличительное качество ранних работ художника - их светоносность - затем перейдет и в живопись. В них присутствует ощущение ожидания юного героя, стоящего на пороге жизни. Именно в графике у Савина впервые появляется мотив пути, который, трансформируясь и наполняясь новыми смыслами, пройдет через все его творчество.

То, что цветная графика была выполнена в достаточно редкой смешанной технике (пастель, акварель, темпера) со сложными цветовыми переходами и вниманием автора к фактуре произведения, позволяет сказать, что эти работы близки живописи и, скорей всего, художник дальше будет развиваться не только как график, но и как живописец. Так оно и случилось. Но рисунок всегда играл важную, возможно, даже ключевую роль в творческом процессе А.И. Савина. Он рассматривает рисунки как часть своей внутренней работы над образом, способ размышления над будущей картиной. Именно в них художник постоянно находит и образ, и композицию сюжетно-тематического полотна.

В конце 1970-х - начале 1980-х

А.И. Савин много путешествует по Вологодской области. По его собственному признанию, ему все было интересно и необычно, так как художник вырос в несколько другой, среднерусской, географической и людской среде, с другим, более быстрым, темпом жизни. Ко времени приезда в Вологду он прочитал всю прозу Виктора Астафьева и Василия Белова. Путешествуя, художник встречал в жизни те человеческие типажи и характеры, которые так привлекали писателей-деревенщиков. Он много рисует. Так появилась серия черно-белой графики, созданная по принципу путевых заметок. Происходит постепенное накопление материала через сплав правды жизни и правды литературы. Эти впечатления, несомненно, стали тем жизненным и художественным опытом, который лег в основу больших живописных произведений А.И. Савина начала 1980-х годов.

Именно с этого времени в творчестве А.И. Савина появляется жанр сюжетно-тематической картины, в котором раскрывается вся сложность натуры художника: его мировосприятие, мастерство графика и живопис-



СВЕТЛЫЙ БУКЕТ. 1996. Холст, масло

ца. Самая ранняя серия картин представляет собой сюжетный рассказ о повседневной жизни городской окраины: «Затон», «Воскресенье», «Окраина», «Сторожка», «Вахта». Постепенно в живописи Савина начала решаться очень важная для сюжетно-тематической картины проблема современного героя. Чаще всего это внешне спокойные, но внутренне глубокие люди. За их плечами - прожитая жизнь, труд, испытания. Такими воспринимаются его мужские типажи в картинах «Однолюб», «На Сухоне осень», «Хозяин воды». Особенностью этих произведений является отсутствие социальной заостренности, со-

зерцательно-философское восприятие мира и человека в нем.

Лирическая, эмоциональная сторона творчества художника наиболее ярко раскрывается в его пейзажах. У пейзажа А.И. Савина изначально картинное построение. Его существование возможно лишь в качестве добротной законченной вещи. Художнику чужда эстетика «неделанности», эскизной «недосказанности» в готовом произведении. Исходным началом для создания его индивидуального художественного образа становится впечатление, ощущение от переменчивого состояния природы. А далее пейзаж сочиняется, ком-



И ДОЖДЬ, И СОЛНЦЕ. 2003. Холст, масло

понуется не только в своих мотивах, но и в красках, оттенках и постепенно становится волнующей зрителя средой совершающихся или могущих произойти событий не только внешнего, но и внутреннего мира.

Во многих картинах автор использует принцип введения одного жанра в другой - своего рода жанровый полифонизм. Художник чаще всего совмещает натюрморт и пейзаж, такковы композиции «Ностальгия», «Букет белой ночи», «Деревенский букет». Излюбленным мотивом в этих произведениях становится изображение полевых цветов и трав. Оно обычно помещено на передний план, дается декоративно, насыщенно по цвету. С ним контрастирует более светлое перспективное изображение пейзажа, увлекающее взгляд зрителя вглубь произведения. Такое сопоставление планов дает ощущение многомерности пространства многих картин художника.

Целая серия произведений А.И. Савина посвящена старому городу. Художник создает свой особый мир провинциальной Вологды с ее уютными двориками, с существовавшими еще до недавнего времени дощатыми мостками, со своими обитателями - характерными типажам провинциальных городских жителей.

Все его пейзажи овеяны романтическим флером: они предполагают многовариантность точек зрения на мир, в каждом его произведении присутствует свой лирический герой, глазами которого автор предлагает взглянуть на природу и человека.

Переломным этапом в творчестве живописца стали 1990-е годы. Политические события, происходившие в стране, пристальный интерес к российской истории побуждали художников к поиску новых тем, новых форм для их выражения.

А.И. Савин был одним из первых на Вологодчине, кто серьезно обратился к жанру исторической и историко-мифологической картины. Его произведения этого периода отличаются повышенным драматизмом. И это не случайно. Последнее десятиле-

тие XX века началось для него трагически: уходят из жизни родные, он прощается с живописцем А.В. Пантелеевым, с которым был очень дружен. Под впечатлением от этих событий Александр Иванович создает триптих «Реквием» (1991-1992), который и открыл новый этап в его творчестве. Затем была первая попытка написать картину на библейский сюжет - «Две правды» (разговор Пилата с Христом). Это произведение важно для художника тем, что в нем решались новые живописные задачи. Начиная с этой картины, выполненной в монохромной гамме, существенно меняется колорит произведений - он становится более условным; для усиления драматизма и таинственности полотен художник активно использует световые контрасты.

Далее А.И. Савин работает уже над более масштабными композициями. Для осмысления серьезных мировоззренческих и этических проблем он находит для себя новую форму - притчи, дающей возможность многозначного толкования изображаемых событий. В картине «Исход» (1994) художник в обобщенно-метафизической манере изобразил традиционную для классической живописи евангельскую сцену бегства Марии с младенцем и Иосифом из Вифлеема в Египет, подчеркивая общечеловеческий и мистический смысл всего происходящего.

Размышлениям о смысле жизни человека посвящен триптих «Се человек» (1992): «Колыбель», «Се человек», «Война». Его излюбленный герой - романтик, созидатель, он стремится воплотить мечту - строит корабль, тот взлетает в воздух, терпит крушение, и все начинается сначала. Картина «Тень Агасфера» (1997) родилась из раздумий о том, что оставляет после себя человек, какую тень отбрасывает. Художник использует христианское апокрифическое сказание об Агасфере, не принявшем христианство и не поверившем в Христа, а потому не могущем умереть до Второго Пришествия. Это образ вечного странника, изгнанника и скитальца.

Через многие произведения Алек-

сандра Савина лейтмотивом проходит тема пути. Если в первых графических работах она присутствовала скорее как предощущение начала жизненного пути человека, то со временем, в более поздних картинах и до начала 2000-х годов, этот мотив обретает статус многомерного образа-символа. Он включает в себя все новые смыслы: путь как духовное восхождение, путь как развитие мировой истории. В целом ряде его условно-аллегорических картин по-особому звучит тема одиночества человека через мотив странничества.

В своих самых последних работах художник размышляет на те же извечные темы, но уже несколько иначе. От

многословия и детализации мастер постепенно пришел к умудренной простоте. Те же глубокие по замыслу притчевые композиции ныне превратились в образы-символы. Живопись наполнилась цветом и светом, стала более сложной по фактуре. Таковы «Стена (праведный Прокопий Устюжский, Христа ради юродивый)», «Лестница», «Дорога никуда», «Судьба пророка». Это свидетельствует о наступлении поры серьезной профессиональной зрелости мастера. В этом видится результативность выработанной живописцем своей особой духовно-творческой методологии на пути обретения вечных художественных ценностей.

Мария ГРИБАНОВА



СТУПЕНИ. 2003. Холст, масло. Собрание картинной галереи Е.М.Лунина

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВА

ПРОЩАЙ, XX ВЕК!

Воспоминания Татьяны Андреевой, которые мы предлагаем читателям «Вологодского ЛАДА», были написаны ею для дочери Маши. «Моя дорогая девочка. Доченька, - пишет Татьяна Александровна. - Во мне так много всего, что я хотела бы передать тебе - мои знания, умения, опыт, общий душевный настрой на добро и любовь, но я понимаю, что это невозможно сделать сразу. На это нужно время, которого нет...»

Средство, чтобы скрепить связь времен, известно давно. Когда-то многие родители оставляли для своих детей воспоминания, это считалось едва ли не долгом перед потомками. Потом традиция прервалась, казалось, навсегда; но, как выяснилось, никакие бури не способны заглушить в человеке желание поделиться с детьми и внуками своими мыслями и чувствами, чтобы тем самым сохранить лучшее, что в их жизни было. И воспоминания Татьяны Александровны Андреевой - свидетельство неразрывности и высокой востребованности этой традиции. «Между прочим, - считает Татьяна Андреева, - я очень жалею, что не записала воспоминания своего отца о жизни и о войне. При том, что он любил прихвастнуть, он никогда много не рассказывал о своих военных подвигах, хотя прошел две войны - финскую и Великую Отечественную. Несколько раз он был ранен, а во второй войне был заброшен в немецкий тыл в Белоруссию и был одним из организаторов партизанского движения. И с мамой я за всю свою жизнь толком так и не поговорила, только урывками. А, наверное, это очень важно - знать свою историю, хотя бы в ближайших поколениях, собрать ее по крупицам, может быть, записать и передать потом своим детям. Когда мои родители были молодыми, память о прошлом государство старалось отбить у людей навсегда, и ему это почти удалось. Я не буду подробно писать тебе о своих дедушках и бабушках, об отце и маме. Я хочу, чтобы ты по-настоящему познакомилась со мной, своей мамой. И чтобы тебе было интересно это знакомство, я хочу передать тебе самые сильные впечатления своей жизни, радостные и, может быть, немножко горьких - для контраста. Я хочу, чтобы ты ощутила, что жизнь прекрасна всегда и что это одновременно дар Божий и испытание».

К сожалению, публикация ограничена объемом, и за ее пределами осталось немало ярких страниц воспоминаний Т.А. Андреевой.

Но главное мы постарались сохранить - ту самую живую память, которая позволяет каждому из нас ощущать себя не затерянными в экзистенциальном одиночестве, а частицами Божьего мира, неразрывно связанными между собой в одну семью, один народ...

*О память сердца, ты сильнее
рассудка памяти печальной...*

К. Батюшков

О чудо, память! Это осуществленная мечта человека о путешествии во времени. Стоит только попробовать вспомнить хоть что-нибудь из самого

далекого прошлого, и воспоминания потянутся одно за другим, и вспомнятся события, впечатления, краски и запахи, которые, казалось бы, пролетели мимо и канули в забвение. Сознание восприняло какие-то мелкие события вскользь, а подсознание определило им совсем другое место в

памяти, сочтя их достаточно важными для сохранения и для создания образа того времени, из которого мы достали эти события. Вспоминая, отправляешься путешествовать во времени, и возникает иллюзия власти над ним: захочу - останусь там, где мне было хорошо; захочу - забуду все плохое, как будто его не было вовсе. По своей воле могу выстроить все прошлые события в любом порядке, разложить их так, что они засияют, как драгоценные камни, и согреют душу того, кто о них прочтет. Перекину между ними мосты и продлю их в будущее, доведя до логического завершения. Получу причинно-следственную вязь своей жизни сейчас и предскажу, что будет и чем сердце успокоится. Вот какое это волшебное свойство - память... Как дорога она, понимаешь лишь представив на миг, что вдруг все люди лишились памяти. Нет памяти - и нет ничего, «распалась связь времен», распался мир!

Я где-то слышала, что человек начинает помнить себя с трех лет. Мое первое воспоминание приобрело форму зрительного образа. Там, где я была, мерцал неяркий темно-красный свет. Через много лет я рассказала об этом маме, и она вспомнила, что в городке Лигниц, в Польше, где я родилась после войны и росла первые полтора-два года, в доме, где мы жили, на окнах висели вишневые шторы из тяжелого шелкового бархата. Их задергивали днем, чтобы свет не мешал мне спать.

...Архангельск, 1950 год. Мы с мамой стоим в бесконечной очереди за мукой и сахаром, стоим с утра до вечера не один день. Очередь движется очень медленно. Кругом одни женщины и много детей. Дети бегают и балуются, и братик тоже.

Мы с мамой стоим перед ярко освещенным стеклянным прилавком в большом магазине. На полках ничего нет, кроме круглых баночек с паюсной икрой. Из этих темных от черной икры баночек, сделанных из толстого стекла, с черной изогнутой рыбкой на блестящей железной крышке, со-

ставлены высокие горки вдоль всех стен за прилавком. В магазине никого, кроме нас, нет, да и мы ничего не покупаем.

Зимой в Архангельске холодно и снежно. Нас с Сашей в первый и последний раз ведут в детский сад. Мама собирается работать в школе, а няню не нашли. Мне в детском саду сразу все не понравилось, и я после обеда одела Сашу и увела домой. Мы не знали, где дом, и просто шли и шли по зимнему городу, пока не стемнело. Потом нас как-то нашли. Вообще я была ужасно своевольная девица. Вот из садика ушла и брата увела. Мама очень хотела, чтобы я училась музыке. У нас в квартире стояло привезенное из Германии пианино. Меня показали учителю музыки, и он сказал, что у меня есть музыкальный слух и достаточно длинные пальцы для того, чтобы стать музыкантшей. Почему-то я сразу и наотрез отказалась от музыкальных занятий, инструмент продали. Спустя много лет я горько жалела, что была так упряма. Я всю жизнь любила и люблю музыку и завидую белой завистью тем, кто играет на каком-нибудь музыкальном инструменте. Тяга к музыке была так сильна, что через восемь лет, уже в Вологде, мы с братом записались в хор Дома пионеров. Мы с ним даже как-то солировали: «Расцвели опять тюльпаны первый раз в году, самый лучший и красивый я сейчас сорву...» Нас учила петь замечательная Роза Иевлевна Подольная, наверное, она очень любила детей и свою работу, потому что хор никто не пропускал и в нем было много мальчиков, не только девочки, как это обычно бывает. Мы с братом были музыкальными детьми. Мы пели, а Саша, без ведома родителей поступивший в музыкальную школу по классу баяна, научился играть еще на гитаре и на трубе. Если учесть, что мы всегда жили с ним в одной комнате, то можно представить, под какую музыку я делала уроки. С тех пор никакие соседи и никакое общежитие мне были не страшны.

Моя мама работает в школе - она учительница первого класса женской школы. О, как я хочу в школу! Школа - земля обетованная, там все самое интересное, там новая жизнь! Наконец первое сентября и знаки новой школьной жизни - форма, коричневое шерстяное платье, белый нарядный фартук, портфель с букварем, тетрадями и деревянной ручкой с тонким пером. Первый раз в первый класс! Моя школа - женская. Напротив, через дорогу, расположена мужская школа. Какая между ними большая разница! Моя школа чистенькая, ухоженная, во дворе разбиты красивые клумбы с цветами. В самой школе опрятно одетые девочки в белых фартуках и с белыми бантами в волосах чинно гуляют по коридору парами или стоят в стороне небольшими группами. Никто не бегают и не шумит. Совсем другое дело наши соседи. Пыльный двор оглашается криками играющих в футбол мальчишек. Что там внутри, я не знаю, хотя очень любопытно было бы туда заглянуть. Мальчики тоже очень интересуются нашей школой и нами, они совершают набеги на нашу территорию и норовят толкнуть или дернуть за косы. Почти у всех девочек косы. У меня толстая коса до пояса, предмет мучений, а не гордости. Постоянно приходится расчесывать и перешлетать волосы, а уж про мытье я и не говорю, тогда ведь не было шампуней. Да и мыла-то хорошего не было. Бабушка, Евдокия Максимовна, учила меня мыть голову хозяйственным мылом и полоскать уксусом. Запах уксуса всегда напоминает мне мытье волос в бане.

Отца из Архангельска переводят в Грязовец, что под Вологдой. Ему присвоено звание полковника, и он назначен командиром полка.

Жизнь офицерской семьи - это вечные переезды и вечное строительство новой жизни. Я помню, как мы ехали на поезде из Архангельска в Вологду в мягком вагоне. В купе было очень чисто, на окнах, на столике и на спинках мягких диванов висели и лежали

белоснежные накрахмаленные салфетки с вышитыми буквами «МПС», а на полу лежал ковер. В самом вагоне все, что было сделано из металла, блестело и отражало нас с Сашей. В Вологде отец должен был получить в дивизии назначение в грязовецкий полк, и мы пару недель жили в гостинице совпартшколы (Советской партийной школы). Она была такой же чистой и теплой, как мягкий вагон. В длинных коридорах лежали красные ковровые дорожки, а на столах дежурных по этажам, покрытых зелеными суконными скатертями, стояли большие настольные лампы с белыми матовыми плафонами. Здесь было тихо и как-то торжественно, бегать не хотелось.

В Грязовце нас сначала поселили за пределами военного городка, на одной из центральных улиц, в деревянном двухэтажном доме. Надо сказать, что тогда в Грязовце все дома были деревянными, и, хотя он гордо именовался городом, на самом деле это был маленький поселок, станция на железной дороге. От других таких же поселков он отличался только тем, что там стоял военный полк с казармами, плацем, волейбольной площадкой и офицерским городком. Дом, в котором мы сначала жили, был старый, с покосившимся полом, маленькими комнатками и маленькими окошками, пропитанный запахами старой деревянной уборной, которая была в общем коридоре. Отца мы видели редко, он все время был на службе. Мама хотела выйти на работу в местную школу, поэтому мы искали няньку для полугодичной Лены. С хорошими няньками в Грязовце, видимо, было трудно. Наконец няньку нашли. Ее звали Маня. Манино лицо не отложилось в моей памяти. Она была какая-то серая, без возраста, в платочке и уверяла маму, что лучше нее в городе няньки нет. Маню уволили через неделю, когда обнаружили синяки на попке у Лены. Оказалось, что нянька зачем-то щипала малышку. Обижать детей в нашей семье было не принято. Попадало

только Саше, и то не сильно, а так, для остротки, потому что жизнь в этом ребенке бурлила и в любую минуту он был готов к приключениям. Еще в Архангельске...

В старом доме в Грязовце мы, наверное, прожили около года. Однажды зимней ночью недалеко от нас горел дом. Мы бежали смотреть на пожар. Было очень холодно и темно, и дом быстро и гулко исчезал в прямом красном столбе огня, искрами улетаая в черное небо. Было очень страшно, казалось, что и мы сейчас улетим ввысь и от нас ничего не останется.

В полку почти каждый день солдатам показывают кинофильмы. Дети офицеров бегают на эти просмотры постоянно, занимая обычно весь первый ряд. Позади нас - темная масса солдат, пахнувших потом, солдатскими сапогами, портянками и табаком. В отсутствие няньки мы с Сашей занимаемся воспитанием своей сестры Елены. Ей меньше года, мама ушла и оставила ее с нами, а нам хочется в кино. Заворачиваем Ленку в пеленки, в одеяльце и идем в полк. На КПП (командно-пропускном пункте) нас останавливают, видимо, папа распорядился не пускать. Тогда мы идем к длинному забору, ведущему к клубу, находим ближайшую к нему дыру. Саша отводит в сторону доску и пролезает внутрь, я подаю ему ребенка и следую за ним. В темном клубе мы пробираемся в первый ряд и погружаемся в приключения веселого Ходжи Насреддина, красавицы Оливии и влюбленного герцога Орсино из «Двенадцатой ночи» или соперничаем героям «Свадьбы с приданным». Наслаждение изредка прерывается ревом промокшей насквозь Ленки, мы тут же меняем ей пеленки и продолжаем смотреть фильм. Самые первые фильмы в моей жизни, увиденные еще в кинотеатрах Архангельска, были началом моей большой любви к кино. Они запомнились навсегда и, поскольку это были по-настоящему гениальные фильмы, я всю жизнь смотрю их с не меньшим удовольстви-

ем. Не могу не перечислить их в порядке просмотра: «Чапаев», «Белоснежка и семь гномов» (диснеевский мультфильм), «Двенадцатая ночь», «Свадьба с приданным».

Мы с мамой очень близки. Нам хорошо вместе, мы поем на два голоса любимые песни: «Вот кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идет, на нем защитна гимнастерка, она с ума меня сведет»; «Осенний лист, такой нарядный, ко мне в окошко залетел, а мой хороший, мой ненаглядный и посмотреть не захотел, наверно, он меня не любит, другие нравятся глаза, он не придет, не приголубит, завянет девичья краса»... В Доме офицеров работают кружки для офицерских жен и детей. Мама поет прекрасно, в ней течет половина южной казачьей крови. Она поет в хоре и, помимо, руководит им. Женщины и дети военного городка живут обособленной от остального населения жизнью. Через много лет я поняла, что эта жизнь была гораздо более сытой и обеспеченной, чем у окружающих нас грязовчан. Хотя некоторые продукты можно было купить с трудом, например яйца, которые папа очень любил. Мы, как и все офицерские семьи, копали огород вокруг дома, сажали картошку, морковь, свеклу, капусту. Но кроме овощей мы разбивали клумбы и сажали цветы. Перед крыльцом у нас была маленькая лужайка, заросшая травой, а на клумбах все лето качались на длинных стеблях цветные ромашки и папины любимые флоксы. Здесь хорошо было лежать на одеяле и читать книжки. Чтение в нашей семье считалось отдыхом, мы довольно много помогали родителям. Носили воду из колонки, находящейся метрах в пятидесяти от дома. Помогали пилить и колоть дрова, носили их в дом и топили печи.

Видимо, мясо тоже трудно было достать, поэтому мама завела уток и кроликов. Уток я не любила, они загладили весь двор, не пройти, не проехать. Их быстро съели и больше не разводили. А вот кролики мне очень нравились. Серые, ушастые, поначалу такие маленькие и удивительно

красивые. Я брала в руки крольчат, гладила и кормила их травой, выпускала побегать на лужайке. Они жили у нас в сарае, за домом. Кроликов разводили многие в Грязовце. Эти неприхотливые животные размножались быстро, принося людям нежное мясо и мягкие шкурки. Развели кроликов и в моей школе, за ними ухаживали все дети. Я так увлеклась кролиководством, что проводила все свободное время на школьной ферме, чистила клетки, кормила животных остатками каши и хлеба из школьной столовой, рвала для них траву. Утром раньше всех бежала в школу, унося в портфеле свой завтрак кроликам. Про меня даже заметку в местной газете написали и напечатали фотографию с двумя крольчатами на руках. Внезапно все закончилось. В школе на кроликов стали нападать крысы и съедать почти весь молодняк, да и зимой кормить их было нечем. А дома по осени мама решила побаловать семью крольчатинной и забила первого кролика. Он висел в сарае над дверью, привязанный за лапы веревкой, вниз ушастой головой, и с носа капала кровь. Это было ужасно. Есть кролика я не стала. Как можно есть друга?!

Двенадцать, тринадцать лет - в этом возрасте я начала отрываться от мамы, так, наверное, происходит с каждым. Процесс этот болезненный: ты еще очень нуждаешься в материнском тепле и ласке, но уже появляется тяга к отдельному существованию, к обретению себя как личности. Начинается великий поиск друзей и любви, еще только просыпающийся зов разума и плоти. Именно в это время я перехожу в среднюю школу, где проучусь два долгих года, до отъезда в Вологду.

В новой школе и в новом классе мальчишки встретили меня хорошо, а девочки молча. Девочек я не помню совсем, кроме двух. Одну я и хотела бы забыть, да не смогу. А вторая, Таисья, была такой забитой, безответной и несчастной, что ее я тоже по-

мню. Пятый класс проходил незаметно, я училась отлично. Маленький мальчик с большими бархатными глазами на какой-то праздник подарил мне открытку с первым в моей жизни объяснением в любви. Это объяснение меня очень забавляло, но мама запретила смеяться над ним и показывать открытку подружкам. На самой открытке была изображена знаменитая «Шоколадница», девушка в старинном платье с подносом и в чепчике. Надо отдать должное дарителю - у него был хороший вкус. Эта открытка долго хранилась в моих вещах. Через двадцать пять лет мы случайно встретились с ним в поезде по дороге в Архангельск, куда мы с сестрой Леной ехали к брату встречать Новый год. Он подошел к нам в полутемном коридоре вагона, улыбаясь, и я узнала его по глазам.

В классе был один мальчишка, который всем очень нравился. Кешка сидел со мной за одной партой. Юркий, веселый, с острым носиком и круглыми, слегка выпуклыми, невинно-наглыми глазами, осененными длинными светлыми ресницами, он на всех уроках крутил стриженной под ноль белобрысой головой и развлекал весь класс остротами, мало приличными припевками и поговорками. Его часто наказывали дома и в школе. Однажды родители за какую-то провинность заперли Кешку дома. Его семья жила в длинном, двухэтажном деревянном бараке. Выбраться из дома он не мог, поэтому, высунувшись по пояс в форточку, на весь крещеный мир вопил: «О, дайте, дайте мне свободу!» Больше всех Кешкиным шуткам радовалась я, перестав даже смотреть в сторону учительницы, поэтому нас быстро рассадили. И вдруг посреди моей спокойной и веселой жизни в классе появилась она - мой антипод, мой враг, моя мучительница. Ее звали Вика. Несмотря на прошедшие годы, я вижу ее так ясно, как будто она сейчас стоит передо мной, презрительно прищурив глаза. Вика была высокая, крупная девочка. Не отличаясь особой красотой, она притягивала взгляд чистой, всегда отутю-

женной формой, сиявшими белизной воротничком и манжетами, блестящими волосами, разделенными идеально ровным пробором и зашплетенными в тугие косички с глаженными лентами. Кроме того, в ней была особая недобрая сила, всегда привлекающая более слабохарактерных и услужливых детей. Я тогда не знала, за что она меня так ненавидела, почему с такой готовностью к ней примкнули остальные девочки и некоторые ребята, до этого относившиеся ко мне вполне дружелюбно. Среди них был и Кешка! Вика сразу взяла верх над всеми в классе, она стала главной, и власть ее была непререкаемой. Как хороший стратег, она сначала ходила вокруг меня, присматривалась, прислушивалась и искала слабые места в моей обороне. Сделать это было проще простого. Я была абсолютно беззащитна, открыта и не ожидала ничего дурного. Внешне наши отношения выглядели вполне пристойно, но подспудно между нами шла нешуточная борьба. Она боролась за власть, я - за честь и достоинство. Ей надо было обязательно сломать и покорить меня, а мне - выстоять, не сломаться, отстоять свое право на равенство с ней. Вика сразу приняла по отношению ко мне менторский тон и с сочувственной улыбкой поучала меня на каждом шагу, выбирая ситуацию так, чтобы рядом было как можно больше одноклассников. Целый год во всеуслышание мне говорили: «Не морщи лоб!» или «Какой у тебя некрасивый нос, впрочем, нос сойдет, а вот зубы ужасные!» и тому подобное. Стоило мне выйти из класса, как мои учебники, тетради, ручки и карандаши летели на пол. В тетрадях и дневнике откуда-то появлялись чернильные и жирные пятна, промокашки исчезали навсегда. Когда я возвращалась в класс, все умолкали, и девочки, встав у стены, смотрели, что я буду делать. Я молча поднимала свои вещи с пола и раскладывала на парте. Мое молчаливое сопротивление, отсутствие слез, истерик, доносов учительнице вызывало еще большую озлобленность моих врагов. В те време-

на в поселковых школах не было раздевалок для уроков физкультуры, и мы раздевались в классе, развешивая одежду на спинках парт. После физкультуры я стала находить свою форму в углу, испачканную мелом, заплеванную и затоптанную грязными ногами. Это было выше моих сил. Я рассказала обо всем маме, но тогда не принято было ходить в школу и разбираться с обидчиками своих детей. Мама сказала, что я сама должна справиться с этой ситуацией, если хочу, чтобы меня уважали. И тогда я на уроке физкультуры подошла к Вике и громко сказала, что я знаю, что это она организатор и вдохновитель всего, что со мной происходит в последнее время, и потребовала объяснить, за что меня ненавидят, в чем моя вина. Я сказала, что если она мне не ответит, то она трусливый человек, способный обижать только слабых и беззащитных, а я ее не боюсь. Она не ожидала, что я пойду на открытое сопротивление, и на этот раз спасовала. Меня трясло от обиды и бессилия, слезы готовы были брызнуть из глаз, но я сдержалась и не поддалась слабости. Противостояние продолжалось с переменным успехом почти два года. Мне то давали передышку, то с новой силой старались унижить и растоптать мое достоинство. Можно представить, какие душевные муки мне пришлось пережить. Даже сейчас воспоминание об этом сообщает сердцу лишний толчок. Все закончилось нашим переездом в Вологду в связи с демобилизацией отца, попавшего под хрущевское сокращение армии, когда на пенсию были отправлены сорокапятилетние боевые офицеры, прошедшие войну и победившие военную машину Германии.

Обдумывая эту школьную ситуацию во взрослом состоянии, я поняла, что испытала тогда проявление самой настоящей классовой ненависти. Не важно, каким я была человеком, главное - я принадлежала к другому кругу людей, с точки зрения моих одноклассников неизмеримо

более обеспеченных, сытых и живущих в лучших условиях. Наверное, так оно и было, хотя на самом деле мы жили очень скромно. Но наше небогатое житье казалось им небывалой роскошью. Наверное, я невольно одним своим видом оскорбляла чувства большинства девочек, одетых очень бедно и полуголодных. Наши поездки на юг каждое лето казались им фантастическим транжирством, финские домики, в которых мы жили, - дворцами, наши огородики - развлечением. Тогда как им приходилось во время летних каникул наравне с взрослыми работать на больших огородах в деревнях, где жили их дедушки и бабушки. Они должны были пасти коров и коз, выполнять тяжелую работу по дому, ежедневно видеть рабочий труд своих родителей, слушать их брань и наблюдать пьяные драки и совокушения. Я тоже многое видела и слышала из того, что происходило вокруг, но мой детский ум отказывался соединять эту тяжелую взрослую жизнь с моими одноклассниками. Расправляясь со мной, Вика, может быть даже, считала, что делает благое дело. Только мне от этого было не легче. Так грустно закончилось мое золотое детство и началось отрочество.

Начало 1960 года. О сокращении в войсках уже говорили некоторое время, но все, как всегда, случилось неожиданно и быстро - отец вместе с тысячами других офицеров-фронтовиков был отправлен в запас, то есть на пенсию. Это сокращение в народе называли «хрущевским», страной управлял тогда Никита Сергеевич Хрущев, известный радикальными взглядами и решениями коммунистический лидер. При нем вся страна то выращивала кукурузу, даже в Вологодской области и в других северных областях, то нам обещали коммунизм через 20 лет, то есть полное процветание, равенство и братство. Я помню горой насыпанное кукурузное зерно на платформе товарной станции Грязовца, откуда его развозили по колхозам на посев. Зернышки были ров-

ные, толстенькие, ярко-желтые, они так и просились в руки и на зубок, но такие твердые, что разгрызть их было невозможно. Весной кукурузу посадили все хозяйства области, она даже взошла и выросла за лето на тридцать-сорок сантиметров. Больше ее у нас не видели.

Отец был боевым офицером, прошедшим финскую и Великую Отечественную войны. Он рассказывал нам, своим детям, как замерзал в окопах на линии Маннергейма, как, будучи пехотинцем, прошагал, проскакал и прополз на животе к мирной жизни через всю Белоруссию и Польшу. Он был одним из организаторов партизанского движения в белорусских лесах, командовал партизанским отрядом и закончил войну в польском Лигнице комендантом города. В белорусских лесах жить приходилось и в землянках, и на голой земле. Часто во время военных действий зимой спали в снегу, ложась на одну полу полушубка, а закрываясь другой. От холода спасались спиртом. Спирт был универсальным допингом, в бою помогал быть бесстрашными и спасал от холода. Один недостаток у этого лекарства - к нему привыкают. Война страшна еще и тем, что с нее возвращаются люди, привыкшие к ежедневному приему алкоголя. Армия, вернувшаяся в 1946 году в Россию, домой принесла с собой алкоголизм, как известно, передающийся по наследству.

В сорок пять лет, отмеченный всеми орденами и медалями, кроме Звезды Героя Советского Союза (что его очень огорчало), здоровый, полный сил мужчина вдруг оказался не у дел. Переживания отец глушил старым дедовским способом. В дивизии ему на выбор предложили либо ехать генералом в Египет, либо уйти в отставку. Отец предпочел отставку, уж очень был обижен. Он имел право поселиться с семьей в любом столичном городе Советского Союза, но предпочел остаться в родной Вологде.

Гражданскую работу дали в «бытовке». Отец стал директором обувной фабрики, на которой еще в большом

количестве работали бывшие фронтовики, почти все инвалиды, покалеченные на войне. Фабрика в основном занималась ремонтом обуви, но было на ней и маленькое производство, где делали первые кожаные сапожки, вошедшие тогда в большую моду. Сапожки, предмет вожделения всех вологжанок, выглядели очень хорошо, почти как импортные, время от времени завозимые в центральный универмаг и идущие нарасхват. Вологодские сапожки были сшиты из лучшей кожи, на самом модном каблучке - шпильке, но имели один большой недостаток - при ходьбе скрипели, как армейские сапоги!

Первое время мы от него почти ничего не слышали о его работе. Наверное, он был растерян и унижен оттого, что его, полковника, боевого офицера, поставили командовать мелким производством, на котором невозможно было реализовать себя в полной мере. Однако, будучи человеком очень общительным и добрым, он быстро завоевал любовь и уважение своих «сапожников», ставших называть его «Батя», как на фронте. Постепенно он привык к новому месту, у него появилась заместительница, молодая женщина с образованием обувщика, хороший работник и прекрасный человек. Кроме того, отца избрали председателем городского Совета ветеранов войны. Работа с ветеранами была общественной, но она захватила отца гораздо больше, чем работа на фабрике. Тут все было знакомо и привычно, со многими ветеранами до демобилизации он служил в одной дивизии, многих знал по Северному военному округу. Сначала ветеранская работа приносила ему удовлетворение и даже доставляла удовольствие, позже, с годами, что-то изменилось. Кто-то заслуженно или незаслуженно получал большие льготы и пенсии, кто-то меньшие. Появился внутренний разлад, и это не могло радовать отца, который старался помогать ветеранам в получении квартир, улучшении жилищных условий и тому подобном. Встречи ветеранов, направленные на благое дело - сбор

информации об их участии в прошедшей войне, составление некоего исторического материала о них, хранящегося теперь в областном краеведческом музее, на работу с молодежью, перерастали в выяснение отношений. В то время одни считали отца замечательным человеком и самым лучшим руководителем, у других он вызывал неодобрение и раздражение. Как правило, эти другие были либо обиженные ветераны, либо крупные городские руководители. Отца это не очень волновало, он говорил: «Я живу хорошо, у меня все есть, за себя я просить ни к кому не хожу». И не ходил - никогда.

С годами редели ряды ветеранов, физически уменьшалась общественная работа. Но отцу очень важно было, чтобы его знали, помнили и любили. Он ходил на все ветеранские встречи, бывал на всех праздничных демонстрациях, стоял на трибуне возле памятника Ленину и ходил рассказывать о войне и героизме советского народа всюду, куда его приглашали. А приглашали его в школы, в техникумы, в институты, в партийные организации, в газеты и тому подобное и всюду встречали с распростертыми объятиями и накрытым столом.

Вскоре отец ушел на пенсию, все меньше его друзей собиралось по праздникам на площади Революции, и закончилось все ранним инсультом, диабетом и несколькими годами почти неподвижной жизни на диване, поближе к кухне и туалету. Он стал никому, кроме нас, не нужен. Мы вдвоем с мамой на руках таскали отца с четвертого этажа от одной больницы до другой. В последние два года ему сделали четыре операции, отрезая по частям правую ногу.

Мой отец умер в 1992 году в возрасте 78 лет. Природой в нем было заложено могучее здоровье, к примеру, его мать прожила 92 года, а бабка - 115 лет. И он мог бы жить и жить.

Не хочу, вспоминая отца, останавливаться на грустной ноте. Потому что он был большим оптимистом, сельчаком, компанейским парнем, и была у него в жизни радость, которую

никто и ничто не могло омрачить - любимая дача - «скворечник» из досок за деревней Баранково да три сотки болота. За многие годы титанического труда мама превратила их в ухоженный клочок земли, где на каждом сантиметре что-нибудь посажено. Там росли любимые папины цветы - флоксы, кусты смородины, малины и крыжовника, яблоньки, овощи и всякая зелень. Он говорил: «Весело и быстро на дачу побежал» - и бегал туда все лето каждый день. У него там была свобода, солнце, воздух и генетическая память о покинутой родной деревне. Даже умирая в больничной палате, в бреду, он видел себя счастливым на даче и говорил мне: «Дай малины, вон на тарелке ягодки лежат»...

На прощании в Доме офицеров и на похоронах было много людей, говорили много хорошего, и я думаю, если бы он мог видеть свои похороны и слышать все сказанное, они бы ему понравились.

В день похорон я поняла, как сильно любила отца и как он мне нужен, пусть больно, ворчливый, подчас несправедливый, но чтобы был.

Из Грязовца в Вологду мы переехали не сразу, ждали, пока сдадут новый дом в самом центре города, на улице Батюшкова. В этом доме отец получил двухкомнатную квартиру, так называемую «хрущевку», с проходными комнатами на четвертом этаже, под крышей. Еще у нас была трехметровая ванная комната с титаном, нагреваемым с помощью дров, и пятиметровая кухня.

Здесь мы выросли, отсюда разъехались на учебу и на работу. Несмотря на то, что в квартире нас было шестеро вместе с бабушкой, мы все здесь как-то размещались и устраивались. Папа с мамой и Леной спали в «маленькой» двенадцатиметровой комнате. Бабушка, Саша и я - в «большой» двадцатиметровой комнате. (Забавно было однажды прочесть в до-reволюционной вологодской газете: «Семья рабочего Н., из трех человек, ютилась в маленькой двадцатиметровой комнате»). Мы с бабушкой спали

на диванах, а Саша на раскладушке. Я не случайно пишу, что мы спали в этих комнатах, жить там было негде. Мы и жили на улице, в школе, в библиотеке и у друзей. В нашей комнате стояла еще кое-какая мебель - два книжных шкафа, набитые книгами, стол, стулья и сервант. Несмотря на дефицит, книги были тогда в каждой семье, а не только в домах интеллигенции. У каждого из нас была как бы своя библиотека. У мамы шкаф с историческими книгами и энциклопедиями, у отца - военная библиотечка, в которой была пара книг, включающих статьи о нем самом и его боевых подвигах, чем он очень гордился. У детей был шкаф с художественной литературой, советской, русской и иностранной, имевшей тоже исторический уклон. Советский Союз действительно был самой читающей страной в мире. Телевизоры еще только входили в обиход и были у немногих людей. Немногочисленные центральные газеты и журналы носили чисто пропагандистский характер, они прославляли коммунистическую партию, ее настоящие и псевдодостижения, а также служили средством морального подавления «инакомыслящих». Только сейчас я понимаю, какое это было мощное оружие, с его помощью ежедневно промывались мозги всем советским людям. Здесь использовались новейшие методы внушения и самые простые повторы, безотказно действующие на людей. Лично я в 15 лет не сомневалась в том, что коммунисты - это самые лучшие люди на земле, что наша страна - самая лучшая и самая богатая. Что мы живем лучше всех других народов. Что капиталистические страны «загнивают», и скоро коммунизм наступит на всей земле, и так далее. Эти идеи подкреплялись страхом, впитанным отцовским поколением. Это поколение прошло через систему ГУЛАГа, государственных исправительных лагерей, где держали, мучили и уничтожали умных, талантливых, не согласных с системой, не побоявшихся сказать об этом вслух и даже потенциально опасных для власти людей,

так называемых «врагов народа». Мое поколение уже почти ничего не боялось, скорее всего потому, что мы ничего об этом не знали. Все, что правительством и коммунистическая партия пытались скрыть, люди вычитывали в книгах, газетах и журналах «между строк». В шестидесятые годы в пик книжному дефициту и запретам на издание многих великих русских и советских писателей и поэтов (например, Ю. Тынянова, Ф. Соллогуба, М. Булгакова, поэтов Серебряного века, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Пастернака и т.п.), а также новых авторов, пишущих на запретные темы, появился «самиздат». Перепечатанные на машинке или просто от руки переписанные запрещенные книги передавались из рук в руки, читались по ночам и свято сохранялись интеллигенцией. Запрещено было писать об истинном положении людей в стране, особенно колхозников, удерживаемых в деревне насильно - им просто не выдавали паспортов, когда они куда-нибудь ехали для решения своих житейских проблем. Покинуть деревню можно было только через армию или уехав на стройки очередной «пяtilетки» - пятилетнего плана развития страны, или на освоение целинных земель, освоение Севера и тому подобное. В общем, добровольно отправиться на пустое неосвоенное место, туда, где не хватало рабочих рук, где жизнь была связана с риском и лишениями. Под особым запретом была лагерная тема.

Н.С. Хрущев был неоднозначной политической фигурой. Он инициировал и провел XX съезд коммунистической партии, на котором открылись преступления Сталина против своего народа. Он «прославился» знаменитой фразой, брошенной с трибуны ООН: «Я вам покажу кузькину мать!», обращенной к американскому империализму. Был он известен и названной в его честь «хрущевской оттепелью» - внезапным разрешением печатать ранее запрещенную литературу, говорить вслух то, что потихоньку обсуждалось на кухне. До этого до нас доходили только воспоминания бывших узников

фашистских концлагерей. Но уже это у читающего и думающего человека вызывало желание провести некоторые параллели. И вдруг в 1966 году появилась книга А.И. Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича», вышедшая в формате «Романа-газеты». А надо сказать, что «Роман-газета», будучи дешевым и распространенным изданием, выходила огромными тиражами, то есть ее прочла вся страна, и это был взрыв, равносильный взрыву атомной бомбы. Многие незрелые умы быстро повзрослели и многое поняли. Во мне же всегда был силен дух противоречия, желание разобраться, что к чему, и правду ли мне говорят. Например, нам постоянно и настоятельно рекомендовали читать газеты: «Пионерскую правду», «Комсомольскую правду» и просто «Правду» - идеологические издания, пропагандирующие коммунистические идеалы. Я газет не читала, разве что в детстве несколько номеров «Пионерской правды», потому что она была на самом деле детской. Газеты «Известия», «Правда», «Труд» для меня были скучными и во многом просто непонятными. Я с детства не люблю слушать радио (специально слушала только сказки и оперную музыку) и всегда удивлялась, как можно его слушать с шести утра до двенадцати ночи, не выключая ни на минуту, тем более местное радио, грешившее недостоверной информацией и неправильной речью. Я ни разу за все свое детство не ездила в пионерский лагерь, мне хватало школьного шума и гама зимой, а летом хотелось уехать с родителями к морю или в лес и побыть с ними и с самой собой. Мне хотелось свободы. Примечательную мысль я недавно нашла в одной современной центральной газете. Берут интервью у итальянца моих лет, женатого на русской женщине. Этот итальянец поселился в России, в деревне, завел хозяйство - коров, птицу и т.п. и очень доволен жизнью. Журналистка спрашивает его: «Как вы живете здесь, вы же европеец и привыкли жить в Европе»? На что он ответил: «Я и живу в Европе. Европа - это голова и руки. А земля - лишь

инструмент для работы». Я с ним совершенно согласна. Для него Европа - голова и руки, для меня свобода - голова и сердце.

В следующем, 1961 году мы купили первый в своей жизни телевизор - самый новый и самый большой - «Рубин», и смогли увидеть, как страна встречала в Москве на Красной площади первого в мире космонавта Юрия Гагарина. Как-то сразу обозначились те немногие передачи, которые мы с удовольствием смотрели. Раз в неделю, по субботам, шло первое советское шоу «Голубой огонек», по пятницам - веселый «Кабачок 13 стульев», своеобразное «окно в Европу», явно сатирического свойства, но официальные власти его терпели, поскольку действие происходило как бы в Польше, а не у нас. По понедельникам я с восторгом смотрела спектакли лучших московских и ленинградских театров. С тех пор театр для меня - это еще одна маленькая жизнь. Все остальное было сильно политизировано и нас, детей, не интересовало. Телевизор мы почти не смотрели, настоящая жизнь вокруг была куда интереснее.

Как ни странно, Вологда шестидесятых годов не поразила моего воображения, хотя была значительно больше Грязовца. Просто я уже могла сравнивать, побывав неоднократно в Москве и на юге. Да и жизнь моя ограничивалась тогда домом и школой, вхождением в новые отношения с новыми людьми, что само по себе сложно, тем более для подростка. Вологда тогда была почти вся деревянная. По ней бегало несколько автобусов и автомобилей. (Редкий автомобиль, особенно частный, считался роскошью). Чистая, умытая росами Вологда весной и летом дышала свежим прозрачным воздухом, смешанным с запахами цветущих деревьев и трав, а по ночам на рыбной речке Золотухе пели соловьи! Вологда с давних пор славится зелеными насаждениями благодаря счастливой привычке вологжан сажать деревья и кусты. Она сохранилась до сих пор, и город наш пока не превратился в задымленную ас-

фальтовую пустыню, несмотря на появление в последние годы огромного количества автомобилей.

Наш дом возвышался в самом центре города. Во все стороны от него расходились неширокие улицы со старыми, потемневшими от времени небольшими деревянными домами. Окошки были традиционно украшены резными наличниками, покрашенными светлой краской, а палисады чаще всего представляли собой глухие высокие заборы с надписью «Осторожно, злая собака!»

Эти дома принадлежали в основном к застройке начала и середины XIX века. С нашего балкона была видна почти вся центральная улица Мира, ведущая к вокзалу. Внизу, под балконом, росли трава и маленькие деревца. Чудесно было, устроившись на толстом одеяле, представлять себе, что балкон - это моя отдельная комната, читать и посматривать вниз на происходящее вокруг.

Налево и направо убегала улица Клары Цеткин (сейчас ей возвращено исконное название - Благовещенская), по которой я буду ходить годами, сначала в школу, а потом в институт. Эту улицу я могу пройти с закрытыми глазами, потому что мои ноги знают здесь каждую ямку в асфальте. Каждый дом, старый и новый, выросший на моих глазах, мне знаком «от стен и до крыш».

Странно, что мои глаза и мое сознание скользили тогда по прекрасному старинному дому Константина Батюшкова, по дивным очертаниям Вологодского кремля и не задерживались на них, хотя располагались они буквально за углом нашего дома. Меня и брата больше интересовала река Вологда, где летом мы с друзьями из нашего двора ловили на удочку ершей и окуньков, купались и загорали на травке, а зимой катались на санках и на лыжах с крутых берегов. Мы свободно росли, отдаваясь течению времени и обстоятельств, потихоньку взрослели, накапливая опыт общения со сверстниками и взрослыми людьми. Это был период простой и легкой жизни. Учеба почти не дос-

тавляла мне хлопот, все предметы, кроме математики и физики, давались мне с легкостью. Стыдно признаться, но в старших классах я занималась только точными науками. До сих пор мне иногда снится страшный сон, что я стою у доски и безуспешно пытаюсь решить задачу по алгебре, думая при этом: «Как же так, ведь школу я давно закончила, и институт тоже, и даже аспирантуру, зачем же меня снова заставляют сдавать алгебру?!» Зато всем остальным предметам уделялось минут тридцать в день, а свободное время посвящалось книгам. Читала я запоем, даже на уроках, низко склоняясь над партой и передвигая книгу так, чтобы очередная строчка была видна в щелку между партой и ее крышкой. А ночью, когда мама прогоняла меня с книгой из кухни или из ванной спать, я читала под одеялом с фонариком. Мама принципиально считала чтение бездельем и, застав меня читающей, тут же давала какое-нибудь поручение - подмести пол или посуду помыть, поэтому у меня было одно потайное место, где можно было спокойно читать, правда, только летом, - чердак! Чердак спасал и от моего неумного брата, всегда стремившегося вовлечь меня в круг своих интересов. Однако чем взрослее мы становились, тем сильнее наши интересы расходились, хотя и общего оставалось довольно много, потому что мы всегда ходили в одну и ту же школу. Широкая Сашкина душа охватывала весь наш двор и всю центральную часть города, а также реку с ее берегами, Дом пионеров, школу, музыкальную школу, стадионы и так далее. За нашим домом располагались тогда деревянные сараи - склады шкур и костей с мясокомбината, летом время от времени напоминавшие о себе тяжелым смрадом. Хорошо, что ветер в нашу сторону дул не часто. Множество закоулков, переходов и скрытых от посторонних глаз мест не могли не привлекать окрестных мальчишек, вечно занятых какими-то своими делами - разговорами, выяснением отношений и не всегда безобидны-

ми играми, например в кости и в карты на деньги, или первыми пробами папирос и вина. В начале семидесятых на месте этих сараев вырос нынешний крытый рынок, тогда он казался чуть ли не столичной постройкой.

До его появления старый рынок располагался между улицей Маяковского и проспектом Победы, там, где сейчас находится дорога в сторону улицы Чернышевского. По правую сторону от нее были магазин «Овощи-фрукты» и уцененный магазин. Посреди небольшой площади стояла обезглавленная церковь, которую превратили в крытое рыночное помещение. Оно было небольшим, и там продавали молочные продукты и мясо. Разруб мяса был сортовой, с обязательными плакатами за спиной продавцов, одетых в белые фартуки и белые нарукавники. На плакатах были нарисованы разрубленные пополам и в профиль коровьи и свиные туши, и на них цифрами обозначались разные части с названиями, например, «филе», «грудинка», «окорок» или «брюшина» и так далее. Но самое главное, каждая часть имела определенную цену, которую продавцы не вправе были менять, и люди точно знали, что сколько стоит. Разброс цен был достаточно велик, так что люди любого достатка могли купить себе мяса. Все остальное продавалось на улице на длинных столах, установленных вдоль этого здания, с навесами и без них. Торговали там исключительно местные крестьяне да старушки с городских окраин собственноручно выращенными овощами. Здесь были представлены картошка, капуста, огурцы и всякая мелочь типа морковки, свеклы, лука, чеснока и зелени.

Молоко на рынке было цельное, неснятое (значит, с него не были сняты перед продажей сливки) и по этой причине необыкновенно густое, жирное и желтоватое на вид. Молочницы наливали его в вашу трехлитровую банку похожим на высокий стакан старым алюминиевым литровым ковшиком на длинной изогнутой ручке. Они доставали молоко прямо из би-

донов (круглых высоких канистр) с потертыми и неровными от постоянной перевозки боками, тоже сделанных из алюминия. Молоко часто было еще теплое, и бидоны отпотевали чистыми капельками воды сверху донизу. Продавали и готовые молочные продукты домашнего изготовления и качества. Был там удивительно вкусный, сладковатый, чуть розовый творог из томленного в русской печи молока. В густой без примесей сметане ложка стояла, и этим определялось ее качество. Сметану привозили в таких же бидонах, что и молоко. (Позже, в семидесятых годах, когда молочные продукты и мясо стали дефицитом, в сметану в магазинах стали подмешивать кефир и крахмал, чтобы ее было больше, а товарный вид оставался прежним). На рынке можно было купить топленое молоко и чудесный северный мед, густой и ароматный. Летом из Ярославля привозили бочковые свежепросоленные огурцы, пахнувшие укропом и рассолом так, что захрустеть огурчиком. А зимой, также из бочек, продавали соленые огурцы и квашеную капусту. Соленые грибы продавали в магазине «Овощи-фрукты». Да какие грибы! Это были белые грузди из северных и восточных районов области, волнушки и рыжики. Они стояли на прилавке, выложенные в три разные тарелки, и от них исходил ни с чем не сравнимый лесной аромат. Многими продуктами, включая капусту, грибы и огурцы, торговали потребительские кооперации, набравшие в шестидесятых годах силу. Вообще в Вологде еда была до середины семидесятых годов. Я так хорошо это помню, потому что в том году ко мне приезжала подруга из Ленинграда, где мы с ней учились в аспирантуре. Подруга была родом из Нижнего Тагила и поражалась тому, что в магазинах и на рынке все есть, а молоко не голубого цвета и оставляет жирный след на бутылке. В Тагиле уже давно все было иначе. Кроме рынка тогда в Вологде, в центре, на улице Мира было два известных продовольственных магазина - «Мясо» и

«Свежая рыба». В первом всегда было свежее мясо сортового разуба и замечательная колбаса, сделанная из мяса, про сою тогда ничего не было известно. Самые вкусные сорта колбасы были: копченая по четыре рубля за килограмм, полукопченая за рубль семьдесят пять копеек и конская колбаса, кажется, по рублю пятьдесят копеек. В «Свежей рыбе» стоял большой аквариум, и в нем плавала озерная рыба. На углу улицы Мира и проспекта Победы был большой магазин под названием ГОРТ, сначала молочный, а потом кондитерский, с уложенными горками шоколадными конфетами в ярких обертках, из Москвы и Ленинграда, из Минска и Воронежа, от известных фабрик и наилучшего качества. Тем не менее популярными и доступными были не шоколадные конфеты, а памятные мне и любимые «Школьные», «Кавказские», замечательные тянучки «Коровка», ирис «Золотой ключик» и карамели - «Раковые шейки», «Клубника со сливками», «Лимонные», «Монпансье» в круглых расписных жестяных корбочках и так далее. Самым дешевым, но очень вкусным лакомством был розовый, зеленый и желтый фруктовый сахар. Его варили на местной кондитерской фабрике с использованием натуральных фруктовых сиропов.

Еще один молочный магазин был в конце улицы Мира и назывался «Ленинградский», сейчас там, впрочем, как и в бывшем ГОРТе, торгуют дешевыми и не очень дешевыми тряпками и обувью. В Ленинградском магазине мы покупали молоко, сметану, сыр и чудесные глазурованные настоящим шоколадом сырки. В Вологде тогда было много замечательных лакомств: сливочное мороженое и мороженое крем-брюле в брикетах и вафельных стаканчиках, эскимо на палочке, фруктовый лед на палочке. На каждом углу в пирожковых продавались вкуснейшие горячие пироги. Там были большие закрытые пироги с мясом, наши северные рыбники (в них запекалась рыба целиком, а при еде они «открывались», снималась

верхняя корка целиком, затем съедали рыбу и заедали корочкой сверху и снизу) и кулебяки с капустой. Мелкие пирожки выпекались с мясом, творогом, капустой и яблоками, с брусничкой и джемом, с повидлом, сметанники, «наливушки» - лепешки с яйцом и сметаной, а также калитки с картошкой, сочни с творогом и так далее, в зависимости от фантазии поваров и продавцов. Там же, да еще в специальной блинной, пекли блины из тонкого дрожжевого теста с разными начинками и припеками.

Новый рынок открылся, когда продукты начали исчезать. Некоторое время там продавались только местные овощи, а потом появились первые кавказцы и жители южных республик со своими фруктами и овощами. В магазинах остались молочные продукты. Масло, дешевое «государственное» мясо и колбаса исчезли на годы совсем. Взамен во всех магазинах стали продавать тощих, голубоватых и голенастых цыплят с головами и ногами. Народ тут же окрестил их «синими птицами счастья». Но это было уже гораздо позже.

Впервые, в начале «хрущевской оттепели», я стала узнавать об окружающих меня взрослых людях удивительные вещи, о которых раньше все молчали. В нашем доме, в городе и в области жили тогда интереснейшие и очень талантливые люди, отлученные от столичных городов и вынужденные искать себе пристанище и занятия в глухой провинции. Во многом благодаря этим людям и их ученикам Вологда сохранилась и стала впоследствии такой, какая она есть теперь, оплотом культурной и духовной жизни Северо-Запада России. Так, Максиму Александровичу Миксеру, талантливому хореографу и балетмейстеру, было разрешено проживать только в Вологде - из-за того, что до этого он жил и работал в США. Отец Тани и Веры во время Великой Отечествен-

ной войны раненый попал в плен к немцам и до конца войны был в одном из самых страшных концентрационных лагерей. Он чудом выжил, вернулся домой, но всю жизнь боялся об этом говорить. Это был достойнейший человек, преподававший в строительном техникуме, где его помнят до сих пор. Вместе с ним в лагере сидел мой будущий преподаватель английского языка в Вологодском педагогическом институте, мой «крестный отец» в науке, профессор Владимир Александрович Хомяков, также вынужденный жить и преподавать в Вологде. Всю жизнь этим людям прямо и косвенно давали понять, что они «порченые» и должны знать свое место. А мне и моему поколению повезло. Например, благодаря таким преподавателям, как В.А. Хомяков, В.М. Сидякова и сестры Мительман, а также их ученикам, уже работавшим вместе с ними (Р.А. Киселевой, А.Н. Разумовскому) на нашем факультете иностранных языков давали образование не хуже столичного.

Вторым было случайное, но невероятно важное событие, сильно повлиявшее на мою последующую жизнь, на воспитание чувств и становление характера, понимание того, что вокруг меня существует огромный мир, далеко выходящий за пределы родной страны, и что этот мир живет совсем по-другому. Именно «вокруг меня!» Как все дети и подростки, я ощущала себя центром вселенной. К сожалению, с возрастом это чудесное ощущение постепенно уходит. В конце шестого класса я познакомилась по переписке со словацкой девочкой Милой. Тогда по стране прокатилась (можно только догадываться, кем поднятая), волна переписки с детьми из стран так называемого «социалистического лагеря». В него входили Восточная Германия, Чехословакия, Польша, Болгария, Румыния, Югославия и Китай.

Продолжение следует.

ЕСТЬ ТАКОЙ СЛОВАРЬ!

В марте 2007 года опубликован двенадцатый, завершающий выпуск Словаря вологодских говоров (Ц - Я). Как научное предприятие словарь задумывался еще в 60-е годы прошлого века, когда во многих регионах страны вслед за появлением «Проекта словаря русских народных говоров» Ф.П. Филина развернулась активная собирательская работа.

В настоящее время Словарь вологодских говоров представляет собой издание в виде двенадцати отдельных выпусков, вышедших в свет с 1983 по 2007 год.

Говоры Вологодской области и прежде были предметом изучения и лексикографического описания. Но все имевшиеся ранее материалы не привлекались как возможные источники Словаря вологодских говоров. Словарь базируется на обширной картотеке, отражающей именно живую народную речь населения. Наблюдения над ней проводились на территории распространения говоров Вологодской группы севернорусского наречия - в центральных и восточных районах Вологодской области, а также в Вельском районе Архангельской области.

В процессе диалектологической работы, в которой были заняты многие преподаватели и студенты Вологодского государственного педагогического университета (низкий поклон, глубокая благодарность всем собирателям за их кропотливый труд!), обследованы говоры свыше 500 населенных пунктов. В некоторых из них работа диалектологами ведется в течение ряда лет и даже десятилетий. Такие деревни и сёла стали опорными пунктами в диалектологических исследованиях. Так, Е.П. Андреева уже около трёх десятилетий ведет наблюдения над речью жителей д. Камешник Шекснинского района; Г.А. Дружинина наблюдает над речью жителей Вельского района Архангельской области; Л.Ю. Зорина изучает речь жителей д. Наволок Кичменгско-Городецкого и д. Монастырская Сям-

женского района; Е.Н. Шаброва работает в д. Борбушино Кирилловского района.

Существенное пополнение материалов для словаря дали беседы с проживающими в Вологде лингвистически одаренными информантами-билингвами. Диалекторлогам помогали филолог М.В. Жукова, геолог А.И. Труфанов, экономисты Л.В. Усов и Р.А. Усова, медицинский работник Р.Н. Хлебова, сямженский краевед В.Ф. Лукичев и многие, многие другие знатоки народных говоров. Составители словаря выражают своим помощникам глубокую благодарность. Контакты, возникавшие в процессе совместной работы с ними, содействовали получению достоверной и убедительной информации.

Словарь вологодских говоров является словарем дифференциального типа, то есть он включает в себя только диалектные, местные слова, не регистрируемые нормативными словарями русского литературного языка. Первые и весьма обширные записи были сделаны от информантов, родившихся еще в конце XIX века и унаследовавших традиционный строй народной речи. В настоящее время значение словаря как собрания местных, в том числе и архаичных, слов особенно возрастает в связи с необратимыми процессами, при которых традиционные формы языка и культуры испытывают сильное нивелирующее воздействие разнообразных факторов.

У этого словаря непростая судьба. Впрочем, общеизвестно, что словари не создаются легко и быстро, ибо труд лексикографов, по образному замечанию компетентных специалистов, подобен «гераклову труду». Инициатором подготовки Словаря вологодских говоров была Татьяна Георгиевна Паникаровская. Ученица московского профессора П.Я. Черныха, она после окончания аспирантуры по распределению оказалась в Вологде и не могла не обратить внимания на своеобразие местной речи. Вскоре поэтому, примерно с 1964 года, под ее руководством началась активная работа по изучению лексики вологодских говоров.

Постепенно на кафедре русского языка пединститута накопилась богатая картотека. Она ждала своей обработки и ввода ее материалов в научный оборот. Вологодские диалектологи видели в картотеке неистощимый источник уникального материала по истории населения, устройству его быта, особенностям мировосприятия и миропонимания. Было очевидно, что, помимо собственно лингвистической информации, записанные образцы народной речи позволяют исследователям судить о старинном быте населения, трудностях и лишениях крестьянской жизни, народной смекалке, мудрой ироничности людей, демонстрировали неназойливую житейскую педагогику, неистощимый юмор населения, позволяли наблюдать отражение языкового сознания диалектоносителей и так далее. Над обработкой картотеки и написанием словарных статей стал трудиться большой коллектив вологодских диалектологов. Перечислим всех составителей словарных статей по мере их подключения к написанию словарных статей: Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина, Г.А. Дружинина, Р.Ф. Богачёва, А.П. Ларионова, Т.В. Парменова, А.П. Андреева, О.И. Новосёлова, Л.М. Кознева, Л.Г. Якуевич, Т.Г. Овсянникова, Е.Н. Шаброва, Е.Н. Варникова, С.Б. Виноградова, Е.Н. Иванова, С.Н. Ипатова, Н.В. Комлева.

Существенную поддержку состави-

телям словаря оказал Российский гуманитарный научный фонд. При его финансировании были подготовлены 9-й (грант 99-04-0017а) и 10-12-й (грант 03-04-0016а) выпуски словаря, охватывающие соответственно материалы в алфавитных отрезках Ра - Се, Сж - Ся, Т - Х, Ц - Я. Неоценимой для издания словаря оказалась помощь комитета по делам культуры, искусства и печати администрации Вологодской области (ныне департамент культуры), Губернатора Вологодской области В.Е. Позгалева, а также финансовая поддержка со стороны областной программы «Русский язык», координируемой заведующим кафедрой русского языка ВГПУ профессором Г.В. Судаковым.

Проведенная работа позволила представить в тексте двенадцати выпусков Словаря вологодских говоров (общий объем свыше 150 авторских листов) чрезвычайно интересный лексический материал. В словаре обнаруживаются слова, вообще отсутствующие, в чем убеждает сводный академический Словарь русских народных говоров, в других народных говорах: *навесёлка* - «дрожжи, закваска», *оклажий осанка*, *навторитель* «вторично», *навоздыряться* «проработать до усталости», *наворопонить* - «плохо написать», *наглядёнок* «миловидный человек», *надверядить* «скрутить, соединяя нитки вдвое», *надорить* «насорить», *нагоить* «вымыть, вычистить», *нагрудить* - «развести костер» и многие, многие другие.

Обращает на себя внимание наличие в корпусе словаря целых диалектных гнезд: **-склян-**: *скляно, склянём, склянёхонько, скляный, склянь*; **-студ-**: *студенец, студеник, студеница, студёнка, студёно, студенья, стужево-та*; **-стук-**: *стуколашка, стукать, стукманка, стукоталенка, стукотальня, стукоталка, стукотальница, стукоток*; **-шиб-**: *шибалковый, шибанник, шибануть, шибануться, шибать, шибаться, шибкий, шибко, шибляк, шибнуть*; **-шип-**: *шип, шипак, шипига, шипичный, шипичный, шипичняк, шипковатый, шиповнина, шиповный, шипочка, шипуля, шипуч-*

ник, шипяк; **-ШИШ-**: шишак, шишахнуть, шишебар, шишебарка, шишебарник, шишеборить, шишка, шишкарь, шишкарина, шишковать, шишляк и мн. др. На основании Словаря вологодских говоров о многих таких словах можно писать специальные исследования. Оставим эту возможность для последующих выпусков журнала, а сейчас ограничимся общим обзором особенностей лексики.

Зафиксированная лексика разнопланова в тематическом отношении. Представлены названия предметов местной одежды (шубенка, шубник, шугай - "полушубок"; шубенка, шубня, шубник, шубница - "рукавица из овчины"), наименования блюд народной кухни (толоко(нник, толокня(ник "пирог с начинкой из толокна", толчо(нка, толку(ша "кушанье из толченого картофеля", толку(шка "кушанье из толокна, залитого простоквашей", то(лстая ка(ша "густая каша из ржаной муки"); наименования местных выпечных изделий (намятьш, троежитник, шумарник, ягодник); названия природных явлений (череп "наст", черностоп "осенние холода без снега", шульга, шура, шух, шуха - "мелкий лед во время ледостава"), растений (уборница "клевер шуршащий", узик "тысячелистник обыкновенный", ягель, ягилье, ядовник), характеристика действий человека (уробиться, устарухаться, шпарнуться, шпокнуть, шуговать), характеристика качеств человека (уворотливый "ловкий", угузливый "скромный", шебутной "беспокойный"), глаголы, характеризующие речевую деятельность человека (трёкать, щёкарить, щекатить, щековать, щеколдать, щекчить, щектать, щелкованить) и мн. др.

В Словаре вологодских говоров разнообразны многочисленные наименования человека: угара "смелый человек", шибанник "хулиган", шиня "медлительный человек", шпандёр, шуль, шумера, ягарка, ягибаба, ягишна, ягишна "грубая, невоспитанная женщина", яхонька "человек, демонстративно представляющий себя на первый план", язычник "человек, чуждающийся физической работы", ярко

- "вспыльчивый человек" и мн. др. Словарь, таким образом, может быть полезным источником для исследований в русле антропоцентрической лингвистики.

Отмечены многочисленные факты вариантности слов: акцентной (тю'рик, тюрицк; то(ропный, торо(пный, торопно(й; хле(бина, хлеби(на), фонематической (студёно, студено, стужено; тряпитенье, тряпотенье; шишебар, шишебор), морфемной (ишишлять, ишишить), грамматической (девчошка и девчошко, шишебар и шишебора). Случаи трудно определяемого морфемного состава (ишиварёшка "головастик", шиндрять "бродить без дела, слоняться") будут интересны специалистам по диалектной морфемике.

Обращает на себя внимание наличие в словаре многозначных лексем: согра, ядрёный - по 12 значений, славница, ставчик - по 10 значений, ярьый - 9, справить, ставец - 8, спица - 7. Многие другие слова также демонстрируют развитую систему семантических переходов и оттенков. Передки случаи диалектной омонимии: стан - 3 омонима, станок - 3, становина - 2, ступа - 2, талина - 2, ярушка - 2 и т.д. Материалы словаря показывают богатство в говоре грамматической омонимии, например, лексема токо выступает в роли наречия, частицы, функционирует и в качестве союза.

Чрезвычайно богатым выглядит класс диалектных наречий: дивья, другомя, другорядь, тамо, тамой, тамока, тамось, тамоткса, товды, товдысь, товдыся, толжно, тожно, тогодни, тогоднись и др. Они отличаются вариативностью, развивают многозначность (толенько "очень", "много", "слишком", "тяжело", "мучительно"), вступают в синонимические отношения (товды - тогдалеча - тожно - толи).

Лингвогеографов и специалистов по лингвосемантике заинтересуют многочисленные дублетно-синонимические ряды слов: дворник, доживало, домовик, домовник, домовщик, домозор, доморад, животник, завладай,

примака, приёмыш, подшесточник “мужчина, перешедший на жительство в дом жены”; *сувея, сугрёбок, сузём, сулой, сумёт “сугроб”*; *сушка, сущик, суш, сущец, сущовка “сушеная рыба”*; *сухарник, сухопостой, сухопостойник, сухостоина, суша, сушина, сушник, сушьё “высохшие на корню деревья”*; *шульга, шура, шух, шуха “мелкий рыхлый лед, идущий перед ледоставом или во время весеннего ледохода”*. Серьезное отношение населения к труду, а также привычность, необходимость его показывают экспрессивные глаголы со значением “устать, утомиться, выполняя тяжелую физическую работу”: *убухаться, увойкаться, увощкаться, угробиться, уебренькаться, уздыкаться, уколотиться, уладиться, уломаться, умаряхаться, умудохаться, умякаться, упантоваться, уплистаться, упучкаться, устарухаться, устосаться, утигоститься, уторкаться, уторопаться, утряскаться, утюкаться* и многие, многие другие. Подобные материалы в их единстве с архангельскими, карельскими, вятскими позволяют установить ареалы бытования русских слов.

Многие словарные статьи демонстрируют глубокую архаику севернорусских говоров, проявляющуюся в сохранении старинных славянских слов: *точья “ткачиха”, точка “процесс ткачества”, трепея (“женщина, занятая трепанием льна”), мытея “женщина, которая моет что-либо”, моча “процесс мытья”* и т.д.

Собранные материалы позволяют судить о ранних заимствованиях русского языка. Можно выделить слой субстратной лексики, восходящий к финно-угорским языкам: *тайбола “глухой, труднопроходимый лес”, улук “палка, которой взбивают шерсть”, упак “старый валенок с отрезанным голенищем”, урёма “дремучий лес, чаща”, вырец, урец “ящик для выращивания рассады”, шарга “металлическая полоска, скрепляющая полотно косы с деревянной ручкой”* и др.

Народную речь отличают повышенная экспрессия и эмоциональность. В составе обработанных мате-

риалов наблюдается большое количество эмоционально окрашенных слов: *тошуха, трёкало, трепач, трепачка, трепушка, трефило, трындище “пустомеля”, хабара “громкоголосый человек”, хайлун “неприветливый человек”* и др. В этом материале можно выделить прилагательные, характеризующие внешность человека: *толстобри(ль)ый, толстоголо(вь)ый, толсторо(ж)ий, толстоха(рий), толстопя(тый) и* мн. др., которые активно выступают в качестве производящих: *толстобри(ль)ик, толстоголо(вик), толстопу(з)ик* и т.д. Интерес представляют и такие сложные существительные, как *толстожи(р) “богач”, толстоду(м) “человек, медленно соображающий, тугодум”*. Ряд наименований содержит положительную оценку внутренних качеств человека: *тоде(ль)ный “усердный”, “исполнительный”, “трудолюбивый”, торова(тм)ый “ловкий, расторопный”, “веселый”, “разговорчивый”, “гостеприимный”*. От этих прилагательных также могли образовываться существительные с общим значением лица, например: *тоде(ль)ница “рукодельница”*.

Многочисленные факты Словаря вологодских говоров свидетельствуют о том, что у жителей данной территории своеобразна языковая картина мира. В этом отношении показательны, например, диалектные названия овцы: крестьяне с присущей им скрупулезностью обозначают отдельными наименованиями *овцу вообще; молодую овцу; овцу, у которой вскоре будет приплод; овцу, которая обьягнлась в первый раз; ягнёнка, маленькую овечку; барана* и др. Оказалось, что для народного сознания очень важным является обозначение различных состояний человека и природы: *уборно “о порядке в доме”, убродно о большом количестве рыхлого снега, удобно “желательно”, уедно “сытно, не голодно”, улёжно “приятно, хорошо”, дивья “хорошо, легко, просто”*. Составители словаря убедились и в том, что у жителей данной территории отмечается своеобразная фоносемантическая картина мира, отразившаяся в обилии местных звукоподра-

жательных наименований (*фипик, фупик, фьпик* “снегирь”, *финьгать* “ныть, хныкать”, *фуньгать* “говорить гнусаво”, *хамканье* “кашель”, *щеколда* “болтливый человек”, *щекчить* “болтать” и др.) и подзывных слов (*тась-тась, тко-тко, тью-тью, тютитютити, тпрука(тпрука(, тпруко(тпруко(, тпру(ки-тпру(ки, тпруко(пкоп* и др.).

Об образности мировидения свидетельствуют многочисленные фразеологические единицы: *не снять за лето косу с тына* “о ленивом человеке”, *тюк о крюк не стукнет* “о ленивом человеке”, *тычь тычью* “вплотную”, *тюком остаться* “обессилеть”, *ум отъесть* “о чем-либо очень вкусном” и др. Многочисленные и, как представляется, информативные фразеологические единицы концентрируются вокруг жизненно важных понятий “ум”, “хлеб”, “язык” и др.: *жить в разных хлебах* “раздельно вести хозяйство”, *хлеб-соль заёмные* “о жизни в доме зятя”, *идти на готовые хлеба* “умирать”, *не хлеба-колобы* “об тяжёлых жизненных условиях”, *на хороший хлеб! хлеб на под!* “благопожелания хозяйке, которая печет хлеб”; *вымять шубный язык* “овладеть языком (о маленьком ребенке)”, *как за язык подвешенный* “о человек, который много говорит”, *соли на язык!*

“гневная реплика тому, кто сквернословит”, *шерстяной язык* “о способности предсказывать что-либо нехорошее”.

Множество слов и фразеологических единиц в Словаре вологодских говоров (*такие, например, как ставец, ставчик, стан, становина, срядиться, сряджаться* и др.) сопровождаются добротным иллюстративным материалом. Представленные цитаты дают информацию о реалиях крестьянской жизни и традициях, связанных с использованием слов в крестьянской культуре. Уже проведенные наблюдения позволяют рассматривать вологодские говоры как зеркало народной культуры, народной психологии и философии. Диалектные материалы вологодского дифференциального словаря рисуют выразительную картину, позволяющую судить о духовной и материальной жизни народа на данной территории, системе его ценностей.

Заинтересованный читатель, надеясь, получит из Словаря вологодских говоров и другую, не менее значимую информацию. А составители этого словаря уже занимаются весьма обширными новыми материалами и подготовкой более компактного и удобного для читателя издания.

ЭТИКЕТ ПО-ВОЛОГОДСКИ,

или Народные благопожелания в ситуации сбивания масла

Внимание к особенностям коммуникативного поведения разных народов в настоящее время только усиливается. Однако все еще не изучен, не описан специфичный в этнокультурном отношении материал по этикетным выражениям, произносимым в ситуации взбивания масла. Приготовление сливочного масла в Вологодской области - это традиционная, исторически сложившаяся отрасль крестьянского хозяйства. Именно здесь

сложилась особая культура маслоделия, которая не могла определенным образом не отразиться в местном языке.

В народной культуре для приготовления масла хозяйки сливали молоко в определенные емкости. Давали ему отстояться (отсюда вологодские названия сливок - *отстой, устойка, верхи, вершок*), а затем закиснуть. С простокваши умелым движением одной руки хозяйки снимали плотную, жир-

ную сметану. Её и сбивали для получения масла. Для этой работы использовались специальные горшки с носиком. Емкость таких горшков была литра на три-четыре. На разных территориях горшки называли, судя по данным Словаря вологодских говоров, по-разному: *рогованищами, роговиками, роговичками, рогулями, рогульниками, рожанками, рылонами, рылухами, рыльниками* или др. Сметану сбивали *мутовками*, то есть сосновыми палочками с сучками на конце, лишь в позднее время стали применять специальные маслобойки.

В домашних условиях работу производили женщины. Ввиду заметной длительности, трудоёмкости процесса они подключали к работе ещё не обременённых хозяйственными делами девушек, девочек-подростков, ср. у М.Е. Салтыкова-Щедрина: *«Зайдёт на погреб - там девчонки под навесом сидят, горшки со сметаной между коленями держат, чухонское масло мутовками бьют»* («Пошехонская старина»). При большом количестве сметаны работу, требующую постоянного, напряженного движения рук, поручали молодым парням. Успех дела зависел, конечно, и от технологии сбивания, но главное всё же от жирности молока. При высокой жирности молока успех был обеспечен. Однажды участники диалектологической экспедиции ехали на автобусе из деревни Скочково Милофановского сельсовета Никольского района в Никольск. Километров пятьдесят. Дорога как качели: вверх - вниз! Везли с собой преподнесённую в качестве подарка литровую банку молока, привезли... если уж не ком, то точно хлопья масла.

Ситуация сбивания масла прекрасно описана В.И. Беловым в его очерках по народной эстетике «Лад»: *«...сметану старались копить. Вечерами женщины сбивали сметану мутовками в особых горшках, называемых рыльниками. После длительного и весьма утомительного болтания появлялись первые сгустки смеси, масла-сырца. Постепенно они сбивались в один общий ком. В рыльник до-*

бавляли воды, сливали жидкость, а смесь перетапливали в нежаркой печи. Затем сливали и остужали. Получалось янтарного цвета топленое масло. Остатки после такого перетапливания назывались поденьем, им заправляли картошку, ели с блинами и так далее».

Заслуживает внимания специальная лексика, употребленная в данном описании ситуации. *Сбивать* или *взбивать*? Хочется отдать предпочтение глаголу сбивать «уплотнять, делать плотной массу». Словарь русского языка выделяет у глагола *сбить* значение «взбивая, смешивая, превратить в однородную массу»: *сбить желтки*. Далее приводится оттенок этого значения - «взбивая, взбалтывая, приготовить что-либо»: *сбить масло, сбить крем*. В толковании всё равно, как видим, содержится сема «взбивать». В диалектах это действие обозначено глаголами *бить, вертеть, мешать, пахтать*. В литературном языке *пахтать* - «сбивать из сливок или сметаны (масло)»: *«Около открытых дверей погреба две бабы пахтали масло, вертя колесо с бочонком, в котором переваливалась и шлепала сметана»* (Подъячев. «Среди рабочих»). *Смес*, по данным Словаря вологодских говоров, - «густая маслянистая масса, которая получается в результате взбивания сметаны»: *Много смеси - много масла натопится*.

Ситуация сбивания масла, то есть достаточно продолжительного обращения со сметаной, не могла не породить специальных оборотов речи. Круг стандартных формул, добрых трудовых пожеланий, зафиксированных нами, весьма широк: *Ком масла! Пуд масла! Ушат масла! Па(хтус маслом! Масло - пахтус! Толстой пахтус тебе! На толстый пахтус! На густой пахтус! Масляная голова! Сыр да масло! Добро на масле! Масло желто да в крупиночку! Гусни, хрясни! Бог в помощь! Сбивать (тебе) не пересбивать! Дай Бог масла! На здоровье!* В словарях русского литературного языка большинство таких этикетных формул не зафиксировано. В народной традиции их употребление - ус-

тановленное нормой, привычное, даже обязательное дело. Словарь русского речевого этикета А.Г. Балакая также предоставляет в распоряжение наблюдателей два убедительных доказательства, что ситуация сбивания масла действительно оформлена этикетными выражениями: *Масло (маслице) комом! Масло на мутовку (мутовочку)!* Этим словарем дается помета «областное», однако конкретная география не приводится. Благопожелания, характерные для говоров вологодской территории, кроме *Масло комом!*, в словаре А.Г. Балакая не приводятся.

Обращение к материалам более широкой территории также убеждает нас в неизученности анализируемого материала: в Словаре русских народных говоров зафиксировано лишь одно, свердловское по географии, выражение из нашего репертуара: *Маслице комом, масло комом!* “доброе пожелание человеку, сбивающему масло или сметану”. Заметим нюанс в толковании значения: сбивают не масло или сметану, сбивают сметану, чтобы получилось масло.

Рассмотрим зафиксированные нами на вологодской территории народные благопожелания, звучащие в ситуации сбивания масла.

Ком масла (тебе, вам)! Раньше взбиваешь масло - скажут: «Ком масла тебе!» Так и скажут. А как же? (Кир. Ферап.). Зашла, а она масло взбивает. Я ей и говорю: Ком масла тебе, соседка! Она отвечает: Спасибо на добром слове! (Кир. Ферап.). Ком масла! мне пожелала. Масла много посулила, дак благодарность ей. Ком большой масла пожелала напахтать, дак спасибо тебе. (Кир. Ферап.). Вам ком масла! - как пахтают. А теперь всё сдают, молока-то нетутко. - Спасибо! - скажут. (Кир. Ферап.). Данное благопожелание фиксируется также в говорах Харовского района Вологодской области. Свежесбитое масло действительно имеет вид кома. Чем он быстрее образует, чем он плотнее, тем лучше.

Пуд масла! Благопожелание зафиксировано в деревнях Горбачево и

Палема Великоустюгского района. В данном благопожелании на первом плане количество масла. Следовательно, работающему человеку желают, чтобы работа была результативной, чтобы масла было много. Масло в доме - это достаток, сытость семьи. Некоторые крестьяне производили масло и на продажу. Следовательно, пожелание большого количества масла - это наилучшее пожелание.

Ушат масла! *Ушат масла!* - говорили женщине, которая мешает сметану (В-У. Мякин.). *Ушат* - это “кадка с двумя ушами на верхнем срезе, в отверстия которых продевается палка для подъема, ношения”. В данном случае это, по-видимому, значительная, большая мера измерения количества полученного масла. Любопытную иллюстрацию дает текст частушки, записанной в деревне Мякинницыно Великоустюгского района: *«Понеси, лешак, сметану! Никогда мешать не стану! Как неделя, так ушат - никому не примешать!»* Можно подумать, что само благопожелание основывается на гиперболе. Едва ли. Во многих крестьянских хозяйствах содержалось по 12-16 коров, следовательно, пожелание вполне реалистично (ср. гиперболу в ситуации доения коровы - *Море, река молока!*).

Пахтус маслом! Благопожелание зафиксировано в говоре д. Горбачёво Великоустюгского района. Слово «пахтус» требует некоторого комментария. Литературным оно не является, поскольку нормативные словари его не фиксируют. Сводный словарь русских народных говоров приводит слово «пахтус» в значении “сбитое из сметаны масло; нетопленое масло”; “шар, ком сбитого масла; ком масла, сбитого за один прием”. География слова такова: *арх., беломор., волог., костр., перм.* Этикетных благопожеланий с этим словом словарь не приводит. Нет ни слова «пахтус», ни, естественно, благопожеланий с ним в Словаре областного вологодского наречия, составленном П.А. Дилакторским. Тем не менее для вологодской территории это слово типично: *пахтус* - “ком масла, сбитого за один прием”. Приведём

примеры из Словаря вологодских говоров: *Сливошное масло-ти хорошо, только я пахтус больше люблю. Намажешь на кусок-ти - вкусно до чего!* (В-У. Усть-Алекс.). Здесь обращает на себя внимание противопоставление понятий “масло” и “пахтус”: *пахтус - “сбитое из сметаны, ещё не топлёное в печи масло”. Кислота отойдёт, масло вымоют в холодной воде. Это и зовут пахтус. Хорошо, сметана густая, так поболее пахтуса выйдет, какая корова.* (Кир. Ферап.). *Не знаю, чё пахтус получиУсе жёУтой.* (Баб. Юрк.). В карточке словаря имеются также факты из Никольского и Тотемского районов. В Словаре вологодских говоров встретилось и шутивное, как представляется, производное образование *пахтусович: Молока нынче много, надо пахтусовича взбить.* (Тот. Мосеево).

По-видимому, вологодские материалы относительно слова «пахтус» очерчивают восточную часть ареала этого слова. По свидетельству Г.А. Дружининой, каргополам с таким же значением известны слова «пёхтанье» и «пахта». По данным Словаря русских говоров Карелии, *пёхтанье и пектанье* - “отходы в виде жидкости при сбивании масла, пахта”: *Вертят, вертят, масло о себе будет, а пёхтанье сольют, оно тоже хорошее, его к пирогам берегут.* Там же приводится слово пёхта “сливочное масло, скатанное в шары и замороженное”: *В Страстную пятницу пёхту давали, пёхта-масло мерзлое. Пёхту батюшке да дякву дать.* По словарю М. Фасмера, слово «пахтать» произошло из финского языка, где *puohtaa* означает “пахтать, сбивать масло”. В пользу финского происхождения этого слова говорит название *чухонское масло* “сливочное масло”, в то время как топлёное масло называется *русским маслом*. Есть также мнение, что слово «пахтус» произошло из финского *pahtaa*, что значит “сгущать, давать затвердеть, застыть”.

Слово «пахтус» входит в состав ещё нескольких благопожеланий, отличающихся от выше рассмотренного своей синтаксической структурой: **Мас-**

ло - пахтус! *Масло - пахтус! - говорят человеку, который сбивает масло* (В-У. Горбач.). *Толстой (толстый) пахтус (тебе)! А вот мешаёт сметану хозяйка, а ей желают: «Толстой пахтус тебе!» А она отвечает: «Спасибо!»* (Тот. Мос.). *Я сметану-то делаю, дак ране и говорят: Толстый пахтус!* (Тот. Мос.). Выражение фиксируется также и в говорах Череповецкого района. **(На) толстый (густой) пахтус!** *На густой пахтус!* (Тотьма).

Масляная голова! *Хозяйка мешает масло. Входит соседка: Масляная голова! - Спасибо!* (Вашк. Липин Бор). Данное благопожелание зафиксировано также в говорах Харовского и Устюженского районов. Слово «голова» обозначает не только предмет круглой формы, хотя это здесь очень существенно, - слово привносит значение количества. По данным Словаря русского языка, слово «голова» - это и “пищевой продукт в виде шара, конуса”: *голова сыру, сахарная голова.* Окончание -у в форме родительного падежа сыру - это указание именно на количество продукта.

Слово «масло» фигурирует ещё в одном народном благопожелании: **Сыр да масло!** Однако оно связано уже с ситуацией доения коровы: *Доишь корову, да как придёт кто и пожелает: «Сыр да масло!»* (Тотьма).

«На здоровье! На здоровье!» - *говорят, когда сбивают масло.* (Влгд. Павл.). Коровье масло - важная составляющая часть рациона человека. Известно, что в древности коровье масло умели готовить только северногерманские племена. В пищу впервые стали его употреблять ирландцы. В древности люди звали масло «источником здоровья», «соком жизни» и «белой кровью». Достоверной информации о начале использования масла на исследуемой территории мы не располагаем, однако известно, что в IX веке коровье масло уже изготавливалось. В крестьянском быту XIX века на масло накапливался лишь тот продукт, который оставался после употребления в пищу всего самого необходимого. Суть благопожелания, сле-

довательно, такова: если в семействе есть сытость, довольство - значит, будет и здоровье.

«Добро на масле! Добро на масле!» - говорят человеку, который сбивает масло (В-У. Горбачево). Благопожелание отличается интересной синтаксической структурой. Фраза записана студентами без необходимого в этом случае ударения. *Добро или добро?* Прилагательное это или существительное? Скорее, имя существительное. Ср. *добро* - в других формулах пожеланий благополучия, достатка: *Добру расти, (а) худу по норам ползти! Жить, богатеть, добра наживать, лиха избывать!*

Гусни, хрясни, дай Бог масла! Выражение зафиксировано в говоре д. Дундуково (Вытег. Еезезеро). Оно состоит из двойного благопожелания. Первая его часть происходит, вероятно, от магических, заклинательных фраз, сопровождавших выполнение действия. Вторая сформировалась под влиянием сложившихся христианских формул. *Гуснуть* - "становиться густым, густеть": *Молоко квасится, так гуснет*. (Даль - без географии). *Хряснуть*, согласно словарю В.И. Даля, "разбухать или густеть, сгущаться, переходить из жидкого в твердое состояние". Сравним вологодские примеры с этим значением: *Захряснуло, говорят, загустело* (Сямж. Монаст.).

Благопожелание *Гусни, хрясни, дай Бог масла!* фигурирует в тексте вытегорской приговорки, записанной от А.С. Пашковой, 1923 года рождения:

Гусни, хрясни, Дай Бог масла! Зять за воротам с красной ложкой масла просит. Сметана не мешается, Зять не убирается. Эта приговорка имела ритмизованный характер, употребление её придавало ритмичность и самому процессу сбивания масла. Первоначально в ходе наших опросов - и в течение длительного времени - информант произносил только *Гусни, хрясни, дай Бог масла!* Однако впоследствии была воспроизведена полностью вся эта приговорка.

«Масло желто да в крупиночку! Масло желто да в крупиночку!» - так

у нас говорили женщине, мешающей сметану (В-У. Черн.). Благопожелание содержит указание на подобающий цвет и необходимую консистенцию. Цвет, вероятнее всего, зависит от качества молока, а то, в свою очередь, от характера питания коровы, от особенностей произрастающих в данной местности трав. Что касается консистенции масла, то следует учесть: когда сбивают сметану и из неё уже начинает образовываться масло, в сбиваемой массе действительно появляются зёрна масла - маслянистые хлопья, «искорки», «звёздочки». Но никаких крупинок пока ещё нет. Крупинки появляются лишь после перетапливания масла в русской печи, то есть тогда, когда появляется топлёное, русское масло.

«Бог в помощь! Сбивать (тебе) не пересбивать!» По свидетельству филолога М.В. Жуковой, именно так приветствуют человека, сбивающего масло, в Тотемском районе. Ср. благопожелание при жатве: *Возить вам не перевозить!* - тому, кто возит сжатый хлеб. То есть это пожелание, чтобы было много того продукта, ради которого производится работа.

Практически все благопожелания обращены к хозяйке - женщине, которая сбивает сметану. Анализ семантики показывает, что в вологодских говорах частотным является пожелание успеха в этом деле. Как видим, пожелание успеха - это пожелание удачного, быстрого протекания действия (*Гусни, хрясни!*), пожелание характерной, завершённой формы получаемого продукта (*Ком масла! Масляная голова!*), пожелание высокого качества получаемого продукта (*Масло желто да в крупиночку!*), пожелание большого количества масла (*Пуд масла! Ушат масла!*), пожелание, чтобы продукт шёл во благо семье хозяйки (*На здоровье!*), пожелание, чтобы такой важный для экономики семьи процесс никогда не прекращался (*Сбивать тебе не пересбивать!*) и так далее. Многие этикетные выражения, как уже давно подмечено, восходят к архаичным магическим, заклинательным репликам. Не исключение и

эта ситуация (*Гусни, хрясни!*). Некоторые из зафиксированных фраз свидетельствуют о влиянии на ситуацию христианских традиций (*Бог в помощь! Дай Бог масла!*). Специфику семантического наполнения благопожеланий в этой ситуации составляет указание на стадии процесса приготовления масла: *Пахтус маслом! Масло - пахтус! Толстой пахтус тебе! На толстый пахтус! На густой пахтус!* - на первую стадию, когда сбивают сметану, *Масло желто да в крупиночку!* - на вторую стадию, когда бетае за один приём масло уже перетапливается в печи.

Обратим внимание, что все формулы являются благопожеланиями. Очень показателен тот факт, что негативные, недобрые пожелания, которые произносятся в иных ситуациях (например, в ситуации стирки, полоскания белья - *Жуки на буки! Ворон летит!* или в ситуации замешивания теста - *Кирпичом торгуют!*) в этой ситуации не зафиксированы.

Особенности употребления изучаемых благопожеланий сводятся к тому, что они функционируют в составе диалоговых единств: *Хозяйка мешает масло. Входит соседка: «Масляная голова!» - «Спасибо!»* (Вашк. Липин Бор). *А вот мешает сметану хозяйка, а ей желают: «Толстой пахтус тебе!» А она отвечает: «Спасибо!»* (Тот. Мос.). Замечены также случаи, когда общее трудовое пожелание (*Бог в помощь! или Труд на пользу!*) предшествует специальному, конкретно-прагматическому пожеланию (*Бог в помощь! Сбивать (тебе) не пересбивать!*) (Тотьма).

Структура благопожелания в говорах может варьироваться в результате изменения порядка слов (*Пахтус - маслом! Масло - пахтус!*), осложняться вокативом (*Хозяйка! Соседка!*), развертываться за счет указания адре-

сата (*тебе, вам*). Заметная синтаксическая однотипность благопожеланий, по-видимому, дело неслучайное: разговаривающим людям, или, как модно теперь говорить, коммуникантам, абсолютно ясно, о чем идёт речь.

В некоторых говорах параллельно употребляются две-три этикетные конструкции. Так, в ситуации приготовления масла в великоустюгском говоре зафиксированы благопожелания: *Пуд масла! Пахтус маслом! Масло - пахтус! Добро на масле!*; в тотемском говоре: *Бог в помощь! Сбивать не пересбивать! Толстой пахтус тебе!* Подобные конструкции в одном говоре - знак того, что в народном сознании ситуация действительно оформлена этикетными репликами, однако право выбора конкретного благопожелания принадлежит говорящему.

В настоящее время все зафиксированные благопожелания восстанавливаются лишь при опросах информантов старшего возраста. В условиях последнего времени, когда многие семьи уже не имеют в хозяйстве коров, подобные выражения перестают быть востребованными, переходят в пассивный состав говора, о чем убедительно свидетельствует наш информант 1909 года рождения К.Я. Игнашева: *«А я уж масло-то не сбиваю. Последний раз сбивала, когда маленькая была»* (Сямж. Монаст.). В наших материалах, таким образом, представлен пласт уходящей крестьянской культуры, отразившейся в языке жителей Вологодского края. Обилие зафиксированного материала, регулярность его употребления, по-видимому, свидетельствуют о том, что Вологодчина находилась в центре ареала бытования этикетных благопожеланий.

Л.Ю. ЗОРИНА, кандидат филологических наук

ПОГОСТЫ, СТАНОВИЩА, ИСАДЫ, ВЕЛИКИЕ ДВОРЫ...

На первый взгляд, эти названия совершенно разные. Что же позволяет поставить их в один ряд? Что общего между ними? На этот вопрос помогает ответить история слов, от которых образованы топонимы.

На карте нашей области более 30 официальных названий селений, образованных от слова **«погост»** и его производных: **Погост, Погостец, Погостище, Бадожский Погост, Илезский Погост, Тудозерский Погост, Пятницкий Погост, Спасский Погост** и др.

В современном русском языке слово **«погост»** обозначает сельское кладбище, поэтому становится непонятно, почему так называются деревни. Многие объясняет история этого термина.

«Погост» - древнее восточнославянское слово, которое этимологи связывают с глаголом **погостити** - «побывать в гостях, навестить с целью сбора дани, купли-продажи и т.д.» (ср.: **гость** - купец, ведущий заморскую торговлю, **гостинный двор** для приезда торговых людей, **гостинец** - большая дорога, **гостинцы** - привозные подарки и угощения). Первоначальное значение слова **«погост»** - «постоялый двор, на котором временно останавливались князь и духовные лица».¹

Исторический путь термина **«погост»** очень сложен и интересен. Даже на раннем этапе своего развития слово имело несколько значений. По мнению известного лингвиста А.А. Потебни, смысловая структура термина **«погост»** развивалась в следующем направлении: «место гощения», «стан для князей», «совокупность деревень, по дани и суду тянувших к погосту», «главное поселение округа», «подать», «церковь с усадьбами духовенства»,

«церковный двор с церковью», «кладбище при церкви», «кладбище», «приход».²

В истории этого термина ученые выделяют несколько этапов.

В новгородских документах XI-XIII вв. **погост** - это «сельский округ, состоящий из центрального и мелких селений с принадлежащими им земельными угодьями».

В XIV-XV вв. **«погост»** - общеупотребительное многозначное слово, обозначающее населенный пункт с церковью, кладбищем, домами служителей и относящимися к этому селению земельными угодьями (погост - «место») и несколько деревень, принадлежащих одной волости (погост - «округ»).

В XVI-XVII вв. термин **«погост»** продолжает оставаться общеупотребительным словом, в значении «сельский округ» последовательно сохраняется в северо-западных Псковском и Новгородском уездах, а также в бывших новгородских владениях - в Двинской земле и Вологодском уезде.

В XVIII-XIX вв. происходит дальнейшее сужение ареала слова в значении «округ», что свидетельствует о его архаизации. Территория распространения этого термина в значении «селение» тоже постепенно сокращается и ограничивается в основном бывшими новгородскими владениями.³

Предпосылкой топонимизации нарицательного **погост** в северо-восточных землях, по мнению В.П. Лемтюговой, послужила смена поселений: утрата погостами приходов и дальнейшее превращение их в села и пустоши. Сведения о пустых погостах появляются в XV-XVI вв. Именно этот период и считается началом массового возникновения географических

названий **Погост**. По данным Списков населенных мест, ойконимы **Погост** (586 названий) локализованы в 20 губерниях. Наибольшее количество их в Новгородской, Олонецкой, Тверской и Архангельской губерниях, наименьшее - в Орловской, Курской и Санкт-Петербургской.⁴

На карте Вологодской области топонимы с компонентом **погост** концентрируются в северо-западном Вытегорском (9 названий) и северо-восточных Тарногском (6 названий), Верховажском (3), Тотемском (3), Бабушкинском (1), Нюксенском (2) и Великоустюгском (2) районах. С учетом неофициальных названий уровень этой концентрации повышается. Так, в Тотемском районе деревня Мосеево и село Красное в разговорной речи называются Погостами, в Нюксенском районе такое же неофициальное название имеет село Городишна. Попутно отметим, что в искаженной форме нарицательное **повост** фиксируется Словарем вологодских говоров на северо-востоке области в значениях “церковь с кладбищем, землей и домами причта”, “село, деревня с церковью”, “центр села, где расположены административные, торговые и культурные учреждения”.⁵ Как видно, значение “церковное поселение” слово не утратило до сих пор.

Скопления названий с компонентом **погост** на северо-западе и северо-востоке Вологодской области непосредственно примыкают к их основному ареалу в Архангельской области. На юго-западе нашей области, в Белозерье, такие топонимы отсутствуют. На этих территориях, как было отмечено в предыдущих наших материалах, распространены названия, образованные от терминов с корнем **сел-**.

Лишь отдельные топонимы с компонентом **погост** сближаются с юго-западными районами распространения названий с компонентом **село**, образуя зону переходности в Бабушкинском (2 названия), Кирилловском (1), Вологодском (1) и Грязовецком (1) районах. Возникшие на базе близких по значению административных тер-

минов, обозначавших владельческие поселения, топонимы с этими компонентами как бы дополняют друг друга до целого, заполняя все пространство Вологодской области. С чем связано такое топонимическое противостояние?

По свидетельству Ю.И. Чайкиной, судьба нарицательного слова «**погост**» на разных территориях Белозерья была различна. На севере и западе Белозерья (нынешние Вытегорский и Бабаевский районы) оно еще в XVII-XVIII вв. сохранялось в своих древних значениях “любое селение с церковью” или “церковь с кладбищем”. В юго-восточной зоне Белозерья (нынешние Белозерский, Кирилловский, Череповецкий, Шекснинский, Устюженский районы) значение этого слова постепенно сужается: **погост** - это уже не “селение с церковью и кладбищем”, а только “кладбище”. Следствием этого становится исчезновение топонимов **Погост** на юго-востоке Белозерья. Процесс этот шел двумя путями: путем выпадения компонента **погост** в топонимах-словосочетаниях (Никольский **погост** - село Никольское) и путем замены таких топонимов названиями **Попово, Поповка, Поповское** (Преображенский погост - Поповка). Активизация топонимов **Попово, Поповка, Поповское** происходит в XVII-XVIII вв.⁶

На карте Вологодской области наибольшее количество названий **Попово, Поповка, Поповское** отмечается в Вашкинском (9 названий), Белозерском (4), Кирилловском (6), Вожегодском (6), Череповецком (8), Шекснинском (3), Вологодском (8), Сокольском (6), Грязовецком (7) районах. Обращает на себя внимание одноструктурность топонимов внутри административных единиц: например, в Кирилловском районе почти все (пять из шести) названия имеют форму **Поповка**, а в Череповецком и Шекснинском преобладает структура **Поповское**. Такая однотипность в образовании географических названий может объясняться и синхронностью их возникновения, и действием топонимической микросистемы.

Структурные же типы названий с компонентом **Погост** определяются топонимической традицией. Однословных топонимов **Погост** сравнительно немного. Это три известных нам неофициальных имени и семь официальных: по два в Бабаевском и Тотемском районах и по одному в Грязовецком, Нюксенском и Великоустюгском районах.

Отметим также две суффиксальные структуры **Погостец** (Вологодский район) и **Погостище** (Кирилловский район). В основе этих топонимов лежат термины «**погостец**» - «центр административно-территориальной единицы, поселок, населенный пункт вообще, как правило, с церковью» (очевидно, «небольшой погост») и «**погостище**» - «место, где был погост»⁷, соотносительные с терминами «**сельцо**» и «**селище**».

Наиболее распространены топонимы-словосочетания (23 названия). Среди них выделяются две неравные группы. Большую группу составляют словосочетания с определениями, образованными от названий рек, озер, бывших волостей, деревень и обозначающими местоположение погостов: **Верхнекокшенинский Погост, Верхнетерменгский Погост, Илезский Погост, Тудозерский Погост, Бруноволовский Погост, Демьяновский Погост, Маньоловский Погост** и др. Меньшую группу образуют топонимы, производные от названий церквей: **Пятницкий Погост, Спасский Погост, Ильинский Погост**.

Термину «**погост**» в древнерусском языке было близко по исходному значению слово «**стан**», также нашедшее отражение в названиях населенных мест: **Стан, Становая, Становое, Становища, Становищево** (11 названий).

Это слово в Северо-Восточной Руси XII в. обозначало место остановки князя с дружиной во время объезда подвластных ему земель для сбора дани. Позднее, в XIII в., князья стали поручать управление, суд и сбор доходов своим наместникам. «Последние, прожывая в городах, военными начальниками которых они были, пе-

риодически объезжали свой уезд, останавливаясь на станах. С течением времени и разъезды наместников выходят из практики. В станах появляются волостели - кормленщики с своими «пошлинными» людьми, приставами, доводчиками и праведниками. В XV в. разъезды наместников встречаются как редкое исключение».⁸

На карте Вологодской области топонимы, производные от нарицательного **стан**, расположены следующим образом: пять из одиннадцати ойконимов находятся в смежном с Ярославской областью Грязовецком районе (**Стан, Становое - 3, Становищево**), два - в Бабаевском (**Стан - 2**) и по одному в Вашкинском (**Становая**), Кадуйском (**Стан**), Междуреченском (**Становое**), Великоустюгском (**Становища**) районах.

С названиями рассмотренных групп сопоставляются топонимы, образованные от административного термина «**двор**»: **Большой Двор, Большедворская, Великий Двор, Верхний Двор, Нижний Двор, Средний Двор, Старый Двор, Дворец, Дворище, Малые Дворища** (50 названий).

Слово «**двор**», общеславянское индоевропейского характера, ученые соотносят с родственными по происхождению словами **ворота, дверь**.⁹ Основное свое значение - «совокупность жилых и хозяйственных построек с земельными угодьями, усадьба» - это слово развивается еще в праславянскую эпоху.¹⁰

«На восточнославянской территории **двор** приобретает особенно широкую известность в связи с развитием феодального землевладения. Захват общинных земель содействовал быстрому росту крупных вотчин как в Северо-Восточной, так и Северо-Западной Руси. Центральным пунктом вотчинных владений являлась господская усадьба или двор. Поскольку хозяевами крупных вотчин были, как правило, бояре, то двор выступал в значении «сельская боярская усадьба».¹¹ Значение «усадьба феодала» закрепилось в терминологи-

ческих сочетаниях **большой двор** и **великий двор**. По свидетельству историка Г.Е. Кочина, эти сочетания различались: Большим Двором называлась обычно боярская усадьба, а Великим - княжеская.¹² Архаизация этих сочетаний и превращение их в топонимы начинаются с конца XV в. в связи с образованием единого Российского государства и конфискацией московским правительством боярских земель.

На карте современной Вологодской области топонимы **Большой Двор**, **Великий Двор** составляют абсолютное большинство (38 из 50) в рассматриваемой группе названий. Количество тех и других примерно равное, а с учетом двух топонимов **Большедворская**, образованных на базе словосочетания **Большой Двор**, вообще совпадает: обоих - по 20. Однако так было не всегда. По свидетельству Ю.И. Чайкиной, на некоторых территориях Белозерья в XVII-XIX вв. под влиянием литературного языка произошло изменение подобных названий за счет замены элемента **Великий** словом **Большой**.¹³

Скопления названий **Великий Двор** наблюдаются в районах Верхней и Средней Сухоны (Сокольский и Тотемский районы - 6 названий) и южного Прионежья (Вытегорский район - 5 названий). Названия **Большой Двор** концентрируются в Череповцеком (5) и на северо-востоке Великоустюгского (4) района. Остальные названия как бы соединяют эти скопления в одну линию вдоль водного пути Вытегра - Ковжа - Белое озеро - Шексна - Вологда - Кубенское озеро - Сухона. Если учесть, что «в своих передвижениях князья и их дружинники пользовались прежде всего судходными реками, междуречья переезжали сухим путем либо через волоки, перетаскивая лодки по земле, либо придерживаясь бассейнов мелких речек, впадающих в судходные»,¹⁴ то география названий бывших княжеских и боярских становичь представляется вполне понятной.

На древних путях передвижения по водным магистралям сохранились

названия **Исады**. Их четыре: по одному в Великоустюгском, Кичменгскогородецком, Междуреченском и Грязовецком районах.

Термин **исад** входит в большую группу слов, образованных от славянского корня **-сад-** (**осада, усадьба, посад** и др.). Существительное **исад** образовано от глагола **изъсадити** - «высадить на берег» (в XVII в. **иссадити** - «заселить»). В древнерусском языке слово **исад** употреблялось в значениях «пристань», «место высадки на реке», «рыбачий поселок», «мелкое место в реке близ берега», «рыболовное угодье».¹⁵

В разряд наиболее древних названий входят и ойконимы, возникшие на основе терминов **«городок»** (**Городок** - 3, **Тарногский Городок**, **Кичменгский Городок**) и городище (**Городище** - 5, **Городищево**).

Оба термина являются производными от общеславянского слова **«город»**, первоначальное значение которого - «ограда, забор».¹⁶

Слово **«городок»** в древнерусском языке обозначало укрепленное поселение.¹⁷ В процессе освоения новых территорий поселки-городки служили опорными пунктами славянских колонистов. Излишне говорить, что создавались городки в стратегически важных местах - на берегах озер, в местах слияния рек, вблизи волоков и т. п. Особенно активно такие поселения появляются в XVI-XVII вв., в период роста и укрепления Русского государства.

В топонимической функции слово **городок** фиксируется с XV в. На карте Российской империи названия с этим компонентом (149 топонимов) отмечены на территории 32 губерний с максимальной концентрацией в рубежных Смоленской, Новгородской, Тверской, Витебской и Псковской.¹⁸

Термин **«городище»** обозначал и само укрепленное поселение, и затем место, на котором оно находилось.¹⁹

В систему древнерусских городков входили **Городки** и **Городища** и в Вологодском крае. История этих поселений и их имен требует специального исследования.

Следующая группа названий, образованных от административных терминов, - топонимы с компонентом слобода и его производными: **Слобода, Слободка, Слободища, Обнорская Слобода, Подмонастырская Слобода, Пустая Слобода, Малые Слободы** и др. (более 40 топонимов).

В современной русской речи слово «**слобода**» не употребляется, хотя в словарях оно фиксируется с пометой «устаревшее». В слове выделяются три значения: 1. Поселок или городской квартал в Русском государстве XI-XVII вв. на государственной или частновладельческой земле, жители которого пользовались временными льготами в уплате налогов и отбывании других повинностей. 2. Устар. Большое торговое или промышленное село, поселок. // Обособленная часть большого села. 3. Устар. Поселок около города, пригород.²⁰ Смысловая структура слова «**слобода**» отражает и развитие его значений, и историю самой слободы.

Административный термин «**слобода**» возник в восточнославянских диалектах в результате звукового искажения слова **свобода**, то есть первоначально «поселение свободных земледельцев».²¹

Как тип поселения слободы известны еще со времен дофеодального Киевского государства. В XI-XIII вв. целью создания слобод было «привлечение землевладельцами населения на свои земли как в села, так и в города, по преимуществу в города и по преимуществу ремесленников - «мастеров».

Наиболее интенсивно слободы появлялись повсеместно в XIV-XV вв., причем в этот период они имели преимущественно сельский, а не городской характер. Как станы, села и погосты, слободы принадлежали к боярским и княжеским владениям. Устройство льготных поселений проводилось князьями и их помощниками - слободчиками.

В конце XV - начале XVI в. в княжеских, боярских и монастырских селах формируется новый тип слобод, жители которых занимались торговлей, промыслами и ремеслом. Торго-

вые и промыслово-ремесленные поселения возникали как в Северо-Восточной, так и в Северо-Западной Руси. Этот тип слобод положил начало пригородным торгово-ремесленным поселениям, получившим широкое распространение в XVI-XVII вв. Наряду с ними существовали служилые слободы, которые концентрировались вокруг городов и строились в оборонительных целях.²²

Процесс топонимизации нарицательного слобода начался довольно рано. В топонимической функции слово фиксируется с XV века, но наиболее активно переходит в разряд собственных географических наименований в XV-XVII вв. Основной причиной топонимизации этого термина, по мнению Ю.И. Чайкиной, является постепенное стирание различий между селом и слободой в XV-XVI вв., что подтверждается неразличением их нарицательных названий в деловой письменности Белозерья и появлением топонимов с компонентом **слобода**.²³ Отметим также, что на разных территориях эти процессы, по-видимому, проходили в разное время. В писцовых книгах Тотемского уезда XVII в. слово «слобода» отмечается и как нарицательное: «посухонские слободки и деревни... слободка Пьянково на Сухоне пашенная... слободка Ихалица Исаково то ж на Сухоне»²⁴, «слободки пашенные Раменье и Коченга»²⁵, - и как топоним: «д. Чесноковская Слободка то ж»²⁶, «д. Внуково Слободка то ж».²⁷

Слово «**слободка**» в XVI-XVII вв. было известно не только как уменьшительное образование от термина **слобода**, но и в значении «подмонастырское поселение», «поселение промыслового характера». Топонимическая активность производного **слободка** датируется тем же периодом, что и производящего **слобода**.

Таким образом, все рассмотренные топонимы сближает то, что они образованы на основе древних терминов, обозначающих владельческие, княжеские и боярские селения. Эти селения возникали в первые века славянского освоения нашего края.

- ¹ ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т. М., 2004. - Т. 3. - С. 295.
- ² ПОТЕБНЯ А.А. *Этимологические заметки*. - РФВ. - Варшава, 1881. - Т. 5. - №1. - С. 150-151.
- ³ ЧАЙКИНА Ю.И. *История административной терминологии Белозерья // История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье)*. - Вологда: Русь, 2005. - С. 47-48.
- ⁴ ЛЕМТЮГОВА В.П. *Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения: Названия типов поселений*. - Минск: Наука и техника, 1983. - С. 64.
- ⁵ *Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии*. - Вып. 7. - Вологда: Русь, 1997. - С. 85.
- ⁶ ЧАЙКИНА Ю.И. *История административной терминологии Белозерья ...* С. 51-53.
- ⁷ *Словарь русского языка XI-XVII вв.* - Вып. 15. М.: Наука, 1989. - С. 197.
- ⁸ Веселовский С.Б. *Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV-XVI вв.* - М.-Л., 1936. - С. 16-18.
- ⁹ *Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)*. - Вып. 5. - М.: Наука, 1978. - С. 169-170.
- ¹⁰ ЧАЙКИНА Ю.И. *История административной терминологии Белозерья...* С. 53.
- ¹¹ ЛЕМТЮГОВА В.П. *Указ. соч.* С. 76.
- ¹² КОЧИН Г.Е. *Материалы для терминологического словаря древней России*. М.-Л., 1937.
- ¹³ ЧАЙКИНА Ю.И. *Из истории административной терминологии (слова с общим значением "усадьба феодала") // Русская историческая лексикология и лексикография*. Л., 1977. С. 133-141.
- ¹⁴ ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. *Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV-XVI вв.* - С. 17.
- ¹⁵ *Словарь русского языка XI-XVII вв.* - Вып. 6. - М.: Наука, 1979. - С.250, 305.
- ¹⁶ *Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)*. - Вып. 5. - С. 37-38.
- ¹⁷ *Словарь русского языка XI-XVII вв.* - Вып. 4. - С. 92 - 93.
- ¹⁸ ЛЕМТЮГОВА В.П. *Указ. соч.* С. 93.
- ¹⁹ *Словарь русского языка XI-XVII вв.* - Вып. 4. - С. 91 - 92.
- ²⁰ *Словарь русского языка: В 4-х т.* - Т. У1. - М.: Русский язык, 1984. - С. 138.
- ²¹ ФАСМЕР М. *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.* - Т. 3. - С. 672-673.
- ²² СМЕРНОВ П.П. *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.* - Т. 1. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. - С. 47-85.
- ²³ ЧАЙКИНА Ю.И. *История административной терминологии Белозерья ...* С.46.
- ²⁴ *Писцовая книга Тотемского уезда 1623-25 гг.* - РГАДА, ф. 1209, к. 480. - Л. 438.
- ²⁵ Там же, л. 336.
- ²⁶ Там же, л. 352.
- ²⁷ Там же, л. 69 об.

Е.Н.ВАРНИКОВА, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВГПУ



Великий Устюг. Переулок Красный

Вологодская старина



ФОТО АРХИЕПИСКОПА МАКСИМИЛИАНА, АЛЕКСАНДРА ПОЛИЦИНСКОГО

ЛИДИЯ КУЗЬМИНА

ВЕНОК ЛЮБВИ К РОДНОМУ КРАЮ

Лидия Кузьмина - автор, широкому кругу читателей еще не очень известный, хотя у нее уже вышла одна книга - «Дедушка Мороз из Великого Устюга». Продолжая работать над сказками для детей и взрослых, Лидия Николаевна подготовила рукопись «Венок сказок из Великого Устюга», работает над вологодскими сказками.

Предлагаем читателям две сказки Лидии Кузьминой.

МАТЬ-И-МАЧЕХА, ИЛИ СКАЗКА О ЛЕТАЮЩЕЙ КОШКЕ

(из сборника

«ВЕНОК СКАЗОК ИЗ ВЕЛИКОГО УСТЮГА»)

Небывало жестокая зима случилась в этом году! Замер лес, скованный стужей. Все попрятались, в укрытия поглубже забились - носу не покажут. Только деревья кряхтят-покрипывают.

Люди по домам сидели безвылазно, а уж если кому на улицу запонадобится, тот в сто одежек кутался, что твоя капуста.

Но всему свое время, как ни лютовала зима - пришла пора убираться восвояси. Не хотела она уступать, уходить не желала. Привыкла быть госпожой! Да только возможностей у нее все меньше. День неуклонно прибывает, солнце силу берет - прогревает землю. Закапали сосульки, осели сугробы. Снег повлажнел, посерел, стал ноздреватым. Появились проталины, зажурчали ручьи. Деревья очнулись, сбросили надоевшие белые шапки, стряхнули снежные облачения. Птицы-звери-насекомые тепло почуяли, наружу выбрались, забежали, засуетились. Дел у всех невпророт, каждый спешит. Глядь - зимы и след простыл!

Первая трава выглянула. А в один

прекрасный день появились цветы, маленькие, желтые.

Лось бредет:

- Ох ты! Белокопытник расцвел!

Заяц с зайчихой скачут:

- Глянь, глянь! Лапушник лесной распустился!

Лиса крадется:

- Двуличник! Дождались!

А волки:

- Ранник появился!

Медведь к реке притащился:

- Ого! Колоречная трава зажелтела!

Никто мимо просто так не пройдет, все радуются.

В этом же году родились на белый свет два мышонка - Круть и Верть. Пока малютками были, в норке сидели, подросли - вылезли. Как раз весной. Сначала далеко от родного порога отходить трусили, зато потом! Целыми днями по лесу шастают, домой не загонишь. Все им в новинку, в диковинку. Иной раз с раннего утра до позднего вечера не возвращаются, перекусят по пути тем, что найдут, - и дальше в путь.

Мышка-мама сердится, волнуется:

- Малы еще! Не убегайте далеко.

- Мам, да мы травинку, семян, корешков наберем! На завтрак, обед, ужин. Семье прибиток!

Папа ворчит, предостерегает:

- Если норка близко, успеете юрк-

нуть, а если далеко? Так и слопает вас кто-нибудь! Добытки нашились. Подрастите, ума-ловкости поднакопите! Тогда, пожалуйста, слова не скажу.

- Одна Летающая Кошка чего стоит! - грозно напоминала бабушка. - Не забываете!

Что за зверь? Почему так называется? Да не зверь это - птица. Тут вот в чем дело. Бабушка была родом из домашних мышей. С детства больше всего на свете кошек боялась. Когда вышла замуж и в лес переселилась, надеялась никогда с ними больше не встретиться. В первый раз увидав сова, бабуля от ужаса дар речи потеряла. До чего ж сова на кошку похожа! И голова, и глаза, и когти, и слух исключительный! Двигается бесшумно, по ночам охотиться любит. В крошечном мраке неподвижно сидящую птичку видит! Но особенно - как и кошка! - любит мышей. Затаится и подкарауливает или летает высматривает.

Невдалеке от мышиного дома в трюхлявом дупле жила сова Серая Неясыть, ненасытная утроба. Ее бабушка и называла Летающей Кошкой. Настоящей кошки лесные мыши не знали, бабушке на слово верили.

Любила Неясыть похвастаться, высоко себя ставила:

- Мы, совы, семьдесят миллионов лет на земле живем, а потому я в лесу владычица, как древнейшего рода представительница. Что хочу, то и ворочу! Право имею! Мои уголья охотничьи! Наследственные земли.

К ночной поре мышиное семейство в норке пряталось, на засовы-замки запиралось. Очень все боялись невзначай задержаться. Летающая Кошка днем спала, по ночам охотилась.

Круть и Верть побаиваются, а все равно убегают. Малы еще, непуганые. Мол, авось да небось, уж как-нибудь. С нами-то ничего не случится.

Раз допоздна загуляли. Набрали того-сего - еле тащат. Нести тяжело, бросить жалко. Солнце скрылось, тьма на землю опустилась. Не видно ни зги. Страшно! Бредут мышата по знакомой тропинке, на ощупь проби-

раются. Кругом шорохи подозрительные, ветки потрескивают, вдалеке завыл кто-то. Уж сами не рады, что так вышло. Ох мамочки! Как хорошо сейчас дома! Дойти бы скорее!

Тут Летающая Кошка в свой час проснулась, на охоту собралась. Голодная! Услыхали братья шум ее крыльев да зловещее уханье - дыхание перехватило, мороз по коже. До сей поры лишь в норке сидючи такое слышали. Боялись до дрожи - это дома-то! А теперь - вот-вот заметит, схватит! И совы, и кошки в темноте прекрасно видят, вы помните?

И почему, думают Круть и Верть, мы родителей и бабушку не слушались? Отныне всегда-всегда будем, только бы пронесло! Что делать, где укрыться, караул! Помощи ждать неоткуда. Того гляди совиным ужином станешь!

Некстати месяц выкатился, лес осветил. Стоят мышата на своей тропинке, как на скатерти. Не только сова - кто угодно заметит! Норы нет, трава низкая, что делать? В панике бросились в одну сторону - чуть в канаву не упали, в другую - там овраг! Вниз покатались, хорошо, за корень зацепились. А Летающая Кошка все ближе!

- Сюда, сюда! - пищит Круть.

Чуть в стороне листья-лопушки торчат. Побросали мышата поклажу - и в полсекунды там оказались. Каждый в лист завернулся, дыхание затаил. Вовремя! Неясыть мимо пролетела, никого не углядела. Братья вылезти боятся, сидят не пикнув, трясутся. Душа в пятки ушла. Понимают, что не миновала опасность, сова вернуться может.

Всю ноченьку не шевелились. К рассвету Летающая Кошка утомилась, в дупло вернулась - отсыпаться. Уф!

Верть лист развернул, выбрался, зубами стучит, дробь выбивает:

- Х-х-холодно! Замерз я! Круть, вставай! Совсем окоченел, двинуться не можешь? Бедненький! Помочь?

Сам приседает, застывшими лапами машет, разминается.

Круть, сладко позевывая, вылезать не спешит.

- Чего вскочил ни свет, ни заря?
Поспали бы еще. Тепло, мягко!

- Тепло-о-о? Мягко-о-о? Ты это о чем?! Шутить! Лист гладкий, холодный - я всю ночь глаз не сомкнул.

- Ничего подобного! Наоборот. Пушистый, уютный, как одеяло. Я пригрелся, спал сладко, будто в родной норе.

- Хм! Там что, два разных листа? На одном-то растении? Чувств какая! Должны быть одинаковыми.

Присмотрелись: одинаковые и разные. Сверху гладкие, холодные, внизу теплые с мягким пушком.

Жук подполз:

- Чему дивитесь? Мать-и-мачехи не видали? Уж такие у нее листья. Эх, молокососы!

- Теперь знать будем.

Встрепенулись мышата, переглянулись.

- Ой! Нас же родные ждут! Волнуются! Где мы? Куда нас занесло? Как тропинку найти?

Оказалось, у края оврага, на южном склоне. Сообразили, в какой стороне родимый дом, схватили впопыхах брошенное - и бегом.

Домашние их расцеловали, потом отшлепали и снова расцеловали. Уж не чаяли живыми увидеть. Благополучно обошлось, только Верть простудился, кашлять начал. И знаете, чем его бабушка вылечила? Отварами и настоями из листьев той самой мать-и-мачехи! Не простое оказалось растение - лекарственное! Зовут его по-разному. Догадайтесь-ка, почему одно из названий - мать-и-мачеха? А двуличник? Колоречная трава? Лапушник? Ранник?

ПЕШЕХОДНЫЙ МОСТ

(из сборника «СКАЗКИ ВОЛОГДЫ»)

В вечернем апрельском небе носились чайки. По пешеходному мосту проходили люди. Одни торопливо, другие неспешно. Кто-то останавливался, смотрел на волны. Велась разговоры. Многие кидали в воду кусочки, на асфальт - крошки для воробьев и голубей. Те ссорились и дрались

азартно, но беззлобно. Голуби, спотыкаясь, ковыляли из стороны в сторону. Воробьи бросались вперед отчаянным наскоком.

Чаячи крики заглушали голоса.

- Как полноводна сейчас Вологда, - говорила женщина своей спутнице, - была бы такой всегда, не мелела.

- И берега одеть в камень.

Но и без того набережная была хороша.

Здесь гуляли дети, старики и молодежь, солидные господа и простые горожане.

- Там в воде кто-то есть! - громко закричал ребенок.

- Рыба!

- Нет, кто-то другой!

- Да кто ж еще?

- Не знаю. Но есть! Смотрите!

- Тебе показалось.

- А вот и нет!

У моста высился фонарный столб, рядом с ним замерла маленькая черная собачка.

К скульптурной собачке - вернее, песику, подошли папа и мама с тремя детьми.

- Он игрушечный? - галдели дети. - Никогда не бегает и даже не шевелится?

- Не знаю, - протянула мама. - Может быть, когда никто не видит.

- Ночью, да?

- Вполне возможно.

- Такой славный! И глаза умные. Подмигнул бы или вильнул хвостом! Мы бы с ним поиграли!

Папа выдал:

*Смешной, веселый песик застыл
у фонаря.*

*Он ничего не просит, и темный глаз
не скосит, и не залает зря.*

*Не проведешь, обманщик,
хоть замер, недвижим.*

*Ты черный и блестящий, совсем как
настоящий, и выглядишь живым.*

*Наверное, не хочешь секрет
доверить свой.*

*Но мы-то знаем точно, что ты
порой полночной гуляешь под луной.*

Дети смеялись, гладили собачку, заглядывая ей в глаза.

Подскочил хулиганистого вида мальчишка и заорал:

- Здесь черная собачка застыла враскорячку!

- Не обижай его! - рассердилась девочка.

Мальчишка развернулся, засвистел и убежал.

- Не скучай, маленький! Мы еще придем, - обещали дети.

Краешек солнца уже коснулся земли.

На мосту безмолвно стояли грустные девушка с юношей. По очереди выводили что-то на листе бумаги, передавая друг другу карандаш. Иногда смотрели в сторону собачки и вздыхали. Нити закатных лучей путились в их волосах. На перила плюхнулась чайка и склонила голову, ожидая внимания. Тщетно.

Кто-то выпустил в темнеющее небо воздушный шарик. Он рванулся вверх и быстро исчез.

Опускались сумерки, люди потихоньку расходились. Мост опустел. Тишина. Звезды.

Песик облегченно вздохнул, опустил лапу, с наслаждением потянулся и бодро обежал фонарный столб.

- Рано, ты что?! - наклонившись, охнул Столб. - Иди на место, заметят!

- Там знакомые воробьи в дозоре. Предупредят!

- Дрыхнут твои воробьи.

- Они по очереди дежурят, надежные, всегда настороже. А у меня лапы затекли, не могу терпеть!

Песик носился, подпрыгивая, и гавкал потихоньку.

- Ай-ай!

- Ладно тебе, будто сам не такой.

Столб странно дернулся - как будто пожимая плечами. Скрипнул и зашагал вдоль набережной. Песик порысил следом, обгоняя его и возвращаясь.

Пройдя немного, Столб качнулся и медленно двинулся к реке.

- Не забыл, какое нынче число? Сегодня просыпаются русалки. Ну-ка, позовем!

- Мы здесь, - из воды раздались полусонные голоса. - Привет, привет!

- С пробуждением! Как спалось? Спокойно перезимовали?

- По-всякому. А вы?

- Тоже. Зима в этом году странная.

- Я уж давно проснулась, раньше

всех, выжидала время, - звонко смеялась юная русалочка.

- Вот видишь, - укоризненно заметил Столб, повернувшись к Песику. - Есть понятия о приличиях.

Песик показал ему язык.

- Фу!

- А какой-то малыш тебя заметил, - сказал Столб русалочке.

- Ему никто не поверит!

Песик скатился по обрыву и встал на задние лапы. Русалки собрались в кружок, рядом плескались рыбы.

- Иди купаться!

Песик попробовал воду лапой, потешно чихнул и отскочил.

- Погожу еще.

- Трусишка! - русалки с хохотом обрызгали его с головы до ног.

Он отряхнулся и возмущенно завопил:

- Холодно же!

- Смотри, что мы нашли! Лист бумажный в реке выловили - с моста упал. Намок!

- Написано что-то. Песик прочел по складам:

*На Пешеходном мостике стоим,
тая тоску.*

*Крик чаек оглушителен,
и голуби ворчат.*

*А воробьи решительны, сердито
распушительны и клювами стучат.
Уйдут домой прохожие.*

И птицы - на покой.

*Тогда непотревоженно гуляет песик -
может он размяться
в час ночной.*

*А волны тихой Вологды печаль
уносят прочь,*

*и накрывает пологом волшебный
город Вологду сама царица-ночь.*

*Часы ее владычества
весеннее-коротки.*

*И день - его величество -
свет солнечный,*

*привычный нам прольет
на гладь реки.*

*Согреемся надеждою и
устыдимся слез.*

*Пусть будет все по-прежнему,
а мы - нежны и бережны,*

*храня любовь всерьез.
Под сенью града вечного в который*

раз спасут

застенчивых, доверчивых,
в суждениях переменчивых
терпенье, вера, труд.

«Печалиться вы бросьте-ка,
я не такие горести развеял
на веку», -
нам шепчет ветер вкрадчиво,
вертясь вокруг перил.

Глядим в глаза собачкины.
Ах, как же все обманчиво,
где взять ума и сил, чтоб в жизни
все устроилось и встало на места,
чтоб радости утроились
и сердце успокоилось?
Мираж? Или мечта.

- Это же те грустные парень и де-
вушка, помнишь? Они уронили.

- Дольше всех тут пробыли, пока
звезды не высыпали.

- А я-то заметил, что они ушли от-
сюда гораздо более веселыми, чем
пришли!

- Про тебя, Пес, все пишут, а мне
никакого внимания, - огорчился
Столб.

- Не ворчи, Столб. Не завидуй. Фо-
нарей полно в каждом городе, руса-
лок - в каждой реке. Наш Песик - ис-
ключительный и неповторимый, -
наперебой шумели русалки.

Песик был черный, и только поэто-
му никто не заметил, как он покрас-
нел от смущения и радости. Прият-
но. Он даже улыбнулся.

- Эта девушка меня на прощание
погладила по спине, а парень почесал
за ухом тоже меня.

- То-то у тебя и спина, и уши скоро
блестеть будут, как отполированные.
Каждый погладить норовит! - буркнул
Столб.

- Со мной и разговаривают часто!
Один мужичок, не совсем трезвый,
долго около меня сидел на корточках.
Каким-то нездешним именем назы-
вал. Просил дать лапу на счастье. И

хотел со мной полаять, когда взойдет
луна! Сказал, что я красив! Допыты-
вался, не приходила ли сюда грустная
дама. Мол, обязательно придет - пусть
я ее лизну вместо него, потому что он
в чем-то виноват.

- Помню, а меня он назвал «много-
уважаемый столб».

- И только перед уходом сознался,
что это стихи, и придумал их не он
сам, а его любимый поэт.

Город спал. Русалки резвились, вы-
ходили на берег, пели и танцевали.

Песик весело носился рядом гав-
кая:

- Я черный и блестящий, совсем
как настоящий, все это - про меня!

Подпрыгивал, кувыркался, вставал
на задние лапы.

- Запыхаешься! Отдохни!

- Некогда. Хорошо тут с вами, но по-
бегу, проведую Коня. Времени в обрез!

- Он уж сам к тебе скачет!

Донеслось тихое ржание. Огром-
ный Конь словно плыл по берегу реки.
Песик радостно завизжал и ринулся
навстречу приятелю.

Конь и Пес долго гуляли по набе-
режной, оживленно болтая.

Потом Конь катал русалок на спи-
не. Робких медленно, а отчаянных во
весь опор. Перепрыгивал с одного бе-
рега Вологды на другой. Зеленоватые
русалочки волосы трепал ветер.

Из окон театра выглядывали кук-
лы и махали руками, подавая привет-
ственные знаки.

- Скоро рассвет. Пора по местам, -
загудел Столб.

Конь ускакал галопом. Песик при-
пелся к Столбу и уселся поудобнее.
Потом лег. Было еще можно.

Русалки уплыли.

Близилось утро.

Город неспешно просыпался. Суб-
бота. Весна. Апрель. Хорошо!

«СРЕДА»

В конце 2007 года исполнится десять лет со дня начала существования литературного объединения Вологды «Среда». Рекомендую вниманию читателей подборку стихотворений постоянных членов нашего сообщества.

Ольга ФОКИНА

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА

Живет по-разному народ...

КАМЕНЬ НА ДОРОГЕ

*Камень лежит на дороге...
Запнутся - вспомнят чертей,
Но путь расчистить не могут:
Спешат все, не до камней...*

*А вдруг этот камень терпит
Страданья не меньше нас?
А вдруг он имеет сердце
И больно ему подчас?*

*Мешает, лежит на дороге,
А сдвинуться нету сил:
Имел бы, как люди, ноги,
Давно б его след простыл!*

*Прошла половина жизни...
Эх, время младое, где ты?
Неужто заката призрак
За мною крадётся следом?*

*А может, сказать иначе,
Без горечи и кручины:
Не вечер ещё маячит -
Начало второй половины.*

*Начало - не завершеньё...
Осенние дни любимы,
А листопада круженьё,
Как чудо, неповторимо.*

*Пусть лето мосты разводит,
Навстречу ко мне с поклоном*

*Красавец сентябрь выходит
В плаще своём золочёном.*

*Положили в красный угол,
Под святые образа...
Удручённый вид у друга,
У вдовы в слезах глаза...*

*Только он спокоен, светел,
Жизнь прожил, как воевал:
День Победы с честью встретил...
Сына с дочкой воспитал...*

*На подушечке медали,
Боевые ордена -
Вечной памяти скрижали,
Вечной славы письмена.*

*- С добрым утром, дорогая!
- С добрым утром, дорогой!..
На подносе чашка чая,
Булка с маслом и икрой...*

*Год прошёл с поры золотой,
Мир их стал неузнаваем:*

*- Хватит спать! Погладь рубашку,
Брюки... Завтрак приготовь...
День влюблённых... Эка важность!
У плиты согреешь кровь...*

*Где же прежняя любовь?
Растворилась в дне вчерашнем.*

Время смуты и страшных разбоев,
 Времена новорусской гульбы...
 Наш народ переносит, как стоик
 Все удары нелёгкой судьбы.

Где предел нескончаемым бедам?
 Неужели наш русский народ
 Только западным внемлет советам?
 А своим-то умом не дойдёт?

Живёт по-разному народ:
 Кто бедствует, а кто жирует...
 Русь разделилась на господ

И тех, кто по миру божжует.
 На тех, кто молится о всех
 И ставит свечи в Божьем храме...
 Кто тянет Русь к помойной яме -
 Тех несмываем тяжкий грех.

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

Как жила я, Господь только знает,
 Стала взрослою не по годам...
 Но всё чаще меня посещает
 Ностальгия по тем временам.
 Всё, что было обидным и горьким,
 Всё, что ранило сердце моё,
 Пережить я готова повторно,
 Лишь бы в детство вернуться своё.

ЮРИЙ ДЕЛЯГИН

Только тишь и благодать...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Ночь светла, луна сияет,
 Как в оправе бриллиант;
 Небо в звёздах - полыхает
 Весь космический экран.

Вьются, кружатся снежинки -
 Белокрылы мотыльки,
 Словно с лебеда пушинки -
 Серебристы и легки.

Заискрилось, засверкало
 От снежинок всё вокруг,
 Льдом хрустальным заковало
 Речку, озеро и пруд.

Нет ни шороха, ни треска -
 Только тишь и благодать,
 Вот бы ангелом небесным
 Мне однажды полетать!

ЗИМОЙ НА РЫБАЛКЕ

На озере кружится
 Метет, свистит пурга,
 У лунок на ветрище
 Сидят два рыбака.

Сидят, но без успеха,
 Промерзли до костей,

Им холод не помеха -
 Поймать бы окуней.

А может быть, и щука
 Польстится на живца,
 Или налим от скуки
 Заглотит червяка.

Окоченели оба -
 Два грешных чудака,
 Сидят, как пни в сугробе,
 Два горе-рыбака.

СТАРУШКА И КУРИЦА

Одной старушке богомольной,
 Чтоб ей полегче было жить,
 Всевышний в праздник
 престольный
 Надумал куру подарить.

И божья курочка-хохлатка,
 Казалось бы, на радость бабке,
 Чтоб та жила всегда
 в достатке,
 Яички начала нести,
 В неделю штук до десяти,
 Да и при этом не простые -
 Все до едина золотые.

Старушке б радоваться надо
Тому, что стала богачей.
Ей кура та была наградой -
Она о ней должна радеть.

Но бабке той всё было мало
Того, что курочка несла,
Её вдруг жадность обуяла,
Решив, что кура золотая,
Головку бедной отсекала.

О! Как об этом пожалела,
Внутри узрев лишь потроха,
С расстройства смертно
заболела,
Фортуна к ней была глуха,
И вскоре бабка померла.

Какая тут нужна мораль?
Мне бабки той совсем не жаль.

ЛАРИСА ИВАНОВА

Деревеньки стерлись, а города остались

СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ
**Во многих мудрости много печали,
И кто умножает познания
Тот умножает скорбь.
Экклезиаст (Ветхий завет)**

Я чувствую пространство,
как тунгус,
Спасительный родник найду
в пустыне,
Я мир познал на ощупь и на вкус,
Презренный страх бежит
меня отныне.

Я не страшусь потусторонних сил,
Мне на земле хватило испытаний,
Не посрамил отеческих могил,
Мой труд весом на алтаре
познаний.

Я в тайны мироздания проник,
Ни смерти не боюсь, ни увяданья,
Боюсь утратить то,
что не постиг,
Боюсь утратить смысл
существованья.

Уравнять хотели
Села с городами,
Много лет радели,
Но не стирались грани.

То ль не так уперлись,
То ль перестарались,

Деревеньки стерлись,
А города остались.

ПОДОРОЖНИК
(памяти Н.Рубцова)

Пурга над Вологдою-речкой,
По пояс ивушки в снегу.
И не с кем мне сказать словечко,
Я по лыжне одна бегу.

Скольжу по наледи колючей,
Где пристань спит среди снегов,
Здесь в ресторанчике плавучем
Любил бывать поэт Рубцов.

Его стихи - его стихия -
В них правда жизни, грусть и боль.
Рубцовская любовь к России
Насыщенная, как хлеб и соль.

Он это чувство беззаветно
Хранил и ведал наперед:
Любовь не будет безответной,
Россия-мать сынка поймет.

Его поэзия тревожна,
В ней мглистый, потаенный свет,
И сам поэт ранимый, сложный:
Средь простаков поэтов нет.

Стихи Рубцова взор туманят,
Звучат высокою струной,
И каждый раз уносит память
К его кончине роковой.

Пусть все наветы канут в Лету,
Какой поэт у нас не лих?
Не нужен оберег поэту,
Иначе лживым будет стих.

Каким он был, каким он не был,
Теперь не нам о том судить.
Пускай его рассудит небо,
А мы не сможем позабыть.

ТАЙНЫ

Не открывай мне грешных тайн,
Не будь ко мне таким жестоким.
Недалеко, в тиши окраин
Живет священник одинокий.

Все тайны ты доверь ему,
Себе оставь одну свяую:

Не хвастай, милый, никому,
Как я тебя в ночи целую.

Я этому сама не рада,
Я помню то, чего не надо -

Слова обидные твои.
Они всегда встают преградой
В час, отведенный для любви.

Ты в этот час еще ни разу
Не разомкнул свои уста.
Одна бы ласковая фраза!
Но нет ее, и жизнь пуста.

Ты подшофе совсем другой,
В твоих словах сквозит
небрежность,
И сам ты мятый и косо́й,
Как галстук, потерявший
свежесть.

Бог дал мне жизнь,
Он и возьмет ее,
Лишь дерзкий с этой истиною
спорит,

И дело это Божье, не мое,
А вот поди ж ты,
часто беспокоит.

НИНА КОРШУНОВА

Мне так хотелось улыбаться...

Я пришла к тебе
былинкою зеленой.
Я пришла к тебе
цветочком полевым.
Одарю тебя
любовью озаренной.
Одарю тебя я
счастьем неземным.

СОН

Мне не хотелось просыпаться,
Увидев чудо-сон цветной,
Но разве можно удержаться -
Не заглянуть в чертог лесной?

Мне не хотелось просыпаться,
Пусть дольше длится дивный сон.
Мне так хотелось улыбаться
С самой природой в унисон.

Как золотисто, пыльным цветом
Цвела здесь липа прошлым летом!
Клен на свиданье опоздал
И вместо липы пень обнял.

ВСТРЕЧА В ДЕРЕВНЕ

За плетнем я тебя повстречала
Ты высокий и ладный такой,
Но ты смотришь (я все замечала!)
За деревню, за поле с тоской.

Что же, что же тебе не по нраву,
И природа не радуется глаз?
А ведь я прогуляться по травам,
Нарядившись, с тобой собралась.

Не сбылись мои тайные думы,
Не могла я тебя удержать.
Видно, ближе столичные шумы.
Видно, легче угаром дышать.

ТАТЬЯНА КОРОТКОВА

Сколько тепла вокруг!..

МАМИН ПЛАТОЧЕК

Потихоньку горит костерок.
Паутинки летают над пашней.
Трудно жить теплотою вчерашней,
Запасаясь сегодняшней впрок.

Дом у речки стоит крепышом.
Греет солнце родную деревню.
Млеет день в позолоте деревьев.
Хорошо, до чего хорошо!

Подыми, костерок, подыми.
Ты побудь, листопадушка, с нами,
Завтра утром, овсянный снами,
Ты меня за грибами возьми.

Там тропа в узорочки теней,
Сердце с Богом, душа на покое,
Отдыхает на бархате хвои
Лист осины, брусники алей.
Мы пойдём на болото с тобой.
Там у клюквы румянятся щёчки,
Над любкою травинкой и кочкой
Небосвод голубой-голубой.

Там жива ещё наша сосна:
Мама к ветке привяжет

платочек -

Вижу я, видит каждый кусточек,
Как заботливо машет она.

Костерок, догорая, дымит.
Паутинки летают над пашней.
Трудно жить теплотою вчерашней.
И от нынешней
Сердце болит...

ГАЛИНА МАКАРОВА

Не порвись, связующая нить!

Ты на ажурном мостике
Следишь движенье льдин.

И ХОЧЕТСЯ ЗВЕРЕМ ЗАВЫТЬ

Мы счастливы все - до единого,
Для всех - и шторма, и весло:
Для всякого пламень рябиновый.
Для каждого солнца тепло.

Твоя и метель, и проталинка,
Луна и подлунный покой.
Тебе улыбается маменька
И память живая - с тобой.

Но видишь собаку бездомную,
Страну, грабежом опалённую,
И хочется зверем завывать.
Ну как тут счастливыми быть?!

УТРО МОЁ ПРИГОЖЕЕ

Всё обнимаю. Боже мой,
Сколько тепла вокруг! -
Утро моё пригожее
И колокольчик-луг.

Хоть и отцвёл-отрадовал,
Скоро звенеть опять
Да разноцветье радуги
В летний венок вплетать.

Счастья ждала - и вот оно,
Только бы не спугнуть:
Реки, леса с болотами,
Солнце и Млечный Путь.

Снова сентябрь отрадою
В золоте дней стоит.
Падают листья, падают,
Как их полёт продлить?!

Полста годочков
с хвостиком,
А ты один, один.

Не воплотилась та еще,
 Что стала бы судьбой, -
 Прозрачной льдинкой тающей
 Уносится с водой.

Вода ведёт и ведаёт,
 Наверно, обо всем,
 Чего нам знать не следует,
 Пока мы здесь живем.

Что на воде начерчено,
 Известно ей одной.
 Постой же, мой не встреченный,
 И подыши весной.

В лесу поляна чем не храм?
 На нем березы чем не свечи?
 На хрупких хорах тут и там
 веселый хор пернатых певчих.
 Ко мишстой кочке припаду,
 вдохну болота душный ладан.
 Я дома, и душа в ладу
 со всеми, кто вдали и рядом.

А рядом кроха муравей,
 цветы и травы разной масти.
 О лес, заветный сон навей
 о том, что в мире мир и счастье!

Я голубикой причащусь,
 доверчивых букашек зритель,
 и, как умею, помолюсь
 за их зеленую обитель.

Может быть,
 я слишком тороплива,
 называя целым только треть,
 и, подобно белому наливу,
 дружбе тоже надо дать
 созреть,

Настояться соку ожидания,
 завязаться семечку забот...
 И тогда в день нашего свиданья
 нежный плод в ладони упадет.

Упадет морошкой ли, черникой,
 древней сказкой северных болот.
 ...На прощанье пару строк
 черкни-ка
 в тот - тобой подаренный -
 блокнот.

ЗВЕЗДА

Скажи, моя любовь,
 Где ты зазимовала,
 Среди снегов и льдов
 Какого перевала?

Ты помнишь обо мне?
 А я готова к встрече.
 Но что там на стене
 Рисует поздний вечер?

Звезда мигнёт, фонарь,
 Ветвей коснётся ветер...
 Какой мне взять словарь,
 Понять чтоб знаки эти...

Я всё переведу,
 Что на душу мне ляжет,
 И за звездой пойду,
 Куда она укажет.

РОДНОЕ

То и дело, соскочив с припечка, -
 Не порвись, связующая нить! -
 Мамины особые словечки
 В речь мою заходят погостить.

Много умных книг стоит на полке,
 Вкрадчиво меня зовущих вдаль, -
 Нету в них присловий каргополки,
 Тех, что собирал Владимир Даль.

Изморось, тепло, слегка туманно
 (Пролетит неделя - и Покров):
 «Падера, - определяет мама, -
 Манно», - в дом входя с охапкой
 дров.

«Доча, ты не будь одновыдёнком,
 Не ходи ты дома-то в новье».
 Нити, нити... Рвётся там,
 где тонко,
 Если забываем о родстве.

Тёплая водичка - бережинка.
 Жить дивья, коль есть и хлеб,
 и кров.

Диалекты - золотые жилки
 Под нагластованием веков.

Уточняя древних слов значение,
 Вглубь иду, а кажется, что ввысь.
 Погостите, мамыны реченья,
 Нить связующая, не порвись!

ПРОЩАНИЕ С ИСПРАВИНОМ

*Дождусь ли песни соловьиной,
Стрекоз увижу ль на пруду,
А вдруг под снежною лавиной
Сухой травинкой упаду?..*

*Сбегут рассеянной оравой
Ручьи с исправинских полей,
И рощу, бывшую моей,
Украсят жёлтые купавы.*

*Не быть - поставит время росчерк.
И всё ж, вернувшись по весне,
Соловушка, в старинной роще
Пропой купавам обо мне.*

*С ума схожу по тишине!
Нет, не по белому безмолвью,
Когда, наплакавшись по-вдовьи,
Метель затихнет в зыбком сне.*

*И не по шелесту страниц
Тишайшему в читальных залах -
С ума схожу по пенью птиц
Сладчайшему в лесных кварталах,*

Где ели держат на весу

Е. ОСИПОВА

Я хочу научиться любить...

ПРОВОРНИЛА ВОРОНА ВОРОНЁНКА

*Проворонила Ворона Воронёнка...
И сама не знает, как, когда,
улетела прочь душа ребёнка
в страшное такое - в никуда.*

*Воронёнок, мальчик непослушный,
где мне твою душеньку искать?
Я простая серая каркуша,
ты прости, сынок, за это мать.*

*Плохо я тебя летать учила,
слишком часто ты бывал один.
Злая сила нас и разлучила,
вот и всё, и нет других причин.*

*Верхушек сумрачные пики,
Где розовеет волчье лыко
В ещё безлистственном лесу.*

*Где с виду чёрная река
Несёт неслышно воды в Воже,
И половодье жадно гложет
Его глухие берега.*

*Весна. Опять без сна лежу.
Шумит шоссе. Дождь барабанит.
Не по какой-то глухомани -
По родине с ума схожу.*

*Чем мой сарай щелястее,
Тем шире звездный верх.
И почему у счастья
Такой короткий век?!*

*Спасибо крыше - розная,
Дыханью у плеча.
Проснусь - ни света звездного,
Ни лунного луча.*

*Отгостевало соколом
И подалось к другим
Звездой ли, майским облаком -
В Инту, а может, в Крым...*

*Мало видел ты любви и ласки
от меня и Ворона-отца,
ты, сынок, не наши слушал сказки,
а они без доброго конца.*

*Проворонила Ворона Воронёнка,
и сама не знает, как, когда,
улетела прочь душа ребёнка
в страшное такое - в никуда.*

*Воронёнок, мальчик мой вихрастый!
С силой зла борись, не уступай!
Мир вокруг такой большой*

*и разный,
но добро живёт - ты это знай!*

Проворонила Ворона Воронёнка...

ГОРОДСКИЕ ЧЕРВИ ДОЖДЕВЫЕ

На асфальте черви дождевые,
а по-детски - просто червячки.
Нежные, наивные, слепые,
им опасны стёкла и сучки.

Солнце, обжигая, сушит тело.
Вьётся червячок и так, и сяк,
по асфальту ползать надоело,
он устал, измучился, иссяк...

Рядом с червячками мы присядем:
«Успокойтесь, всех сейчас спасём,
пожалеем, ласково погладим,
бережно на травку отнесём.

Уползайте поскорее в норки,
отлежитесь там, ну а потом,
постарайтесь и во тьме быть
зорки,
без нужды не покидайте дом.

Ползайте, рыхлите всюду почву,
доставляя воздух к корешкам,
помогайте из подземной ночи
пробиваться молодым росткам!»

МЫ, ЖИВЯ НЕ В ЛЮБВИ...

Мы, живя не в любви,
на печаль лишь себя обрекаем.
В чувства близких людей
по-серьёзному редко вникаем.

Ждём, чтоб выбрали нас -
пошлых, грубых, бездарных,
спесивых.

Ну, а нам подавай
только умных, свободных,
красивых.

Как проблему решить?
Безлюбовье - опасная штука.
Научиться любить -
это сложная очень наука.

Не осилишь её,
коль с собой будешь
только носиться,
чтобы мир изменить,
всем нам нужно
друг в друга влюбиться.

Я ХОЧУ НАУЧИТЬСЯ ЛЮБИТЬ...

Я хочу научиться любить,
а пока это плохо умею.
Много времени в бездну ушло,
я об этом сейчас сожалею.

Всё металась по жизни, как тень,
ни себя, ни других не созрела.
На страстишках безликих, пустых
моя молодость быстро сгорела.

Зрелый возраст уже наступил,
так пора за серьёзное братьяся.
Я молюсь:
«Дай мне, Господи, сил в моих
чувствах земных разобраться.

Научи меня правильно жить, так,
чтоб к близким я стала добрее».
Помолившись и слезы пролив,
становлюсь я немного мудрее...

РИММА РОЖИНА

Такое на сегодня счастье

Живу,
А что еще мне делать?
Друзья приходят,
Свет не гаснет,
Газ не отключен,
Разум целый -
Такое на сегодня счастье.

Стонать?
Да ну его, стенанье.
Поранил палец -
Смажь зеленкой,
Беды-то на одно чиханье,
Не утешать же
киноленткой.

Гляжу,
А жить как интересно:
Пирог с капустой,
Лес с грибами
И дочь совсем уже невеста,
А там и внук не за горами.

И Бог,
Не терпящий унынья,
Опять со мной,
И я - в России,
Где - что ни камень, - то святыня,
Приход для нового Мессии.

Где я одна из миллиона
Неподдающихся и гордых -
Чем больше бьют,
Тем меньше стоны!
Так, значит, рано мне на отдых.

Хотелось бы опять себя заметить
Не в зеркале, а в чьих-нибудь глазах,

Чтоб осенью не сожалеть о лете
Напрасно просидевшему
в кустах.

Почувствовать, что не боюсь
обмолвки,
Похожей на насмешливый намек,
Что мне к лицу цветастые
обновки,

Едва задевшие за кошелек.

Хотелось бы чужое откровенье
К щеке прижать, как полевой
букет,

И сохранить до мороси осенней,
Когда душа опять погасит свет.

Тогда б я знала, как и чем
согреться

В краю обледенелых батарей,
Чтоб до другой весны хватило

сердца
И для стихов, и для моих друзей.

СВЕТЛАНА ЧЕБЛАКОВА

Я - россыпь разноцветных точек...

Я - как рыбка в тесной банке:
Мутно. Затхло. Грязно. Зыбко.
Тычусь мордой в стены-стёкла,
Искажающие мир.
Кто-то кормит, что-то греет,
Даже ползает улитка.
Плохо. Душно. Ненадолго.
Сдохну - выплеснут в сортир.

В непробиваемость стены
Скребусь я, лёжа на пороге.
Я - коврик. Вытирайте ноги!
Я - незаглаженной вины
Извечный комплекс. Я - звоночек
С табличкой краткой: «Деж. по пл.».

Я - россыпь разноцветных точек
- стеклянный бисер под стопы
свиньи прохожей тяжким прессом,
Добыча лёгкая повесам.
Всё это я. А ху из ты?

ЭТЮД

Брахицефал на узком поводке,
Играя мышцами, хозяйку тащит
мимо,

А у неё на выбритом лобке
Татуировка в виде херувима.
Я вижу всё сквозь лёгкую вуаль
Струящегося платья цвета хаки.
Запечатлелась каждая деталь
Этюда: «Лето. Девушка
с собакой».

ВАСИЛИЙ МИШЕНЕВ - ЛАУРЕАТ КОНКУРСА «ЗОЛОТОЕ ПЕРО»

Известный поэт из Никольска, постоянный автор журнала «Вологодский ЛАД» Василий Мишенев стал лауреатом четвертого Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо». Он победил в номинации «Лучшее патриотическое стихотворение».

В столичном Центральном доме художника в конце апреля состоялось награждение участников конкурса, который проводится одновременно с конкурсом живописцев «Золотая кисть». В обращении к победителям мэр Москвы Юрий Лужков сказал: «Замечательная идея вашего художественного форума - объединить мир красок с миром поэтических образов - символически обретает особые черты в год 860-летия Москвы».

Василий Михайлович Мишенев награжден золотым знаком лауреата, почетным дипломом, его стихи вошли в красочно изданный альбом, посвященный итогам конкурса. Наряду с В. Мишеневым победителями конкурса признаны вологодские поэты Лидия Теплова (г. Сокол) и Юрий Максин (Вологодская область). Их подборки также опубликованы в итоговой книге-альбоме.

Надо отметить, что вологжане не впервые занимают почетные места в конкурсе «Золотое перо», на который ежегодно в адрес Правительства Москвы, Комитета по культуре города Москвы и Московского института социально-культурных программ (непосредственного организатора конкурса) поступают тысячи рукописей со всего мира от поэтов, пишущих на русском языке. Три года назад лауреатом конкурса стала Нина Груздева, в 2005 году победителями были признаны Михаил Карачев, Галина Шевцова и вновь Нина Груздева. И вот теперь новый успех вологодской по-



ФОТО В. ДЕМЕНТЬЕВА

этической школы, продолжающей великие традиции Константина Батюшкова, Александра Яшина, Николая Рубцова, Александра Романова и Ольги Фокиной. Среди других победителей конкурса «Золотое перо» - весь цвет современной русской поэзии: Владимир Костров, Николай Зиновьев, Евгений Семичев, Виктор Боков, а также молодые авторы И. Русанов (Архангельская область), С. Комов (Республика Казахстан), А. Фомин (Удмуртия) и другие поэты.

«Вологодский ЛАД» от лица всех читателей области, любителей поэзии сердечно, от всей души поздравляет Василия Мишенева, Лидию Теплову и Юрия Максина с заслуженной победой.

Соб. инф.



Никольская башня
Московского Кремля.
Начало XX в.

**ВАДИМ
ДЕМЕНТЬЕВ**

ПО СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ

Главы из книги



Никольская башня
Соловецкого монастыря

Начало публикации в «Вологодском ЛАДЕ» № 2-4 за 2006 год и № 1 за 2007 год

О ПОЖАРЕ МОНАСТЫРЯ

Что явилось причиной страшного пожара в сентябре 1476 года? Огонь мог перебраться из «кузни», а ветер быстро его раздул. Но погорело не всё, как катастрофично пишет Паисий Ярославов. О чудотворных иконах он и сам в эпизоде, связанном с посещением монастыря Василием Темным, упоминает, что от одной из них больным бывают исцеления «до сего дня», а другая «ныне нами видима». Учитывая, что Паисий записал эти строки после 1481 года, можно сделать вывод, что в новом каменном Спасо-Преображенском соборе, построенном на месте сгоревшей деревянной церкви, эти иконы имелись, то есть они были спасены от пожара. Сохранился и архив монастыря.

Приписка Паисия Ярославова о мощах преподобного Иоасафа, к которым и «ныне» люди приплывают исцеляться, еще раз говорит о том, что автор Сказания все-таки побывал на острове после пожара и постройки каменного Спасо-Преображенского собора. Появился он здесь с целью собрать свидетельства о монастыре для написания своей летописи.

О ПОСТАВЛЕНИИ «ЦЕРКВИ КАМЕННОЙ»

Красавец-собор поражал всех, кто его видел. Он был первым каменным

сооружением в Заволжье. Только через несколько лет в Ферапонтове будет поставлена церковь Рождества Богородицы, позже знаменитая фресками Дионисия. Собор на Спас-Камне давно привлекал внимание исследователей древнерусского зодчества. С его уничтожением была вычеркнута заглавная буква северной архитектуры.

Я впервые узнал кое-какие данные об этом сооружении в 1970 году из статьи архитектора С.С. Подъяпольского «Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря» в исследовательском томе «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV-XVI вв.». Когда этот архитектор летом 1965 года высадился на Спас-Камне, его глазам предстали руины некогда уникального в своем роде церковного комплекса. По мельчайшим деталям С.С. Подъяпольский собирал материал, использовал сохранившиеся чертежи, поэтажные планы и разрезы Спасо-Преображенского собора, выполненные в 1920-х годах В.А. Богусевичем. С.С. Подъяпольский реконструировал фасад каждого храма и общий их вид в XVI в. В строго научном тексте этого исследования, где фотографии развалин соседствуют с рисунками и чертежами, архитектор в заключение статьи не выдержал бесстрастного тона исследования и закончил его такими взволнованными словами: «Стены ке-

лий, подымавшиеся на деревянных ряжах прямо из воды, и встающие из-за них стройные белоснежные храмы, увенчанные пышной короной кокошников, придавали монастырю сходство со сказочным градом».

Взорванный в 1937 году (по другим данным, в 1935 году) на кирпич для постройки дома культуры, собор как бы прикрыл своими мощными сводами, алтарными абсидами и стенами верхнего этажа храм на первом этаже. «Весьма вероятно, - писал С.С. Подъяпольский, - что разборка завалов открыла бы значительные остатки нижних частей памятника; в этом случае может быть поставлен вопрос о полном его восстановлении». Как нам рассказала летом 2003 года Н.А. Плигина, и по сей день этот вопрос окончательно не решен. Трогать руины собора реставраторы не решаются. Они предполагают, что в пустотах нижнего этажа почти семь десятилетий сохраняется свой микроклимат и вторжение в него грозит окончательно утратить памятник.

Каждый кирпич на Спас-Камне был ручной выработки, он, как строительный материал, занимал среднее положение между домонгольской плинфой и брусчатым кирпичом, похожим на современный. Точно из такого же кирпича был сложен и собор Рождества Богородицы в Ферапонтове. Мой родственник Михаил Кирьянов, работая в Ферапонтовом монастыре реставратором, привез замечательный подарок - цельный ферапонтовский кирпич с копией дионисиевского изображения головы ангела. До сих пор мы храним этот подарок как большую ценность.

Древнерусское зодчество в XIV-XV веках переживало период творческого подъема после смягчения и позднейшей ликвидации татаро-монгольского ига. Древнерусское зодчество в каждом удельном княжестве имело свои оригинальные черты и отличительные особенности. По мнению С.С. Подъяпольского, Спасо-Преображенский собор проектировали и строили ростовские мастера: «Ближайший аналог Спасского собора -



Спасо-Преображенский собор Спасо-Каменного монастыря. Современная реконструкция

собор Ферапонтова монастыря - сооружался на средства Иоасафа Оболенского, бывшего до этого ростовским епископом, а принадлежность собора Кирилло-Белозерского монастыря ростовской строительной школе бесспорно подтверждается именем строившего его Прохора Ростовца». Камень, привозимый с верховьев Волги, о котором написал в Сказании Паисий Ярославов, действительно был известняком из старицких карьеров. По сути, все Верхнее Поволжье участвовало в строительстве первого каменного собора на Русском Севере, и он получился настоящим белым красавцем среди темно-синих озерных вод.

В следующие века на острове будут возведены и другие каменные постройки. Они будут со временем ветшать, разрушаться, перестраиваться, не раз гореть. Произойдет перестройка и Спасо-Преображенского собора. Посетивший в июне 1897 года «маяк православия в северном Заозерье» писатель Александр Круглов оставил его короткое описание: «Стены храма толщиною почти в две сажени (сажень равна 2,13 метра. - В.Д.). Во время ледохода бывает столь сильное сотрясение, что колеблется паникади-

ло. Одна из балок, стягивающих купол и стены, сильно погнулась. В храме ощущается сырость, на стенах видны пятна. Храм не блещет позолотой и украшениями. Внутри все скромно. Можно отметить только над царскими воротами рельефные фигуры Воскресения, выше - Вознесения Господня, да головки херувимов над северными и южными дверями. Живопись отчасти распространяется на стены и заканчивается в куполе изображением Иисуса Христа».

В статье С.С. Подъяпольского воспроизведены фотографии собора, сделанные уже после закрытия монастыря. Купола, кроме одного, уже снесены, окна выбиты, внутри груды камня... Всё это стало следствием не только небрежения, но и пожара, устроенного в сентябре 1925 года малолетними преступниками в оборудованной для них здесь колонии. Тогда выгорели братско-настоятельский корпус, трапезная и колокольня. Рухнули перекрытия, а здания, как пишут, «руинизировались». В тот последний пожар на Спасо-Преображенском соборе сгорела кровля. Первенцу каменной архитектуры Севера оставалось существовать в таком плачевном состоянии совсем недолго.

ПРИЕЗД В МОНАСТЫРЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА

Годы княжения сына Ивана III Василия Иоанновича, которого крестил Паисий Ярославов, имеют временные рамки - с 1505 года по 1533 год. Зимой 1528 года он вместе со второй своей супругой великой княгиней Еленой Глинской предпринял богомольную поездку по северным монастырям, испрашивая Господа о даровании ему наследника после четырех лет неплодия княгини. Выехали санным поездом в декабре, когда на реках, единственных на Руси зимних дорогах, еще не намело сугробы снега и колея была раскатанной. Василий III в ту поездку посетил Спасо-Прилуцкий, Спасо-Каменный, Глушицкий, Корнилиево-Комельский,

Павло-Обнорский и Кирилло-Белозерский монастыри, везде молясь о чадородии у мощей чудотворцев, основателей обителей, давая братии щедрые милостыни.

Спасо-Каменному монастырю на строительство теплой с трапезой каменной церкви Василий Иоаннович дал немалую по тем временам сумму в 60 рублей. Такой тип церкви получил широкое распространение на Руси. Зимой теплый воздух из поварни обогревал и одностолпную трапезу, а монахи после вкушения пищи могли быстро перейти на церковную службу. Это было особенно удобно на острове в зимние метели и холода. Тем более что церковь с трапезной планировалось построить в северо-западном углу острова, самом продуваемом ветром.

Строительство по неизвестным нам причинам началось с большим запозданием - в 1543 году. Церковь Успения Божией Матери заложил ростовец Пахомий Горяинов. Спустя два года деньги, пожертвованные Василием III, закончились. В Москву полетела челобитная о помощи. Ответ нового царя, Ивана Васильевича Грозного, не заставил себя долго ждать.

Царь распорядился не взимать с монастырских крестьян в продолжение трех лет никаких податей в связи с постройкой каменной монастырской церкви с трапезной. Таким образом, вместе с финансовыми средствами Василия III в постройку Успенской церкви были вложены и деньги местных крестьян, чьи подати шли на покрытие расходов по возведению храма. Достраивал церковь уже другой зодчий и строитель - ростовец Григорий Борисов, «трапезный мастер», который строил и в родном для него Ростове Великом, и в Переславле-Залесском. В 1548-1549 годах церковь была освящена. Интересно, что в летописи Спасо-Каменного монастыря, которая нерегулярно велась вслед за Сказанием Паисия Ярославова, нет ни слова о том, что великий князь пожертвовал на церковь с трапезной свои средства, и вообще не упомянуто, что он побывал с супругой Еленой

Глинской на острове. «Промосковские» традиции первого летописца быстро забылись.

Вклады великого князя Василия III во время его богомольной поездки в северные монастыри привели в здешних краях к настоящему строительному буму. Великий князь, заботясь о наследнике, вымаливая его на коленях у раков местных чудотворцев - «скорых защитничков», был в эти зимние месяцы особенно щедр и милостив. В 1530-е годы строятся церкви Гавриила и Иоанна Предтечи в Кирилло-Белозерском монастыре, трапезная в Ферапонтовом монастыре, чуть позже трапезная и собор в Спасо-Прилуцком монастыре, трапезная в Корнилиево-Комельском монастыре, церковь в Павло-Обнорском монастыре.

Архитектор С.С. Подъяпольский предположил, что в этом строительстве принимал участие и упомянутый ростовец Григорий Борисов. Достроенная им Успенская церковь на Спас-Камне была одной из наиболее удачных в ряду уже возведенных зданий. Храм-колокольня венчалась несколькими ярусами кокошников, создавая гармоничное единство с куполом Спасо-Преображенского собора и его каменными вертикалями стен. Она не поднималась выше крестов собора, и в этом читался архитектурный замысел - не выпячивать и не возвышать какое-либо другое строение в островном монастыре, посвященном Преображению Христову.

В результате дальнейших перестроек, последняя из которых совершилась в начале XIX века, теплая церковь была подведена под одну крышу с настоятельским корпусом. Получилось в итоге очень удобно: не выходя на улицу, из настоятельского и братского корпуса можно было пройти в трапезную, из нее в Успенскую церковь и на колокольню, далее, через переход, наверху которого располагалась небольшая церковь во имя Василия Блаженного, - в холодный двухэтажный Спасо-Преображенский храм.

Писатель Александр Круглов участвовал в молебне в Успенской церк-

ви у раки преподобного князя-инока Иоасафа, чьи мощи были возвращены сюда в 1892 году. Внутреннее убранство храма было скромно и торжественно. Рака, по свидетельству паломника, была серебряной, находилась под балдахином. Сбоку на стене висела икона с изображением Василия юродивого, стоящего на камне. Из других икон Круглов отмечал замечательную икону Божией Матери «Утоли мои печали» в ризе, осыпанной жемчугом. Рядом с ракой преподобного князя-инока Иоасафа находились железные вериги угодника и обруч с крестообразной перетяжкой, которым князь, очевидно, измождал себя в трудах молитвенных. Но, скорее всего, и вериги, и обруч принадлежали когда-то месточтимому Василию юродивому, а не юному Иоасафу.

В 30-х годах XX века трапезную разрушили, а собор взорвали. Успенская церковь-колокольня осталась стоять на своем месте, только чуть наклонилась от взрыва в юго-западную сторону, словно отшатнувшись от варварства. Те, кто взрывал монастырь, не разрушили ее с прагматическими целями. «На южном берегу, - писала 17 октября 2000 года в районной газете «Маяк» Н.А.Плигина, - установили метеооборудование, а на колокольне - навигационный маяк. На острове организовали пункт по приему и переработке рыбы. В древних погребах соорудили ледник. Коптильня размещалась в восточной части гостиницы, а в задней жила семья мастера. Во время войны рыбу отправляли на фронт».

Приплыв в начале августа 2003 года на остров, мы обнаружили, что бескорыстные помощники Плигиных разобрали кирпичные завалы вокруг Успенской церкви, которые доходили до высоты второго яруса, вычистили до каменного пола развалины настоятельского и братского корпуса, выбрали годный для использования кирпич, которым укрепляли стены и окна Успенской церкви-колокольни. Молодые ребята, добровольные помощники, работали осторожно и кропотливо, каждый кирпич считался

ценностью и тут же шел в дело.

Сегодня все силы реставраторов брошены на восстановление Успенской церкви. В ней уже состоялась первая после закрытия монастыря литургия. На сороковой день после кончины А.Н. Плигина владыка Максимилиан совершил в ней по усопшему панихиду.

А богомольная поездка в декабрьские холодные дни 1528 года великого князя Василия III с женой Еленой Глинской сыграла свою благодатную роль и привела к тому, что 25 августа 1530 года у них родился долгожданный наследник - будущий царь Иоанн Грозный...

КАК ИВАН ГРОЗНЫЙ ДО СПАСА НЕ ДОПЛЫЛ...

В том же 1545 году, когда в апреле Иван Грозный послал в Спасо-Каменный монастырь грамоту об освобождении монастырских крестьян от податей для окончания строительства Успенской церкви, сам он в мае-июне совершил, как и его отец, богомолье по кубенским и белозерским монастырям. Несколько дней ждал он в Устье Кубенском хорошей погоды, чтобы переплыть в обитель, которой столь многим обязаны его отец и прадед Василий Темный, но совершить паломничество так и не удалось. В память о посещении села Устье Иваном Грозным местные жители в 90-х годах соорудили трогательный памятник-знак: на берегу реки Кубены в самом центре поселка на набережной реки установлен за железными цепями большой каменный валун с табличкой, что здесь, в Устье, 450 лет тому назад побывал великий самодержец России.

Не один раз Иван Грозный проезжал по западному берегу Кубенского озера мимо Спасо-Каменного монастыря, направляясь в свой любимый Кирилло-Белозерский монастырь, где собирался принять пострижение и где для него была оборудована монашеская келья. Державные заботы не позволили великому князю, а потом и первому русскому царю завернуть в

древний монастырь, но он его не забывал. В декабре 1561 года Иван Грозный прислал в дар Спасо-Каменной обители колокол, отлитый московским мастером Лукою.

Если бы мы хранили свою веру и берегли родную старину, то можно было сегодня представить такую картину: плывет над озером протяжный колокольный звон с Успенской колокольни - это «заговорил» многопудовый колокол Ивана Грозного, подаренный им церкви, в которой горячо молился его отец великий князь Василий III о даровании наследника и где его горячая мольба Богом была услышана.

ВТОРОЙ ПОЖАР (1657 ГОД)

XVII век принес Кубенскому краю немало бед. В начале века в Смутное время здесь хозяйничали польско-литовские и казацкие шайки разбойников, грабившие и уничтожавшие многие местные селения, приходские церкви и монастыри. Затем пришел страшный мор, потом неурожайные, голодные годы... Много тяжкого перенесла монашеская братия, и, казалось, самые трудные испытания уже позади, как в ночь на 24 августа 1657 года запылал, словно скирда соломы, монастырь на Каменном острове. Зрелище пожара в темную звездную ночь с берегов озера было впечатляющим. Келарь Феодосий Резанов так рассказывал архиепископу Вологодскому и Великопермскому Маркеллу: «...Монастырь Всемиловитового Спаса выгорел, и церкви Божии и Божии милосердия образы погорели, и церковные помосты обвалились, и своды каменные на тех церквах порушились, и колокола разлились, и всякие монастырские службы со всяким монастырским строением без остатка згорели...».

Что случилось в ту ночь - случайное ли небрежение в обращении с огнем, поджог ли, - так и осталось тайной. Ясно одно: стоило оставить на берегу непотушенный костер, не загасить вовремя свечу, как гуляющий по всему острову ветер начинал раздувать пламя, лохматить дым, превращать остров в огненное пекло.

Кругом вода, только заливай-туши, но свирепая сила огня не давала насельникам монастыря даже минуты, чтобы опомниться, а некоторым и спастись.

Обитель на сей раз быстро восстановилась. Помогли и частные вклады, и помощь всем миром, и милостыня погорельцам, собиравшаяся по всем церковным приходам и ярмаркам Кубеноозерья. Монастырь был к 1670 году вновь отстроен. Об этом свидетельствует опись зданий, имущества, братии и вотчин. Опись эта сохранилась в архиве Вологодской консистории и является единственным письменным памятником, рассказывающим о древнем быте знаменитой обители.

В монастыре насчитывалось три каменные церкви: холодная двухэтажная Спасо-Преображенская, теплая с трапезной палатой Успенская с надстроенной над ней колокольной и Иоанно-Предтеченская над Святыми вратами. Больше всего пострадала во время пожара Успенская церковь.

Великолепен был внутренний вид Спасо-Преображенского храма. Почти 150 икон, в том числе немало чудотворных и древних, украшали его иконостас, столпы и стены. Все они имели драгоценные оклады и сотни привесок в виде резных иконок и складней из черной и белой кости, дерева, камней, серебра. Везде блистало листовое золото и черненное серебро. Против правого клироса у стены находилась гробница святого благоверного князя Иоасафа с останками его мощей. На раке лежал образ угодника, украшенный серебряным резным позолоченным венцом; на образе лежал деревянный, обложенный сребропозлащенной басмой крест с мощами преподобного. Рака была накрыта двумя покровами из дорогих шелковых тканей.

На колокольне насчитывалось десять колоколов, из них благовестный весил 107 пудов. О шести колоколах в описи сказано, что после пожара их переливал в Москве из горелой меди архимандрит Ефросин. Вероятно, в число их попал и колокол, принесен-

ный в дар монастырю Иваном Грозным.

ТРЕТИЙ ПОЖАР (1774 ГОД)

Решение о размещении в монастырях умалишенных привело Спасо-Каменную обитель к трагической истории. Один из таких страдальцев подпалил на южной стороне крыши трех келий, огонь перекинулся на другие постройки, и «всякое монастырское имущество погорело», как доносил архимандрит Мелхиседек. Случилось это во время пения литургии в четвертом часу пополудни 24 июля 1774 года. Н.Суворов, правда, считает виновником поджога не тронутого умом больного, а одного из ссыльных, содержавшихся в монастыре. Но как бы то ни было (архимандрит Мелхиседек докладывал о престарелом и весьма больном колоднике), Спасо-Каменный монастырь сгорел дотла. Сторожить оставшиеся после пожара колокола и обгоревшее железо было поручено двоим монахам и служителю. Братия с настоятелем переехала в село Пучку на монастырское подворье, трех колодников-арестантов отослали в Кирилло-Белозерский монастырь, а святые иконы и другие ценности вместе со спасенным архивом и казной перевезли в ризницу Спасо-Прилуцкого монастыря.

Судьба погорельцев и самой обители вскоре была решена. В Вологду епископу Вологодскому и Белозерскому Иринею 8 декабря 1775 года пришел указ из Синода об упразднении Спасо-Каменного монастыря и переводе его штата в вологодский Свято-Духов монастырь. Об этом просил церковное начальство и сам владыка. В указе из Санкт-Петербурга было высказано согласие: «...Высочайше повелено погоревший вологодский третьеклассный Спасо-Каменный монастырь, яко немалого казенного кошта к новому строению требующий, упразднить, а находящегося в нем ныне настоятеля и монашествующих, также ризницу и церковную утварь перевести в состоящий в са-

мом городе Вологде оставленный на своем содержании Свято-Духовский монастырь, и оный, дабы перемены не было, писать и именовать не тем званием, коим доныне именуется, но каким прежний монастырь в штате напечатан...».

Огонь вновь не пощадил рукотворное чудо на Каменном острове, не помогла и вода, окружающая монастырь... Хотя закопченными церквям и выгоревшим помещениям именно вода и островной характер обители сохранили дальнейшее существование. Указом Синода разрешалось использовать каменные постройки на острове на «поправление Свято-Духова монастыря». Проще говоря, можно было их разбирать на кирпич, но сделать это из-за трудностей с перевозкой так и не удосужились.

Пожалуй, на сей раз Спасо-Каменному монастырю действительно был нанесен непоправимый урон. Из его святынь спасены были только мощи святого князя-инока Иоасафа, несколько икон и ризничих утварей. 26 лет глаз пугали темные силуэты церквей и островное запустение. Ни монашеского пения, ни огонька, ни звука... Казалось, древнейший и славнейший на Руси монастырь окончательно запустел и никто даже не помыслит его вновь оживить. Но в России часто случаются чудеса.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

В 1799 году дворянство Вологодского и Кадниковского уездов, купечество соседнего города Кадникова и начальники семи волостей от имени прихожан ходатайствовали перед Синодом о восстановлении Спасо-Каменного монастыря. Финансирование строительных работ и дальнейшее



Спасо-Каменный монастырь. Фото начала XX века

содержание обители авторы послания брали на себя. Явно это были немалые деньги и нелишние для всех, кто подписал письмо.

Спустя ровно двести лет опять встал вопрос о восстановлении монастыря, но пока, увы, средств нет, и второе возрождение духовного центра Вологодчины держится, как это у нас и бывает, на подвижниках-энтузиастах.

А тогда, в начале 1801 года, сам государь император Павел I, а вслед ему и Синод повелели «упраздненный Спасо-Каменный монастырь восстановить переведением в него братии и имущества и причислением к нему угодий заштатной Белавинской Богоявленской пустыни, с наименованием оною уже не прежним своим именем, а Белавинскою Спасо-Преображенскою пустынью». Всем миром и на средства дворян, купцов и крестьян всей округи пустынь быстро подняли из пепла, церкви отреставрировали, кроме надвратной Предтеченской, которую тогда не посчитали нужным восстанавливать из-за частых ремонтов после весеннего половодья, регулярно подмывавшего и разрушавшего ее.

В годы наполеоновского нашествия тихая пустынь вновь ожила, в ней нашли спасение 40 монахов из

московских монастырей. Их не испугали аскетические условия жизни среди вольной природы. Московские иноки были настоящими тружениками, не сидевшими дня без дела. За три года они надстроили одноэтажные кельи, которые размещались на месте трапезной палаты, и возвели над ними настоятельский и братский корпус. Столичные монахи устроили иконостас в теплой Успенской церкви, о чем я уже упоминал. Монастырь окончательно сформировался в своем архитектурном облике, который был запечатлен на первых фотографиях.

И хотя вновь на острове в 1850 году случился пожар, четвертый по счету, когда на восточном берегу выгорели пять деревянных строений: гостиница, каретник, конюшня и две рыбацьи избы - и чуть было не погибли храмы (на соборной Преображенской церкви сгорели две главы), но он, к счастью, не был, как прежний, разрушительным.

ЗАКРЫТИЕ МОНАСТЫРЯ

В июне 1925 года Спасо-Каменный монастырь, просуществовав только официально 665 лет, был по решению новых властей закрыт. Начальник местной милиции руководил этой процедурой и возглавил комиссию по упразднению монастыря. В состав комиссии входил работник музея И.В. Федышин, благодаря которому сохранились наиболее ценные предметы старины.

Можно представить всю спешку, с которой Федышин вел по всей Вологодчине эту работу. Ему одному пришлось выявлять, атрибутировать и готовить к перевозке из десятков монастырей и церквей, закрываемых в это время, большое количество произведений искусства, которые накапливались многие столетия. Что взять в первую очередь? Что считать наиболее ценным? Когда за спиной стояла и торопила милиция, когда невозможно было внимательно изучить документы, архивы, приходилось рассчитывать только на свои знания и интуицию.

Последнему настоятелю - иеромонаху Анатолию и пяти инокам приказано было искать себе новую крышу, пойти буквально с сумой по белу свету. На Спас-Камень в июле завезли малолетних преступников, в спешке переоборудовав монастырь под колонию. Не прошло и трех месяцев, как сорванцы сожгли в очередной раз казенный для них приют. Больше ни о каком использовании помещений монастыря и речи быть не могло: сгорели братско-настоятельский корпус, трапезная, колокольня, кровля на Спасо-Преображенском соборе. Осталась одна монастырская гостиница, находившаяся от этих построек в отдалении. Колонию закрыли, сожженный монастырь бросили... Только рыбаки навещали остров, где оборудовали метеостанцию, а на колокольне установили навигационный маяк.

После монашеской колонии жить на острове мало кому захотелось. Не было ни стимула, ни желания, ни смысла. Так бы и простояли монастырские здания, разрушаемые только природой, и, может быть, дошли бы до наших дней, если бы не опять наша страсть к вандализму. В 30-х годах уничтожили собор. Будто бы понадобился кирпич для возведения на берегу дома культуры. Взрывать - не строить. Кирпич не удалось взять ни динамитом, ни ломом, ни киркой: он намертво связался крепчайшим раствором за 450 лет в неразъемные блоки, которые видны, лежащие на земле, и сегодня. Интересно бы все-таки найти в архивах документ - кто всё это конкретно придумал, кто заставил совершить это преднамеренное злодейство.

На острове работал пункт по приему и переработке рыбы, в гостинице оборудовали коптильню, там же жил и мастер с семьей. Использовались и монастырские ледники - для хранения той же рыбы. Об этом мне рассказывала Маргарита Александровна Сняtkова, соседка по нашей деревне, которая не раз бывала на Спас-Камне, работая на Кубенском рыбзаводе.



Осенью 2003 года на колокольне Спасо-Каменного монастыря был установлен крест. 19 сентября его освятил владыка Максимилиан, сослужил ему игумен Дионисий. 23 сентября, в день 500-летия преставления преподобного Исаафа Спасокаменского, на Спас-Камне была совершена Божественная литургия, впервые после долгих лет. Возглавил богослужение владыка Максимилиан
ФОТО АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

Изредка на остров приплывали странного вида интеллигенты. Ходили, смотрели, что-то измеряли. Первым еще до закрытия монастыря в начале 20-х годов здесь побывал архитектор В.А. Богуславский, сделавший уникальные обмеры, будто предчувствуя, что недолго стоять здесь каменным зданиям. Эти обмеры, чертежи, поэтажные планы позднее помогли московским реставраторам во главе с С.С. Подъяпольским составить первый проект восстановления монастыря. После пожара 1925 года через три года на острове высадился известный исследователь древнерусского зодчества К.К. Романов. В 1938 году руины взорванного храма исследовали студенты Московского архитектурного института.

Как мы видим, даже в годы, когда истреблялось церковное зодчество, находились энтузиасты, понимавшие великую ценность здешних построек и старавшиеся сохранить и уберечь хотя бы их частицу, деталь, какой-нибудь лепной карниз или изразец.

Надежда Александровна Плигина, составившая скорбную хронику уничтожения всего святого на Спас-Камне, упомянула еще об одной акции по разорению монастыря. В середине 60-х годов местные власти решили «укоротить» и сам остров, вывезя от-

сюда несколько барж камней, укреплявших берега. Многие поколения монахов с огромным трудом доставляли сюда валуны со всего озера, которые служили защитой от волн и льдин. На них-то как раз и покусились «рачительные» хозяева побежья.

И вот произошло почти невероятное, когда одни жгли здесь все и вся, а другие собирали камни, и отнюдь не для нового храма, в 1965 году на Спас-Камне приехал архитектор и реставратор С.С. Подъяпольский, чтобы начать долгий процесс восстановления

древней обители. Нужно было довести дело до полного разорения и запустения, чтобы постепенно с этого года начать готовить общественное мнение сначала к мысли, что это место исторически памятное и художественно значимое, затем публиковать чертежи и эскизы - каким оно было несколько сот лет назад, потом осторожно подсчитывать, во сколько обойдется восстановление и кто им займется, и только спустя два десятилетия, в 1983 году, сказать прямо: давайте восстановим архитектурную жемчужину Севера.

Таким человеком, который первый внятно предложил восстановить монастырь, стал московский архитектор-реставратор А.А. Асафов, уроженец села Устье. В 1983 году областные газеты опубликовали его статью о сохранении Спаса-Камня, им же было отправлено письмо на имя руководства области с тем же предложением.

Важен первый шаг, смело поставленный вопрос и предчувствие, что он не останется без ответа. По решению вологодского руководства была создана комиссия специалистов, к 1987 году были подготовлены генплан и частично проектно-сметная документация. В 1991 году проект включили

в план реставрации. Финансирование осуществляли по российской программе «Наследие». Руководство производственными работами взял на себя вологжанин Александр Николаевич Плигин, инженер по образованию.

Перед началом работ Асафов и Плигин побывали на приеме у архиепископа Вологодского и Великоустюжского Михаила и получили благословение на восстановление Спасо-Каменного монастыря.

Остров вновь, в который раз в своей истории, ожил, наполнился голосами, там закипела дружная работа.

СВЯТОЙ КНЯЗЬ-ИНОК ИОАСАФ СПАСОКАМЕНСКИЙ

Иночество - закрытое для мира служение, это жизнь во Христе, со Христом и ради Христа. Досужее любопытство здесь неуместно, бестактно. Совершая паломничество по монастырям, мы, тем не менее, проникаемся духом святости, которая исходит также и от их насельников. «Но, - как справедливо писал архиепископ Тихон (ныне Новосибирский и Бердский), - монашеский уход от мира не означает гнушения миром, не есть осуждение другого пути - пути работы в миру над его преображением, его христианизацией. Из пустыни монахи благословляют христианские города и веси, молятся за них, служат миру для его спасения».

Одним из сонма местночтимых святых, которые особо почитаются на всем протяжении нашего паломнического пути, является святой князь-инок Иоасаф Спасокаменский. Он, как я уже упомянул, связан с обителью на Каменном острове и с историей окрестностей Кирилловской дороги. Мне показалось интересным за-



Деталь иконы «Преп. Иоасаф Каменский в житии». Начало XVIII века

глянуть в XV век, чтобы представить, как и почему люди того времени выбирали путь монашеского служения.

Мощи преподобного Иоасафа Спасокаменского (в миру Андрея Дмитриевича Заозерского) сегодня находятся в красивой раке у левого престола вологодского кафедрального Рождество-Богородицкого собора. Это уже четвертая церковь, куда они перемещаются. Их не постигла участь кощунственного вскрытия во времена атеизма, которого не избежал даже игумен земли Русской Сергей Радонежский; их не выставили в музее на потеху и досужее любопытство, что происходило с мощами других русских праведников; их не зарыли, творя беспамятство, в землю.

Правду сказать, что в далекой древности мощи преподобного все-таки нарушались, но по воле стихии, а не злых людей. Согласно житию князя-инока Иоасафа, они после его смерти в 1453 году стояли в теплой церкви Успения Богородицы Спасо-Каменного монастыря по правой стороне «наверх земли много лет целы и невредимы», то есть выходит, что знатный инок был вообще не погребен. Уже тогда рядом с ними проис-

ходили чудотворения. И все же мощи Иоасафа сильно пострадали от разрушительного пожара в Спасо-Каменном монастыре 3 сентября 1472 года.

Останки преподобного Иоасафа, собранные в ковчег старцем Мартирианом Сокольниковым, долгое время хранились под престолом в каменном Преображенском соборе.

Местночтимым святым князь-инок Иоасаф стал в силу своей праведной жизни, под влиянием таинственных знамений и чудес, происходивших у его мощей. Преподобный Иоасаф Спасокаменский проповедовал любовь как высшую добродетель, нестяжание взамен корысти, самоотречение, умирал свои мирские желания постоянным духовным деланием, творил за всех умную молитву. Это был выдающийся отечественный исихаст и праведник.

Спустя двести лет, при первом монастырском архимандрите Маркеле для сохранившихся мощей преподобного была сооружена в соборе рака. Паломничество верующих к ней не прекращалось все последующие триста лет.

Можно представить себе, как творил пять лет на каменном острове посреди бурного Кубенского озера юный монах свой духовный подвиг.

Зимой монастырь заносило по первые этажи снегом, белая пустыня озера казалась вечной в своем безмолвии. Весна приходила празднично: слепило отраженное от ледяных торосов солнце, по всем тайным жилкам природы разливалось тепло, пробуждая окрестные леса от спячки и водяные потоки от льда и снега. И вот уже весь белый полог озера, недавно недвижимый, вздымался хрустальной горой, ухали льды, рассыпаясь вдребезги в полыньях, скрежетали камни, вынесенные на берег напором весеннего буйства. Лето начиналось теплыми белыми ночами, короткими грозами и быстрыми штормами на озере, когда неожиданно налетал северо-западный ветер.

Еще не успев досыта понежиться в тепле, пригретая солнышком, природа к концу августа принималась засыпать, как рыба на мелководье; деревья по утрам прибавляли желтого, красного, пурпурного; в сентябре, случалось, уже пробрызгивал в холодном воздухе первый снежок; иней серебрил озерные камни; постепенно мрачнело, темнело, пока враз поутру не слепила глаза белизна первого снега - вновь приходила ленивая и долгая зима.

Видел ли все эти краски природы



Спасо-Каменный монастырь. ФОТО В.СУТЯГИНА

юный инок, затворившийся от мира? Месяцы и годы проводил он в келье в молчании, в сосредоточенном самоуглублении, в тишине, прерываемой лишь молитвой. «Се покой мой, zde вселюся».

Рядом, в Заозерье, на берегу устья реки Кубены в селе Чирково когда-то жили его родители - отец, Дмитрий Васильевич Заозерский, и мать, княгиня Мария. Здесь находились их палаты возле деревянной шатровой церкви в честь Димитрия Солунского, небесного покровителя отца. Здесь росли его старшие братья, Семен и Федор, сестра Софья, и всей семьей по большим праздникам еще до рождения младшего, Андрея, они выезжали, вернее, выплывали на ладье на богомолье к Спасу, в древний островной монастырь, где игуменом был Дионисий Грек. Жила семья удельного князя в трудах праведных ладно и счастливо, помогая подвижникам монашеским - выходцам из Спасо-Каменного монастыря строить новые обители и храмы.

Своего дядю, Ивана Васильевича Ярославского, Андрей не застал в живых и о том даже не печалился, так как главным для него недетским горем стало то, что он не помнил и родного отца - появился на свет незадолго до его гибели в 1429 году. По рассказам матери, отец отличался добрым нравом, трудолюбивыми заботами о своей многодетной семье, всегда помогал старшим братьям в борьбе с врагами. Он слыл благочестивым помощником Дионисия Глушицкого и Александра Куштского, игуменов новых монастырей, располагавшихся на его землях.

Когда преподобный Дионисий вознамерился на реке Глушице основать монастырь и послал к Дмитрию инок просить о помощи, то князь с радостью уступил ему землю под строеные обители, послал своих плотников для возведения церкви и келий, внес в будущий монастырь обильную милостыню. Так же он поступил и со строящейся обителью на реке Куште, где обосновался преподобный Алек-

сандр. И погиб князь Дмитрий героически на Туговой горе под Ярославлем, призванный братом своим князем Федором защитить отчину и дедину от набега казанских татар, которые до этого напали на Кострому и Галич и, рассыпавшись на шайки, разбойничали по дальним и ближним селам и деревням.

Беда, как известно, не приходит одна: толпа грабителей, узнав, что князь Дмитрий Васильевич с дружиной отправился в дальний путь, разорила принадлежавшие ему селения по Кубене-реке. Княгиню Марию с детьми приютили, спасая от расправы, монахи Спасо-Каменного монастыря. Здесь она и получила черную весть о гибели своего мужа.

Игумен Кассиан, сменивший в монастыре Дионисия Грека, ставшего архиепископом Ростовским и скончавшегося в 1425 году, как мог ее утешал, сам немало печалась о смерти благоверного князя, которого глубоко чтил и уважал. Он проводил княгиню в Вологду и дальше в Ярославль на похороны князя Дмитрия.

Вернувшись в Чирково, княгиня Мария чем могла помогла разоренным крестьянам и посвятила себя всецело воспитанию детей. Старшего сына Семена со временем женила на княгине Марии Кубенской, дочери князя из ярославского же дома Ивана Дмитриевича Дея, близкого родственника, который в приданое за дочь отдал земли по течению реки Кубены, что расширило владения князей Заозерских, а сам Семен стал именоваться князем Кубенским. Вскоре у него родились два наследника-крепьша, и оба Ивана - по прозвищам Большой и Шалуха. Князь Федор Дмитриевич Заозерский учился управлять вотчиной, а младший, Андрей, быстро подрастал. Любимую дочь свою Софью Мария выдала в 1436 году замуж за галичского князя Дмитрия Шемяку. Рассчитывала на родство с великокняжеским московским домом, не подозревая, каким горем для нее и всей семьи это замужество обернется.

Залутан мир, недобр. Думаешь как

лучше, а получается наоборот. Был Марии и Софье послан за год до свадьбы знак беды: налетел на их вотчину шальной брат Дмитрия Шемяки Василий Косой, который тогда был в ссоре с Дмитрием и с великим князем московским Василием Васильевичем. Внушил дьявол мысль князю Василию Косому овладеть великим княжением, но не подчинились ему ни Василий II, ни брат - Дмитрий Шемяка, ни другой его брат - Дмитрий Красный. Выгнали его из Москвы, и стал он разбойничать, пока не добрался до Заозерья. Молодой Федор Дмитриевич Заозерский, защищая Чирково, пробовал от него отбиться, первым напал, да куда там против такой разбойной силы, с которой не совладали даже все московские воеводы, приведенные из Вологды пленными в Заозерье.

Гнал Василий Косой плохо вооруженное ополчение Федора аж до волока Словенского, там же жестоко и посек его, еле Федор оторвался от погони и ушел. Саму княгиню Марию с дочерью и со снохой Деевой, как и московских воевод, захватил на Волоке, бесстыжий, в полон, будто нехристь какой татарский. Слава Богу, что младшего сына Андрея, когда бежали по льду Кубенского озера из родной вотчины, Мария успела спрятать от разбойников у игумена Кассиана на Спасо-Каменном. Не пожалел бы парня под горячую руку Косой, душа чуяла.

Но она, душа, затаилась, промолчала, когда сама направила Софью в такую семейку. Назначив день свадьбы с Дмитрием, уж поздно передумать. Понадеялась Мария на будущее счастье дочери, введенной в великокняжеский московский дом, вспомнила своего ненаглядного князя Дмитрия - и для него бы была радость, что дети начинают взрослую жизнь.

Но опять случился знак судьбы или беды, не поймешь: сама свадьба чуть не сорвалась. Дмитрий Шемяка поехал в Москву приглашать в Галич на свадебный пир своего дядю, великого князя, а тому пригрезилось, что в буйствах Василия Косого на Севере они,

братья, были заодно, тайно повязаны. Белел Василий Васильевич заковать в кандалы новобрачного и свезти подалее, в Коломну. Вместо пира - темница сырая. Вместе свадебной постели - соломы клок. Еле разобрались потом, долго улаживая скандал всем миром.

После свадьбы силы совсем оставили княгиню Марию, захворала она тяжело. Послала из Чиркова гонца к игумену Александру на реку Кушту, которому и сама немало помогала в возведении монашеской обители, просила помолиться о выздоровлении, но преподобный ответил: «Готовься, княгиня, к вечности, через двадцать дней отойдешь в мир иной и будешь прославлена за страдания свои». Так и вышло, как предрек преподобный Александр.

Сыновья и дочь похоронили мать в Ярославле в родовой усыпальнице вместе с мужем Дмитрием Васильевичем. Слава Богу, что не дождала она до полного разора в 1447 году семейных вотчин, когда Василий Темный в наказание за родство с Дмитрием Шемякой пустил все их семейство по миру: отнял у ее сына князя Федора Заозерье, у другого сына, князя Семена, невестки Марии и ее внука, их наследника князя Ивана Большого, - земли по реке Кубене, у брата мужа, ее деверя, князя Семена Новленского и единственного его наследника сына Даниила - вотчину в Новле.

После смерти матери юный князь Андрей остался круглым сиротой. Ничто его не радовало, ни в чем не находил он покоя. По ночам в его памяти возникала мать, он вновь и вновь слышал ее последние слова, свидетелем которых стал и игумен Кассиан Каменский, соборовавший княгиню: «Помоги, отче, Андрею, он не приспособлен к тяготам мира, он цветок, который без ухода может завянуть. Всякий сироту обидит, только Бог приласкает. Ты, отче, дважды его спасал от верной гибели. Бог любит Троицу. Не бросайте его, сердечко мое любимое!»

Когда князю исполнилось 17 лет, Василий II, только что ослепленный

Шемякой, приезжал с семейством в Спасо-Каменный монастырь. Говорят, хотел здесь принять обряд пострижения, уйти из мира. Но вышло по-иному: отрешившись от великого княжения Василию Васильевичу передали, что многие бояре и верные ему люди поднимаются против Шемяки, просят его быть с ними заодно. Поколебавшись, Василий Темный согласился продолжить борьбу.

Лишение Заозерских всех наследственных вотчин произвело на Андрея самое тягостное впечатление. Сирота, бездомный, оставшийся без средств к существованию, на себе познавший, как коварны и властолюбивы сильные мира сего, он решил затвориться в стенах Спасо-Каменного монастыря, где и так проводил в раздумьях целые дни и недели.

Вопросы, вопросы... Нет на них ответов. Разве не Василий Васильевич первым подверг брата Шемякина Дмитрия Косого ослеплению, совершив невиданно грешное дело до этого на Руси? Другой бы и на глаза православных не показывался, не то что добиваться великого княжения. Разве не он, Василий Васильевич, в ответ на приглашение Дмитрия Шемяки на свадьбу с Софьей заковал его в цепи и бросил в коломенский застенок? Не он ли, победитель московский, заложил татарам Русь за свой выкуп из плена? 25 тысяч рублей, невиданную сумму*, обязался заплатить Василий II хану Улу Мухаммеду за свою свободу. За что же тогда сражались на Куликовом поле русские дружины во главе с Дмитрием Донским и дедом Андрея Василием Васильевичем Ярославским? Выходит, чтобы снова залезать, из-за трусости Василия, в кабалу к татарам?

«А если правды нет в этом мире, - размышлял Андрей, - то нужно молиться о спасении своей души и о спасении отчизны, необходимо всего себя посвятить Богу. Только услышит ли Он мое отчаяние и мои мольбы к Нему?»

Опять сомнения, но нужно решиться сделать верный шаг. Напрасно братья Семен и Федор отговаривают. Сестра Софья поняла бы, но где она с сыном скитается, не зная, бедная, куда податься, как сохранить своего сына от неразумного гнева Василия Темного, которого не раз прощали его враги?

Уже не раз заводил Андрей с игуменом Кассианом этот разговор. Игумен, никому не отказывающий в пострижении, отговаривал его: «Благодарный князь, монашество - не единственный путь ко спасению, можно спастись и в мире. Твое место не здесь, а в думе бояр или на поле брани. Служа верно великому князю, ты не только не лишишься наследия небесного, но можешь возвратить себе и отцовское».

Молодость просителя, его высокое происхождение, а особенно отношение великого князя московского к князьям Заозерским навевали тяжелые думы в душе Кассиана и приводили в сомнение осторожного старца, опасавшегося, как бы за принятие в монастырь опального князя самому не подвергнуться гневу Василия Темного. «Отче, - отвечал ему Андрей, - что напрасно смущаешься? Ничто не поколеблет моего намерения и не изменит моей решимости посвятить себя иноческой жизни. Не от других принимать услуги, а служить другим и нести крест свой по следам Господа желаю я».

Не напоминая игумену юный князь последнюю просьбу к нему своей матери, знал и чувствовал, что Кассиан в душе хранит эти слова, и они для него важнее всех сомнений. После многих откровенных душевных бесед облек он Андрея в иночество под именем Иоасафа, индийского царевича, ради служению Христа оставившего свое царство, ушедшего от брэнного мира ради собственного спасения. Будто гора тяжелая упала с плеч князя-инока, успокоилась душа, нашла

* Для сравнения: Василий Темный внес вклад в Троице-Сергиев монастырь в количестве 3,5 рублей, и это по тем временам считалось солидной суммой.

свое умиротворение. С радостью сердечной выполнял он свои иноческие послушания, истово молился, преклоняя голову лишь для краткого сна.

Но и в окруженный волнами островой монастырь время от времени долетали известия о продолжающейся кровавой расправе между Василием Темным и Дмитрием Шемякой. Войне, казалось, не будет конца, как вдруг в 1450 году в монастырь по пути в Москву нагрел юный сын Василия Васильевича, князь Иван, чтобы заказать торжественный молебен в честь разгрома отрядов Шемяки на реке Кокшеньге. Служил молебен сам Кассиан, а чернец Иоасаф, стоя почти в притворе церкви Спаса Преображения, смиренно наблюдал, как княжич празднует победу, как вдохновенно он, совсем еще юный, повторяет вслед за игуменом слова молитвы «Верую, Господи...»

Все это для Иоасафа была суета сует, но сколько крови пролили неразумные за эти два года, когда он принял постриг. На Сухоне, говорят, колами стояли в воде утопленники с камнями, привязанными за шею по приказу Шемяки. А Кокшеньгу, самую хлебородную область, от которой и монастырь кормился, сожгли дотла дружины великого князя, чтобы истребить крамолу Шемякину.

Княжича Ивана инок Иоасаф помнил еще шестилетним, когда служилась та памятная литургия, чуть не прерванная для Василия Темного известием о неожиданной челобитной ему воевод и бояр с просьбой вновь заступить на великое княжение. Слепой князь от такой привезенной новости, помнится, так крепко сжал руку своего малолетнего сына, что он даже тонко вскрикнул, с трудом выдернув ладонь.

С тех пор прошло недолгое время, но как разошлись судьбы двух князей - Ивана и Андрея! Один - наследник великого царства, другой - искатель царства духовного. Жалее ли Иоасаф об этом? Разве можно о духовной цели жалеть, к ней надо стремиться, и в этом теперь смысл его жизни. За два года в своей деревянной келье у са-

мой воды он столько передумал, столько прочитал святоотеческих писаний, столько, пребывая в посту, испытал моментов молитвенного восторга, когда плакал слезами радости и любви ко всем, кого любил и кого ненавидел, что он истинно уверовал в Бога, представляя весь свой жизненный путь только дорогой служения Ему. Разве такая счастливая и наполненная духовным трудом жизнь сравнится с погонями за людьми по кокшеньгским лесам с целью их убиения и ограбления?

Гонит эти воспоминания от себя инок Иоасаф, погруженный в сладость молитвы, в ее священные смыслы, в торжественные видения. Свидетель его подвигов сообщает: «Блаженный князь, как древо, напоился слезами умиления и, бодрствуя непрестанно в церкви, добрым своим произволением возбуждал общее удивление братии; радуясь, посреди лишений, имел он единую заботу - как бы угодить Богу. Пустынно и умирительно было место иноческого его подвига, волнами, как бы стенами, огражденное; сам он был, как птица, осоящаяся на гнезде своем, и псаломски говорил душе своей: «Се покой мой, zde вселюся».

Опытным старцам в монастыре молодой постриженник виделся цветком подснежником, выросшим не в княжеской оранжерее, а на суровой каменистой земле. Он был как птица, которая не улетела в теплые края, а осталась зимовать среди распахнутых для снега и мороза просторов.

Но душе его было тепло. В убогой келье, единственное окно которой выходило на родной заозерский берег, под стук дождя и вой вьюги он молил Господа о спасении и даровании этой прекрасной земле покоя и мира, благополучия и любви. Преподобный Иоасаф, уйдя из грешной жизни, отдал всю свою жизнь Богу, столь проникновенно и с такой самоотдачей в Него уверовал, к Нему тянулся, что еще при жизни заслужил уважение братии и окрестных богомольцев.

Время, в которое он жил, как раз и

требовало нравственного и духовного примера, образца для подражания. Вновь, как во времена татарщины, на Руси огрубелись и пали нравы, брат пошел на брата, дети отказывались от родителей, предательство и воровство стали обычными явлениями, корысть и безверие вошли в души современников. За четверть века межкняжеской войны страна пребывала в разрухе, ветшали города, нищенствовали селения. Небольшой, искренний и чистый светильник веры, загоревшийся на Каменном острове, явился спасительным и маяющим светом для многих и многих людей, разувверившихся во всем добром и справедливом, что поднимало с колен человека, делало его ближе к Богу. Преподобный Иоасаф стал молитвенником за пропадающие во мраке своего времени души, чаял их скорейшего преобразования.

И в ответ на мольбы и слезы его посетило замечательное видение, которое редко кому даже из праведников является в самых сокровенных молитвенных бдениях. «Телом принадлежа земле, а духом паря в небесах, подвижник еще на земле сподобился посещения Господа Иисуса, святое имя которого постоянно было на его устах, - рассказывал вологодский священник Иоанн Верюжский в своей книге «Исторические сказания о жизни святых, подвижавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местно чтимых» (Вологда, 1880). - Раз он пел псалмы в своей келье и вдруг услышал голос: «Мир тебе, возлюбленный угодник мой, Иоасаф!» Усомнился было сначала юноша, неожиданно услышавши это приветствие, но радостный трепет сердца подсказал ему, чей это голос и кто удостоивает его своей беседы. Со страхом и благоговением Иоасаф отвечал: «Се раб Твой, что судила о мне благодать Твоя, Владыко?» «Видишь ли, - сказал ему Господь, - все пространство этой пустыни около озера, сколько ее в длину и ширину? Тебя ради всю ее наполнил пустынноиками, славящими имя Мое». Так отметил Господь целомудренный подвиг инока Иоасафа, его чистое сердце и бескорыстную доброту. Вновь

пал он в ноги: «Господи, дай мне уразуметь, откуда придет все необходимое для подвижающихся в пустыне?» Господь отвечал: «Если обрету их хранящими заповеди Моя и не заботящимися ни о чем житейском, то Сам о всем для них промыслю». Третий вопрос решился задать Иоасаф: «Как избегнут они сетей вражьих и лютых искушений?» В ответ услышал Божественный голос: «Если со смирением и кротостью будут соблюдать Мои заповеди, не только сотворю их превыше лукавых наветов, но и наследниками вечных жилищ небесного царствия».

Эти Господни слова стали заповедями для насельников великой монашеской области окрест Кубенского озера, для всех, кто здесь проживал, живет и будет жить, а тот, кому они явились в видении, заслужил славу праведную и благодарность великую за истовое служение Спасителю.

*«Радуйся, светозарное солнце,
чудотворче Иоасафе, отче наш,
просвещающая покаянием озлобленных
зимую греховную, тех согревая
и обращающая и восставляющая, яко отец
чудодобивый!»*

*Радуйся, луна пресветлая, иже
ночь нашего неразумия отгоняеши,
смиреномудрым учителем учение!
Радуйся, звезда светлейшая,
денница восходная, своими труды
ясно возвещающая нам свет,*

будущего века пребывание!

*Радуйся, яко светоносная заря, иже
благодетельством верных просвещающая!*

*Радуйся, прелюбимая весно,
изряющая божественную нам
любовь, якоже прекрасная цветы
душевные доброты!..*

*Радуйся, источник преславный, паче
меда и сота черплющим от добраго
твоего исцеление неоскудно!..*

*Радуйся, истине проповедниче
и добродетелем наставниче!*

*Радуйся, милостыни учитель,
злонравию обличитель!*

*Радуйся, прекрасный крине,
любовным взором всех*

к Христу великий!..

*О, наш заступник и помощник
во всем!»*

Коротка оказалась жизнь святого

угодника Иоасафа в Спасо-Преображенском монастыре. Он скончался через пять лет после пострижения на руках плачущей братии. Монашеское уединение святого князя-инока оказалось ровно таким, каким была и его самая сокровенная молитва, ибо не могло духовное счастье в те времена длиться долго.

Жизнь, прожитая с молитву. Исчерпавшая всю свою видимую нами телесность и обратившаяся в молитву вечную в селениях праведных. Защитничек наш скорый, святой Иоасаф. Образ реальный, перешедший в образ идеальный. Таким он и остается в памяти пятьсот пятьдесят лет до наших дней.

Светоносный подвиг князя-инока Иоасафа волновал многие души и умы. Непорочный и таинственный, целомудренный и отринувший стяжание, уберегшийся от соблазнов и ставший на единственно праведный духовный путь, он осветил свое жестокое, смутное и подлое время, вернул ему наше уважение в надежде на просветление даже самых темных лет русской истории. Образ преподобного Иоасафа невозможно было приду-

мать или сочинить, так как он дан нам был для спасения и в другие крошечные времена.

Все окружение преподобного ныне почитается Русской Православной Церковью угодниками Божиими: его родители - святой благоверный князь Дмитрий Заозерский и святая благоверная княгиня Мария Заозерская, основатели монашеских обителей в Заозерье преподобные Дионисий Глушицкий и Александр Куштский. Воистину святое гнездо и святое семейство!*

В конце XIX века чудотворящие мощи бедного страдальца из Вологодского Духова монастыря крестным ходом вернулись во вновь отстроенный и открытый Спасо-Каменный монастырь. Крестьяне всех окрестных по побережью сел и деревень встречали святыню и провожали до места постоянного ей поклонения. Но недолго святым мощам предстояло здесь находиться. Мытарства и лишения, испытанные Андреем-Иоасафом при жизни, продолжались и после его кончины.

Очередной изгнаннический путь преподобного начался после закрытия монастыря при Советской власти. Кто-то из верующих прибрал ковчег с мощами, кто-то темной ночью

* В книге А.Е.Тараса «Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV-XVII вв.» (2006), написанной с нелюбовью (еще мягко говоря!) к «москвитам», утверждается: «Спустя 150 лет (в 1603 г.) новгородский митрополит Исидор объявил Шемяку святым. Он принял во внимание тот факт, что Москва в конце концов погубила Новгород, дважды (в 1477 и 1570 годах) подвергнув его полному разграблению. Отсюда канонизация Шемяки как «заступника» Новгорода от москвитов. Его мощи почитаются до сих пор». Если это и произошло (очень сомнительно), то волевое решение Исидора, не подкрепленное никакими решениями церковных Соборов, решавших вопросы канонизации, остается, как говорится, на его совести. К тому же до сих пор не совсем ясен другой вопрос, противоположный, - был ли предан Шемяка церковной анафеме, коей ему пригрозили иерархи Православной Церкви во главе с тогдашним митрополитом Ионой.

Попутно замечу, что молодой храбрец (однако и вероломный хитрец) Шемяка может кое у кого, действительно, вызвать симпатию. Идеальных людей ни тогда, ни сегодня нет и не предвидится. Но князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, последний романтический удельный князь, бравший власть «изгоном», то есть с молодецкого набега, с ходу, проводил объективно политику местничества, удельщины, тащившую и всю страну в прошлое, в историческую пропасть. Во время своих кратковременных захватов великокняжеской власти он подтверждал «независимость» Великого Новгорода, возвращал уделы местным князьям, чем настраивал против себя московское боярство и духовенство.

на лодке переправил их на берег, кто-то надежно их спрятал. Иначе так бы и развеялись по миру нетленные косточки преподобного Иоасафа, если бы не благочестивые местные христиане, которые спасли от поругания святые мощи. Их передавали из рук в руки, скрывали, бережно хранили. Они находились за иконами в красных углах, прятались в дедовских сундуках, таились в подвалах и погребах. Вологжане, понимающие, какую святиню они спасают, в большинстве своем остались безвестны. Такова христианская традиция: творящие добро совершают его безымянно и бескорыстно.

В 1950-х годах при владыке Гаврииле одна вологжанка, которая хранила ковчег с мощами, передала его епископу, и владыка положил их в алтарь Рождество-Богородицкого кафедрального собора под престол - самое надежное место. Протоиерей Кон-

стантин Васильев, настоятель храма, вспоминает, что при владыке Дамаскине в 1974 году для мощей преподобного Иоасафа была сделана специальная полочка в алтаре, а в 1989 году, после празднования тысячелетия Крещения Руси, владыка Михаил благословил соорудить для мощей раку и вынести их в храм для поклонения. Возле распятия рака и сейчас стоит. В праздник (отмечают память преподобного Иоасафа 21 сентября) мощи ставятся во время полиелея на середину храма.

Кто пойдет по паломнической дороге следом за нами, заверните у вологодского вокзала на мост через железнодорожные пути, спуститесь по лестнице к Рождество-Богородицкому кафедральному собору, зайдите в храм и поставьте свечу перед ракой князя-инока, помяните молитвенным словом светлый образ юного страдальца.



ФОТО В. НАГАЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

Андрей САЛЬНИКОВ.

Два июньских дня, которые вошли в историю. Заметки о посещениях Вологды Святейшим Патриархом Алексием II 2

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Бог в прятки не играет
Священник Александр Лебедев отвечает на вопросы о Боге, вере и Церкви 4

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Владимир ЛИЧУТИН.

Год девяносто третий... Взгляд из деревенского окна (третий опыт психоанализа). Окончание 14

ПРОЗА

Дмитрий ЕРМАКОВ.

Полгода 50

ВОЛОГДЕ И ВЕЛИКОМУ УСТЮГУ - 860 ЛЕТ

Фотовернисаж 67

Виктор БОРИСОВ.

За слова... (Неоконченная повесть от первого лица) 68

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Сергей БЕЛОВ. Галиция, Первая мировая 80

Дневник-воспоминания унтер-офицера Е.Х. Гусева 85

Татьяна АНДРЕЕВА.

Прощай, XX век! 176

ВОЛОГДА - БЕЛАРУСЬ

Иван АРХИПОВ.

«В горнице моей светло...» 120

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Наталья КОЛЧЕЕВА. Спасибо за память 125

ПОЭЗИЯ

Юрий МАКСИН.

Я из обманутой России... 126

Андрей ШИРОГЛАЗОВ.

...Мне достался не самый удачный век 129

Сергей БОГДАНОВ.

И слёзы впитала земля... 133

Василий СИТНИКОВ.

Это моя дорога... 135

Елена ВИНОГРАДОВА.

Я тишину люблю и лютик у забора... 140

ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ

Людмила ЯЦКЕВИЧ.

Новый с поля поэт... 142

Стихи Владимира Калачёва 149

100 ЛЕТ ВАРЛАМУ ШАЛАМОВУ

Римма РОЖИНА. Кольимские ангелы-спасители 154

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

Чтобы помнили... 161

НОВОЕ ИМЯ

Лидия СЫЧЕВА.

Тополь серебристый. Рассказы.. 162

ИСКУССТВО

Мария ГРИБАНОВА.

Параллельные миры. Творчество Александры Савина 171

Александр САВИН. Работы разных лет цветная вклейка

ЯЗЫК МОЙ...

Людмила ЗОРИНА.

Есть такой словарь! 190

Этикет по-вологодски, или Народные благопожелания в ситуации

сбивания масла 194

Евгения ВАРНИКОВА.

Погосты, Становища, Исады, Великие Дворы... 200

ВОЛОГДЕ И ВЕЛИКОМУ УСТЮГУ - 860 ЛЕТ

Фотовернисаж 206

Лидия КУЗЬМИНА.

Венок любви к родному краю ... 207

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ

«Среда» (Вологда) 212

ВОЛОГЖАНЕ - СРЕДИ ЛУЧШИХ

Василий Мишенев - лауреат конкурса «Золотое перо» 221

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ. По Северной дороге. Главы из книги 222

На 1-й - 4-й страницах обложки -
фотография Игоря АКСЕНОВСКОГО

ЛАД

Литературно-художественный журнал

ВОЛОГОДСКИЙ

2007, № 2

Выходит с июля 2006 года

Журнал зарегистрирован Беломорским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 20 января 2006 года ПИ № ФС 3-0228

Учредитель -
НП «Фест»

Главный редактор -
Андрей Сальников

Адрес издателя: НП «Фест»,
160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграф-периодика»,
160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес редакции: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.
Телефон 72-55-70, e-mail: salnikov@krassever.ru

Тираж 1 500. Объем 15 п.л. Формат 70х108/16. Печать офсетная.
Подписано в печать 13 июля 2007 г. Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 9 час. Заказ 581.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

Андрей САЛЬНИКОВ.

Два июньских дня, которые вошли в историю. Заметки о посещениях Вологды Святейшим Патриархом Алексием II 2

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Бог в прятки не играет
Священник Александр Лебедев отвечает на вопросы о Боге, вере и Церкви 4

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Владимир ЛИЧУТИН.

Год девяносто третий... Взгляд из деревенского окна (третий опыт психоанализа). Окончание 14

ПРОЗА

Дмитрий ЕРМАКОВ.

Полгода 50

ВОЛОГДЕ И ВЕЛИКОМУ УСТЮГУ - 860 ЛЕТ

Фотовернисаж 67

Виктор БОРИСОВ.

За слова... (Неоконченная повесть от первого лица) 68

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Сергей БЕЛОВ. Галиция, Первая мировая 80

Дневник-воспоминания унтер-офицера Е.Х. Гусева 85

Татьяна АНДРЕЕВА.

Прощай, XX век! 176

ВОЛОГДА - БЕЛАРУСЬ

Иван АРХИПОВ.

«В горнице моей светло...» 120

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Наталья КОЛЧЕЕВА. Спасибо за память 125

ПОЭЗИЯ

Юрий МАКСИН.

Я из обманутой России... 126

Андрей ШИРОГЛАЗОВ.

...Мне достался не самый удачный век 129

Сергей БОГДАНОВ.

И слёзы впитала земля... 133

Василий СИТНИКОВ.

Это моя дорога... 135

Елена ВИНОГРАДОВА.

Я тишину люблю и лютик у забора... 140

ПОЭТЫ НЕ УХОДЯТ

Людмила ЯЦКЕВИЧ.

Новый с поля поэт... 142

Стихи Владимира Калачёва 149

100 ЛЕТ ВАРЛАМУ ШАЛАМОВУ

Римма РОЖИНА. Кольимские ангелы-спасители 154

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

Чтобы помнили... 161

НОВОЕ ИМЯ

Лидия СЫЧЕВА.

Тополь серебристый. Рассказы.. 162

ИСКУССТВО

Мария ГРИБАНОВА.

Параллельные миры. Творчество Александра Савина 171

Александр САВИН. Работы разных лет **цветная вклейка**

ЯЗЫК МОЙ...

Людмила ЗОРИНА.

Есть такой словарь! 190

Этикет по-вологодски, или Народные благопожелания в ситуации

сбивания масла 194

Евгения ВАРНИКОВА.

Погосты, Становища, Исады, Великие Дворы... 200

ВОЛОГДЕ И ВЕЛИКОМУ УСТЮГУ - 860 ЛЕТ

Фотовернисаж 206

Лидия КУЗЬМИНА.

Венок любви к родному краю ... 207

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ

«Среда» (Вологда) 212

ВОЛОГЖАНЕ - СРЕДИ ЛУЧШИХ

Василий Мишенев - лауреат конкурса «Золотое перо» 221

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ. По Северной дороге. Главы из книги 222

На 1-й - 4-й страницах обложки - фотография Игоря АКСЕНОВСКОГО

ЛАД

Литературно-художественный журнал

Учредитель - НП «Фест»

ВОЛОГОДСКИЙ

2007, № 2

Главный редактор - Андрей Сальников

Выходит с июля 2006 года

Журнал зарегистрирован Беломорским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 20 января 2006 года ПИ № ФС 3-0228

Адрес издателя: НП «Фест», 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграф-периодика», 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес редакции: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3. Телефон 72-55-70, e-mail: salnikov@krassever.ru

Тираж 1 500. Объем 15 п.л. Формат 70х108/16. Печать офсетная. Подписано в печать 13 июля 2007 г. Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 9 час. Заказ 581.



Закат над Вологдой



В центре Великого Устюга



Великий Устюг. Набережная

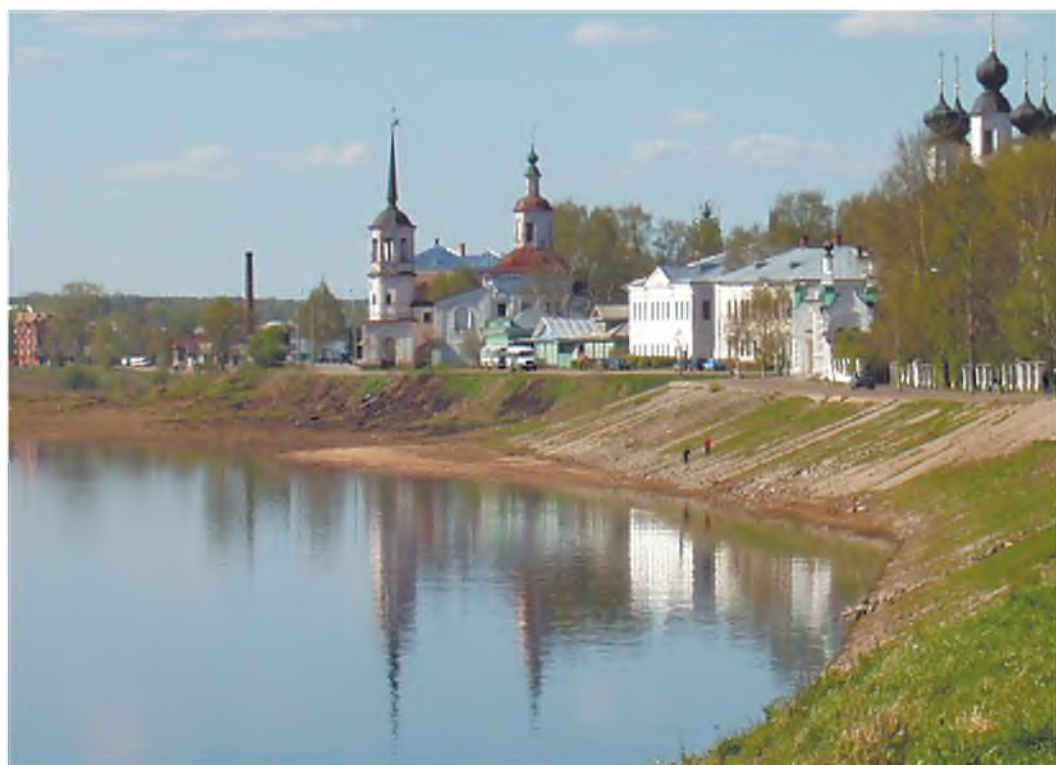


Вологда. Утро



Софийский собор

Памятник 800-летию Вологды
установлен в 1947 году



Великий Устюг - город белых колоколен

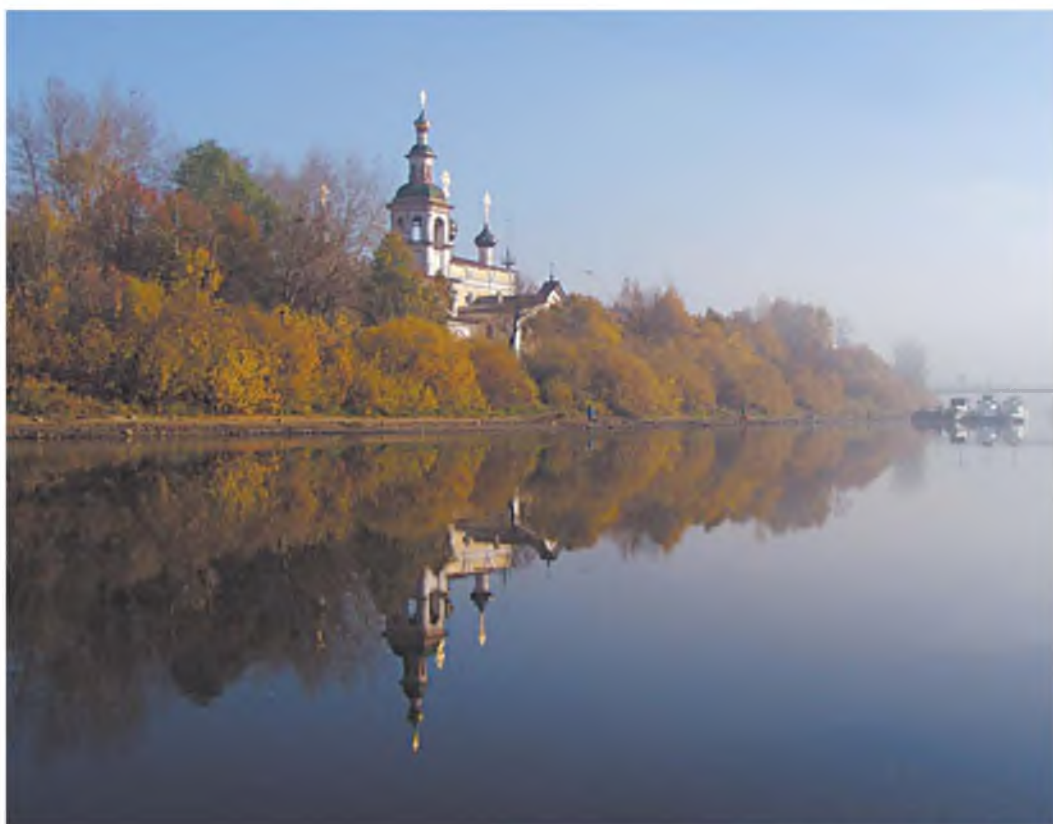


На Вологде-реке

Великий Устюг. Вид на Дымковскую слободу



ФОТО АРХИЕПИСКОПА МАКСИМИЛИАНА, АЛЕКСАНДРА ПОЛИЦИНСКОГО, ИГОРЯ АКСЕНОВСКОГО



Храм преподобного Димитрия Прилуцкого в Вологде



Великий Устюг красив в любое время года



